

ТАДЖИКИ

В ИСТОЧНИКАХ И ТРУДАХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Қазақстан Республикасының
Ғылым және Ғылым Академиясының
ТАДЖИКСТАН ҒЫЛМЕНИН ХАБАРЛАРЫ
Том 11, 2013 жыл, 1-квартал

ТАДЖИКИ

В ИСТОЧНИКАХ И ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ДУШАНБЕ
«ИСТЕЪДОД»
2013

ББК 66.4 (2 тадж.) + 66.49 + 66.5
Т - 32

**Составитель: Бобомуллоев Саидмурод,
доктор исторических наук**

**Редактор Пирумшоев Хайдаршо,
доктор исторических наук, профессор.**

Рецензенты

**Хамза Камол, доктор исторических наук.
Убайдуллоев Насрулло, кандидат исторических наук, доцент.**

**Таджики (в источниках и трудах исследователей)
Душанбе, «Истеъдод» - 2013, 280 стр.**

**Выражаем глубокую благодарность ООО «Кубро», за оказание
финансовой помощи при издании книги.**

Работа представляет собой наиболее полный свод важнейших источников зарубежных исследователей касающихся этнонима «таджик». Приводятся отрывки и цитаты из трудов зарубежных историков, востоковедов, географов, путешественников, литераторов и др., в которых встречается слово «таджик» как этническое самоназвание. Собраны сведения касающиеся таджиков как народ, их ареале расселения, стране, государстве, жизненном укладе, духовной и материальной культуры, системе общественного и государственного строя.

Книга рассчитана для всех, кто интересуется проблемами этногенеза, истории, культуры, традиции и быта таджикского народа.

ISBN 978 - 99947 - 0 - 869 - 7

© Бобомуллоев С., 2013

ТАДЖИКИ В СВЕДЕНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Одним из важнейших способов воспитания национального самосознания молодого поколения, является ознакомление его с взглядами, или точнее, оценками представителей других народов на историю, традиции своего народа. В этом плане трудно переоценить значимость, как в научном, так и в познавательном смысле, подготовленного ученым – историографом Саидмуродом Бобомуллоевым, сборника «Таджики в источниках и трудах исследователей».

Сборник начинается с приведением сведений китайских и армянских древних историков, географов и путешественников о таджиках. Большой интерес представляют отрывки из древних исторических письменных памятников «Истории Армении» Агатангелоса «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, относящихся к V веку н. э., сочинения епископа Себеоса «История императора Иракла» (VII в. н.э.), армянского историка VIII века Гевона «История халифов» и повествования историка XI в. Аристакеса Ластиверци, в которых указывается на страну таджиков и приводятся ряд важных сведений, дающих возможность в целом получить какие-то представления о таджиках тех сравнительно отдаленных периодов.

За ним следуют сведения, имеющиеся в древних тибетских источниках. Хотя в них такое понятие как таджики не встречаются, но в разном варианте можно встретить Иран. Встречается Согдиана. Согласно тибетских религиозных сказаний, еще в древности (18 000 лет назад), говоря о рождении Великого Человека Шена, упоминается страна называемая Тагдзик. Это хотя и несколько косвенно, но все же указывает существование того пространства, в котором проживали таджики.

Из средневековых авторов, довольно четко о таджиках писал Юсуф Баласагунский (род. 1016 г), в частности в своей книге «Благодатное знание» указывая на тягу этого народа к знанию он пишет «Книг у арабов, таджиков немало».

Составитель уместно приводит сведения о таджиках имеющиеся в работе немецкого географа, одного из основоположников современной научной географии Карла Риттера (1779-1859) «Иран». Как бы в противовес своим ранее изложенным суждениям, он писал: «Именем татов, таджиков, тадшиков, таджеков обозначают по всей иранской выси главную массу земледельческого населения».

В сборнике приведены мнения известного русского востоковеда Н.В.Ханыкова (1822-1878) о таджиках. Они вызывают большой интерес в составлении общей характерной черты таджиков середины XIX в. При этом Н.В.Ханыков опирается

на многочисленные сведения предыдущих авторов, которые в той или иной степени характеризовали отличительные антропологические и этнографические особенности таджиков. Несмотря на некоторую противоречивость в высказываниях цитируемых им авторов, все же нетрудно выделить в его сопоставительных суждениях природное интеллектуальное превосходство таджиков, а также их определяющее место в истории и культурной жизни народов региона.

Составитель приводит почти весь текст книги А.Д.Гребенкина «Таджики». Книга интересна тем, что является результатом долгого и пристального изучения жизни и быта таджиков Зеравшанского округа этим известным ученым ориенталистом. Автор как тонкий знаток местных традиций сравнительно подробно описывает сложившиеся веками характерные особенности таджиков, их тяга к образованию, культуре, земледельческому труду, торговле, ремеслу и другим сферам хозяйственной деятельности, которые исторически традиционны для этого коренного оседлого населения среднеазиатского региона. Разумеется, А.Д. Гребенкин не мог не заметить и отдельные на его взгляд недостатки таджиков, главным образом проявления примиренчески-терпимого отношения к представителям власти, духовенства, притеснений со стороны кочевых тюркских племен и т.д. Вместе с тем он, как и многие другие авторы причастные к истории, культуре и сложившимся бытовым традициям таджиков, не мог не заметить в этих пороках результат многовекового насильственного насаждения политической власти чуждых для них тюрко-монгольских династических правителей.

Приводятся описательные характеристики представителей русской ориенталистики и других направлений науки, посетивших Среднюю Азию после присоединения края к России. Независимо от политики царизма в регионе, исходившей из их колониальных намерений, выпукло вырисовываются и положительные, прогрессивные последствия данного события. Среди многочисленных его показателей, о которых довольно убедительно писали как русские, так и советские исследователи, в той или иной мере причастные к изучению истории Средней Азии второй половины XIX – начале XX вв., особое место занимает втягивание региона в общую научную орбиту метрополии.

Хотя отечественная историография знает множество ярких имен историков средневекового и нового периодов, последовательно отражающих основные события, связанные с определяющим местом и ролью таджиков в региональной истории, тем не менее, в силу обстоятельства и религиозного воззрения они не могли выходить за рамки провиденциализма в понятии исторических событий. Не случайно, если для Европы и России перерастание исторических знаний в науку завершается в XVIII в., то этот процесс в таджикской историографии завершается в конце XIX – начале XX вв. Не исключая в данном процессе роль Ахмада Дониша, его последователей, в том числе и Садриддина Айни, все же нельзя игнорировать такую истину, что именно русские исследователи стояли у истоков подлинно научного изучения истории и культуры таджикского народа. В этом плане приведенные С. Бобомуллоевым в данном хрестоматийном сборнике фрагменты из работ русских исследователей касательно таджиков, крайне важны как для специалистов, так и для широкой аудитории читателей, в том числе и зарубежных, интересующихся историей народов Центральной Азии в целом, таджикского народа в особенности. Такой подход особенно востребован в наше время, когда назрела необходимость фундаментального исследования истории этногенеза таджикского народа.

В данном сборнике приведены сведения о таджиках имеющихся в работах известных русских ориенталистов А. Хорошхина «Таджики», Л.Н. Соболева «Таджики», И. Минаева «Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи», Ф.Миддендорфа «Очерки Ферганской долины», В.И.Кушеловского «Таджики», С. Масловского «Гальча», А.А.Семенова «Горные таджики», А.Шишова «Таджики», В.И. Масальского «Таджики», Кузнецова П. «О таджиках Ташкентского уезда» и «О таджиках Наманганского уезда», М.С. Андреева «По этнографии таджиков», В.В. Бартольда «Таджики», а так же из работ более поздних исследователей Л.Н. Гумилева А. Кадырбаева и др.

Заслуга составителя, безусловно, состоит в том, что он впервые в нашей историографии попытался собрать воедино высказывания широкого круга историков, путешественников и представителей других направлений знания, о таджиках и представить их мнения широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой таджикского народа.

Это важно особенно в наше время, когда в регионе идет непрекращающаяся историческая экспансия со стороны ряда псевдоисториков из соседних республик, которые желают всячески принизить ведущую роль таджикского народа в региональной цивилизации. Исходя из этих соображений, составитель определяет следующий круг задач данного сборника:

1. Еще раз показать этим апологетам, что заслуга определить ведущую роль древних аборигенов Центральной Азии – таджиков в истории и культуре региона, вовсе не принадлежит таджикским ученым. У истоков данного, бесспорно объективного взгляда на историю народов среднеазиатского региона задолго до сложения подлинного научного подхода к данной проблеме в нашей отечественной историографии, стояли вполне компетентные, общепризнанные в мировом масштабе историки, путешественники, этнографы и другие знатоки истории и культуры Востока в целом, Средней Азии в особенности. На фоне довольно обстоятельно аргументированные заключения, приведенные в сборнике авторами, вынести какие-то легковесные, беспочвенные и заведомо ложные «доказательства» о причастности, а еще больше, о «ведущей роли» бывших кочевников, которые по воле судьбы и истории оказались на просторах Средней Азии в последующие периоды, в создании исторических и культурных ценностей, является, по меньшей мере, абсурдным.

2. Использовать соответствующие сведения и выводы в изучении процесса сложения таджикского народа. В настоящее время, когда независимый Таджикистан твердо и бесповоротно встал на путь строительства подлинно демократического и правового общества, как никогда встает вопрос о необходимости фундаментального исследования истории этногенеза таджикского народа. Исходя из этого, само обстоятельство диктует необходимость еще раз вернуться к последовательному, обстоятельному изучению мнения авторитетных, древних, средневековых авторов и ученых нового времени о таджиках, как о народе, сыгравшем ведущую роль в региональной цивилизации.

3. Заострить внимание отечественных историков, что при разработке тех или иных проблем отечественной историографии (особенно это касается древней и средневековой истории), наряду с археологическими и письменными источниками следует опереться на сведения вышеприведенных авторов. Несмотря на проявления ряда противоречивости в их суждениях при сравнительном анализе, в целом, они

раскрывают не только этногенетические особенности таджикского народа, но и его определяющее место в региональной цивилизации.

4. Показать значимость этих сведений в воспитании национального самосознания. Известно, что как в ходе трагических событий 90-х годов прошлого века так и ныне в созидательной атмосфере начала нового столетия, выпукло ощущается необходимость целеустремленного воспитания национального самосознания в обществе. А это в свою очередь требует углубленного изучения исторических корней и того сложного этногенетического процесса, который привел к сложению таджикского народа. Более того, следует на убедительных примерах раскрыть драматические периоды, чуждые им династические правления, когда, таджики могли сохранить ведущую роль в созидательном труде и сохранить свои исторически сложившиеся культурные традиции.

5. Исходить из необходимости использования материала данного сборника в исследовании отдельных проблем древней и средневековой истории региона в целом, таджикского народа в особенности, написания учебников, пособий, ведение спецкурсов для студентов исторических факультетов вузов республики.

Вышесказанное приводит к выводу о том, что выход в свет настоящего сборника существенно пополнит информационное поле как для специалистов, так и широкого круга читателей, интересующихся историей таджикского народа. Еще важнее, ознакомить их с мнениями древних информаторов и ведущих исследователей востоковедов касательно определяющей роли этого народа в истории и культуры Востока в целом и среднеазиатского региона в особенности.

*Хайдаршо Пирумиоев,
доктор исторических наук,
профессор*

КИТАЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ТАДЖИКАХ¹

Аньси лежит за несколько тысяч ли от Большого Юечжи на запад. Там ведут оседлую жизнь и занимаются земледелием; сеют рис и пшеницу, делают вино из винограда. Города такие же, как в Давани. Аньси имеет несколько сот больших и малых городов; занимает несколько тысяч ли пространства, и считается величайшим государством. По реке Гуй-шуй живут торговцы и купцы, которые и сухим путем и водою развозят свои товары по соседним владениям даже за несколько тысяч ли. Имеют серебряную монету с изображением на ней лица государева; по смерти государя отливают монету с лицом нового государя. Записки пишут на пергаменте поперечными строками. От Аньси на запад лежит Тяочжи, на север Яньцай и Лигань. Тяочжи лежит за несколько тысяч ли от Аньси на запад, близ западного моря. Климат жаркий, почва влажная; занимаются земледелием; сеют рис. Там находятся птичьи яйца величиною с кадочку. Народонаселение весьма велико. Много небольших владетелей, которые хотя зависят от Аньси, но считаются иностранными владетелями. Жители искусны в фокусничестве. Аньсиские старики сказывают, что в Тяочжи есть мертвая вода и Си-ван-му, но никогда не видали их.²

Угэшаньлиский владетель имеет пребывание от Чан-ань за 12.200 ли. Он не зависит от наместника, а по числу народа и строевого войска считается сильным государем. На северо-восток до местопребывания наместника 60 дней пути. Сие владение на востоке смежно с Гибинью, на севере с Бутао, на западе с Лиганию, и Тяочжи. Тяочжиская столица отстоит на сто дней пути и лежит близ западного моря. По теплоте климата и влажности почвы сеют сарацинское пшено. Здесь находятся яйца большой птицы, величиною с кружку. Народонаселение чрезвычайное. Много мелких владетелей. Тяочжи в зависимости от Аньси, и владетель считается заграничным вассалом. Жители искусны в фокусничестве. От Тяочжи на запад через сто дней водяного пути лежит место захождения солнечного. Угэшаньлиская страна жаркая и ровная. Растения и деревья, скот, роды хлебов, плоды, огородный овощ, пища и питье, здания, рынки, монета, оружие и драгоценности такие же, как в Гибини; сверх сего здесь находится таоба, львы и носороги. Жители имеют отвращение от кровопролития. Монета их имеет на лицевой стороне голову человеческую, на другой -- оседланную лошадь. Оружие украшают золотом и серебром. Китайские посланники по причине отдаленности редко доходили туда. Здесь конец южной дороги, которою из Юй-мынь-гуань и Ян-гуань ходят через Шаньшань до Угэшаньли. Отселе, поворотив на север, а потом на восток, придешь в Аньси.³

Аньси. Правление аньсиского владетеля в городе Паньду, от Чан-ань в 11.600 ли. Он не зависит от наместника. Аньси на севере граничит с Кангюем, на востоке

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Москва-Ленинград. Т. II. 1950, с. 151-152.

2. Там же. с. 151-152.

3. Там же. с. 182.

с Угэшаньли, на западе с Тяочжи. Почва, климат, вещи и обыкновения народные одинаковы с угэшаньлискими и гибиньскими. Монету употребляют серебряную, на лицевой стороне с изображением лица государева, на задней -- лица супруги его. По смерти государя переливают монету. Здесь водятся страусы. Аньси имеет в своем владении около ста больших и малых городов, занимает обширное пространство земель и считается величайшим государством. Лежит по реке Гуйшуй. Купцы производят торговлю с соседними государствами и сухим и водяным путем. Пишут на пергаменте; поперечные строки составляют их письмо. Вуди первый отправил посольство в Аньси. Владелец приказал военачальникам с 20.000 конницы встретить посольство на восточной границе, а от восточной границы до местопребывания владельца еще несколько тысяч ли. Надобно до нее проехать сряду несколько десятков городов. Народонаселение почти сплошное. После сего владелец отправил с китайским посольством и своего посланника посмотреть Китай. Он послал китайскому Двору яйца большой птицы и лиганьских фокусников. Сын Неба весьма был доволен. От Аньси на восток лежит Большой Юечжи.¹

Тяочжи, Аньси и другие государства до самого моря за 40.000 ли прислали с переводчиками дары Двору. В 9 лето, 97, Гань Ин, посланный от Бань Чао на запад, доходил до западного моря и возвратился.²

Дэжо. Дэжоское владение имеет около 100 семейств, 670 душ; строевого войска 350 человек. На восток до местопребывания правителя 3.530, до Лоян 12.150 ли. Земли смежны с цыхэскими, да и обыкновения одинаковы. Из Пишина на юго-запад чрез Учжя, Висячий переходит Гибинь шестьдесят дней пути до владения Угэшаньли. Последнее владение простирается на несколько тысяч ли, и в это время переименовалось Пайчи. Далее на юго-запад через сто дней конной езды лежит Тяочжи.³

Тяочжи. Тяочжиская резиденция стоит на горе, в окружности содержит около 40 ли; лежит близ западного моря, окружающего ее с трех сторон: с юга, севера и востока, и только с северо-запада лежит сухопутная дорога к нему. Климат жаркий, почва влажная. Водятся львы, носороги, зубры, павлины, страусы, яйца коих величиною с кружку. Отселе на север, а потом на восток еще чрез 60 дней конного пути лежит владение Аньси, которое впоследствии покорило Тяочжи и поставило главного военачальника для управления малыми городами.⁴

В истории Старшего Дома Хань сказано: от Тяочжи на запад чрез 200 дней пути, недалеко солнце заходит, что с настоящим повествованием не сходствует. Прежние китайские посланники доходили только до Угэ, и возвращались; но до Тяочжи ни один не доходил. Еще сказывают, что из Аньси сухим путем можно обойти море северною его стороною, и проникнуть в Дацинь по западную сторону моря. 32 Народонаселение сплошное. Чрез каждые 10 ли караульный пост, через каждые 30 ли почтовый ям. По дороге нет ни воровства, ни разбоев, но много лютых тигров и львов, которые вредят путешественникам, так что без ста человек вооруженных можно стать добычею зверей. Еще сказывают, что есть мост во сто ли, по которому

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Москва-Ленинград. Т. II. 1950. с. 182-183.

2. Там же. с. 217.

3. Там же. с. 224.

4. Там же. с. 224.

можно перейти через море на северную сторону. О редких произведениях и чудесных вещах в других государствах говорят много невероятного; и потому не вносим в исторические записки.¹

Босы. Босыский владетель имеет пребывание в городе Сули, от Ньюми на западе. Это есть древнее государство Тяочжи; лежит от Дай в 24.228 ли. Резиденция в окружности содержит 10 ли, жителей более 100.000 семейств. Река проходит через город с севера на юг. Положение земель ровное. Находится золото, чистейшая самородная медь, красный коралл, янтарь, полупрозрачные камни кремнистой породы, крупный жемчуг, стекло, цветные стекла, горный хрусталь, чистейший хрусталь, алмазы, сталь, медь, олово, киноварь, ртуть, разные шелковые и шерстяные ткани, красные сафьяны, разные благовония и множество других вещей. Климат жаркий. В каждом доме держат лед. Много песчаных степей. Для орошения полей с посевами проводят воду. Звери и птицы почти те же, какие находятся в Среднем государстве; только нет риса и проса. В Босы есть славные лошади, крупные ослы и верблюды, которые в один день могут пробегать до 700 ли. Богатые дома содержат их по несколько тысяч голов. Еще водятся там львы и белые слоны; есть яйца большой птицы. Есть птица, имеющая подобие верблюда; снабжена двумя крыльями, но не может высоко взлетать, питается растениями и мясом; даже может проглатывать людей. Босыскому владетелю прозвание Во, имя Сы. Сидит на золотом престоле, представляющем барана; носит золотой венец; одевается в парчевый кафтан, вытканый в подобие епанчи, унизанный жемчугом и дорогими вещами. Мужчины стригут волосы, носят шляпу белой кожи, рубашку, надеваемую с головы. Женщины носят длинные рубашки и большие епанчи на-распашку; волосы у них наперед собраны в пучок и убраны золотыми и серебряными цветами; впрочем, спускают их на плечи в нитях из разноцветных шариков. Владетель кроме главного дворца имеет еще около десятка небольших дворцов в других местах подобно загородным дворцам в Среднем государстве. Ежегодно в четвертой луне он предпринимает путешествие по внешним дворцам, а в конце десятой луны возвращается. Владетель по вступлении на престол, избирает из своих сыновей способного, в тайне записывает имя его и запечатывает, о чем ни сыновья его, ни вельможи не знают. По смерти его распечатывают письмо в общем собрании чинов, и тот, чье имя откроется в нем, вступает на престол а его братья высылаются к должностям по границе и более никогда между собою не видятся. Подданные называют владетеля Ицзянь, а супругу его Фанбу, сыновей их Шае. Из государственных чинов Мохутань заведывает судными делами в государстве, Нихухань заведывает казнохранилищами и раздачею заветных земель, Цзао управляет письменною частью и всеми делами; далее, Гэлохади заведывает делами во дворце; Сюобобу управляет всеми войсками в государстве. Каждый из них имеет подведомственных чиновников, на которых по частям возложено исправление дел. Оружие состоит из лат, копьев, круглых щитов, сабель, самострелов, луков с стрелами; сражаются на слонах, из коих за каждым следуют по сту человек. По уголовным законам за важные преступления вешают на жердях и умерщвляют из лука стрелами; за менее важные вины сажают в заточение, и освобождают по вступлении нового государя на престол. За легкие вины отрезают нос, отрубают

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Москва-Ленинград. Т. II. 1950. с. 227.

ноги, обривают голову, или остригают полбороды, и на шею вешают табличку, чтоб стыдить. Разбойников и воров наказывают пожизненным заточением. Прелюбодеяние с женою дворянина наказывается ссылкой мужчины и отрезанием ушей и носа у женщины. Подать собирается серебряною монетою по количеству земли. Поклоняются духу огня и духу неба. Письмо отлично от тюркского. Жен более берут из родных сестр. Что касается до браков, вообще не наблюдают различия между благородными и простыми сословиями. Жители в Босы суть развратнейшие из всех иностранцев. Красивую девочку в народе, перешедшую за десять лет, владетель берет во дворец и раздает их людям, отличившимся заслугами. Умерших более бросают в горах, а траур носят один месяц. Вне резиденции есть сословие людей отдельно живущих. Они, занимаются погребением умерших и считаются нечистыми. Если они идут на городской рынок, то дают знать о себе, потрясая бубенчиками. Новый год начинают с шестой луны. Особенно чтут седьмой день седьмой луны и первый день двенадцатой луны. В эти дни просят гостей к себе, угощают их при музыке, и чрезвычайно веселятся. Ежегодно во 2-й день первой луны приносят жертвы своим предкам. В середине правления Шеньгуй, 518-519, владетель отправил к (Северному) Двору посланника с дарами и грамотою, и посланник был очень хорошо принят. Во второе лето правления государя Гун-ди [554-556, династии Западного Вэй], 555, владетель еще прислал посланника с местными произведениями, а в грамоте писал: "Сын Неба великого царства, рожденный Небом! Желая, чтоб ты всегда обитал на месте солнечного восхождения, и босыский владетель вечно будет с глубочайшим благоговением поклоняться тебе". Двор с удовольствием принял это, и с сего времени всегда приезжали к Двору с дарами. При династии Суй государь Ян-ди отправил в Босы придворного сановника Ли И посланником, с которым из Босы прибыло посольство с местными произведениями.¹

Аньси. Государство Аньси находится от Луковых гор на западе; резиденция в городе Юйву. Лежит от Большого Юечжы на юго-запад, от Дай в 21.500 ли. На севере граничит с Кангюем, на западе смежно с Босы. При северной династии Чжеу, во второе лето правления Тьхянь-хо, 567, тамошний владетель прислал (Северному) Двору посольство с дарами.

Тяочжи. Государство Тяочжи лежит от Аньси на западе, от Дай в 29.400 ли.²

Дацинь. Государство Дацинь иначе называется Лигань. Резиденция в городе Аньду, лежит за 10.000 ли от Тяочжи на запад за морем, от Дай в 39.400 ли. Море вдалось в материк подобно заливу Бо-хай и по географическому положению находится на востоке против помянутого залива. Сие государство лежит между двумя морями; имеет 6.000 ли пространства. Народонаселение чрезвычайно велико. Резиденция владетелева разделяется на пять городов; каждый город в поперечнике имеет пять ли, а вся окружность резиденции содержит 60 ли. Владетель живет в среднем городе. В городе восемь высших чиновников, которые управляют четырьмя странами; в среднем городе также восемь высших чиновников, которые порознь управляют четырьмя городами, т.е. частями города. Если встретится какое-либо важное дело при Дворе или затруднительное дело в городе, то чиновники четырех городов собираются в совет, и владетель, лично выслушав их, потом производит

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Москва-Ленинград. Т. II. 1950. с. 261.

2. Там же. с. 265.

распоряжение к исполнению. В три года единожды он предпринимает путешествие для обозрения народного состояния. Если кто приносит ему жалобу на неправый суд странона начальников, то за малые вины делает им выговоры, а за большие отрешает от должностей, а на их места приказывает представить способных. Жители стройны и рослы. Их одеяние, колесницы, знамена сходны с китайскими; почему иностранцы называют его владения Да-цинъ [по примеру династии Цинь, 22 - 06 гг. до н.э.]. Почва земли способна к произрастанию всякого хлеба, шелковичных дерев и конопли. Жители прилежат к шелководству и земледелию. В изобилии находится лучший звонкий камень и мрамор; есть большие черепахи, белые лошади, блестящий жемчуг, ночью светящийся камень. На юго-востоке есть сообщение с Тъхяо-чжы [Тяочжи]. Есть водяной путь, которым имеют сообщение с китайскими областями И-чжеу и Юн-чан; много редкостей. С западных пределов Аньси, следуя по направлению моря 70 также можно пройти в Дацинь. Путь простирается до 10.000 ли. Солнце, луна и прочие небесные светила в Дацини имеют тот же вид, в каком они кажутся в Срединном государстве. Прежние историки писали, что через сто ли от Тяочжи на запад солнце заходит. Далеко ошиблись.¹

Босы. Босыский Двор имеет пребывание на западной стороне реки Дагэ в городе Сулинь. Это есть древняя тяочжиская земля. Владетель прозывается Кусахо. Резиденция имеет около десяти ли окружности. Войска 20.000 человек. Сражаются сидя на слонах. Смертной казни нет. Отрывают руку или отсекают ногу; описывают имущество в казну, или обрывают бороду, или для пристыжения надевают веревку на шею. Каждый, имеющий выше двух лет, платит четыре монеты подушного. Женятся на своих сестрах. По смерти человека, относят труп его в горы. Траур носят один месяц. Владетель носит на голове золотой венец, на бороде для украшения золотую цепь. Сидит на золотом престоле, представляющем льва; одевается в парчевой кафтан, а сверху цепь из дорогих камней. В сей стране много превосходных лошадей, рослых ослов, львов, белых слонов, страусовых яиц, жемчугу, стекла, красных кораллов, цветного стекла, агатов, горного хрусталя, белого жемчугу, хуло, баранов, люйтынхоци, алмазов, золота, серебра, чистой самородной меди, лучшего железа, олова, цветных ковров, половых ковров, разных тканей, красношерстных кабарожьих кож, киновари, ртути, разных благовоний и множество других вещей. Тукюесцы не могли дойти и покорить сие владение. Владетель часто отправлял к китайскому Двору посольства с дарами. От столицы на запад до моря считается несколько сот ли, на восток до Му около 4.000, на северо-запад до Фолини 4.500, на восток до Гуа-чжеу 11.700 ли. Ян-ди [605 - 616] отправил в Босы посольство, с которым прибыло оттуда в Китай посольство с местными произведениями.²

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Москва-Ленинград, Т. II, 1950, с. 265-266.

2. Там же. с. 288.

АРМЯНСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ТАДЖИКАХ

АГАТАНГЕЛОС «ИСТОРИЯ АРМЕНИИ»¹

Он [Хосрав] собрал огромное войско, составил полки и созвал ту же и даже большую, чем прежде, армию. И стал совершать набеги в сторону Асорестана, тем более, что и войска тачиков помогали и, разоряя всю страну, каждый, [овеянный] славой храбрости, возвращался к себе. Так в течение одиннадцати лет, постоянно разоряя, они опустошали все те пределы страны, которая находилась под господством и под властью персов. (С. 15)

Немало битв он (Трдат) провел в краях Тачикских, там, за Евфратом, где однажды вышел с поля битвы с тяжело раненным конем. При оружии, взвалив себе на спину коня, он вплавь пересек реку Евфрат. И вот, будучи столь могуч и крепок, он по воле Божьей был побежден какой-то девой. (С. 55)

Сердце мое с ней (Рипсимэ), и я ее никогда не забуду, пока я, царь Трдат, жив. Я хорошо знаю страны греков и римлян и наш парфянский край, ибо это наша исконная родина, а также Асорестан, Тачкастан и Атрпатакан. (С. 55)

МОВСЕС ХОРЕНАЦИ «История Армении»²

Воцарился Кар вместе с сыновьями Карином и Нумерианом³. Собрав войско, он дал сражение Арташиру и, победив его, вернулся в Рим. Поэтому Арташир, призвав на помощь многие народы и обратив в свою опору пустыню Тачкастана⁴, вновь дал два сражения — на этой и на той стороне Евфрата, после чего Кар был убит в Риноне⁵. То же случилось с Карином, который двинулся на Корнака⁶ в пустыню, а с ним был и Трдат, — и погиб вместе с войском, остатки которого обратились в бегство. (С. 140)

«История императора Иракла»⁷

Тогда Аршак воцарил Аршака Младшего, сына своего, над Армениею, в городе Мцбине; подчинил ему Аруастан на пределах Таджиков и Сирии и Кападокию при

1. Агатагелоса «История Армении» Пер. с древнеарм., вступ. статья и комментарий К. С. Тер-Давтян и С. С. Аревшатяна. Ер, Наири, 2004. «История Армении» Агатагелоса - древнейший памятник армянской историографии, созданный в первой половине V века.
2. Мовсес Хоренаци. «История Армении». Пер. с древнеарм. языка, примечания Г. Саркисяна; Ред. С. Аревшатян.— Ер.: Айастан, 1990. Моисей Хоренаци родился ок. 410 и умер в 490 гг., крупнейший армянский средневековый историк.
3. Кар, Карин и Нумериан — римские императоры, правившие соответственно, в 282—283, 283—285 и 283—284 гг.
4. Пустыня Тачкастана — тачиками и Тачкастаном в армянской раннесредневековой литературе назывались арабы и их родина.
5. Император Кар был убит в 283 г. близ столицы Ирака Ктесифона
6. Корнак — согласно данным армянского историка VII в. Себеоса, полководец, победивший императоров Кара и Карина.
7. История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века. Санкт-Петербург. 1862.

Киликии, до берегов великого западного моря; к северу до великой горы Кавказа, который простирается на восток, и идет по границе укрепленной страны Маров, достигает до горы Зараспа, и проходит по стране Нор-Ширак..(С.11)

Так как Хозрой при воцарении своем был еще отроком, то дяди его Вндо и Встам взяли его с собой, перешли великую реку Дглат по мосту, и перерезали канаты мостов. Прибыл Вахрам (в Ктезифон), завладел всем домом, сокровищами и женами царскими, и сел на престол царский. Он приказал связать деревянные плоты, и перешел реку, чтобы схватить Хозроя; но тот от страха не мог остаться на месте. Они пустились в бегство, и на пути рассуждали, что лучше: идти к царю Таджиков или к государю греческому. Наконец почли за лучшее положиться на греческого царя, «ибо, говорили они, хотя существует между нами вражда, но все же они христиане и милостивы, и поклявшись раз, не изменяют клятве». Пройдя на запад по прямому пути, они достигли города Халаба, где и остановились.(С.25)

Открыв ворота города, они вышли к нему на встречу. Тогда он приказал им удалиться и успокоиться в своих жилищах. Они ушли и направили путь свой по пустыни в Тачкастан к сынам Исмаиля, и звали их к себе на помощь, доказывая им из св. писания свою единоплеменность. Хотя те верили в близкое родство их, но не могли убедить всей толпы потому, что богослужения их разнились друг от друга. (С.102)

Все это мы слышали от мужей, уведенных в плен Таджиками. Они, как очевидцы, сами рассказали нам все это.(С.106)

Пошел на них Исмаил войной — чтоб истребить их совершенно. Но в то время, как они выступили в путь, обнял их холод и снег зимний, почему они поспешно отправились в Ассирию, не сотворив злодеяний в Армении. В это время князья армянские из участков греческих и таджикских — Амазасп и Мушег с другими князьями сошлись в одном месте и заключили между собою союз, чтоб не было между Господь с неба порывом страшного ветра; поднялся ветер — вихрь сильный.

Таджики между тем устремились на Греков воевавших с крепостью Нахчавана, поразили их; одних истребили мечом, а других обратили в бегство. Бегством спасся Мавриан и бросился в Иверию. Войско исмаильское воротилось от преследования, осадило город Карин и билось с ним.(С.131)

Католикос Нерсес поехал с императором, как я выше упомянул, и отправился с ним в Константинополь. Его приняли там с почестью, дали ему имущество и отпустили на родину. На возвратном пути, он остановился в стране тайской и жил там до смерти (Теодороса) главы Рштуниев и до прекращения набегов Таджиков. По прошествии шестилетних гонений католикос воротился на свое место, утвердился на престоле своем и спешил привести к окончанию построение церкви, которую он основал на площади города Вагаршапата.(С.131)

Те, которые подлежали переписи атрпатаканской, с тех пор, как прекратилось существование персидского государства и властвовало исмаильское, все те соединились с Армянами. Они захватили Мушега и всех князей, бывших с ним. Царь приказал отпустить всех князей, которых схватили, но Мушега призвал к себе. Послал Бог смуты в лагеря сынов Исмаиля; разодралось единодушие их; они восстали друг на друга и разделились на 4 части. Одна часть — в стране индийской; другая та, которая, владела Ассириею и севером; третья в странах египетских и тетальских; четвертая — в стране Таджиков, в месте, называемом Аскарон. (С. 133)

Стали воевать друг с другом и истреблять друг друга страшной резней. Те, которые были в странах Таджиков и Египте, убили царя своего, разграбили

огромную казну его и посадили другого государя, а сами отправились восвояси. Моавия князь тех, которые были в Сирии, бывший вторым в царстве, видя происходившее, уговорил войска свои, пошел в пустыню, и убил того самого царя, которого те посадили. Он дал сражение войскам бывшим в стране Таджиков, и нанес им страшное поражение. (С. 133)

ГЕВОНД ИСТОРИЯ ХАЛИФОВ¹

Когда до Армян дошло известие, что хищники погнались за ними, то они перешли Аракс, и расположились лагерем в селе Варданакерте; а войско иноплеменников поспешно шло за ними. Тогда отряд армянский вступил в переговоры с Таджиками: "Из-за чего, говорили они, вы преследуете нас? Чем мы провинились перед вами? Страна наша перед вами; вам уступаем свои жилища, виноградники, леса, огороды, и поля наши; для чего же вы хотите иметь и нас самих? Позвольте нам пройти за пределы наши. (С. 15).

И военачальник Махмет, во второй раз шедший на Армению с сильным войском на 18-м году Халифа Абдельмелика, в продолжение трех лет оставался спокойным; он не помнил зла, причиненного войску Таджиков в местечке Варданакерте, и твердо хранил клятву, им данную, но тайно наблюдал за нахарарами армянскими. После такого правления скончался Абдельмелик. (С. 18)

Многие из вельмож исмаильских, чтоб спасти себя от великих опасностей, угрожавших им со стороны своих же соплеменников, и многие из родственников самого их законодателя, отделившись от своих, бежали в страну хорасанскую, и несколько времени скрывались там. После того, собрав войска хорасанские, они назначили над ними военачальниками Кагатба и Абумуслима, опытного в астрологической науке. Соединившись между собою, (эти два полководца) умертвили наместника страны и, привлекая на свою сторону его войска и огромный сброд людей, угнетенных безмерным сбором податей, начали уже нападать на страны ассирийские. Войска Мервана, вышедшие к ним навстречу, не могли противустать этой толпе (ибо от Бога было распадение власти его). Из них многих умертвили, а других обратили в бегство полки Абдалаев, называемых детьми Гешма. Они перешли Тигр и, покорив своей власти многие города, разбили все войска, которые посылал против них Мерван. Они овладели также главным лагерем Таджиков, Акогой и подчинили всех себе. Жители Акого и Басры, увидя превосходство их сил, помогали им и пристали к войскам их. Это повергло Мервана в страшное беспокойство. Тогда он, открыв кладовые, где хранились сокровища царские, раздавал их войскам своим, и сам, вооружившись с сильным войском, выступил против них. Они встретились и в боевом порядке устремились друг на друга. Завязалась битва: много было раненых с обеих сторон, и бесчисленное множество трупов покрывало поля. Эта война продолжалась почти целый год. По исполнении шестилетнего правления Мервана, постигла его кара Божия за кровь своих единоплеменников, которую он пролил. (С. 57)

Но войска Таджиков, вышедшие из Двина, делали набеги на близлежащие области и производили грабежи и кровопролития; как то: в селах Птгунк, Талин,

1. История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века. СПб. 1862. Гевонд - армянский историк VIII века, автор «Истории Халифов»,

Когб и во многих других местах, и повсюду усыпали землю трупами, побитыми их мечами.(С. 64.)

**АРИСТАКЭС ЛАСТИВЕРЦИ. ПОВЕСТВОВАНИЕ ВАРДАПЕТА
АРИСТАКЭСА ЛАСТИВЕРЦИ, О БЕДСТВИЯХ, ПРИНЕСЕННЫХ НАМ
ИНОРОДНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ. ЦАРСТВОВАНИЕ МИХАИЛА¹**

И в скором времени она возвысила и воцарила Михаила, объявила его своим супругом, хотя его преступление стало всем известно. У Михаила было множество родственников и братьев, которым он передал важнейшие должности. Одного из братьев [он] сделал магистром, дал ему Фессалонику и вверил прению Болгарии и западной стороны. Другого брата назначил демесликосом, отправил в Антиохию Великую и поручил прению Тачкастана и южной стороны. Третьего брата, евнуха и монаха, которого звали Ортанорос, [он] оставил в царственном граде Константинополе, сделав его синклитосом и поручив ему прению и правовые документы дворца.(С 43)

КОНЕЦ ЦАРСТВОВАНИЯ МОНОМАХА

Так-то он прожил жизнь и скончался. Правил же он 13 лет и к чему-либо достойному доброй памяти причастным не оказался. А дочь императора Константина Феодора вступила во владение империей, словно то была ее собственная наследственная вотчина, так что никто не осмелился выступить против нее. Султан тачиков отправил к ней послов и составил грамоту следующего содержания: «Либо верни мне города и гавары, отторгнутые от тачиков твоими предками, либо ежедневно уплачивай по тысяче дахеканов». Она же послала ему белых коней и мулов, множество драгоценностей и порфиновые одеяния 65. Султан, казалось, принял дары [с удовлетворением], но того, кто их доставил, удержал при себе и с ним же направился в Вавилонию. То был 504 год нашего счисления (8 марта 1055—7 марта 1056 г.).(С89).

1. Аристакеc Ластиверци. Повествование вардапета Аристакеcа Ластиверци. М. 1968 Аристакеc Ластиверци, крупнейший армянский историк XI века

ТИБЕТСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ТАДЖИКАХ

Древний Иран и Тибет¹

Говоря об истории бонской религии, автор данного исследования (Хофман)² указывает, ссылаясь на тибетские источники, на районы, из которых эта религия могла проникнуть в Тибет: страна Тагзиг (Таджик), под которой он понимает мусульманские районы, примыкающие к Западному Тибету, тюрко-монгольская страна Аша (к востоку от Тибета) и страна Шаншун (Северо-Западный Тибет). В этой последней как раз где-то и находилась легендарная страна Олмо — родина Шенраба, основателя бонской веры. (С 7).

Тибетские сведения вполне согласуются с тем, что известно об этой стране из истории древнего мира. Мидяне действительно представляли собой конфедерацию из шести племен. Они занимались земледелием, но основным их занятием было скотоводство, особенно коневодство. Мидия "...была разбита на множество самоуправляемых и независимых "стран", во главе которых часто ...стояли царьки"³

Имеется в виду Мидия до разгрома ее Киром II в середине VI в. до н.э. Одним из мидийских племен, по свидетельству Геродота, были маги. Они, сохраняя свою племенную организацию, уже при Ахеменидах являлись своего рода религиозной группой, профессиональными жрецами, совершавшими разного рода обряды и заклинания. У магов одним из главных жертвенных животных была лошадь⁴. (С. 20-21)

Для обозначения Ирана и иранцев тибетцами было принято слово таджик в разных вариантах написания (slag-gzig, rta-mjug, stag-bzhi, rtag-gzigs, ta-zig и т.д.). Впервые это название встречается в тибетских документах VIII в., в которых оно обозначает не столько иранцев, только мусульманских завоевателей, обосновавшихся в Иране и Средней Азии. Затем это название переносится исключительно на Иран, а для обозначения мусульман стали употребляться слова турушка и лало (варвары).

В древних тибетских произведениях ("Зермиг") вместо названия Таджик употребляется почти исключительно название Олмо для обозначения Ирана. Название Элам (Иламту) в переводе, по мнению некоторых ученых, означает высокое место⁵. В бонских сочинениях названию Элам (Олмо) часто предшествует эпитет высокое (лучшее) место (gnas-mchog), что, конечно, может быть случайным совпадением. Все же стоит указать, что обычным эпитетом Индии будет Святая (возвышенная) Страна (Арьядеша, тиб. 'phags-pa'i yul), а эпитетом Тибета — Снежная Страна. (С. 24)

1. Кузнецов Б. И. Древний Иран и Тибет. (История религии бон). СПб. Издательство «Евразия», 1998.

2. Hoffmann H. Quellen zur Geschichte der tibetischen Bon-Religion. Tafel I. Wiesbaden, 1950.

3. Геродот. История в девяти томах/книгах. Т. III. Перевод с греческого Ф.Г. Мищенко. М., 1888. (С. 189)

4. Дьяконов И.М. История Мидии с древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.—Л., 1956. С.396—397

5. Юсифов Ю.Б. Элам. Социально-экономическая история. М., 1968. С. 30—32

Заслуживает внимания в главе XVII "Зермига" описание погребения Шенраба, имевшего место в Согдиане, которая, согласно упомянутому источнику, "самая прекрасная и светлая страна из всех областей мира".

В "Авесте" о Согдиане говорится следующее: "В качестве первой лучшей из областей и стран я, Ахурамазда, создал Хорезм... В качестве второй лучшей из областей и стран я, Ахурамазда, создал Гау — обитель согдийцев" (Vendidad, 1). (С.96)

Название другого животного на языке юе-чжи, сохранившееся в древних китайских источниках, было цзи (др. кит. *ki gyeb*), т.е. бык. Это слово Лауфер сопоставляет с авест. *gav*, среднеперс. *gav, go*, новоперс. *gav*, арм. *kov*, санскр. *gav*. Титул пяти юе-чжиских князей китайцы передавали как *си-хоу* (др. кит. *h' ier/her-gou, hiev-gou*). Первый элемент этого названия сопоставляется, с арм. *sahap* от иран. *sarhap, sahrap*; греч. *satrapts*. Второй элемент соотносим с новоавест. *gava*, которое употреблялось как синоним Согдианы, а также с готским *gavi* (графство, территория).

Таким образом, термин *her-gou* может означать то же, что высшее графство. Окончание в юе-чжиском языке имен царей Канишка, Хушка, Васушка на -шка определенно указывает на иранский язык. Попутно он отмечает известный факт, что существовали очень близкие отношения и браки между юе-чжи и согдийцами, притом что, по утверждению китайских источников, цари Согдианы произошли от юе-чжи. По мнению Лауфера, причина этого взаимного дружелюбия заключалась в лингвистическом родстве этих народов.

Далее, наиболее вероятной формой реконструкции названия юе-чжи Лауфер считает *sgwied-di* и соотносит его с др. перс. *Suguda*, авест. *Sugda*, отмечая при этом, что *di* — суффикс множественного числа.

В заключение Лауфер указывает на то, что язык юе-чжи обладал начальными и конечными звонкими согласными, которые отсутствовали в тохарском и относит язык юе-чжи к той группе, к которой принадлежат скифский, согдийский, осетинский и ягнобский языки [94].

Строго говоря, реконструкцией юе-чжи будет *ngotie*, как это название произносилось китайцами в Ханьскую эпоху.¹

Но Лауфер попытался, основываясь на реконструкции китайского звучания, которое у него близко к приведенному выше, восстановить его подлинное иранское произношение. При этом он принял во внимание, что в одной уйгурской сутре Танского времени название юе-чжи дается как *kitsi* или *ketsi*. Он принял также во внимание то обстоятельство, что в начале иранских названий могло быть сочетание нескольких согласных, которые китайцам было трудно произносить.

Например, как было установлено тем же автором, китайским начальным согласным *s* и *z* могут соответствовать при транскрипции иранские *xs* и *xs*. Анализируя различные возможные варианты реконструкции иранского названия, Лауфер в конечном счете останавливается на указанной выше форме *sgwied-di*.

Но возможно и более простое объяснение названия (*ngotie*) *нготие*. Может быть, лучше было бы соотнести его не с Сугудой-Согдианой, а еще с одним названием этой же самой области — Гау (Гава), что, на наш взгляд, гораздо более вероятно.

1. Реконструкция предложена С.Е. Яхонтовым, которому выражаем глубокую признательность.

Теперь обратимся к данным археологии для проверки того, насколько данные лингвистики соответствуют дошедшей до нас материальной культуре юе-чжи.

Юе-чжиские захоронения на Алтае в районе Пазырыка исследовались экспедициями проф. С.И. Руденко, который датировал их V — нач. IV вв. до н.э.¹ Вскоре после указанного периода все юе-чжи внезапно исчезают из горного Алтая: археологических памятников позднее III в. до н.э. там не обнаружено² (С.135).

И действительно, китайские дипломаты и агенты, которые в первые века нашей эры доходили до Парфии, неоднократно отмечали, что на всей территории Большого юе-чжи — от Ферганы (Давань) до Парфии (Аньси) — все жители говорили на одном языке: "От Давани на запад до Аньси, хотя есть большая разность в наречиях, но язык весьма сходен, и в разговорах понимают друг друга"³ (С.137)

По тем же источникам все жители этих мест придерживались одинаковых обычаев, притом что такие же обычаи и даже вещи (предметы обихода) были также у парфян⁴.

Представляет интерес сообщение китайцев относительно Сасанидов, сохранившееся в составе династийных историй Суй (581—618) и Тан (618—907). По этим историям предок Арташира, основателя династии Сасанидов, был согдиец (юе-чжи) по имени, которое в китайской передаче звучит как Босыни⁵ Вероятно это Базранги, так как известно, что Сасан, дед Арташира был женат на принцессе из династии Базрангидов⁶ (С 257).

Согласно китайским источникам, первоначально согдийцы (юе-чжи) занимали районы севернее Тибета, юго-западнее пустыни Алашань. Под ударами хунну наиболее сильные и многочисленные племена двинулись на запад тогда как более слабые и малочисленные (малые юе-чжи) перекочевали в Южные горы, т.е. в районы, расположенные к северу от озера Хухунор. В этом месте они стали соседями тибетских племен кянов, с которыми они быстро нашли общий язык, чему в немалой степени способствовала общая для них угроза с востока.

Китайцы сообщают об этих согдийцах следующее: "... слабые же из них ушли в Южные горы, в Ганьч-жоу, и, оставшись там жить в смежности с цянами, (кянами), начали вступать с ними в брачные союзы... одеянием, пищею и языком несколько сходны цянами и также имя или прозвище отца и матери служит названием роду. Больших родов считается семь; войска в общей сложности около десяти тысяч"⁷. Из этих сообщений, относящихся к первым векам нашей эры, нетрудно заметить, что процесс смешивания согдийцев с местными тибетскими племенами происходил весьма быстрыми темпами. В дальнейшем эти согдийцы (малые юе-чжи) навсегда исчезают из поля зрения китайских историков и больше в исторических сочинениях не упоминаются. (С.138)

1. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960. с. 360

2. Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953 с. 341

3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, ..., 1950.[II, с. 188]

4. Там же. С. 161, 183, 188

5. Там же. с. 326—327

6. Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. (С 257)

7. Бичурин Н.Я. (Иакинф). История Тибета и Хухунора. Ч. 1. СПб., 1833. С 66].

Директор Института по изучению бона Дж.М. Рейнольде пишет: "Согласно традиции бонпо, учения и практики бон-осуществления (пневматологической и энергетической, медицины) пришли в Тибет не с юга, из Индии, а из страны Шаншун, что к западу от Тибета, куда, в свою очередь, в более отдаленные времена они пришли из страны Тазиг, или из Иранской Центральной Азии. Древнее царство Шаншун было расположено в окрестностях легендарной горы Кайласы, или Гангчен Тизе, в Западном Тибете и до VIII в. это была независимая страна (Дж.М. Рейнольде. Институт по изучению бонпо. — "Гаруда", 1992, № 2, с. 48). Из Шаншуна, согласно традиции бонпо, и происходило высшее учение — бон, известное как юндрун-бон — традиция вечной мудрости, привнесенная как откровение Буддой по имени Тонпа Шенраб Миво задолго до Будды Шакьямуни. Все это органично согласуется с выводами, к каким пришел Б.И. Кузнецов. Расхождение пока имеется только в области абсолютной хронологии событий на исторической шкале времени, но не в их трактовке.(С.175)

В V в. до н. э. имело место массовое переселение иранцев из Северо-Восточного Ирана, из Согдианы, к северным границам Тибета. Одной из основных причин, вызвавших это переселение, была, вероятно, так называемая религиозная реформа Ксеркса. Значительная часть этих иранцев, носителей древних традиций, в первые века нашей эры смешалась с тибетцами, которые, таким образом, получили иранскую религию (тиб. бон), арамейскую письменность, книги, сохранившиеся до наших дней, и прочее культурное наследство стран Ближнего и Среднего Востока. Религия бон представляла собой традиционную иранскую религию (политеизм) с главными богами: Ахурамаздой, Митрой и Анахитой (Астартой), которые почитаются под своими иранскими именами до сих пор.

6. Основателем религии бон считается Совершенный жрец (тиб. Шенраб) родом из Ирана-Элама. Его подлинное иранское имя, которое мы находим в тибетских книгах по религии бон, — Дмура, и оно близко к имени Матхура текста Таранатхи. Если принять во внимание, что его имя дается в переводе на тибетский как корона, митра, то реконструкцией от Матхура-Дмура будет самое распространенное в прошлом на Востоке и в Европе имя собственное Митра (возможное сокращение имени Митридат, то есть Данный Митрой).

Бон (Древняя тибетская религия)²

Родина Шенраба, Длинная долина Олмо, согласно источнику, находилась на континенте Джамбудвипа (тиб. дзам бу глинг - древнее название Индии, а впоследствии и прилегающих к ней стран). Во главе страны Олмо стояли не брамины, а воины-кшатрии. К какому бы времени ни относились сведения изучаемого нами текста, но каста кшатриев никогда не была связана с дравидами, и поэтому указание на господство "чистых" следует рассматривать как намек на арийское происхождение племени, из которого вышел Шенраб. (С.13)

1.Зелинский А.Н. Послесловие. //Б.И.Кузнецов Древний Иран и Тибет. (История религии бон). СПб. Издательство «Евразия», 1998.

2.Гумилёв Л.Н., Кузнецов Б. И. // Доклады ВГО. Вып. 15: Этнография. Л., 1970

ТОНПА ШЕНРАБ МИВОЧЕ И ИСТОРИЯ БОНСКОЙ ТРАДИЦИИ

В измерении людей Шенраб осуществил в сторону трех континентов посыл эманаций, направленных на благо живых существ. В этом мире он изначально излагал свои учения в местности Олмо Лунгринг, расположенной к западу от Тибета и являющейся частью страны, именуемой Тациг, которая по мнению некоторых современных ученых соответствует Персии и Таджикистану. Слог "Ол" означает "нерожденный", слог "мо" - "не подверженный уменьшению", "лунг" - "пророческие слова" и наконец, слог "ринг" символизирует вечное сострадание Тонпы Шенраба. Олмо Лунгринг занимает третью часть существующего мира и имеет форму цветущего под небом восьмилепесткового лотоса, проявляющегося в виде колеса с восемью спицами. В центре Олмо Лунгринг возвышается гора Юнгдрунг Гутсег, "Свастика Девяти Пирамид".

Две традиции древнетибетской картографии (Ландшафт и этнос.)¹

В центре карты находится город или может быть, дворец, замок, словом, населенный пункт под названием Бар-по-со-ргйад. Это одна из столиц Персидской монархии - Пасаргады (греч.), или Парсогард (перс.). Этот город в 550 г. до н.э. стал резиденцией двух первых царей Персии - Кира Великого и Камбиза. Дарий перенес свой престол в Персеполь, основанный в 522 г. до н.э. На нашей карте Пасаргады - исходная точка для локализации. К западу от него помечена страна Хос, совпадающая по фонетике и географическому местоположению с эламским городом Сузы (Шушун). Это название дожило до нашего времени в топониме Хузистан. К западу от Сузианы был расположен Вавилон, и он действительно помечен на нашей карте, равно как и "Страна Гья-лаг-од-ма", что расшифровывается как страна халдеев (Гья-лаг-од//калду//халдеи). В VII в. до н.э. халдеи, овладев Вавилоном, соперничали сначала с Ассирией и Мидией, а затем с Персией. Западнее помещались страна Пун, т.е. Финикия, и город Ланлин, который мы интерпретируем как Иерусалим. Из традиционной тибетской литературы известно, что это был главный город Палестины (Му-ле-стонг//Пелестем) [+3].

Перечисленные отождествления еще не позволяют уточнить хронологию составления карты, так как они были известны в течение всего первого тысячелетия до нашей эры. Однако следующий пункт, город Несендры в "Стране демонов, крадущих людей", где имеются гробницы-храмы, "серые, сияющие", - это Египет и его столица Александрия, построенная в 331 г. до н.э. Следовательно, наша карта была составлена в эллинистическую эпоху, хотя наверняка не эллинами. Установив это, мы легко интерпретируем несколько названий на восточной части карты. На восток от Пасаргад лежит страна Абадара, хорошо известная нам как Бактрия, расположенная в современном Северном Афганистане. На юго-восток от Бактрии показана "Черная долина страданий", т.е. пустыня Белуджистана. Дальше к югу

1. Гумилёв Л.Н., Кузнецов Б. И. Две традиции древнетибетской картографии (Ландшафт и этнос.) // Вестник ЛГУ. 1969. № 24. С. 89-101

помечено море, т.е. в данном случае это будет Аравийский и Персидский заливы, по которым проплыл флот Александра.

Но откуда могли получить тибетские географы столь специфическую информацию? Несомненно, не от греков, у которых были совершенно иные и менее точные сведения о географии Среднего Востока, хотя они гораздо лучше знали Передний Восток. По-видимому, информаторами тибетцев были персидские ученые раннепарфянской эпохи, сочинения которых в подлинниках не дошли до нашего времени. Об этом говорит ареал, представленный на нашей карте; помещение центра ойкумены в Пасаргадах, городе, тогда уже сильно разрушенном, но продолжавшем оставаться священным местом для ревнителей древних традиций Ирана, и вместе с тем отсутствие сведений об Элладе и Индии - странах, не входивших в Ахеменидскую монархию. Кроме того, в пользу нашей датировки имеется и прямое указание тибетского источника на то, что в древности географические познания вместе с религиозными были заимствованы из Ирана, откуда они попали в северо-западные районы Тибета, в так называемую страну Шаншун. Поэтому мы имеем право назвать данную картографическую традицию ирано-тибетской.

Тёнпа Шенраб Мивоче

Согласно тибетской религии Бён, около 18000 лет назад Господь Тёнпа Шенраб Мивоче (sTon-pa gShen-rab Mi-bo-che: Учитель и Великий Человек Шен), родился в земле Ёлмо Лунгринг ('Ol-mo lung-ring) — части ещё большей страны, называемой Тагдзиг (sTag-gzigs: Средняя Азия). «Ёл» символизирует нерождённое, «мо» — неистощающееся; «Лунг» олицетворяет пророческие слова Тёнпы Шенраба, основателя Бён, а «ринг» — его бесконечное сострадание. Ёлмо Лунгринг составляет треть известного мира и расположена к западу от Тибета.

Из многочисленных учеников Тёнпы Шенраба самым выдающимся был Мучо Дэмдрук (Mu-cho lDem-drug), который, в свою очередь, обучил много студентов, самыми выдающимися из которых стали «Шесть Великих Переводчиков»: Муца Трахэ (dMu-tsha Tra-he) из Тагдзига, Тритог Паца (Khri-thog sPa-tsha) из Шанг-Шунга, Хулу Палэг (Hu-lu sPa-legs) из Сумпа (к востоку от Шанг-Шунга), Лхадаг Нгадрё (Lha-bdags sNgags-grol) из Индии, Лэгтанг Мангпо (Legs-tang rMang-po) из Китая и Сертог Чеджам (gSer-thog lCe-byams) из Прома (Монголия).

Ёлмо Лунгринг: нетленная священная земля

Согласно традиции Бёнпо, несмотря на то, что Юнгдрунг Бён вечен и не имеет первоначала во времени, он зародился в нынешней калпе, или цикле существования, в стране Ёлмо Лунгринг, где Тёнпа Шенраб снизошёл с небесных сфер и воплотился среди человеческих существ иранским принцем. Сказано, что таинственная страна Ёлмо Лунгринг ('ol-mo lung-rings), или Ёлмолинг ('ol-mo' i gling), была частью ещё большего географического региона к северо-западу от Тибета, называвшегося Тагдзиг (sTag-gzig, вар. rtag-gzigs), который исследователи отождествляют с Ираном или, по сути, со Средней Азией, где в древние времена говорили на иранских языках, таких как авестийский, а позже — согдийский. Согласно «gZer-mig», традиционная этимология названия Ёлмо Лунгринг

следующая: «ол» значит «нерождённое», «мо» — «неистощающееся» (1), «лунг» — «пророческие слова Шенраба», а «ринг» — «бесконечное сострадание». Согласно «gZi-brjid», Олмо Лунгринг была известна на санскрите как Шамбала, и её по сей день знают под этим именем в среде тибетских буддистов. Кроме того, сказано, что в древние времена она занимала треть известного мира — описание, которое могло бы быть применено в отношении Персидской империи.

Некоторые современные исследователи пытаются отождествить Олмо Лунгринг с областью вокруг горы Кайлас в Западном Тибете, издревле известной как Шанг-Шунг, и заявляют, что священная девятиступенчатая гора в центре Олмолинга — на самом деле гора Кайлас. Они утверждают, что Олмо — в общем-то обыкновенное место, подобно другим долинам в Тибете, и что название Олмо Лунгринг означает просто «длинная долина Олмо». А также, что священная гора Юнгдрунг Гудег в центре Олмо Лунгринг называется хрустальным монолитом потому, что эта в прочих отношениях обычная гора увенчана ледником. Поэтому она, скорее всего, представляет собой гору Кайлас, где, как говорят, берут начало четыре великие реки Азии. Так как Шанг-Шунг раньше являлся важным средоточием Бён, эти исследователи заключают, что Олмолинг и был этим самым регионом, и что Олмо Лунгринг не являлся какой-то мистической страной, существующей на духовном плане. Более того, они считают, что Тёнпа Шенраб был лишь кем-то вроде служителя культа, присутствие которого было необходимо на похоронных церемониях. Он жил в седьмом веке или незадолго до этого. Родился здесь, в Западном Тибете, был исконно тибетским жрецом или магом, а не иранским принцем, и, соответственно, был совершенно обыкновенной и прозаичной фигурой. В тибетских текстах до десятого века нет упоминания об Олмо Лунгринг. Приход в Тибет в одиннадцатом столетии буддистских учителей вдохновил бёнских лам на описание или даже фабрикацию для себя якобы древней традиции. Так как эти учения могли бы быть не восприняты как исконные в Тибете, который является достаточно реальным и обычным местом на земле, они поместили рождение Тёнпы Шенраба в отдалённый Тагдзиг — сказочную страну легенд, которая напоминала Персидскую империю, так восхищавшую тибетцев в седьмом веке. Эти исследователи заключают, что вся традиция Бён — подделка, лживое измышление беспринципных тибетских лам десятого века и позже.

Но согласно бёнским ламам, эти утверждения полностью не верны. Во всех ранних текстах Бёнпо, и это несомненно, Олмо Лунгринг расположен к западу и северу от Тибета в Тагдзиге, или Средней Азии. Более того, есть два Тагдзига: один небесной природы, а другой — вполне физической, расположенный в Средней Азии. Гора Кайлас и прилегающий к ней регион в Западном Тибете — лишь бледное отражение реальной Олмо Лунгринг, самобытного архетипа, существующего в центре мироздания. Согласно «gZer-mig» и другим текстам, регион вокруг Тисэ (Tise), или горы Кайлас, — только копия в Шанг-Шунге оригинала в Олмолинге. Более того, согласно «gZi-brjid», Димплинг (Dimpling) — то же самое, что и Шамбала. Нет необходимости молиться или выполнять какую-либо медитационную практику для того, чтобы переродиться в Иране или Средней Азии СССР, так как это вполне обыкновенные земные места, но нужно молиться и подвергнуться очищению ума, прежде чем человек сможет переродиться в Олмо Лунгринг, или даже войти в неё в этой, нынешней, жизни, потому что она представляет собой чистое измерение бытия (dag-pa'i zhing-khams). Она не может

быть легко увидена обычным физическим глазом, подобно тому, как можно увидеть Иран или Среднюю Азию, или даже Тибет. Но просто то, что мы не видим её — не доказательство того, что она не существует — в противоположность возрению локайтов, или материалистов.

Она — часть нашего физического географического мира, потому что расположена в Тагдзиге, но, отчасти, существует в ином духовном измерении и, хоть она и материальна, но, в каком-то смысле, вечна и неразрушима. Когда, в конце калпы, мир будет разрушен и поглощён огнём, Ёлмо Лунгринг самопроизвольно проявится, вознесётся в небо и там сольётся со своим небесным архетипом, который называется Сипа Есанг (srid-pa ye-sangs). Ёлмо Лунгринг — действительно нетленная священная земля.стр.17

Согласно традиции Бёнпо, Ёлмо Лунгринг даже сейчас охватывает треть нашего мира и лежит к северо-западу от Тибета. Более того, тексты Бёнпо говорят о трёх порталах, или дверях, Шанг-Шунга, и в некоторых из этих текстов утверждается, что Тагдзиг — средняя дверь (sgo bar-ma). Согласно Лобпёну Тэндзину Намдагу, внешняя дверь — это сам Шанг-Шунг (sgo phyi-pa), средняя дверь — Тагдзиг (sgo bar-ma), а внутренняя дверь (sgo рЮ.это символизирует перемещение, или продвижение, учений Юнгдрунг Бён во внешний мир, и особенно в Тибет. В то время Тагдзиг считался населённым «sTag-gzig hos rigs», то есть королевской расой (rgyal rigs) «Хё» («hos»), или персов, (китайское «Ху»). Но в ещё более ранние времена народ Ёлмо Лунгринг принадлежал к линии преемственности «rGyal-bu 'thing-ge». А в «Ma-rgyud» найдена история императора Тагдзига по имени Гьервер, управлявшего большей частью известного мира.

Страна Шамбала в легенде и в истории¹

Теперь попробуем двинуться от Пасаргад на восток. И там мы встречаем знакомые названия. На своем месте расположена страна Сирии", что и соответствовало действительности.

Этот, на первый взгляд неожиданный, вывод подтверждается Абадара - хорошо известная Бактрия, охватывающая современный Северный Афганистан и современный Южный Таджикистан. Южнее Бактрии лежит "Черная долина страданий", в которой нельзя не узнать страшную пустыню Белуджистана, где чуть было не погибло войско Александра Македонского.

С другой стороны, на карте нет ни одного римского названия, а это значит, что карта составлялась до завоевания Востока Помпеем. Таким образом, не входя в противоречие ни с одним из названий источника, можно с уверенностью сказать, что автор был современником Селевкидов и отразил на карте эпоху господства Сирии, руководимой македонскими завоевателями, Сирия по-персидски называется Шам, а слово "боло" означает "верх", "поверхность".

Шенраб, основатель древней тибетской религии бон, которую часто именуют "черная вера", происходил из страны Олмо. На нашей карте она названа Хос (Сузиана). Олмо - это просто более древнее название Элама, что видно из тибетской аннотации к карте, которая названа как карта "Шушуна (Сузиана), Олмо (Элам) и Ирана".

1. Кузнецов Б. И. Страна Шамбала в легенде и в истории. Тибетика. Сб. статей. - СПб.: Евразия, 2003, с. 52-59

Через 1800 лет после ухода Тонпа Шенраба, Мучо Демдуг спустился с небес в Олмо Лунг Ринг как проявление речи Тонпа Шенраба. Мучо Демдуг повернул колесо Бон, чтобы все учения Тонпа Шенраба были организованы и классифицированы. У него было множество учеников, самых известных из которых называют Шесть Великих Ученых или «Шесть Украшений Мира». Они перевели учения Бон на свои языки и распространили их в своих родных землях. Шесть великих мастеров звали Муца Тахе, Триток Парца и Ули Парьяг из Тазиг; Лхадаг Нагдо из Индии; Легтанг Мангпо из Китая и Серток Чейджам из Тром.

К тому времени учения Бон уже утвердились в Шанг Шунг, на его территории сегодня расположена северо-западная часть Тибета. Как было указано, Шанг Шунг было независимым государством со своим языком, литературой и культурой. Он был разделен на три части, которые называли, «трое врат»: внутренние(phugpa), внешние(gora) и срединные(bagpa). Внутренние врата это Олмо Лунг Ринг, срединные врата это Тазик, а внешние врата это сама страна Шанг Шунг. В восьмом веке, казнь Императора Лигминчи тибетским королем Трисог Деценом положила конец независимости Шанг Шунга. После этого земля и культура Шанг Шунг были ассимилированы в Тибет, и постепенно исчезли. Тем не менее, многие слова из древних текстов Бон все еще существуют в современных языках в местностях Киннаур, Лахул, Спити, Ладак, Занскар и в некоторых Гималайских областях Непала.

В десятом веке нашей эры многие учения Бон были переведены с языка Шунг Шунг на тибетский «Четырьмя великими учеными»(Khera Mi Zhi): Тонг Гьюнг Тху Чен из Шанг Шунга, Шари Вучен из Тибета, Гьим Тса Ма Чунг из Дэ, Четса Кхарву из Мэньяк. Их переводами учений, распространившимися по всему Тибету, пользуются и сегодня. Приблизительно в 1075, началось более широкое распространение тайных учений или учений пути плода, особенно во время правления Мутри Тсенпо, второго короля Тибета, получившего эти учения от Намкха Нангва Дхок Цен из Тазиг.

ЮСУФ БАЛАСАГУНСКИЙ О ТАДЖИКАХ¹

Да, книг у арабов, таджиков немало,
А нашею речью сия – лишь начало.
Кто мудр, эту книгу оценит с почтеньем, -
Лишь тот ценит знанья, кто зрел разуменьем

Среди тюркских беков есть множество славных,
Славней они многих владык предрержавных.
Меж них есть прославленный муж- Алп Тонга,
И всем его слава вовек дорога.
Велик был сей избранный, доблестью славен,
Сей мир превращает в навеки безгласных!
Таджики его Афрасийбом зовут.
Когда он возглавил свой поданный люд,
Ему подобало быт мудрым и смелым,
Чтоб власть укрепить над бескрайним пределом.
Таджиками он в письменах восхвален,
Иначе кому бы известен был он?
И сказано доблестным мужем прекрасно:
«Узлы только смелый распутает властно»!
Умелым быть должен властитель всех стран:
Лишь грозному льву покорится кулан.
Тьмы доблестей нужны властителям мира,
Чтоб людям не мрачно жилось и не сиро,
Чтоб страшен врагу был карающий меч,
Чтоб добрым законом народ свой беречь.

(Кутадгу билик, строка 282)

1. Юсуф Баласагунский «Кутадгу билиг» (Благодатное знание). Москва. Наука. 1983. Стр. 50-51 Юсуф Баласагуни родился в 1015-1016 гг в г. Баласагуне (недалеко от г. Токмак Кыргызстана). «Кутадгу билиг» написано на древнетюркском языке.

ВАМБЕРИ Г* О ТАДЖИКАХ

Путешествие по СРЕДНЕЙ АЗИИ¹.

Город Меймене стоит посреди гор и видно только в четверти мили расстояния. Он чрезвычайно грязен, дурно построен и состоит из 1,500 глиняных хижин и кирпичного базара, близкого к разрушению; в нем сверх того три мечети и два медресе; первая построена из глины, а последняя построена из кирпичей. Жители узбеки, с небольшой примесью таджиков, гератов, евреев, индусов, афганов. Все они пользуются одинаковыми правами, без различия вероисповеданий или национальностей. (С. 126).

Сарт. В Бухаре и Коканд их называют Таджиками. Это потомки древне Персидского населения Харезма. Число их весьма ограничено. Они мало по малому переменили свое Персидское наречие на Тюркское. Сарт, так же как Таджик, отличается силой и изяществом приемов. Они не особенно ладят с Узбеками и не смотря на то, что жили вместе пять столетий, очень немного браков устраивается между ними. (С.173).

Бухарское Ханство. Не заходя слишком далеко, можно предположить, что их два с половиной миллиона, включая в это число и оседлых жителей и номадов, или если придерживаться принципа национальности, то; узбеков, таджиков, киргизов, арабов, мервов, персиян, индусов и евреев.(С.181).

Кокандское Ханство. За Узбеками следуют Таджики, которые хотя не составляют здесь более многочисленное население, чем в Бухаре, зато поселены более плотно, часто, и чего нигде нет, населяют целые деревни и города. Ходжент, деревни Велекендаз и Кистакуз (близь Ходженда) исключительно населены первобытным Персидским племенем, и города Наменган, Эндиган и Мерголан, говорят принадлежали им более четырех сот лет тому назад.

Что касается до национального характера их, то Кокандские Таджики не многим лучше представителей этого же племени в Бухаре. Я заметил только то, что их язык, и по выговору и по грамматическим формам, чаще языка всех других Таджиков. Это особенная форма в роде тех какую употреблял древнейший Персидский поэт Рудаки, родом Бухарец. В других городах Коканда особенно на границах Китайской Татарии, Таджиков гораздо меньше.

ИСТОРИЯ БУХАРЫ или ТРАНСОКСАНИИ.²

В подобных отношениях представляются нам также и физические признаки восточного и западного Ирана при взаимном их сравнении: в физиономии Таджика,

* Вамбери Г., известный венгерский учёный, путешественник, ориенталист.

1. Вамбери Г. Путешествие по СРЕДНЕЙ АЗИИ. С- Петербург 1865г.

Стилистические и лексические особенности текст автора приведены без изменений в соответствии с нормами литературного языка того времени.

2. Вамбери Г. ИСТОРИЯ БУХАРЫ или ТРАНСОКСАНИИ. С-Петербург 1873г.

Галча, Вахани, Джемшиди и Парсевана, которые все составляют отдельных членов нынешнего восточно-иранского народа, можно открыть гораздо более следов иранского племенного единства, чем даже на барельефных изображениях времен Сасанидов. Поэтому тот взгляд ученого этнографа Ханьнова, что поприще первой деятельности иранского народа следует перенести на плодородные долины между Гиндукушем и горной цепью Пугман и Куги Баба, может быть принят, если мы растянем эту предполагаемую родину до плодородной прибрежной области Когика или Зеравшана. (С. 8).

Что Турки Туркестана также, как и Харезма, легко были привлечены под черное знамя Аббасидов, даже стояли за него с воодушевлением, это видно из того почета, с каким и теперь Узбеки и Туркмены произносят имя Абу Муслима; но что иранское туземное население страны, а именно Таджики, сражавшиеся под знаменами Насра, долго были верными Омейядами, это достаточно подтверждается подлежащими историческими источниками. (С. 43).

После Бухары очередь дошла и до Самарканда, по протяжению еще большего, при Харезмийцах, важнейшего города Трансоксании, для защиты которого бежавший харемский князь оставил 110,000 человек, именно-60,000 Турок и 50,000 Таджиков, с 20 слонами. Чингиз-хан, наперед точно разузнавший обо всем, уже под Оттаром предугадывал ту жестокую борьбу, какой будет ему стоить прежняя резиденция его противника. Поэтому он и назначил Самарканд сборным пунктом для различных отрядов своей армии, поэтому же он сперва приступил к покорению его окрестностей, чтобы посредством изолирования тем легче было сокрушить силу опасного врага. (С.145).

Тогда они обратились за помощью к соседнему могоаммеданскому князю, - и начались те войны, в которых видную роль играл знаменитый Таджики, Хусейн Керт, вырвавший Хоразан из рук Арпа-хана. Избалованный постоянным военным счастьем Гусейн напал на Андхой и принадлежавший Бухаре Шибурган, где обитали турецкие племена Арлат и Аиберди. (С. 176-177).

Хусейн тотчас двинулся в Бухару в которой жители по большей части Таджики, во все времена известные за трусов, вышли против него хорошо вооруженные, но были окружены конницей Хусейна и так сильно побиты, что ни за что в мире нельзя было их побудить к новому нападению. (С.189).

Ему удалось, в сопровождении только сорока своих приверженцев, изрубив стражу, проникнуть в город, и, непрерывно сражаясь, он достиг цитадели, откуда и было сделано воззвание к населению избить в ту же ночь Харезмийцев. Все, что только было между Узбеками, Таджикими, Райями и иностранными купцами способного носить оружие, - все бросились на неприятелей застигнутых врасплох среди ночного покоя. (С.90-91).

В 1217 (1802)году, наконец, умер Эмир Маасум после восемнадцатилетнего правления, которое жители Бухары считают славною эпохою недавнего прошлого. Так как она еще свежа в памяти нынешнего поколения, то Узбек и Таджики, начав рассказывать о справедливом, благочестивом и прекрасном правлении этого могоаммеданского образцового государя, никак не могут вдоволь наговориться. (С. 130-131).

КАРЛ РИТТЕР* О ТАДЖИКАХ¹.

Именем Татов, Тадшиков, Тадшиков, Тадшиков обозначают по всей Иранской выси, главную массу земледельческого населения, не принадлежащего ни к одному теперешнему властвующему племени и в настоящее время составленную из смеси различных народностей, коих единство выражается только общим всем им презрением и угнетением их племени, и персидским языком. С каких про носят они это имя Таджик²) (значащее по монгольски мужик, землепашец, а у Татар Тадшек синоним Персии) было прежде неизвестно. Нам кажется, что мы с помощью Китайских летописей и других важнейших доступных нам документов, вполне разъяснили как истинное происхождение, так и настоящи смысл даваемый этому слову в Центральной Азии, т. е. говорящих по персидски (см. Аз. Т. V стр. 242, 713 - 728), где мы упоминали об этих Таджиких или Татах, как о жителях Бухары и Афганистана. Во времена Тимура этим позорным именем означали всех Иранцев, поскольку они не были Арабами или Монголами, подобно тому как Турки, в Египте называют местных жителей феллахами). По персидски и у Белуджей³), называются они Диган, Дихкан, Дихвар (Дих по белуджски деревня) (не по белуджски, а по персидски. Пр. Пер.). Узбеки называют их Сарт, а иногда Овкерь и т. д. Жоанень⁴ полагает, что они смесь Арабов, Гебров, Жидов и Насториан, принявших Исламизм по принуждению. Малколм, гораздо основательнее, видит в них Аборигенов, сохранивших свою самобытность не смотря на революции, войны и наплывы иноплеменных народов на Иран. Во всех местах их жительства, в Персии, в Афганистане, в Белуджистане и в Бухаре говорят они древнеперсидским наречием, отличным от новоперсидского, от Пушту и от Туркменского, но принявшим в себя слова всех этих языков. Они везде образуют класс слуг, *glebae adscripti*. крестьян, не несущих военной повинности и везде мучимых своими грубыми и дикими владыками, Ордынцами.

Во всей западной верхней Азии, от Индейского Кавказа до Тавра, на Запад, везде кочующие племена, живя бок о бок с земледельцами, становятся им во всем резко поперек и относятся друг к другу как господа к слугам, или как кичливое, невоспитанное дворянство к промышленному, но безсильному и глубоко павшему народу**). Эти

1. РИТТЕР К. ИРАН. Часть .I. - СПб. 1874. - С. 393-396.

* Карл Риттер (1779- 1859,) — немецкий географ, один из основоположников современной географии.

2. Malcolm Hist. of Persia T. II стр. 606. J. Leyden on the Rosheniah sect, As. Res. T.XI стр. 370. Elph. Cab. стр.309, 408, 629.

3. Pottinger Tr. Стр, 79, 278.

4. Joaniп, в изд. Путешествия Шардена Лашкасов Т. X стр. 240.

**Не Турки выдумали это название, оно было в употреблении при Арабских правителях Египта, так как Феллах, от глагольнойю имя глагола пахарь земли я дано было Арабам оседлым, в отличие от Бедуинов, Арабов кочующих.

**Это опять Риттеровское преувеличение. Кто и когда слышал, чтобы во всей Персии, кочевое население оседлое, как господа и рабы? Что кочевники грабят иногда деревенских жителей. это несомненно, но это делается во всем свете, с Северной Америки и до Монголии. Близ Хамадана, в Курдистане и Кюрдасир, есть кочевые ханы, владеющие оседлыми деревнями и, нередко, притесняющие своих подвластных, но отнюдь не более своих других соседей, оседлых помещиков. Тут, как часто бывает у Риттера, он Узбекские и Афганские порядки распространил на всю Персию. (Примеч. перев).

отношения, по свидетельству спутников Александра, существовали уже за 2000 лет, в эпоху когда Македонский завоеватель проник в долину Оксуса¹). Они те же, как ныне существующие между Авганами и Таджикиами, т. е. подвластным отделом населения, каковая отношения историк Вилькен²) сравнивает с теми, которая установились в эпоху переселения народов, между Остроготоами и Лонгобардами относительно Итальянцев, или между Франками, Визиготоами, Бургундами и Галлами.

Таджики есть и в Китайском Туркестане, где они столько же оседлы, как и в Татарии, в стране Узбеков и во всей Персии, но в разных местностях и при различии влияния на них истории, судьбы их сложились различно. На Иранской выси, были они поработены Халифами в эпоху первого распространения Исламизма, а когда кончилась власть Халифов, они смешались с Арабами, у коих они переняли нравы, образование и отчасти сам язык*). Так из них ведут свое происхождение от Арабов, тоже было и в Бухаре. Афганистан же, в течении 3-х веков, отражал нападения мусульман, пока наконец должен был починиться персидской власти, так что старейших обитателей трех этих стран, Персии, Афганистан и Бухары, постигла одинаковая судьба. Эта персо-арабская помесь равнинного населения, Таджики, были промышленниками и рабочими для всех последующих династий, постоянно являющихся, или в виде кочевников, или в виде конных полчищ, напротив все отделы исконного населения, удалившиеся в неприступные горные твердыни, сохранили там, до некоторой степени, свою независимость.

Самый дикий член свободного племени, все же считался дворянином страны, из коей выходили правители Афганистана, Туркмении и Перси, спускавшиеся либо с Паропамиза, либо образовавшиеся в Хорасане, но те и другие тяжело давили Таджиков, делая из них вассалов, слуг и даже рабов. В настоящее время большинство их составляет миролюбивое, трудолюбивое и промышленное наследие которое от верхней Бухары, через Иран до Анатолии, Сирии и даже до Египта, везде находится в одинаковом положении подчинения. Таджики гораздо более развиты, смышлены, образованы, и склонны к искусствам, чем их дикие неучи повелители, на коих они должны работать и коим они отдаютили.... жатвы своих полей. Также и в городах, образуют они большинство населения и занимаются ремеслами, прислугою, поденным наймом и мелкою торговлею. Они очень ревностные Сунниты. В Сеистане и даже в Белуджистане, они составляют большинство населения и кое-где выселены по обычаю Востока своими владельцами, повелителями выси, в виде колонистов. Они представляют печальную картину всякого рассеянного народа, отданного на произвол бурных наплывов иноземных населений, который ищет спасения на скалах, островах и поморьях, и там, в бессилии и унижении, живет тем, что успел спасти из некогда гораздо лучшего прошедшего. Вероятно они, действительно уцелевшие в стране, остатки древних Гебров, или Персов, принявшие Исламизм и уступившие прежнее свое имя тем из своих со пленников, которые остались верными учению Зороастра и частью укрылись в горных ущельях Кирмана*), частью же, были загнаны мечем последователей Мухаммеда в Гузерат, в Индию. Обоих постигла та же участь³).

1. По Арриану в Heeren Ideen I от I стр 343

2.) Wiken uber die Verfassung u. den Ursprung der Afghanen 1820 стр.241.

3.) Chardin Voy T. II стр .179, III. стр3 и W. Jones Rech. Asiat. Discov. annivers. 1789 г. T. II стр.70.

*)В Кирмане так же как и в Иезде Гебры живут не в горах и ущельях, а в городах и на равнинах.

РИТТЕР К. ТАДЖИКИ.¹

Таджики составляют основную массу народонаселения в западной части Кабулистана, как на равнинах, так и по горам. Некоторые сведения об этом племени, извлечения из Эльфинстона, сообщено уже нами выше (С. 305-306). Можем дополнить их следующим, из Бориса, Вуда и Массона.

Описав прелести природы в Кугдамен, Борис, обращается затем к населению края, говорит: «Нельзя не сожалеть что прекрасная страна эта населена таким беспокойным и мстительным племенем как здесь Таджики. В других частях Авганистана те же таджики являются, напротив самым мирным классом населения². Здесь кровавые распри их безконечны: не проходит недели без схватки или убийства. По словам знакомцев моих, вполне достойных веры, здесь не редки случаи что человек, чтобы обезопасить себя от врагов, принужден замиратся у себя в башне на два, на три года, предоставляя в это время жене все заботы по имуществу и семейным делам. Случалось даже что такое добровольное заточение продолжалось восемь, десять лет. Здесь редко увидишь чтобы барин отправлялся в баню, на охоту, или просто выезжал из дому, не сопровождаемый несколькими родовичами (without a part of his clan) в качестве конвоя. В послед нее время (писано в 1836 году) строгие меры правительства подавили отчасти этот разгул самоволия: но место за убийство, допускаемо Магометанский законом. Поддерживает набеда, закоренелую привычку к кровавым распрям «Кровь за кровь»- это девиз Таджиков, и как они строго блюдут его, то каждое новое насилие увеличивает число враждующих, и усиливает бедствия проистекающих из распрей. Дети одного отца, но рожденные от разных матерей редко живут в согласии: слова тарбур означает здесь одинаково и «сводного брата» (cousin) и «соперника». В случае возмущения. Правительство старается обыкновенно заставить возмутителя бежать, и права его передает тарбуру бежавшего. Если вы спросите жителя кугестана, каким образом такие жестокие обычаи могли укорениться между ними, он серьезно ответит вам что происходит это- от горячительного свойства тутовых ягод, составляющих в виде муки, главную пищу здешнего населения (Сравн: выше, стр.570). Таджики здешние считаются лучшим пехотным войском в целом Афганистане, и на сколько известно, вполне оправдывают такое мнение. Это- здоровое и красивое племя, в одинаковой степени любящее войну и охоту. В случае нужды, их выступало в более тысяч до двадцати, хорошо вооруженных кремневыми ружьями. Дост – Мохаммед правит ими железною рукою: он казнил многих из здешней знати: те которым независимость и необузданная воля были дороже владений, покинули страну, и теперь пашут землю по болотам Кундуза и Балха, добровольно подвергаясь бедности и лишениям, лишь бы подчиниться порядкам заведенным на родине. Рассказывают, что в минувшие времена сам Надир- Шах ограничивался сбором

1. Риттер К. Землеведение. География стран Азии Кабулистан и Кафиристан СПб 1867.(С. 621).

2. Мирным характером отличаются, кажется, Таджики только живущие по городам и равнинах. Где не составляют большинства населения, и окружены Афганцами: там- же где живут сплошными массами, и особенно по горным долинам, славятся они, как и в Кугдамен, любовью к независимости своеволием и мстительности. Это видно из дальнейших о них известий.

с этого народа всего 300 штук палаточных жердей: государи- же Кабулские правили страну посредством известной знати, довольствуясь единственно военною службою народа. Теперешний властитель Кабула намерен, напротив, преобразовать здешних жителей в мирных граждан, и для этого вынужден был разрушить многие из замков, целыми кучами покрывающих Кугдамен».¹

Вуд, проехавшись Пендшарскою-Долиною, сообщает следующие сведения о ее жителях: «Пендширци, как и обитатели остального Кугестана – Таджики. До времен Бабера, они говорят, были Кафирами, точно так же как и Сериленги (жители Перванской- Долины). Теперь они Магометане Сунитского исповедания, и несмотря , на недавность своего обращения, отличаются страшным изуверством (Вуд и Лорд, видели мы выше, стр. 563, могли проехать невредимо их землями, лишь благодаря покровительству ими чтимого кугдаменского «старца»). Жителей в долине считается 7,000 семейств. До царствования Тимур – Шаха управлялись они девятью ханами, признавали над собою власть Афганских государей и спокойно выплачивали свои подати. С тех пор, зависимость их от разных лиц, занимавших Кабульский престол, была номинальная. Власть Дость – Мохаммед – Шах – Хана признается ими, но это ни гроша не прибавляется в его казну. Теперь здесь всякий сам себе голова, и долина сделалась театром постоянных смятений и кровавых усобиц. Все население обратилось в разбойников, убийство считается ни-почем. Посреди всеобщей анархии, есть один реже два владельца, составляющих утешительное исключение: это братья Ханджар – Хан и Мохаммед – Шах – Хан, мирно правящие, в красивом селении Бараки, 500 – ми дворов им подвластных. Считается в случае войны религиозной, или для защиты своей независимости, долина может выставить до 10,000 вооруженных людей. В подобных случаях домашние усобицы забываются навремя. Такое всеобщее восстание имело-бы место если-бы, например, Дост – Мохаммед попробовал принудить их к платежу подати. Кроме того, весьма сомнительно чтобы подать, какую можно было – бы собрать в течение нескольких лет, покрыла издержки экспедиции на этот предмет как по отношению к Пенджиширцам, так и к другим горцам Афганистана. Страна, сказал я, служит театром постоянных ссор, причем кровь льется ни-по чем, и за – частую разрушаются замки владельцев, но, стоит заметить, никогда, на сколько известно, не была повреждена при этом ни одна тутовая роща: без этого, страна, конечно, разорилась –бы в конец, так как ... из ягод шелковицы составляют главную статью продовольствия во всем Кугестан. В отношении к соседним Кафирам, между ними и Пенджширцами существуют такие же « замирения», как между Кафирами и Бадахшанцами. Замирение имеет место в – течение лет: с окончанием его, заложники возвращаются, и начинаются враждебные действия. Весною, когда горные проходы становятся доступны, «замирение» возобновляются. Случается иногда что договор бывает нарушен, но не до такой степени это часто, чтобы уничтожить взаимное доверие между обеими сторонами. При неожиданном набеге, при ночном нападении, хитрость Кафиров дает им верх: но днем ружье Пенджширцам доставляет ему огромное преимущество над вооруженным пикою Кафиром. Вообще Пенджширцы имеют репутацию хороших воинов. Оружие их состоит из ружей и Афганских ножей. Одеждою снабжается с Кабулских базаров, так как в самой долине ткацким делом занимаются мало»²

1.Cabool, p. 149-151

2.JourneytotheOxus, pp. 418-421

Кроме Кугдамена и Пенджширской Долиной, Таджики на север от г. Кабула составляют, можно полагать, значительную часть населения Горбендской – Долины¹ и занимают древними своими окраинами Беграмской-Степи и охватывающего ее Кугестана². Восточные, гнездятся они в долине Ниджроуской и глубже внутри гор. О все вооружены ружьями таджиков этой последней долины Массон замечает мельком, что со времен Бабера они в Исламе, поокрепли, храбры, многочисленны, все вооружены ружьями и достаточно сильны, чтобы отстаивать свою независимость³. О Таджиких, населяющих Легман и часть Джелалабадской – Долины к северу от Кабул-Дарьи и к западу от реки- Камы, известно, что здесь они вполне уже подчинились Афганцам: в округе Наджилском, в верхней части Алишенгской-Долины, находятся еще под управлением своего малима. Как, во время Бабера, сваливались искусством отварживать каплунов жители Ниджроуской- Долины, так теперь известны этим Наджилцы⁴. Дальше некоторого поселения Таджики в Северном-Кабулистане не заходят на востоке, служит, по-видному, побережье. Камы . крайним с севера селением таджикских на западном берегу этой реки является Чаган-Сарай⁵.

Яван которым говорят таджики, по общему отзыву путешественников-Персидский; этот Персидский язык, во всяком случае, должен представлять какие-либо особенности против того, которым говорят на Перси, но в чем заключаются эти особенности мы не знаем . У некоторых из таджиков употребительны особые наречия. Так Легманские Таджики, разумя и по-Персидски, говорят наречием которое называется Легмани⁶. Известно из него лишь несколько слов и фразы, запомненных Личем и Раверти⁷. Таджики Пенджширские и Наджрусские, таким же образом зная по-Персидски, употребляют между собою наречие называющееся Пашен⁸. Но несколько семейств, которые занимают с полдюжины деревень в горах к востоку от Ниджроу, и зовутся специально Пашайцами (Пашан), не знают, по удостоверению Массона, никакого другого языка кроме этого наречия. Пашайцы эти славятся гостеприимством ; женщины их закрывают все лицо сетками из конского волоса; главное селение зовется Гишти (Ишти, по Личу⁹). Личь указывает также на жилища Пашайцев по правому незовью реки-Камы: в Кульман, Шевь, Канди. Массон считает Пашайцев за Таджикив, но лишь употребляющих особое наречие; Личвсаде отличает Таджикив от Пашайцев, казавшееся Борнсу близко подходящим к Кафирскому¹⁰, известно до сих пор лишь по нескольким словам и фразам, записанным им и Личем¹¹. Массон полагает что Пашайцы-представители одного на самых многочисленных в древнее время народов Кабулистана, и что к племени их принадлежат как Сиагпуши, ныне именующиеся Сафийцами, так и жители Пенджшира, Ниджроу и Легмана-ныне слывающие Таджикиами¹².

1. У Лич число Таджикив к северу от р. Горбенда показано обычное незначительное, всего 70 дворов (Report and register, p. 33): кто могло думать что ими по-преимуществу занято пространство по скатам

2. Личь, I, с. р. 35-36.

3. Various journeys, I 222.

4. Массон, там же, I 222, 282

5. Массон, там же, I, 217, 280; Личь, с. р. 88.

6. Массон, I, с. I, 219.

7. Напечатаны в Journal of Bengal. Asist. Society, vol. VII, pp. 780-781, vol. XXXIII, pp. 272-277

8. Массон, I, с. I, 219-221.

9. Массон, I, с. I, 217-222.

10. Cabool, p. 218

11. Личего собрание напечатано в Journal of Bengal, vol/ VII, pp, 780-781, p. 771 Борнсова – него Cabool, p 398.

12. Various journeys , I, 219-221.

Что касается до Таджикив, в юго-западной части Кабулистана, говорящих особым наречием известным под именем Бареки (см. выше, стр 306), то Личь рассказывает будто Бареки эти слывут за колонию выведеную из семени знаменитым - Газнийскими, стало бы не только не таджики, но не принадлежат и к Индо - Европейским семейству говоря уже о том что Махмуд едва ли мог вызвать какую-либо колонию из имени, самое наречие Бареки, насколько знаем его из образчиков изданных тем же Личем и позже, Разерти¹, свидетельствует что в нем нет не только чего-либо Химярийского, но даже и Арабского. По Личу, у Баренов в Кабулистане два гнезда: в Кангиранском (Kamigurain) округ Земли-Вазирцев, другое - в Логар, где занимают они городок Барек и соседний с ним округ Раджанский (Rajan): в Раджан говоря они по - Персидски, наречие-же известное под именем Бареки употребительно только у таджиков в городке этого имени: и у Каниграмских. Управляются они своими наследственными князьками, которые, как и у других Таджикив, носят титул меликов: числом? простираются: Раджанские - до 2,000 семейства². По Раверти, Бареками же населена и древня Бушхак (см. выше, стр. 444³).

Некоторые сведения о таджиках в Майданской - Долине и по реке Логару встречаются у Муркрофта и Белью⁴. Некогда, по всей вероятности, занимало это племя и горное пространство между Кабульскою и Джелалабадскою равнинами. На восточной окраине, в Гандамак, Туту-Каджар, Нимл, Фетхабад и далее на юг до Сефид-Куга живет и теперь особое племя Коджанийцев (Kogianis, Kohganis), которое признается за остаток древнего населения Западного-Кабулистана, находя в обычаях этого племени черты общие ему с Легманскими Таджиками⁵.

Белью отзываясь вообще о таджиках, как о племени красивом и здоровенном, мало того в отношении телесных особенностей, отличающихся от Афганцев, и сходном с ними как в одежде, так и в обычаях: при чем замечает что много Таджикив находится на военной службе в рядах Пенджабского Корпуса Англо - Индийской Армии, где зовутся они Турками, т. е. «воинами», как бы в противоположность с именем Таджик, означающим специально «селянина». По Белью, Таджики зовут себя также и Парсиван или Парсизвойн, Персо-язычными», «людьми Перссково - Языка»⁶. Нам кажется что Таджик и Кабулистан - боле нарицательное чем собственное имя, и употребляется в устах Афганцев не столько для обозначения одного, этнографически особого, племени, сколько в качестве имени общего всем старожилам страны, какого - бы ни было они происхождения, лишь бы старожилы эти исповедывали и говорили по-Персидски. Так например, жители Педжширской - Долины слывут теперь вообще за Таджикив, между - тем известно несомненным образом, свидетельствует Раверти, что они - о мусульманившиеся Кафиры (Сиягнуши)⁷

1. Напечатан в Journal of Bengal. Asist. Society, vol. VII, pp. 728-729, vol. XXXIII, pp. 272-277

2. Там же, стр. 727-728, Санч. Бориса, в Cabool, p. 269.

3. Journal of Bengal Asist. Soc. Vol. XXXIII, p. 217.

4. Travel in the Himalayon provinces. II, 382: Journal of a mission to Afghanistan in 1857, p. 175 и 178.

5. Variuos Journeys, I, 229, III, 185. В Султанпур (Верхнем) житель по Муркрофту (Travels in the Himalayah provinces, II, 8600), Таджики. Из Таджикив же вместе с афганцами состоит сельское население западной части Джалалабадской - Долины и по Могань-Лалло, тогда как в восточной ее части населения, по словам его, большею частию Индического происхождения, и говорит на языке Индустани, разуме впрочем по персидский, так и по Афгански. См. Travels in the Panjabetc. pp. 342-343

6. Journal of a mission to Afghanistan, p. По - Эльфинстрану. (Kingdom of Caubul, p. 310) Персивонаме зовут себя не сами Таджики: а зовутся они так у соседний своих в Афганистане и Туркистане. Это кажется, вернее.

7. Journal of Bengal Asiatic Soc. Vol. XXXVIII

ХАНЬКОВ Н.В.* О ТАДЖИКАХ.¹

Вопросы о Таджиких и разъяснение их происхождения и значения этого имени, по-видимому, сильно занимали Риттера. Во многих местах, своей объемистой географии Азии, он возвращается к нему и хотя он неоднократно выражает убеждение, что вполне решил-эту задачу, но видимо, сам мало этому верит, и из года в год, существенно меняет свои заключения на этот счет.²

Было бы лишнее собрать в одно все отрывистые заметки его о таджиках, рассеянные по всей его географии, а особенно в Томах V и VIII, тем более, он сам приставил свод чужих и своих исследований этого вопроса, на страницах 713 – 728 V-го тома и в вышеозначенной статье, которую мы перевели, так что мы ограничимся разбором этих двух мест его ученого труда.

В Т. V стр. 717, изложив выписки из китайских летописей, где говорится о Теводжи т. е. Таджиких заметив, весьма основательно, что китайцы не смешивали их с арабами, которых называли персидским именем их Тази, переделав его в Таши, и упомянув, что позднейшие китайские писатели называют персиян Посе. Он говорит: “как ни неполны эти китайская сведения, всё же они важны тем, что они положительно свидетельствуют о том, что Теводжи, или Таджики, все персияне. Это, по-видимому, было их древнее название, которое и доселе сохранилось у всех народов, говорящих по - персидски и рассеянных вне Персии ”

За тем он излагает, без всяких замечаний, мнение, высказанное Сен-мартеном (Saint-Martin) в 1823 г. в *Journal Asiatique*: 1) что Дахи, древних географов, были Таджики, 2) что Арзакиды были Дахи.

Далее, на стр. 724, Риттер замечает) “что слово Тат, ни в каком случае, не тождественно с словом Таджики, но что Тат означает только “покоренный и поработанный народ”; не говоря откуда он заимствовал это объяснение.

Наконец, на стр. 725, мы читаем: “словом Сарт означают, вне Персии, те же промышленные и говорящие персидские населения, которые по персидски называют Согдагерь или Судагорь, т.е. слово в слово *Handelsleute* ”. После чего он, весьма справедливо, нападает на Потоцкого, который в этом слове, Согдагерь, хотел видеть отголосок происхождения этих Согдагерей из Согдианы.

Таковы были мнения Риттера в 1837 году, в эпоху издания его V-го тома. В 1839 г. два года спустя, он уже начинает, как мы видели, свое рассуждение о Таджиких, словами: “Именем Татов, Таджиков, Тадшиков, Тадшеков обозначают по всей Иранской выси главную массу земледельческого населения” и т. д. Следовательно в 1839 он не только уже не отрицает возможности видеть в слове Тат синоним Таджики, но даже забыл о своем отрицании, так как на стр. 185, VIII Т. мы читаем: (*Asien, Westasien. B. V S. 242, 713 – 728*), wo auch schon von diesen Tadschik oder Tat

* Николай Владимирович Ханьков (1822- 1878), известный учёный ориенталист.

1. Ханьков Н.В. Примечание к объяснению 2-ой главы II-й Риттерова подлинника: Жители восточного рубежа Ирана аборигены и переселенцы. Из книги: Риттер К. Иран. Перевод и дополнение Ханькова Н.В. – Санкт-Петербург, 1874.

2. Стилистические и лексические особенности текста автора приведены без изменений в соответствии с нормами литературного языка того времени,.

in Bochara und Afghnistan die Rede war. Далее мы читаем "Im Persischen und bei den Balludschen heissen sei (т. е. Таджики) Dergan, Dehkan, Dehwar, (Deh ist Dorf bei den Belludschen); bei den Usbeken heissen sie Serds, anderwärts Owknars u. s. w. На странице 187 мы читаем: – Dieses persisch-arabische Volkergemische der Ebenen, die Tadjik, wurden die arbeitende Voksklasse fur alle neueren einwandernden Dynastien и т. д. Наконец на той же странице Риттер кончает свое исследование словами:

Wahrscheinlich sind sie wirklich zum Theil die im Lande gebiebenen alten Guebren und Ur-Perser, welche zum Islam ubtrgingen, und diesen Namen denen uberliessen, die der Lehre Zoroasters treu blieben и т. д.

После всего этого спрашивается, какое же наконец мнение Риттера о Таджиких? Все ли они Персияне, помесь ли от Персов с Арабами, Дахи ли это древних географов, или наконец это остатки Гебров, принявших Исламизм и оставшихся на прежних местах жительства?

Всей этой сбивчивости, сколько мне кажется, Риттер бы избежал, если бы он обратил внимание на самое слово Таджики и на историю этого слова. Слово это не просто звуковое слово, имя собственное, коим означают какое-нибудь отдельное племя, или своеобразную народность. Слово это очевидно должно иметь соотношение с персидским существительным тадж, корона; из коего оно образовано прибавкою звука (ک)к, или (یک)ик, так как Таджикив пишут и (تاجیک) (تاجیک) Прибавка (ک) к концу слова, в новоперском языке, большею частью, уменьшает значение корня, к коему оно прибавлено, иногда же, как Ричардсон правильно приводит в слове (مامک) (мамак) она означает усугубление достоинства корня, так (ماما) (мама), мать, (مامک) (мамак), любимая мать, наша матушка. это значение звука к, в конце слова сохранилось и в славянских языках, напр. в русском, ножик маленький нож, коврик, маленький ковер и т. д. Но это не все: в славянских языках, звук к с твердым или мягким придыханием, ъ и ь, означает: употребление корня в какое ни будь дело, напр. садовник, человек возделывающий сад; чиновник, носящий чин и т. д. В новоперсидском форма эта почти утратилась, отчасти заменившись отглагольным окончанием, как напр. в слове чек медуз, т. е. шьющий сапоги, джилдсаз, делающий переплеты, багбан, - смотрящий за садом, и т. д., отчасти же вытеснена монгольским окончанием чи, как напр. достарханчи, скатертщик, афтабачи прислужник, носящий кувшин с водою афшаба, и т. д. Тем не менее форма эта свойственна даже и новоперсидскому языку, как напр. в слове (پیک) (пейк), хожалый, пеший слуга, происходящем от слова (پی) (пей или пай нога), (سالک) (саяльк) годовик, рана длящаяся год, саль по персидски. Таким образом Таджики значит, коронник, человек носящий корону. Но само собою разумеется, что здесь дело идет не о царском венце, а о том, который имеет такое важное и мистическое значение в Зороастром учении и коим, несомненно, прежде отличались последователи этой веры от неверных, подобно тому как христиане, доселе еще отличаются ношением креста, а мусульмане чалмою. Из всего этого, мне кажется, позволено заключить, что слово Таджики, как арабское слово салеби (крестник) или Бенусалиб (сын креста), как наше слово крестьянин, т. е. крестящийся, носящий крест, крещеный, не было вначале именем этническим, т. е. именем какого ни будь отдельного племени, а просто означало всех последователей учения Зороастра. В течении веков, вера эта была особенно усвоена Иранцами, поглотившими все чуждые национальности, исповедывавшие ее; это также несомненно, так как даже в классической древности, в списке народов населявших Персию, со времен

Геродота и Дариевой надписи, мы беспрестанно видим эту внутреннюю, племенную работу. Новые племена, то появляются, то исчезают, а общий этнический термин, Иран, постоянно растет и, во времена Сасанидов, входит уже в титул царей, повелевающих Ираном и противоположным ему, ан-Ираном, т. е. не Ираном. Самое географическое распространение этого имени ручается нам в справедливости этого объяснения. Всего более распространено это имя в колыбели учения Зороастра, или правильнее там, где оно, впервые, сделалось государственною верою, в древней Бактрии и Согдиане. Действительно в Бухаре, Балке и Авганистане, Таджик — всякий, считающий персидский язык, языком родным. В Хорассане и Сеистане слово это уже теряет свое резкое определительное значение. В западной Персии и в Закавказье его вовсе не употребляют, иначе как в сокращенной его форме Тать, но что это последняя имеет тоже значение, в этом нам порукою свидетельство Итальянского дворянина Pietro della Valle, бывшего на службе у Шаха Аббаса, в начале XVII века. На стр. 469 Т. II французского перевода его писем, напечатанного в 1663 г. мы читаем: «Кизилбаши есть имя известного, вторгшегося в Персию и усилившегося там как я Вам писал уже прежде при Шахе Исмаиле Софи; тогда как Тать есть название тех, которые нисходят, по прямой линии от истинного древнего персидского племени». Таким образом название Таджик становится тем реже, чем мы более удаляемся от центра учения Зороастра.

Сен-Мартен, рано похищенный у науки и оставивший основательные труды по части изучения востока, относительно Таджиков внес несколько не возможных толкований, объясняемых только тем, что они плоды его первых ученых изъяснений, которые он несомненно сам отверг бы в последствии. Он высказал их в небольшом примечании к статье Клапрота помещенной во. II Т. Journal Asiatique стр. 161 и 162 1823 г., где автор доказывает, что Бухарцы говорят по персидски. Первый том этого ученого сборника стали же довольно редки и потому мы полагаем, что наши читатели будут довольны прочесть слова Сен-Мартена в подлиннике. Заметив, что Дахи скифское племя, он продолжает: 2 que les Parthes et les Arsacides appartenaient a cette branche des nations scythiques, que les noms des Dahi et de Tadjik ou Dadjik etaient leur denomination nationale et qu'ils la communiquerent aux Persans leurs sujets. 3 Que cette appellation, repoussee par les Sassanides et les Perasns affranchis du joug des Parthes, n eut plus des-lors en Perse d'autre sens que celui de Barbares. Mais que les peuples de la Scythie et de la Haute Asie restes etrangers a ce changement politique ont rapporte ce nom vers l'Occident, quand ils sont venus s'y etablir; ils ont donne cet antique nom aux Persans vaincus, comme ils avaient coutume de s'en servir pour designer les Persans qui habitaient parmi eux.

В этих нескольких строках более неправды, чем слов, и если бы они одни остались у нас от ученой деятельности Сен-Мартена, то мы вправе были бы усомниться в его здравом смысле. Что Дахи были Скифы, т. е. народы Тюркского племени, это несомненно. Я объясняю даже имя их Турецким словом Даги, т. е. Дагестанцы, жители горного пространства северо-восточного Хорассана, окрестностей Буджнурда. Столько же вероятно, что Арзакиды, принадлежали к этому племени; все остальное за тем — неудачная попытка Сен-Мартеня, согласовать сбивчивые сведения, переданные нам армянскими писателями о происхождении Парфянского царства. Мы легко допускаем, что Моисей Хоренский может быть прав, повествуя, что Аршак, не надеясь на силу одного племени, для свержения ига Селевкидов, обратился за помощью в Бактру и что тамошние Таджики приняли

участие в основании Арзакидской монархии; но чтобы Арзакиды признавали себя Таджиками и более того, чтобы они сообщали бы это прозвище царского рода всему покоренному ими народу, это положительно неверно и опровергается как всею нумизматикою Арзакидской эпохи, так и сказаниями древних о Парфянском царстве. Столько же гадательно отвержение Сасанидами этого слова и восстановление его, в Персии, позднейшими Тюркскими завоевателями страны. Первые Тюркские властители Персии, после Сасанидов, были Сельджукиды; но мы напрасно стали бы искать на их монетах надписей их царей и в литературных произведениях этой эпохи, возобновления употребления слова Таджик. Так, что все сказанное выше Сен-Мартеном, должно отнести в область ученых гаданий, не имеющих ни малейшего разумного основания. Лучшее доказательство неверности гипотезы Сень-Мертеня о восстановлении Тюрками слово Таджик, есть то, что сам Риттер приводит, весьма основательно, т. и., что Тюрки называют Таджиков Сарт, Овкерь и т. д. Объяснить происхождения слова Сарт, я не берусь, что же касается до синонима его Овкер, или правильнее Уйгюрь (اوگر) то оно очень выразительно, так как оно значит 'Ante и из него составлено два глагола (اوگرشمک) praecedere, praecosurare, прае, суггеге, и (اوگرشمک) praеire, следовательно хорошо применяется к автохтонам, к населению, предшествовавшему Тюркскому вторжению. Теперь нам остается только сказать несколько слов о мнимом семитическом происхождении Таджиков, нашедшем поборников, как между ними самими, так и в персидских словарях, составленных восточными писателями.

Упорное преследование Хюджаджем поколения пророка в Месопотамии в последнее двадцати пятилетие первого века Хиджры заставило многих Сайидов из Куфы, Бассоры, Багдада, или правильнее его окрестностей переселиться в Трансоксиану. Один из известнейших между этим выходцами, был Сейид Сулейман, сын Абдуллы Хеддада и правнук Зейнъель Абеддина. Выселясь в Ургенджь, он женился там на сестре Сеида Махмуда, прозванного Энджири Фехнови, похороненного в Пирместе, селении окрестностей Бухары. От этого брака родилось двое близнецов, которых отец назвал, в честь сыновей Али, Хасаном и Хусейном. Кроме того у него была еще дочь. Эта последняя вышла замуж за одного Бухарского Сайида, сын коего Эмир-Кулаль, есть праотец обширной ветви Сайидов Кулали, весьма многочисленных в Бухаре и Вафкеиде. Хасан не имел потомства, от Хюсейна же осталось двое сыновей, Джелаль и Кемаль, первый считается прародителем всех Сейидов Афганистана, от второго же ведут свой род отрасль Бухарских Сейидов, так называемые малые Сайиды, Сейиди Хурд. Наконец 3-я отрасль Трансоксианских Сейидов Сейиди Ата, также происходят от Сейидов, бежавших от преследований Хюджаджа. Все эти отрасли, несомненно мешались с Таджиками и, весьма естественно, что между Мусульманами семейства состоявшие в родстве с этими именитыми переселенцами, пользовались особым уважением. Это продолжается и доселе, так что нечему удивляться, что почти все таджики домогаются Арабского происхождения. Мы видим, таким образом, что те из них, которые уверяли Вуда, что они Багдадцы по происхождению, не были вовсе не правы, но они распространили на всех своих соотечественников то, что было верно для немногих семейств их единоплеменников. Впрочем Вуд напрасно думает, что эти притязания на арабское происхождение, общее, без исключения, всем Таджикам, так как мы знаем, по свидетельству Массона, (Trav. In Beljuchistan and Afghanistan T. I стр. 217), что Биджарские Таджики, ведут свой род от Кейанидов.

Кроме этой исторической основы легенды о арабском происхождении Таджиков, есть еще одно обстоятельство, способствовавшее укоренению ее на Востоке, а именно то, что во всех лексиконах слово тазик, تازک, легко смешиваемое со словом Таджикъ, объясняется, как: (اداء الفصلا) تازک ان بچه عربی که در عجم بزرگ شود. Тазик, – тот арабский ребенок, который родился в Персии.

وين اصلیت 23575 Кет. Рук. Брит. Муз. Повторяя тоже прибавляет: طایفه ترکان عرب را تازیک گویند т. е. и это верно, Тюрки же (всех) арабов называют Тазиками. Бурхаки Катий перенес это значение на самое слово Таджики.

Переходя к разбору истории самого слова Таджики, мы заметим, что слово это происхождения персидского, хотя многие Семиты усвоили себе вполне слово تاج (тадж, венец), встречающееся в Сирийском в форме Тога (תוגא) у Халдеев תוגא, и хотя это усвоение произошло, вероятно очень рано так как оно попадает в Сирийском переводе Библии, а что оно тем не просто переименованное греческое слово ταυος военно начальник у Фесалийцев, доказывается тем, что в соответствующем месте греческого перевода 70 толковников, употреблено слово ταυον. Арабы приняли для него особое множественное تيجان (Тиджан) сделали из него глагол توج Но тем не менее оно и в арабском сохранило значение тиары, свойственной Персиянам, тогда как اكلیك (иклиль) есть собственно арабской слово для означения венца, а عمامة (а маме), означает головной убор Арабов. Камус по уверению GoIius a, объясняя значение причастия متوج венчаный, говорит, что его употребляют особенно говоря о царях Персидских, тогда как ممام (муи ммамь) говорится о царях Арабских; в текстах Камуса, которые мы просматривали этого нет. В Коране оно также не встречается, но Мутенебби, автор X – го века, уже употреблял его в форме متارج (мютаведжун), для означения верхней части головы. В персидском как самое слово Тадж, венец, так и производная его Таджикъ, венчик и носящий венец, Тадждар, имеющий венец, Тадждвер, венценосец, без сомнения очень стары, так как мы знаем по Дегинью (Hist. Dts Huns T. II p. 51), что в Китайских летописях, под 122 г. до Р. Х., по отзыву полководца Тан – Киао, говорится о царстве Тиаоджи, дальнейшие же часта упоминания о них китайскими летописцами не позволяют сомневаться, что тут дело идет действительно о Таджиких. Кроме того таджь очень давно усвоено армянами в форме թաղ Tagh, из него они сделали таговур, слово в слово персидский ٿور Венценосец. В Индустану, оно по Forbes у EngI. Hindust. Diction. 2 – е изд. 1857, употребляется народом в форме Thath. Греческое слово ταυος Встречающееся уже у Эсхила, обыкновенно производят от глагола ταυω, но я не уверен, чтобы оно не имело соотношения с таджем персиян. Как-бы то ни было слово это очень древнее и со всеми своими производными было в употреблении за несколько веков до Р. Х. Если же это так, мы непременно должны найти упоминание о Таджиких и у древних греческих писателей. Действительно в III кн. 91 Ист. Геродота мы читаем, что Саттагиды, Гандарийцы, Дадики и Апариты все вместе платили 170 талантов подати в год, внося ее в Сузе, и составляли 7- ую Сатрапию. А так как Суза, о которой здесь идет речь, очевидно не Сузиана, западная, т. е. теперешний Шуштер, а Суза Арийская, где, по Арриану, Александр Македонский, на походе из Гилина и Мазандерана в Бактрию, назначал Сатиборзана Сатрапом Арийцев, то весьма вероятно, что Дадики, Галикарнассага Историка, Хорассанские Таджики, чем более, что в кн. VII, § 66, Геродот сравнивает их, по вооружению с Бактрийцами. Хаммер того же мнения об этих Дадиках. (См. Wiener Jahrbucher T. LIII стр. 25.).

Далее Риттер (З. Аз. Т. VII стр. 714) заметил уже, что Дионисий Перигетский, современник Нерона и Траяна (54 – 93 г. п. Р. X.), упоминает об них под именем Таолаи Место это весьма замечательно и мы приведем его в подлиннике из Firmin Didot изд. Geogr. Gr. Minor. T II стр. 168 – 170, стихи 1066 до 1070. Заметив, что Персия страна обширная, окруженная горами и простирающаяся от Каспийских ворот, до соименного ей моря и упомянув о Трифорийцах, Дионисий говорит: πρώτα Σαβαί, μετὰ τοὺςδε Πασαγάδαί, αὐτὴ δὲ Ταολαί т. е. первые Забы, после них Пасаргади, а потом Таски¹. Так как Дионисий, по видимому, идет в этом перечне, с Запада на Восток, то его Таски, или Таджики, приходятся самыми восточными. Это тем замечательнее что в кн. VI гл. 12 Согдиане, Птолемея, мы читаем что Паолаи (Паолаи, стр. 119 ed. Ster. Lipsi, 1843 in 12?) жили под Оксианскими горами πρὸς τοῖς Ὠξειῶς ὄρεσιν Πασῶται, так что я несколько не сомневаюсь, что эти Пасῶται произошли от описки переписчика, сделавшего Π из Т, а Таοῶται есть несомненно, самая правильная греческая транскрипция слова Таджики. В течение всего периода династии Сасанидов, Китайцы находились с ними в самых тесных сношениях и последние остатки этого царского рода нашли в Китае приют от преследования арабов и не теряли надежды возратить себе престол с помощью Пекинского двора, до 771 п. Р. X. где об них в последний раз поминается в Китайских летописях. По мере того, как Китайцы знакомились с более западными областями персидской Монархии, они стали употреблять и слово После, для означения Персиян, не оставляя однако же и прежнего означения их именем Тиаоджи, так что нет ни малейшего сомнения, что слово это несколько не считалось зазорным при Сасанидах. Как же объяснить теперь, что термин этот совершенно пропадает с подчинением Персии арабам и с принятием персиянами Мусульманской веры? Я напрасно искал его в арабских географах первых столетий Хиджры, его нет даже в персидском перевод Истории Табари, сделанном в Бухаре. Боле того, не только Якут, последний арабский географ до-Монгольской эпох, но даже Ибни Батута, первый арабский путешественник, поле завоевания Персии Монголами, не упоминают о них. Вообще, повторяем, до эпохи Тимура, слово это как бы пропадает из языка. Даже после Тимура, напр. В записках Бобера, оно попадает всего два раза (стр. 140 Memoirs of Baber by Erskine), а именно он говорит: «В Кабульском государстве есть много различных племен. Долины и равнины его заселены Тюрками, Еймаками и Арабами. В городах и в большей части деревень живут главным образом Таджики. Многие другие селения и округа занимают: Пашаи, Парачи, Таджики, Береки и Авганы. В горной части области, к Западу, живут Хезаре и Нукдери. Между Хезаре и Нукдери², есть еще племена говорящий по Монгольски». Всего же замечательнее то, что Султан Бобер о Таджиких упоминает только описывая Авганистан, так как Таджиков Хокандских, он называет Сартами, а именно в описаний Мургинана, (стр 3 пер. Erskine), он говорит: «Все жители Сарты, они природные кулачные бойцы, крикуны и беспокойного нрава, так что они славятся по всему Мавероиннехру своею шумливостью и страстью к кулачным боям. Самые знаменитые кулачные бойцы Самарканда и Бухары, суть Мургинанцы.

1. Бредов, в бумагах коего нашли метрический перевод Перипла Дионисия Перигетского, так передает это место: Erst die Saker, nach ihnen Pasargaten, nahe die Tasker, Und die sonst von einander gesonderts Persis bewohnen

2. Это без сомнения Нукодорп Марко Поло

Исчезновение этого слова из – языка письменного действительно поразительно. Благодаря богатству рукописей Британского Музеума и обязательности хранителя их Г. Ріе я пересмотрел множество старых персидских словарей каковы *موبدالفصلا، فرهنگ رشیدی، اداة الفصلا، فرهنگ جهانگری*, но нигде не нашел ни малейшего упоминания о Таджикиах. Они начинают попадаться в лексиконах со второй половины XVII мы отнести вторичное возвращение этого слова письменному языку.

Таким образом очевидно, что в слове этом было что то противное арабам, и если бы оно просто означало «народ говорящий по персидским», то, наверно, арабы не выключили бы его, но так как оно значило «Тиарник» т. е. носящий внешний знак исповедования религии Зороастра, то не только ревностные Мусульмане, завоеватели, но и обасурманившиеся, завоеванные, рады были отказаться от него. За тем, чтобы не смешивать их с теми частями Иранского населения, которое, несмотря на притеснения, остались верны учению Зороастра, арабы назвали последних Кяфырами, т. е. незаконными, из сего в последствии, выработалось: Гяур и Гебр.

Таким образом мне кажется несомненным, что слово Таджики, означавшее, с глубокой древности и до покорения Персии арабами, приверженцев учения Зороастра, вышло из употребления вследствие причин религиозных и вновь появилось в письменном языке, уже после того как Монголы, потоками крови, разбавили несколько семитический фанатизм, привитый арабами Иранцам, в такую эпоху когда Исламизм уже довольно окреп, чтобы не бояться старых воспоминаний, - и появилось действительно в смысл термина этнографического «Персоязычников» Теперь Таджики не Мусульман нет; но замечательно, что между ними более чем между другими – Иранцами сохранилось поверий, носящих печать того первобытного уважения огня, которое должны были ощущать первые люди, понявшие возможность, применить эту природную силу к надобностям человека, так резко отличающую теперь людской род, от всего царства животных. Откуда бы вы не вступали в Хорасан, т. е. с Севера ли из Мазандерана, или с Запада, из Ирана, всех поражает обычай, невиданный вами дотоле в Персии, а именно, что деревенские пишвазы, выходящие для почетной встречи путешественника, едущего с казенным проводником или михмандаром, всегда предшествуемы человеком, несущим на голове, как зимою, так и летом, жаровни с горящими угольями. Чем боле вы подвигаетесь к востоку, тем более эти следы древнего огнепочитания учащаются. Вуд на 333 стр. своего путешествия к вершинам Аму- дарьи, говорит: «я уже имел случай упомянуть об отвращении Бадахшанцев тушить свечу дую на нее, здесь (т. е. в Вахане) также можно найти следы древней религии Зороастра. Ваханец считает дурной приметой если потушат свечу подув на нее. Он предпочитает махать рукою перед зажженной сосновой лучиной, служащей ему свечей, чем прибегнуть к более действительному средству, но средству для него противоположному». Почти одновременно с поездкою английского путешественника к вершинам Оксуса, я был в Бухаре и там заметил также остатки подобных поверий, о которых я упомянул на стр. 208 моего описания Бухарского ханства. Так напр. не смотря на строгость исполнения обрядов Исламизма в Бухаре, у них есть обычай, сильно порицаемый духовенством, праздновать всякую весну, так называемую Суннитскую Среду, Чехоршанбеи сунни, напоминающую наш канун Купалы. После заката солнца разводят костры и прыгают через пламя. Больных лечат огнем, обводя их три

раза вокруг костра и заставляя их прыгать чрез него, кроме того зажигают машал и заставляют больного смотреть на пламя, при чем его легко ударяют по спине, приговаривая «чулььярга кить, куллярга кить, т. е. ступай (болезнь) в пустыни, ступай в озера». К этому я прибавлю еще, что зажиточные после рождения ребенка, зажигают, в течении 40 ночей, над колыбелью новорожденного свечу, с тем, чтобы отгонять от него злых духов. Во время Рамазана, народ предается игре огнем, оташбази, при чем это слово, значащее в Персии просто фейерверк, имеет совсем другое значение. Играющие образуют два стана и в пространстве, разделяющем их, зажигают нечто в роде наших фальшфейров, называемых Махътаби (лунным светом). Каждый стан старается завладеть ими осыпая противников бураками и шутихами.

Чем бы ни были Таджики в отдаленные времена, когда составилось это слово, - теперь, они несомненно, самые достоверные образчики древней Иранской расы, по этому в моем *Memoire sur l'Ethnographie de la Pers*, я старался, сличая их черепа с черепами других представителей Иранской народности, придти к какому либо положительному заключению о форме их головы. Вывод, к которому привели меня, как мои собственные измерения, так и труды других, по этой части, я выразил так: (стр. 62):

Типический Иранский череп представляет костяную округлость значительной емкости. Она в 2 раза длине противу ее ширины. Высота ее менее значительна, чем у Семитов, но превосходит высоту туранского черепа. Лобовая кость мало развита, полукруглые линии висков довольно далеко отстоят друг от друга. Череп этот довольно плосковершинен; затылок его тоже мало изогнут.

ХАНЫКОВ Н.В.* ЗАПИСКИ ПО ЭТНОГРАФИИ ПЕРСИИ.¹

Чтобы составить некоторое представление о значении этнографических выводов, полученных путешественниками, позаимствуем из некоторых общих трудов по этой науке изложение основных черт, к которым прибегают для характеристики народов иранского корня. Обратимся прежде всего к краткому, но богатому ценными сведениями произведению г-на Омалиуса де Халлояб, озаглавленному «О человеческих расах или элементах этнографии», а также к труду г-на Перти⁷ «Основные черты этнографии», заслуженно снискавшему в Германии славу весьма солидного исследования.

Причислив иранские народы к арамейской ветви, г-н Омалиус на стр. 36 главы «Общие отличительные признаки» пишет: «Народы, которых мы объединяем под названием «арамейская ветвь», обычно черноволосы и черноглазы; их кожа более подвержена загару под воздействием солнечных лучей, чем кожа европейцев; они среднего роста, и у них выразительные лица». Далее, на стр. 43, читаем: «Народы иранской семьи, подобно народам семитической семьи, достигли в древности уровня развития, который затем скорее упал, чем повысился. Мы уже сообщили, что их языки принадлежат к группе, названной лингвистами индоевропейской; считают, что эта группа языков зародилась на персидских и туркестанских плато, откуда они, по-видимому, распространились в Индостан и Европу. Однако мы склонны полагать, что упомянутые языки, наоборот, появились в Азии благодаря европейцам, предпринимавшим, по всей вероятности, завоевательные походы в этой части Земли в доисторические времена; им, очевидно, удалось в значительной степени видоизменить язык покоренных народов, с кото-

рыми они смешались». Наконец, на стр. 44 сказано: «Вообще таджики хорошо сложены, их отличают густые черные бороды; по характеру – это веселые, остроумные, деятельные люди, но легкомысленны, любят роскошь и торжественность обрядов». Г-н Перти относит персов к арийско-океанической расе, представителям которой, по его мнению, присущи следующие основные особенности: «Овальной формы голова, открытый лоб, выступающий нос; скулы на щеках либо небольшие, либо едва заметны. Глаза продолговатого разреза, часто голубые, волосы светлые, каштановые и черные, бороды густые, кожа более или менее светлая, на щеках румянец» (стр.70). А на стр. 82 и 83 написано «Персы, или таджики (как они ими себя называют), – весьма распространенный в Азии народ. Они расселились на Иранском нагорье до реки Инд; их встречают даже в Туране и в западной части Верхней Азии. Они основали поселения в России и в Сибири... Таджики, проживающие в современной Персии, среднего роста, светлокожи, с живым и острым умом. Они вежливы, но в их характере вследствие подчинения

1.* Николай Владимирович Ханьков (1822- 1878), известный учёный ориенталист. Записки по этнографии Персии Москва, Наука 1977

деспотической власти выработались черты лживости, угодничества и плутовства, склонны к чувственным удовольствиям».

Физические особенности иранской расы

«Большая часть Персии населена полукочевыми народами; они переходят с места на место, живут в палатках и возделывают землю, используя труд своих рабов и слуг: это иляты, или кочевники. В большинстве своем они не являются персами; некоторая часть представлена тюрками, другие ведут свое начало от монгольских орд или афганцев, и, наконец, есть такие, происхождение которых точно не выяснено. Города и окрестности заселены исконно персидским народом, который повсюду называют таджиками, а не персами. Действительно, таджики — чрезвычайно известный и очень распространенный на Востоке народ. Они проживают не только в городах Персии, но также в городах Трансоксании и повсюду на равнинах, подвластных узбекским татарам. Существует мнение, что таджикские поселения встречаются на территории вплоть до границ Китая или по крайней мере до Тибета. Сэр Дж. Шарден, наиболее знаменитый из всех путешественников по Персии, склонялся к мысли, что древние персы, подобно монголам, были уродливы и не являлись одаренным народом и что тип красивых людей, столь распространенный среди современных персов, унаследован ими от черкесских и грузинских наложниц. Возможно, этим мнением он обязан илятам, которых он спутал с персами».

Далее, процитировав в подлиннике отрывок из Шардена, только что приведенный нами, Причард продолжает: «Ничто не может быть так далеко от истины, как догадка уважаемого и опытного путешественника. Ему возразил сэр В. Оузли, заявивший, что сеодревние авторы, касавшиеся данного сюжета, единодушно отмечают красоту и исключительную пропорциональность форм персов и мидийцев. Они говорят, что эти народы отличаются красотой и гармоничным телосложением, а Аммиан Марцеллин¹ пишет о Персии как о стране, «где женщины особенно красивы».

Современные таджики, или собственно персы, называемые тюрками кызылбаши, славут исключительно красивым народом; у них удлиненные, овальной формы лица с правильными чертами, черные, красивого рисунка брови, большие черные глаза — «глаза газели», что среди жителей Востока служит признаком исключительной красоты.

Жителей персидского корня, проживающих в восточных провинциях Персии, именуют в настоящее время обычно таджиками. Термин этот, совершенно отсутствующий на западе Персии, начинает входить в употребление в качестве обозначения определенной категории населения в Восточном Хорасане, в Систане, Герате и в Афганистане; общепринятым он становится применительно к каждому человеку, персу по крови, лишь на берегах Оксуса и за этой рекой. Правда, это слово, но в сокращенном виде, известно и жителям запада Персии: на северо-западе, например, «татами» называют аборигенов областей, подпавших под владычество тюрков. Первым из европейцев, кто оставил какие-то упоминания обо всем этом, был, по-моему, Пьетро делла Балле. Вот что он, в частности, пишет во втором томе

1. Аммиан Марцеллин (ок. 330 — ок. 400) — римский историк.

своего труда (стр. 468 и 469 французского перевода 1663 г.): «Привилегированное сословие (я имею в виду тех, кого называют кызылбаши и кто является воинами по происхождению) пополняется не из их среды (не из числа воинства), а создается исключительно из райятов, т. е. из вассалов, или тагов — людей, являющихся тем же, чем по нашим понятиям являются самые низы. На самом деле «тат» означает в Персии «простолюдин» — прозвище, распространяемое лишь на тех, кто не превратил в род своих занятий ни ношение оружия, ни служение при особе царя. Однако если мы внимательнее отнесемся к вопросу, то установим, что тат благороднее по происхождению, чем кызылбаш, поскольку действительно кызылбаши — это название определенной прослойки людей, появившейся и вскоре ставшей могущественной благодаря своей силе, прослойки, которая начала заявлять о себе, как я уже писал ранее, при царе Исмаиле Сефи. Что же касается татов, то так называют тех, кто происходит по прямой линии от действительно древних персов»¹.

Мы поговорим о татах подробнее, когда будем касаться разновидностей первоначального типа иранцев в различных частях Персии, а также когда поведем речь о размещении персидских диалектов; сейчас же вернемся к таджикам.

Слово это, очевидно заимствованное от персидского существительного «тадж», или «корона», не упоминается ни у древних авторов, ни в ахеменидских надписях. Геродот говорит о дадиках, саттагидах, гандариях и апаритах, объединенных в седьмой округ с установленной для них податью в 70 талантов (здесь опечатка; у Геродота — 170 талантов. — Пер.), выплачиваемых Сузам. Последнее обстоятельство вынуждает нас разместить их на западе империи Дария, тем более что их подразделением в армии Ксеркса командовал сын брата Дария — Артабана. Тем не менее я, подобно Хаммеру (см. его «Венский ежегодник», т. LIII, стр. 25), весьма склонен принять их за таджиков, так как Геродот в своей «Истории» (кн. VII, разд. 66) сравнивает их по характеру вооружения с бактрийцами. Я же еще более склонен усмотреть этот термин в греческом слове *ласика*, которым Птолемей (см. кн. VI, гл. XII, стр. 422)² обозначил народы, жившие у Оксийских гор. Если предположить (а такое предположение вполне возможно), что переписчики спутали букву т с буквой я, то понятно, как вместо слова *ласика* (бесспорно являющегося единственно возможным образчиком правильного написания по-гречески названия «таджик») в произведении греческого историка оказалось *лаздой*. Подобная догадка кажется мне тем более вероятной, что и Дионисий Перигетский³ (на что уже указывал Риттер в «Землеведении Азии» на стр. 714 седьмого тома) упоминает о таджиках, называя их *таджики*.

Древнейшее упоминание этого слова сохранили для нас китайцы. Дегинь⁴ в «Истории гуннов» (т. II, стр. 51), рассказывая о событиях 122 г. до н. э., отмечает,

1. Н. В. Ханьков дает следующий сокращенный перевод этой цитаты из сочинения Пьетро делла Валле: «На стр. 469 II тома французского перевода его "Писем", напечатанного в 1663 г., мы читаем: "Кызылбаши есть имя известного племени, вторгшегося в Персию и усилившегося там, как я Вам писал уже прежде, при Шах Исмаиле Софи; тогда как Тат есть название тех, которые нисходят, по прямой линии, от истинного древнего персидского племени"» (К. Риттер. Иран. Перевел и дополнил Н. В. Ханьков. СПб., 1874, стр. 511).
2. Имеется в виду труд древнегреческого ученого Птолемея «География», в котором систематизированы географические сведения его времени.
3. Дионисий Перигетский, правильное — Периегет (так в греко-римскую эпоху именовались писатели-путешественники). Дионисий, современник Нерона и Траяна (I в. н. э.), считается главным периегетом римского периода, оставившим описание вселенной в 1187 гекзаметрах.
4. Ж. Дегинь (1721-1800) — французский ориенталист, крупнейший знаток китайского языка. Его труды, из которых основным является «Histoire generale de Huns, Turcs, Mogols autres Tartares occidentaux» (Paris, 1756-1758), отражают научные знания европейцев в области востоковедения во второй половине XVIII в.

что полководец Чан-Кяо, посетивший западные страны по отношению к Китаю, составил по возвращении обстоятельное описание виденного. «К западу от Гань-си, — говорится у Дегиня, — согласно указанному описанию, находилось царство Тяочжи, местоположение которого соответствует Персии. Говорят, что это царство расположено неподалеку от Западного моря; без сомнения — это Персидский залив. Там произрастает много злаковых и водится птица, несущая очень крупные яйца. В древности народами этого царства управлял принц, но в дальнейшем Гань-си (Аньси — Парфия?) покорила их и низвела царство до положения провинции. Вот что парфяне сделали с Персией».

Благодаря исключительной обязательности г-на Станисласа Жюльена, обратившего мое внимание на процитированный отрывок Дегиня, я могу существенно дополнить заключающиеся в нем ценные сведения. Руководствуясь чувством благожелательности, присущей истинным ученым, для которых интересы науки превыше всяких других соображений, знаменитый французский синолог любезно уделил мне несколько часов для работы в Императорской библиотеке; мы вместе прочли тексты о западных территориях, которые содержатся в Пьен-и-тьен, или истории известных китайцам чужеземных народов. Привожу здесь составленное под его диктовку резюме, и, хотя этот сюжет уже затрагивался г-ном Нейманом (см. Азиатские исследования, т. I, «Персы»), а затем К. Риттером (Землеведение, т. VII, стр. 716 и далее) и г-ном Потье (хоть и бегло, но коснувшимся этого вопроса в своей значительной работе о сирийско-китайской надписи Сиань-Фу), полагаю, что мне будут признательны за привлечение внимания известного члена Института к разбираемой теме.

Связи Китая с Персией при Сасанидах, о чем восточные авторы дают абсолютно неполное представление (см. Масуди в переводе Барбье де Мейнара и историю Сасанидов, составленную К. П. Паткановым на основе работ армянских историков, стр. 22), в действительности были весьма оживленными. Между 455 и 518 гг. и с 638 по 771 г. — год последнего упоминания в китайских летописях о стране Посе (Персия) и о тяочжи (таджиках) — персидскими царями был отправлен ряд посольств к императору Китая. И не только посольства непрерывно сменяли друг друга при императорском дворе; члены царской семьи отправлялись к китайскому двору в поисках поддержки против преследований арабов.

Указанные даты весьма знаменательны. Начало первого периода совпадает с нашествиями гуннов и тюркских племен на государство Сасанидов, а также с первыми междоусобными войнами, вспыхнувшими среди представителей этой династии в связи с кончиной Йездегерда II¹. Бахрам V, по прозвищу Гур², своими силами оттеснил иноземцев, а его сын решил прибегнуть к помощи могущественного восточного соседа.

Исторические факты о Персии в китайских летописях немногочисленны, но они любопытны и в целом довольно точны; во всяком случае, они гарантируют достоверность других интересующих нас сведений как о стране, так и о ее жителях. В них мы читаем, что в 618 г. «...тукюеский Шеху Хан опустошил Босы (Посе. — Пер.), убил государя Кусахо; на его место поставлен сын его Шила. Шеху послал своего наместника для надзора. По смерти Шили Босы не захотело зависеть от

1. Йездегерд II Сасанид; годы правления 438-457.

2. Бахрам V (Гур); годы правления 420-438.

тукюесцев, и правительницею доставили дочь Кусахо. Тукюесцы и ее убили. Шилиев сын Даньгэфан, (Иданчи. — Пер.) бежал в Фолинь, но персияне вызвали его и возвели на престол. Им начинается отрасль Иданьского Дома. По смерти его поставлен Ицысы, племянник от старшего брата. Между 656-660 гг. государя Персии убили таши. Сын его Билус обратился за помощью к императору, но Гао-цзу извинился, сославшись на то, что отдаленность пути не позволяет ему предпринять похода» (перевод дан по кн.: Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М.-Л., 1950, т. II, стр. 327. — Пер.).

В географическом описании Си-юй, или Западного Края, этот примечательный факт изложен еще подробнее. Здесь мы читаем: «Исеи (у Бичурина — Ицысы. — Пер.) не царствовал, он был изгнан старейшинами и бежал к тохарам. На половине пути таши напали на него и убили. Сын его Пилус (у Бичурина — Билус. — Пер.) спасся бегством в страну тохаров. Он отправил посланников к императору с мольбой о помощи, но Гао-цзу, который не сумел послать свои войска по причине дальности расстояния, принес свои извинения. Таши предприняли ряд набегов, но жители Тохара (у Бичурина — Тухоло. — Пер.) оказали им решительный отпор».

Невозможно более точно рассказать о последних годах правления династии Сасанидов. Кусахо — это, очевидно, Хосров Парвиз, царствовавший на протяжении 38 лет, затем низложенный и убитый в 628 г. Его сын Шили — это Широе; он с помощью тюрок сверг и убил своего отца, но царствовал недолго. Дочь Хосрова, о которой идет речь в китайских источниках, — это, бесспорно, Боран, правившая, согласно Масуди, полтора года и основавшая святилище Селм в Ираке. Что касается Иданчи, то это, по мнению Масуди, Фируз Хошененде или, как правильное передает это имя Мирхонд, Чашененде; это же подтверждает и транскрипция данного имени китайскими летописцами. Наконец, Исеи — это не кто иной, как последний Сасанид Йездегерд III¹, убитый во время вторжения арабов, или тази, в 651 г. по приказу Калеба, командующего войсками халифа Абубекра.

Обычно мусульманские историки на этом прерывают повествование. Китайские же летописи дают нам возможность установить, что потомки Сасана почти до конца VIII в. не теряли надежды вернуть трон своих предков с помощью китайцев. Таким образом, Пилус (Билус), о котором шла речь в процитированном отрывке, есть не кто иной, как Фируз — один из двух сыновей Йездегерда. Кроме того, мы узнаем, что между 661 и 663 гг. император пожаловал ему титул правителя Персии, а в ответ на его жалобы о набегах таши китайское правительство отправило «в Западный Край уполномоченных, которые разделили его на округа и уезды. Город Нилин (Быть может, это Зерин — город в Систане, упоминаемый Истахри (см. его труды в переводе Мордтмана, стр. 444). Во всяком случае, я допускаю, что индо-сасанидские монеты, описанные Принсепом, Лассеном и др. (Лассен. К истории греческих и индо-скифских царей, стр. 108), относятся к эпохе, когда последние сасанидские принцы закрепились на северных окраинах современного Афганистана, и нет надобности для объяснения наличия этих монет в Бехраме прибегать к гипотезе о существовании второй ветви Сасанидов, правившей в Кабуле) был означен в качестве резиденции правителя Персии. В это же время Фируз получил

1. Йездегерд III Сасанид: годы правления — 633-651.

военный чин ду-ду (главнокомандующий), что, однако, не помешало таши изгнать его из его владений.

В 670 г. Фируз направился ко двору императора, где оставался до 673 г. и был возведен в чин «генерала правой руки». Наконец, в 679 г. китайцы предприняли военную демонстрацию в защиту сасанидских принцев: император приказал своему военачальнику Фей Цзин-цзяо (у Бичурина — Пхэй-Хин-Гянь. — Пер.) сопровождать сына царя Персии Ни-не-се (у Бичурина — Нинйешы), чтобы восстановить его на троне предков. Войско дошло лишь до Су-хе (у Бичурина — Суй-йе) — города в стране Аньси (Парфия). Отсюда оно было вынуждено двинуться в обратный путь, а китайский протезе отправился искать убежище к тохарам.

Надеюсь, мне простят этот исторический экскурс как по причине новизны содержащихся в нем фактов, так и потому, что с их помощью мы выявили следующее: уже при Сасанидах на протяжении двух довольно длительных периодов (один равняется 63 годам, другой — 30) население северных провинций империи находилось под очень сильным воздействием жителей Турана.

Сведения, собранные китайцами о географии Персии и о том, что она производит, а также о нравах населяющих ее народов, можно суммировать в нескольких словах. Государство Поласе расположено к западу от реки Таго; с востока оно примыкает к Тохаристану (провинция Хульм) и к Кану (Согдиана); на севере его соседями являются тюрки — коса (гузы, саки, современные кайсаки); с запада и с юга оно выходит к морю. Страна эта расположена к северо-западу от Анге-ке-лу, от которого, в свою очередь, в том же направлении находится государство Фолинь (Византийская империя). Согласно одним источникам, столицей Поласе считалась Со-ли, расположенная к западу от Чоуми (у Бичурина — Ньюми. — Пер.), древнего государства Тяочжи. По другим источникам, этой столицей была Су-ли-са-танг-на, имевшая в окружности 40 ли (4 льё); стояла она на крупной реке и занимала обширную территорию.

Первым из этих двух городов должен быть, по-моему, Сари, расположенный к западу от Джейхун-мерз¹, или от берегов Оксуса — древней страны таджиков с протекающей через нее довольно значительных размеров рекой Теджен. Что касается Со-ли, то, как мне кажется, это иная транскрипция того же самого названия; частица же «са» идентична «шехр», а с помощью окончания «танг-на», как мне кажется, намеревались передать персидское слово «Табаристан». (Это также может быть и Суристан — название, которое иногда давали географы Востока Арабскому Ираку, о чем сказано у г-на Рейно в его великолепной статье об Индии (стр. 158). В таком случае географические сведения, сообщенные китайцами о Персии, полностью соответствовали бы объяснениям, предложенным г-ном Потье в примечаниях 2 (стр. 57) и 4 (стр. 58) к его ученой записке о сирийско-китайской надписи о Си-ань-фу — несторианском памятнике, датируемом в Китае 781 г. н. э. (Париж, 1858. «Записка» опубликована на основании материала, помещенного в «Анналах христианской философии» за 1857 г., издаваемых г-ном Бонетти). Единственная трудность, с которой мне пришлось столкнуться при отождествлении Таго из китайских источников с р. Карун, заключается в следующем: по утверждениям китайцев, Персия находилась к западу от этой реки, тогда как согласно съемкам, осуществленным лейтенантом Селби в марте и апреле

1. Джейхун — арабское наименование Амударьи; «мерз» — слово персидское, означает «граница».

1842 г., известно, что означенная река течет почти прямо с северо-северо-востока на юго-юго-запад и что земли, заселенные персами, находятся к востоку, а не к западу по отношению к ее течению).

Страна плоская и ровная; климат, по сообщениям некоторых, жаркий и влажный (sic!), что может отвечать действительности, если сообщавший эти сведения посетил Персию со стороны Басры или если он побывал в Гиляне и Мазендеране. В стране добывается и производится золото, серебро, самородная медь, кораллы, янтарь, сердолики, превосходный жемчуг, стекло, хрусталь, сталь, алмазы, медь, олово, киноварь, соль, красящие вещества, ртуть и т. д. Там собирают душистую смолу, перец, дикий мед, занимаются шелководством и хлопководством. Злаки и мир птиц почти те же, что и в Китае, но там не знают риса (Таким образом, культура риса до введения ислама в Персии не была известна)..

Мир четвероногих также весьма сходен с китайским, с той лишь разницей, что в Персии встречаются львы, белые слоны и страусы, которых китайцы описывают (похожими на верблюдов, но с крыльями, хотя высоко взлететь эти птицы и не могут. Пишут они и о верблюдах, способных проходить в день 700 ли (70 льё), превосходных лошадях, ослах и крупных мулах.

Все сказанное соответствует истине, включая и сведения о скорости передвижения верблюдов: в Белуджистане и поныне встречаются дромадеры, проходящие значительные расстояния за небольшой отрезок времени. Нет ничего удивительного в том, что китайцы поверили; будто родиной слонов являлась Персия. Нам ведь известно, что уже во времена Ахеменидов этих животных использовали в персидской армии. Более того, из Масуди мы знаем, что Хосров Парвиз владел тысячей слонов белее снега, отдельные экземпляры которых достигали 12 локтей высоты («Золотоносные поля», т. II, стр. 230).

О жителях Персии китайцы сообщают следующее. Мужчины высокого роста, собирают волосы в пучок на макушке, и некоторые так и ходят, у других же на голове шапочки. Одежда на них хлопчатобумажная и шерстяная, черного и белого цвета либо зеленого с белым, но всегда отделанная штофом; надевается через голову. Женщины носят длинные рубашки и просторные епанчи; волосы спереди собраны в пучок, впрочем, у некоторых они свободно ниспадают на плечи. В качестве убранства в волосах — золотые и серебряные цветы, а также разноцветный бисер. При женитьбе персы не соблюдают различия между невестами из благородных и из простого сословия, они даже не придают значения родству и могут жениться на сестрах (Весьма любопытным представляется сообщение Ханвея о том, что обычай жениться на сестрах давно исчез в Гиляне; а еще в XVIII в. помнили о его существовании). Среди иноземцев персы самые развратные. Их язык отличен от языка других народов, а письмо совсем не похоже на письмо других иноземцев и называется ну-шу. Они поклоняются духу Огня и приносят жертвы Небу, Земле, Солнцу, Луне, Воде и Огню. Правая сторона считается в Персии более почетной, чем левая, а когда персы здороваются друг с другом, то касаются бедра (Манера приветствовать друг друга, наклоняясь в сторону и касаясь бедра или икры ноги, в Персии в ходу и поныне). Трупы умерших относят в горы. Лица, занимающиеся погребением умерших, считаются нечистыми; живут они вне пределов городов и когда приходят туда, то дают о себе знать звоном бубенчиков. Траур длится месяц. Новый год начинается с шестой луны. Особенно чтут седьмой день седьмой луны и первый день двенадцатой луны. В эти дни ходят друг к другу в гости, и застолье

сопровождается музыкой. Персы весьма искусны в изготовлении различных тканей, а также ковров как с длинным, так и с коротким ворсом. Их продукция высоко ценится в других странах. Они умеют возделывать землю при искусственном орошении в условиях громадных пространств, занятых песчаными пустынями. Не способствуют развитию образованности. Во второй день первой луны приносят жертвы своим предкам. Судебное разбирательство происходит в специальном помещении, но приговор не записывают, а ограничиваются его оглашением. Меры наказания чрезвычайно суровы; за тяжкие преступления вешают на жердях и убивают, выпуская стрелы из лука (По-персидски это называется «тирборан» — «дождь из стрел»). Иногда отрезают нос и ступни ног. За менее серьезные преступления осуждают на пожизненное заключение, обривают голову или остригают полбороды, на шею вешают табличку. За связь с женой человека из благородного сословия мужчину высылают, а у женщины отрезают уши и нос. Подать выплачивается соответственно доходу с земли серебряными монетами. Этой же монетой пользуются и в торговле. Солдаты вооружены латами, копьями, самострелами, луками со стрелами. В сражениях участвуют слоны, за каждым из которых следуют по сто солдат. Персы подчинили себе все дикие народности западных земель.

Первым царем персов был Посень (Пури-Сасан?), потомок великих юэчжи (скифы). Местные жители называют царя Ицзянь-ки или Ардзаки и Фанг-пу-со. Сыновей царя именуют Шае (шахзаде). Среди государственных чинов укажем: 1) мохутань (мобедан-мобед)¹ ведает судопроизводством; 2) хонихань ведает царской казной; 3) кинтиу заведует делопроизводством; 4) гелохади ведает внутренними делами во дворце; вероятно, это *αλαβριτης* по Ктесию или хезарапет — согласно трудам армянских авторов (см.: Патканов, стр. XVIII); 5) сюобобу ведает войсками и лошадьми; очевидно, это сипехбед.

Владелец избирает в качестве наследника того из своих детей, кого он считает достойным. Втайне записывает его имя на листке бумаги, запечатывает в конверт и прячет в сокровищницу. Распечатывают письмо после смерти царя. По оглашению воли покойного другие его дети покидают дворец; их высылают на окраины, и они никогда не видятся со своим царствующим братом. Владелец имеет также около десятка небольших дворцов. Ежегодно в четвертую луну он отправляется в поездку по своим дворцам и возвращается лишь во время десятой луны.

Эти разнообразные сведения, собранные нами воедино, фигурируют в китайских хрониках между 122 г. до н. э. и 639 г. н. э., на протяжении почти восьми веков. Нельзя не отметить, что в древних источниках персов чаще именовали тяочжи, а не посе. Лишь позднее, когда китайцы проникли в западные провинции страны, они начали называть местных жителей (не делая различия между ними) посе или тяочжни, что является подтверждением того, что в те отдаленные времена (как и в наши дни) термин «таджик» был более распространен на востоке, чем на западе Персидской империи.

Почти европейский облик жителей Персии не ускользнул от внимания китайцев: у Сюань Цзяня можно прочесть, что в отношении нравов жители Фолиня (Византии) похожи на жителей Персии, а конституция их тел, черты лица и язык несколько отличны.

1. Мобедан-мобед — верховный священнослужитель в религии зороастризма, выполнявший также и юридические функции; в V в., например, считался вторым лицом в государстве после царя.

Средневековым авторам, как арабским, так и европейским, по-видимому, было неведомо слово «таджики». У персидских авторов, насколько мне представляется, оно появилось лишь в эпоху Тимуридов, что почти исключалось бы, если бы этот термин означал генетическое понятие, т. е. название народа.

В последнее время всячески стараются усмотреть в хузварешском¹ слове «тазик», соответствующем персидскому «тази», синоним слова «таджик», хотя нет никаких оснований предполагать, что слово «тадж» со всеми его производными, такими, как «таджик» (венчик), «таждар» (имеющий венец) и «таджвер» (венценосец), менее древнее, чем слова «тази», «таз», «тазьане» и др. Мнение самих таджиков, по-видимому, дает на это право. Подобно лейтенанту Вуду, я тоже слышал из уст бухарских таджиков несколько видоизмененный рассказ, похожий на тот, который они поведали отважному исследователю истоков Оксуса. Заявив о том, что таджики — это персы, английский путешественник пишет так: «Таджики сами называют Аравию и окрестности Багдада местами первых поселений своих предков; а поскольку это мнение является довольно распространенным, то оно заслуживает некоторого внимания. Таджики считают, что их название происходит от слова «тадж» (венчающий голову) и что так называли их предков будто бы за то, что они похитили этот символ царственной власти с головы Мохаммеда. Однако они слишком многочисленны, чтобы их можно было принять за потомков арабских воинов, вторгшихся в эту часть Азии в первом веке хиджры» («Поездка к реке Оксус», стр. 259-267).

Для опровержения семитического происхождения таджиков соображения было бы явно недостаточно, если бы не имелось других, последнего значительно более серьезных. Но прежде чем приступить к их изложению, полагаю необходимым отметить, что достоверного имеется в сведениях, собранных г-ном Вудом среди таджиков Центральной Азии, тем более что это поможет нам объяснить, каким образом среди таджиков зародилось и поддерживалось предание об их арабском происхождении.

Упорное преследование Хаджаджем потомков Пророка в Месопотамии на протяжении последней четверти первого века хиджры вынудило многих сеидов (сейидов)² из Куфы, Багдада, Басры и других мест переселиться в Трансоксанию. В числе наиболее известных среди них был сеид Сулейман, сын Абдуллы Хеддада и правнук Зейн аль-Абеддина. Он выселился в Ургенч, где женился на сестре сеида Махмуда, по прозвищу Энджири Фехнови, похороненного в Пирместе, около Бухары. От этого брака родилось двое братьев-близнецов, названных отцом в честь сыновей Али³ Хасаном и Хусейном, а также дочь. Она вышла замуж за бухарского сеида, родила сына по имени Эмир-Кулал, от которого пошла ветвь сеидов кулалы, весьма многочисленных в Бухаре и Вабкенде. У Хасана не было детей, Хусейн же имел двоих сыновей. Старший — Джелал положил начало сеидам Кабула и Афганистана, а потомки младшего — Кемаля основали род бухарских сеидов, известных под названием «сеиды хурд», или малые сеиды. Наконец, третья ветвь сеидов Трансоксании — сеиды ата также происходят от потомков Пророка, бежавших за Оксус от преследований Хаджаджа. Все эти ветви смешались с

1. Хузварешский язык — язык пехлевийский, или среднеперсидский. — существовал в Иране как письменный в Сасанидскую эпоху.

2. Сеиды — потомки пророка Мохаммеда, мнимые или действительные.

3. Али — четвертый халиф (годы правления — 656-661), двоюродный брат и зять Мохаммеда.

таджиками, и естественно, что семьи, состоявшие в родственных отношениях со знаменитыми пришельцами,» пользовались особым уважением.

Подобное положение вещей сохраняется и поныне, и нет ничего удивительного в том, что почти все таджики претендуют на арабское происхождение, поскольку это обстоятельство в сочетании с тем, что их предки ведут свое начало по прямой линии от Мохаммеда, не только обеспечивает им почетное превосходство, но и освобождает от податей и от обязанностей поставлять солдат в армию.

Таким образом, бытующее среди таджиков мнение об их происхождении из района Багдада не совсем лишено основания, но его следует распространять не на все таджикское население, а лишь на небольшую часть. Впрочем, подобная версия не является всеобщей, и мы знаем из труда Массона (Путешествие в Белуджистан и Афганистан т. I, стр. 217), что таджики из Биджара (имеется в виду Баджаур. — Пер.) ведут свой род от героев эпохи Кейанидов¹.

Высказав мысль о том, что лишь со времен Газневидов начинается трансформация живущих поблизости Гиндукуша народностей, и указав на тот факт, что некоторые из них укрылись в высокогорных долинах этого хребта, Лассен пишет: «Порабощенных называли таджиками — название, которое дается в восточных провинциях Персии древнему оседлому населению, занимающемуся земледелием и находящемуся в настоящее время в подчинении у других народов. Термин этот абсолютно не служит объяснением их происхождения. Их называют также дикканы, или сельские жители, и название это встречается не только в Лагмане, но также и в Свате, среди юсуфзаев, рабами которых они являются... Афганцы и узбеки называют их также парсиван... вероятно, по их разговорным языкам, являющимся диалектами персидского. Добавим, что их хозяева пользуются другими языками, а таджики из Кабулистана не везде говорят по-персидски» («Изучение индийских древностей», т. I, стр. 426) (Последнее соображение, заимствованное боннским профессором у Эльфинстона², мною не рассматривается как абсолютно верное. Таджики всюду говорят по-персидски, на что, впрочем, указывает прозвище «парсиван», что означает не что иное, как сокращенное «парси-зебан» — «говорящий по-персидски»).

К этим многочисленным синонимам слова «таджик» прибавим еще одно — сарт (так их называют в Хиве), и, подобно знаменитому немецкому ученому, мы также заключаем, что и оно не решает вопроса об их происхождении. Со своей стороны, добавлю, что тадж (корона) был для последователей учения Зороастра тем же, что крест у христиан и сал-лах, или тюрбан, у мусульман, т. е. внешним знаком отличия последователей этой веры от инаковерующих. Уже Масуди (т. II, стр. 108) указывает на тот особый смысл, который придавали персы обычаю ношения короны; но даже вне зависимости от этого свидетельства, достойного всяческого уважения, отметим, что все ритуальные книги гебров служат подтверждением сказанному. Вот почему слово «таджик» столь распространено на истинной родине учения Зороастра — учения, которое утвердилось в Бактрии задолго до того, как ему удалось проникнуть на Запад, где даже во времена Камбиза персы не могли более выносить магов (Геродот, кн. III, разд. 79)³.

1. Кейаниды — древний род потомственных правителей Систана, существовавший согласно традиции еще в период Сасанидов. Правители из рода Кейанидов утверждались в должности властью шаха.
2. М. Эльфинстон (1779-1859) — глава английского посольства к афганскому шаху Шудже уль-Мульку в 1809 г. Оставил подробное описание афганской Дурранийской империи.
3. Имеется в виду описание Геродотом гонений на магов (жрецов) после убийства мага Гауматы, самозванца (дже-Бардия), претендовавшего на престол Ахеменидов.

Но, как мне кажется, наиболее убедительным доказательством различия слов «тази» и «таджик» является то, что оба они существовали уже во времена Аршакидов и Сасанидов, т. е. до вторжения арабов-мусульман, и что первое транскрибировалось китайцами как «таши», а второе — как «тяо чжи». Но если слово «таджик» у персов, подобно «салеби» или «бену-салиб» у арабов, означало религиозную принадлежность, то ясно, что в первый период утверждения мусульманства ни вновь обращенные, ни те, кто оставался верен культу огня и кто подвергался преследованиям за это верование, не осмелились бы назвать себя именем, столь ненавистным их завоевателям. Вот чем я объясняю отсутствие этого термина в сочинениях арабских авторов первых веков хиджры и появление его вновь в момент, когда ислам был уже достаточно силен, чтобы название секты, ставшее названием народности, смогло бросить на него какую-то тень. Однако, несмотря на то что на протяжении тринадцати веков среди таджиков господствовал ислам, этой религии не удалось полностью искоренить среди таджикского населения традиционного обычая поклонения огню. С какой бы стороны вы ни проникали в пределы Хорасана, будь то с севера (из Мазендерана) или с запада (из Ирака), вас поражает обычай, нигде дотоле не встречающийся. Когда деревенская депутация выходит для оказания почетной встречи путешественнику, то один из ее членов несет (как зимой, так и летом) жаровню с горящими углями. По мере продвижения к востоку проявление этого древнего культа все более учащается. Вот что мы читаем у Вуда на 333-й странице цитированного труда: «Я уже имел случай упомянуть, с каким отвращением жители Бадахшана дуют на свечу, если нужно погасить ее; здесь (как и в Вахане) можно обнаружить следы религии Зороастра. Ваханец считает дурной приметой гасить свечу, подув на нее. Он предпочтет махать рукой в течение некоторого времени перед зажженной сосновой лучиной, заменяющей ему свечу, чем прибегнуть к более действенному, но для него более тягостному средству».

В моем описании Бухарского ханства на 208-й странице я также упомянул о некоторых поверьях среди таджиков этого владения, в чем нетрудно признать отдаленные отголоски давно исчезнувшего культа. Таков, например, праздник, отмечаемый каждую весну и известный под названием «чаршамбеи сунни». После захода солнца зажигают костры и прыгают через пламя. Хотя название его и связано с исламом, праздник противоречит догмам последнего и строго преследуется духовенством. Таково и врачевание больных у огня: сначала их трижды обводят вокруг зажженного костра, а затем заставляют столько же раз перепрыгнуть через пламя. Если же больной очень слаб и не в состоянии выполнить всех предписаний, то в помещении, где он находится, зажигают факел (по-местному «машал». — Пер.); больной должен смотреть на пламя, а тем временем его слегка постукивают по спине и приговаривают, чтобы изгнать болезнь: «Ступай в пустыни, ступай в озера».

Добавлю к этому, что после рождения ребенка над его колыбелью в течение 40 ночей прикреплена свеча, которая должна гореть до рассвета и отгонять от новорожденного злых духов. Кроме того, в народе популярна, особенно в месяц Рамазан, игра, называемая «аташ бази» — слово, означающее в Персии фейерверк. Участники разделяются на два лагеря, а в пространстве между ними зажигают нечто вроде бенгальского огня (по-персидски «мах-таби» — «лунный свет»). Каждая сторона старается завладеть им в дыму петард, летящих от участников игры.

Итак, на основании сказанного полагаю возможным сделать следующее заключение: слово «таджик», первоначально возникшее как термин собирательный, распространявшийся на первых огнепоклонников (как бактрийцев, так и прочих), ныне означает аборигенов персидской расы, сумевших сохранить, несмотря на многовековое засилье иноземцев и варваров, свой язык и некоторые следы древней культуры.

Если же это так, то нам следует попытаться (по возможности точнее) нарисовать портрет таджика и сравнить его с обликом представителей других ветвей иранских народов.

Можно назвать немного путешественников, побывавших в населенных таджиками и не близко расположенных странах. Но еще меньшему количеству из них пришла мысль сообщить хоть какие-то сведения об их физических особенностях, а если это и делалось, то в таких общих фразах, что этнографу не удавалось почерпнуть ничего полезного из этих описаний.

Первым таким путешественником и, бесспорно, самым просвещенным является Маунстюарт Эльфинстон, который получил возможность заняться изучением таджиков в Афганистане во время своего посольства в Пешавар в 1809 г. Результаты его важных исследований неоднократно издавались на французском языке, но всегда в кратком изложении, так что много интересных сведений и ценных наблюдений либо выпало совсем, либо приведено не полностью. Описание же таджиков выглядит особенно кратким, но, на мой взгляд, оно настолько интересно, что считаю необходимым перевести *in extenso* всю ту часть XII главы «Описания королевства Кабул», где он говорит об этом народе.

Отметив, что в Афганистане нет ни одной области, заселенной сплошь афганцами, английский автор приводит мнение султана Бабура о том, что население этого королевства в начале XVI в. было представлено разными племенами. В это время на равнинных пространствах проживали тюрки, аймаки и арабы. Население городов составляли таджики, пашаи и парачи. Наконец, горы были во власти хезарейцев, тогдери (в «Иране» К. Риттера, стр. 517 — нукдери. — Пер.), афганцев и кафиров. В качестве разговорных языков эти народы пользовались арабским, персидским, тюркским, монгольским, хинди, афганским, пашаи, парачи; кроме того, наречием, на котором говорили гебры, а также бараки и деггани. Далее он пишет: «Состояние, в котором пребывают таджики, заслуживает того, чтобы вызвать наше любопытство; как я полагаю, оно может быть удовлетворено лишь за счет сведений, собранных мною по этому сюжету. Таджики не представляют собой единого народа, занимающего какую-то определенную территорию; они рассеяны отдельными группами по обширным пространствам Азии. На большей части земель, подвластных узбекам и афганцам, они живут среди узбекско-афганских племен. Оседлое население Персии также называют таджиками. Делается это для того, чтобы отличать их от татар — завоевателей этой земли, а также для того, чтобы не смешивать их с кочевыми народностями, являвшимися, по-видимому, персами по происхождению. Таджиков встречают даже в Китайском Туркестане, а на территории Каратегина, Дарваза, Вахана и Бадахшана они образуют независимые сообщества. За исключением этих изолированных и малодоступных мест и не считая некоторых других областей, о которых мы упомянем ниже, таджики нигде не живут компактной массой. Почти повсюду они смешиваются с народом-покорителем, перенимая у него, как правило, одежду и большую часть

обычаев. Представляется, что в Персии, на просторах Афганистана и в стране узбеков они были предшественниками народов, господствующих там в настоящее время.

Термин "таджик" употреблялся в самом различном значении. Иногда им обозначали народности, смешавшиеся с тюрками или афганцами, но не имеющими ничего общего в происхождении с ними или скорее уходящими своими корнями к какой-то неизвестной расе. В других случаях им пользовались для названия народов тех стран, где говорят по-тюркски и на пушту, но где сохранилось и применение персидского языка. Поэтому слова "таджик" и "парсиван" — не особенно четкие термины для обозначения одних и тех же народов, проживающих как в Афганистане, так и в Туркестане.

Существовало много объяснений термина "таджик". Наиболее удачным, как кажется, является то, которое рассматривает его в качестве производного от слова "тазик" или "таджек" и с помощью которого обозначали понятие "арабы" в книгах на пехлеви. Это совпадает и с интерпретацией данного слова в персидских словарях, где таджик и араб, родившийся в Персии или какой-то иной, неарабской, стране — синонимы. Подобное мнение вполне отвечает гипотезам о таджиках, выдвинутым на основе современного состояния этого народа и с учетом истории стран, где они осели.

В первом веке мусульманской эры вся Персия и заселенные узбеками земли были захвачены арабами, принудившими население завоеванных территорий принять их религию, а также перенять в какой-то степени их нравы и язык. Афганистан подвергся нападению в тот же период, но здесь захватчикам никогда не удавалось добиться полного успеха. Они сумели покорить равнинные пространства, горы же оставались вне их власти: горцы на протяжении почти трех веков сохраняли свою независимость и оказывали противодействие укоренению ислама.

Территории, о которых идет речь, составляли некогда часть Персидской монархии, и вполне вероятно, что все существующие там разговорные языки являются производными от древнеперсидского. С полным утверждением закона Мохаммеда в этих странах языки их народов, естественно, претерпели влияние арабского и положили начало образованию новоперсидского. Таким образом, вполне вероятно, что был такой период в истории, когда арабы-завоеватели и персы-побежденные составляли единый народ, среди которого и следует искать предков нынешних таджиков. Все, что нам известно о прошлом Афганистана, вполне совпадает с данной гипотезой.

Действительно, из первых сведений об этой стране периода после вторжения арабов явствует, что таджики были хозяевами равнин, а афганцы (которых мы рассматриваем как аборигенов) господствовали в горах. С течением времени афганцы спустились, на равнины и почти повсюду низвели таджиков до состояния полной зависимости; лишь в некоторых местах, немногочисленных и естественно хорошо укрепленных, им удалось сохранить некоторую независимость.

Туркестанские таджики того же происхождения, но они оставались хозяевами своей земли вплоть до вторжения татар; население оказалось в состоянии рабской зависимости по отношению к завоевателям, и лишь жители горных провинций, сохранившие независимость, основали небольшие владения, такие, как Бадахшан (Нет надобности указывать на ошибку Эльфинстона, полагающего, что Бадахшан — это владение, заселенное независимыми таджиками), Дарваз и др.

Следует отметить, что повсюду таджики живут в селениях, занимаясь земледелием и прочими миролюбивыми делами. Еще и поныне они арендуют иногда участки земли в западной части Афганистана, где некогда, по всей вероятности, они являлись полными хозяевами этих земель. В настоящее же время они лишены достояния своих предков и обрабатывают поля в качестве либо арендаторов, либо поденщиков у хозяев-афганцев. Они живут в постоянном страхе за свое имущество — оно в любой момент может быть захвачено представителями более сильных племен, территорию которых они занимают. Однако благодаря особому покровительству, оказываемому таджикам со стороны правительства, такая опасность почти ликвидирована, и никогда таджики не подвергаются столь тяжким злодеяниям, как набеги или прямой гнет.

Таджиков, осевших на землях афганских племен, именуют там хамсая, т. е. „соседи этих племен“; другие же концентрируются в отдельных деревнях, население которых состоит исключительно из их соплеменников. В первом случае их положение похоже на то, о котором мы только что говорили. Что касается вторых, то среди них всеми общественными делами управляют старосты (кетхуда), избираемые общиной с учетом, однако, некоторых наследственных прав; во всех случаях избранная кандидатура должна быть утверждена правителем. Следовательно, власть кетхуды ограничена доброй волей главы государства и сводится большей частью к функциям сборщика налогов. Обычно избранное на эту должность лицо играет определенную роль при мирном разрешении не особенно серьезных спорных дел, возникших между его согражданами. Если же речь идет о чем-то важном, то такие конфликты передаются либо на разбирательство губернатору провинции, либо на рассмотрение соседнего кади¹.

Таджики — миролюбивый народ, повинующийся правительству, которое находится у власти. Помимо земледелия они занимаются некоторыми видами торговли и производством изделий, не представляющих интереса для афганцев; в целом они наделены мягким характером, отличаются умеренностью и трудолюбием. Хотя они и очень похожи на афганцев, нельзя не отметить, что в процессе ассимиляции они переняли у них лишь хорошие качества. Таджики не принадлежат к числу воинственных народов, но за последние годы их роль как солдат значительно возросла и продолжает расти. По религии они — ревностные сунниты.

Ввиду того что таджики не особенно любят переселяться с места на место², а также в связи с тем что они мало приспособлены к отпору притеснениям афганцев, они же первыми и страдают от угнетения. Поэтому вполне естественны их недовольство существующей в стране обстановкой и их неоднократные жалобы на беспорядки в управлении. Когда же в стране царит спокойствие и правительство покровительствует таджикам, они в целом являются сторонниками Дурранийской династии. Вообще говоря, их отношения с афганцами довольно терпимые. Хотя афганцы и считают таджиков ниже себя, тем не менее никогда не проявляют надменности или пренебрежения. Даже брачные союзы между теми и другими — нередкое явление, а в торговых делах представители обоих народов часто выступают на абсолютно равных началах.

1. Кади — на Востоке судья, разбирающий гражданские и уголовные дела. Исполняет также функции нотариуса, ведает делами по опеке, наследству и т. д.

Таджики облагаются большими налогами по сравнению с афганцами, и с них требуют больше солдат для армии и милиции. Таджики преимущественно живут в городах. Так, они составляют основную часть населения в окрестностях Кабула, Кандагара, Газни, Герата и Балха. В малодоступных районах, таких, как земли хезаре, гильзаев и какаров, трудно обнаружить хотя бы одного таджика.

Все сказанное о таджиках может быть применимо, собственно говоря, лишь к тем из них, кто живет среди афганцев. Обитатели труднодоступных областей Афганистана отличаются от первых во многих отношениях. Начнем с характеристики некоторых особенностей кухистанцев, проживающих в Кабульском Кухистане. Округ этот ограничен с севера и востока снежными цепями Гиндукуша и их меридиональными ответвлениями. На западе он включает в себя часть Паропамиских гор и простирается до страны хезарейцев; на юге он спускается до Кухдомена, о котором только что шла речь. Территория Кухистана образована тремя вытянутыми долинами, а именно: Неджроу, Панджшер и Горбанд, в которые выходит множество узких каменистых ущелий. По каждому из них текут ручьи в основную долину, где сливаются, образуя общий поток — реку, носящую название этой долины. Через реки переходят по деревянным мостам, а берега названных водных потоков обычно являют собой те жалкие клочки возделанных земель, которые составляют ничтожную долю общей поверхности округа, занятой обрывистыми горами с хвойными лесами по их склонам.

На полях произрастает пшеница и некоторые другие зерновые; что особенно примечательно для столь высоких и холодных мест — это то, что здесь хорошо удаются культуры табака и хлопка. Основой питания населения служат плоды шелковицы, плантации которой весьма обширны. Тутовые ягоды сушат на солнце, затем делают из них муку, из которой пекут хлеб. Если судить по внешнему виду жителей Кухистана, этот продукт принадлежит к разряду здоровой пищи: согласно подсчетам г-на Ирвина, одна роща шелковицы может прокормить большее число людей, чем такое же поле, засеянное пшеницей.

Хотя население округа чрезвычайно разбросано по его территории, оно тем не менее довольно значительно и насчитывает обычно 40 тыс. семей.

В Кухистане имеется небольшая, но специфическая по своим природным условиям территория, чрезвычайно отличная от любого другого участка области. Речь идет о малой по площади пустыне под названием Рег-реван, или “движущийся песок” — место романтических приключений, описанных Абу-ль Фазлем¹.

Скотоводство не распространено среди жителей Кухистана, зато дикие животные должны там водиться в изобилии. Считают, что встречаются даже львы, во всяком случае, волки и леопарды — явление обычное. В изобилии распространены два вида пернатых — соколы и соловьи.

Дикая природа края способствует формированию у жителей черт характера, не свойственных другим таджикам. Они пребывают в некоторой независимости по отношению к правителю Кабула, а их собственным вождям нелегко ими управлять. Они отважны, мужественны и непокорны. Они настолько воинственны, что считают позором умереть в постели. Их солдаты обладают превосходными боевыми качествами, особенно в боях в горных условиях, но их отвага не находит

1. Бейхаки Абу-ль Фазль (996-1077) — персидский историк-мемуарист. Автор исторической хроники «Тарих-е Масуди», или «Тарих-е Бейхаки».

себе лучшего применения, чем участие в междоусобных войнах. Редко они воюют деревня с деревней или племя с племенем, зато драки и отдельные убийства случаются довольно часто. Споры между деревнями округа, безусловно, серьезнее, чем что-либо иное, поскольку опустошение тутового поля является не более трудным делом, чем уничтожение пшеничного поля, однако причиненный ущерб куда серьезнее и на его возмещение требуется больше времени.

Вооружение жителя Кухистана состоит из карабина, запальных ружей, пистолета и кинжала. Некоторые вооружены коротким копьем и щитом. Одеты они в куртки, грубого сукна штаны черного цвета, полусапожки и небольшие шелковые шапочки.

Все кухистанские таджики — сунниты, поэтому они питают непримиримую ненависть к персам и ко всем шиитам вообще... Мне рассказали, что в Кухистане имеется племя пашаи, но, к сожалению, мне не удалось собрать каких-либо сведений из его истории. Несколько позже я установил, что Бабур¹ упоминает пашаев в числе племен, говорящих на особом языке, совершенно отличном от языка других народностей этого края.

Другую ветвь таджикского населения составляют бараки², живущие в районе Логара и частично Бутхака. Хотя они и смешались с гильзаями, все же образуют обособленное сообщество, управляемое вождем из их среды. Бараки считаются превосходными солдатами и во многом похожи на афганцев, вследствие чего по сравнению с прочим таджикским населением они пользуются большим уважением. В настоящее время их число достигает 8 тыс. семей. Все их предания сходятся на одном — время их обоснования в местах нынешнего обитания относится к эпохе Махмуда Газневи, т. е. к началу XI в. Некогда они владели более обширными пространствами, а что касается их происхождения, то о нем определенных сведений нет. Сами же они считают себя потомками арабов, а некоторые полагают, что их предками были курды.

Почти столь же важной составной этнической ветвью таджиков являются пурмули, или фермули. В большинстве своем они живут в Ургуне, в центре расселения хароти — народности, с которой фермули постоянно враждуют. Остальная часть проживает к западу от Кабула. По роду своих занятий они торговцы и земледельцы, тем не менее выделяют несколько отрядов в армию правителя и платят ему ежегодно подать. Не могу без больших сомнений (говорит г-н Эльфинстон в одном из примечаний) утверждать что-либо об их происхождении, хотя в том, что они сами говорят по этому поводу, как кажется, нет ничего неясного. Они претендуют на происхождение от халаджей, известных тем, что дали Индии королевскую династию; в остальном же об их прошлом мало что известно. Ферришта³ считает их одним из афганских племен, мною же в одном из источников обнаружено, что они являются жителями речной долины у Халача, или Халаджа, помещаемого одними на р. Оксус, а другими — на северо-западе от

1. Бабур Захиреддин Мухаммед (1483-1530) — основатель династии Великих Моголов в Индии. Оставил описание своей жизни, военных походов в Афганистан и Индию («Бабур-наме»). Племя пашаи упомянуто Бабуrom в описании Кабульского вилайета: «...в городе и в некоторых деревнях есть сарты, в некоторых других деревнях и в области — пашаи, парачи, таджики, бараки и афганцы» («Бабур-наме», изд. Ильминского, Казань, 1857, стр. 161).

2. Бараки, или ормур, — небольшая народность, отдельные группы которой живут в наши дни в Вазирнстане (Канигурам) и в долине Логара.

3. Ферришта (1550-1626) — персидский историк, автор «Истории Индии».

Кандагара. Есть такие, кто отрицает существование города с подобным названием и кто заявляет, что халадж — это название религиозной секты, не имеющей ничего общего с названием какой-то народности.

К юго-востоку от Газни в деревне Сарде проживает небольшое племя сардехи. Все население Систана также можно отнести к таджикскому; таджиков встречают в большом количестве и в северной части Белуджистана, но не о них здесь речь. Тем не менее я должен отметить, что они включены в названный нами общий показатель численности таджикского населения Афганистана, равного 1 млн. 500 тыс. человек».

Вслед за Эльфинстоном некоторые сведения о таджиках — аборигенах Бухарского ханства — мы находим у барона де Мейендорфа¹, в результате путешествия которого внесено столько поправок в ошибочные представления о Трансоксании. В его произведении мы читаем следующее: «Физиономия таджика неизменно выражает кротость и глубочайшую безмятежность. Таким образом, хотя таджик по сути своей лжец, плут и скряга, его принимают за честного и добропорядочного человека... Таджики — самые безжалостные хозяева по отношению к своим рабам. Впрочем, они деятельны и трудолюбивы, проявляют большие способности в таких делах, как торговля, ремесла, земледелие. Кочевая жизнь их абсолютно не прельщает... Один образованный человек сказал мне следующее: "Таджики живут в Бухарии со времен Александра, и никогда у них не было вождя, избранного из их среды: они могут только повиноваться... Никогда таджик не брал в руки оружия, никогда он не защищал родину"» («Путешествие из Оренбурга в Бухару в 1820 г.», Париж, 1824, кн. III, гл. III, стр. 193-194).

Г-н Вуд — быть может, из числа тех путешественников, кто дольше всех жил среди таджиков различных малых стран Центральной Азии и кто, бесспорно (после Эльфинстона), привел о них наиболее обстоятельные сведения. А посему полагаю необходимым извлечь из его труда, неоднократно мною цитируемого, все, что он говорит по этому поводу. Вот его слова (стр. 225-227): «Таджики — красивый народ кавказской ветви; повсюду, где бы их ни встречали, они говорят по-персидски, и, хотя в настоящее время они проживают и вне пределов некогда столь обширной Персидской империи, их прошлое ясно свидетельствует о том, что судьбы этого народа всегда были ближе к историческим судьбам названной империи, чем к истории какого-либо другого народа... Считаю жителей Кафиристана и других горных районов, земли которых, по всей вероятности, никогда не подвергались вторжениям иноземных захватчиков, принадлежащими к той же расе, что и таджики, а последних рассматриваю в качестве аборигенов территорий, где их обнаруживают в настоящее время. Жители упомянутых мною высокогорных районов пользуются особыми диалектами, но между ними и равнинными таджиками отмечается поразительное сходство. Что касается их различий, то они могут быть объяснены влиянием природной среды, а никак не отсутствием кровного родства. Речь идет о народностях Кафиристана, Читрала, Вахана, Шугнана и Рушана. В качестве наиболее вероятной гипотезы для объяснения различий в их языках является предположение о том, что они были вынуждены укрываться в необитаемых местах (где пребывают и поныне) во времена весьма

1. Е. К. Мейендорф — участник русской дипломатической миссии Ф. Негри в Бухару в 1820-1821 гг. Путешествие описано в «Voyage d'Orenbourg a Boukhara en 1820 a travers les steppes qui s'etendent a l'est de la mer d'Aral et au dela de l'ancien Yaxartes» (Paris, 1826).

отдаленные, которые либо предшествовали, либо приходились на период не позднее чем начало вторжения мусульман».

Далее он продолжает: «Из пятнадцати ваханцев, обмеренных мною, самый высокий имел рост 5 футов 7 1/4 английских дюйма (1 м 709 мм), а самый низкий - 5 ф 1 3/4 английских дюйма (1 м 570 мм). У мужчин кожа более смуглая, поскольку они больше женщин бывают вне жилищ в любую погоду. Ни в чертах лица, ни в цвете глаз и волос не отмечается никаких особенностей; они очень напоминают таджиков.

Собаки по окраске большей частью черные или рыжевато-бурые; среди последних много пятнистых... Жилища ваханцев сходны с жилищами бадахшанцев с той лишь разницей, что очаг, находящийся у последних в центре жилья, заменен у ваханцев большой печью, наподобие русской, которая расположена в стороне и равномерно обогревает помещение» (стр. 372-374).

Ни Бёрнс, ни Жерар¹ ни даже Моханлал² обычно столь внимательно относящиеся к внешности представителей обоего пола, не говорят о таджиках ничего особенного. Моханлал вскользь упоминает тех из них, кто проживает в Газни, ограничиваясь замечанием о том, что они некрасивы. Скучность сообщенных путешественником сведений вынуждает меня обратиться к моим собственным наблюдениям в Бухаре и Самарканде, а также в Гератской провинции, в Систане, Хорасане и даже в Тебризе, где у меня была возможность наблюдать многих представителей этого народа, направлявшихся в Мекку.

Обычно таджики высокого роста; глаза и волосы черного цвета; голова удлинённой формы, как у персов; благодаря тому что лобная кость между полукружными линиями височных костей у них шире, чем у западных персов, соответственно они имеют и более широкий овал лица. Нос, рот и глаза красивого рисунка, однако загнутые носы встречаются редко. Обычно они прямые, значительно более выступающие, чем у представителей монголоидных рас, но не в такой степени, как у южных и западных персов. Довольно большого размера рот, уши и ноги. Подобно персам, отличаются обилием волосяного покрова: у них не только густые бороды, но часто основательно покрыты волосами и грудь и руки. Скелет таджика значительно массивнее скелета перса, вследствие чего живой таджик отличается более тяжеловесными формами. Тонкие и стройные талии, столь свойственные конституции тел персов, среди таджиков почти не отмечаются. Кожа у них совершенно белая и тонкая, такая же, как у персов, и не потому ли она так же восприимчива к загару, если люди длительное время находятся в жарком климате, как и у их сородичей на Западе.

В массе своей таджики физически сильны, легко переносят серьезные лишения и могут длительное время работать без усталости; однако как ходоки они значительно уступают персам. Впрочем, последнее обстоятельство носит чисто случайный характер и может проистекать единственно из того факта, что в местах их обитания лошади стоят дешевле, чем в Персии, и таджики могут позволить себе

1. Дж.-Ж. Жерар (1795-1835) — хирург и путешественник, выходец из Шотландии. Был на службе Ост-Индской компании. В 1832 г. совместно с А. Бёрнсом посетил Афганистан, Пенджаб, Среднюю Азию и через Персию вернулся в Индию, где и умер, не издав своих записей о путешествии. О нем упоминает А. Бёрнс в своих работах.

2. Мохаялал (ум. ок. 1870). Сопровождал А. Бёрдса в Афганистан и Среднюю Азию в качестве переводчика в 1831-1833 гг.; автор описания этой поездки. Участник первой англо-афганской войны 1838-1842 гг.

реже предпринимать дальние путешествия пешком. В дополнение к приведенному описанию считаю полезным присовокупить фотоснимки четырех таджиков, проживавших в 1864 г. в Каире; снимки эти я получил благодаря посредничеству генерального консула России в Египте г-на Лаговского.

Из всех изученных мною племен и народностей, принадлежащих к иранской семье народов, более всего приближаются к таджикскому типу гератцы, в особенности джемшиды и гебры; отметим лишь, что у первых рот обычно больше, чем у последних, а нос шире у основания. Гебры, почти во всем сходные с таджиками, имеют отличительную особенность среди них чаще встречаются люди с орлиными носами.

По мере удаления от стран с населением, сохранившим в своем облике типичные черты древних персов, мы отмечаем среди народов более изящную конституцию, но в ущерб росту. Так, среди индусов, афганцев, южных и западных персов средний рост 1 м 40 см — 1 м 50 см значительно более распространен, чем 1 м 70 см — 1 м 60 см, отмеченный г. Вудом в Вахане. Из 14 870 человек, жителей всех областей Персии, прошедших через русское генконсульство в Тебризе в 1857 г. для выправления своих видов на жительство, более трех четвертей были черноглазы и среднего роста, т. е. 1 м 30 см — 1 м 50 см. Череп в лобной части сужается, но он более выпукл; овал лица более удлинен, глаза большего размера; разрез глаз красивее, ресницы длиннее. Уши, рот и ноги меньшего размера. Ныне, как и во времена Геродота, все народы иранского корня отличаются обильным волосатым покровом; они черноволосы, а поперечное сечение волоса чаще всего имеет форму, близкую к овалу. Альбиносы в Персии, да и в Афганистане — редкое явление. На протяжении моих почти 15-летних странствий я встретил двух или трех, а г-н Массой, довольно долго находившийся в Афганистане, называет лишь одну женщину, на которую ему указали как на достопримечательность, говоря, что она, должно быть, «феринги» — европейка.

Таковы в общих чертах те видоизменения, которые претерпел персидский тип, рассматриваемый мною в качестве первоначального. Однако эти перемены совершались постепенно, и если житель Шираза совершенно не похож на бухарского таджика, то нельзя того же сказать о народностях, занимающих промежуточное положение между первыми двумя. И мы видим, что нос у афганца еще довольно широк у основания, кончик носа не заострен, как у западных персов, а как бы срезан на довольно широком месте. Нижняя губа в большинстве случаев очень толстая, зато руки, особенно пальцы, удлиненной формы. Глаза горизонтально посажены, удлиненного разреза, но менее открытые, чем у персов, а густые ресницы придают взгляду афганца какое-то суровое и недоброжелательное выражение. Чаще всего у афганцев короткая шея, благодаря чему голова кажется как бы вдавленной в плечи; стан более гибкий, чем у таджиков. Кожа у тех афганцев, которые живут вне резких температурных колебаний, мягкая, матового оттенка, тронутая легким загаром.

После таджиков и гебров в числе тех, кто лучше всего сохранил черты древних персов, назовем жителей Хорасана. Как правило, они мельче таджиков и с менее правильными чертами лица, но лучше сложены и у них приятнее осанка. Чтобы точнее представить себе тип хорасанца, не следует ограничиваться изучением населения Мешхеда и его окрестностей. То обстоятельство, что в этот святой город ежегодно прибывает до 100 тыс. паломников отовсюду, где поклоняются

культу Али, приводит к тому, что среди жителей Мешхеда и даже среди крестьян близлежащих деревень мы встречаем почти все типы народов Центральной Азии. В местах же, удаленных от крупных оживленных путей, очень часто можно видеть население таджикского типа.

На внешнем облике жителей Кермана и Йезда уже начинает сказываться влияние народов Западной Персии: у большинства их представителей гибкие талии, миндалевидные глаза, выступающие, с горбинкой носы, удлинённый овал лица. К западу от Шираза и Исфахана в сильной степени чувствуется воздействие семитического фактора, что особенно проявляется, как мы уже отмечали, в форме черепа.

ГРЕБЕНКИН А.Д.* ТАДЖИКИ¹

С занятием города Туркестана (1864 г.) мы вступили в страну таджиков и чем далее с того времени подвигались на восток и на юг, тем таджикское население встречалось чаще и чаще; наконец, в западных отрогах Тянь-Шана, из которых берут свое начало Чирчик, Ангрен, Сыр, Аксу и Заравшан, оно обратилось в преобладающее над тюркским, а местами-в совершенно сплошное таджикское, без примеси другой народности. И так, в течение шести лет мы, русские, уже имеем дело не с одним тюркским населением, но и с арийскими; в течение шести лет мы имели полную возможность изучать остатки древних обитателей Средней Азии, исследовать ту форму, в которую изменилось это племя, некогда владевшее большею частью Азии, бывшее представителем цивилизации всего мира. Мы все внимание обратим исключительно на таджиков Заравшанского округа и только изредка, для разъяснений или пояснений, будем говорить о таджиках других оазисов средней Азии.²

Таджики имеют в Заравшанском округе три названия: общее – «таджик», частное для выходцев из Мерва- «тад» и бранное «сарт», или «сасык-сарт».

Название таджик туземцы производят от тадж и ли, т. е. коронованный; следовательно это название они получили еще в отдаленные времена, когда их цари носили корону. Туркмены называют таджиков тад. Жители города Мерва, приведенные в Бухарское ханство эмиров Ша-Мурат-беком, называют себя «тад» и ирани; они говорят: «мы род тад племени персидского». В Мерве тад играли ту же роль, как и таджики в Самарканде, Бухаре и других городах Средней Азии. Замечательно, что из всех мервцев Самарканда, они «тад» имеют своим природным языком-язык персидский; занятия их и тип – те же, что и у таджиков.

Теперь обращусь к третьему названию таджиков: сарт. Этимология этого слова мне не известна. Туземцы тоже не знают прямого его значения, не знают его корня. Объяснения их слова «сарт» состоит из уподоблений, сравнений с разными ругательствами. Сарт значит; баба, трус, барышник и проч. «Сасык – сарт» (тухлый сарт) кричит кара-калпак, бранясь с таджиком. Во время войны, при осаде городов, узбекские наездники, подскакивая к стенами и махая плетью, кричат: а-е-и сарт! С прибавлением других бранных слов, которыми так богат их лексикон. Наконец, узбек редко когда скажет; таджик, а всегда; «таджик-сарт», при чем слово: сарт выговорит с особенным, язвительным выражением. Сами узбеки говорят: «таджика мы называем таджиком, когда едим с ним а сартом- когда браним его». Таджики утверждают, что название "Сарт" им передали русские, и зависимые от русских киргизы, но сами они (заравшанцы) этого имени не признают. Нам кажется, что странный эпитет «сарт» распространен исключительно в тех местах, где кочуют киргизы. Туркестан, Чемкент, Ташкент и другие города долин Туркестанского края окружены кочевниками и в этих городах слово: сарт-привычный уху звук. В

* ГРЕБЕНКИН А.Д., известный учёный ориенталист.

1. ГРЕБЕНКИН А.Д. ТАДЖИКИ. РУССКИЙ ТУРКЕСТАН. СБОРНИК, ИЗДАНЫЙ ПО ПОВОДУ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ, ВЫП.2. ПОД РЕД. В.Н.ТРОЦКОГО. Москва., 1872.

2. Стилистические и лексические особенности текст автора приведены без изменений в соответствии с нормами литературного языка того времени.

горных же городах и кишлаках, где или нет вовсе или очень мало киргиз и узбеков, в Кураминском, Ходжентского и Джизакском уездах и в Самаркандском отделе название сарт или вовсе не употребляется, или весьма редко. Да и вообще, по мере удаления от берегов сыра на юг, название сарт становится все более редким и уже в Шегрисябских владениях и в городе Карши нам не приходилось его слышать¹.

Таджики долины округа нигде не заселяют его сплошной полосой; они разбросаны по ней спорадически, отдельными группами, сосредоточиваясь в городах и кишлаках, как пригородных, так и в более или менее удаленных от городов. Кроме того, они живут по несколько или по одному семейству в чисто узбекских кишлаках. Таджики заселяют пять городов: Самарканд, Ургут, Катта-Кургап, Пенджекент и Пеншанбе и 52 кишлака Горные же таджики округа, на оборот, имеют своею территорией сплошные пространства от Суджины и от Ургута на восток, вверх по Заравшану и его притокам.

Таким образом таджики в округе размещены не равномерно: на западе и севере округа их нет; в середине же его начиная от Катта – Кургана на Самарканд и 6 верст за него, они наиболее распространены в долине; далее таджикское население поворачивает на юго – запад, чрез Тайляк и Джюма-базар на Ургут, с которого уже становится горным и сплошным. От Самарканда до Пенджикента, на пространстве 60 верст нет таджиков; но начиная от названного города оно опять появляется, а с Суджины делается сплошным. По южной границе округа таджики живут только в нескольких деревнях; все они выходцы из Когистана.

О свойствах, занимаемой таджиками территории, мы не будем говорить: -они, как видно из только что сказанного о их распространении, поселились в городах и кишлаках, разбросанных между узбекими родами, которых территории в своем месте будут описаны. Да кроме того таджик к долине не прикреплен, подобно узбеку-земледельцу к месту; он свободный и всегда стремится к переселению в город.

Город и таджик так тесно связаны в понятии среднеазиат, что узбеки, например, считают всех, живущих в городах, не иначе как таджиками. Кем населен Яны-Курган? Таджиками отвечает узбек и если усомниться в таджикском происхождении яны-курганцев, то узбек обидно –снисходительно заметит: почему же они не таджики? Ведь они живут в городе и занимаются торговлею? Яснее этого аргумента для узбека ничего быть не может.

Город есть настоящее место-жительства таджиков и только в городе таджики в своей сфере. Это стремление таджиков к торговым и промышленным центрам вытекает из склада их характера, из природной их любви к торговле, мелкому барышничеству, к суетливой жизни, что, в своей совокупности, дает жизнь и движение округу и делает таджика вполне необходимым для узбека, по крайней мере в настоящее время. Но если таджик по своей натуре и стремится поселиться в городах, то с другой стороны ему в этом часто мешают чисто физические условия: недостаток мест внутри городов и сплоченность узбекского населения кругом городских стен- извне. Эти условия привели к тому что азиатские города застроены весьма тесно, так что дом давит дом и даже при весьма плохих строительных материалах дома вырастают двухэтажные, двory бывают самых микроскопических размеров, а о площадях- и помину нет! Если смотреть на азиатский город сверху, то

1. Узбекский род « матан» имеет много не который по преданию, сочинены еще в то время, когда они были в России. В одной из них говорится в Самарканде

кажется, что плоские крыши его сторонами сливаются, примыкают одна к другой, образуют одну сплошную крышу города. Окончательный недостаток места для построек в городе заставляет таджиков, помимо их собственного желания, селиться в кишлаках и в этом случае они избирают для своих поселений места, ближайшие к городам, большим караванным дорогам и базарным местам или крепостям, имея в виду, при первой представившейся возможности переселиться в город или его предместье.

На обозначенной в общих чертах территории живут совершенно различные по типу и языку таджики, одинаковые только по своим духовным качествам, Туземцы округа говорят совершенно верно: «всякий город имеет своих таджиков». Понятие, что каждый город имеет своих таджиков, так вкоренилось в них, что они всегда называют себя по городам. Если спросит узбек: кто он такой, то он ответит, я узбек, ктай, катаган и т.д. Таджик же на такой вопрос скажет: я бухарец, ташкентец, ходжентец, самаркандец и проч., но не скажет или в редких случаях скажет: я таджик. В средней Азии принято, вошло в обычай, что если кто называет себя по имени города, то он таджик. Сказать таджик, все равно, что сказать узбек. Не отличить узбека катагана от узбека ктая - невозможно. Точно также нельзя не отличить при достаточном изучении - таджика пенджикентца от таджика-гисарца и т.д.

Таджики долины¹ не выражают собою какой -нибудь установившийся тип; это не то что родовитый ктай-узбек. Племя таджикское, если можно так выразиться, безлично, или лучше сказать: заметно выражает в себе типы всех племен, населяющих его народностей. Помесь называемая таджиками, отражает в себе типы: узбекский, татарский, еврейский, цыганский, даже славянский, арабский, персидский, индийский и у нее только одно общее - это духовная сторона: к какому бы племени ни относился таджик по лицу, он всегда и прежде всего торговец, легковверный и в известных положениях - трус. В округе очень много пришлых таджиков из Ташкенте, Ходжента, Кокана, Маргеляна, Андиджана, Карши, Гиссара, Бухары; короче сказать почти из всех городов Средней Азии стекались таджики при заселении округа, после последней катастрофы. (120 лет тому назад случившейся). Все эти пришлые, имея свои типичные отпечатки, столкнувшись в округе, перемешались между собою и еще более усложнили теперешний тип таджика. Он не поддается обрисовке несколькими чертами и а иногда и совершенно в них теряется.

Однако, не смотря на все вышесказанное, при достаточно внимательном наблюдении таджиков долины округа, они могут быть отнесены к двум, весьма характерным группам. В одной из них преобладает кровь узбекская; в другой кровь остальных народностей Средней Азии. Кроме того, одна группа отличается от других языком и местом жительства, т.е. первая группа живет по преимуществу в деревнях и говорит преимущественно на узбекском языке, вторая же имеет местом своего жительства преимущественно города и говорит преимущественно на персидском наречии. Таджики второй группы - цвет населения округа; по лицу и вообще по всему телосложению, а также и по уму они стоят выше всех остальных его народностей. В ней преобладают люди с нежными, правильными, чисто европейскими чертами лица, легкого, грациозного, но не сильного телосложения; с цветом лица белым, с чуть заметным оттенком смугловатости; с глазами большими,

1. О горных таджиках в этом очерке мы не будем говорить.

продолговатого разреза, черными и только весьма редко голубыми. Волосы у них по преимуществу черные, но встречаются, хотя и весьма редко рыжие (наверно помесь с евреями или казанскими татарами). Их брови бывают прямые, точно подведенного. Борода густая, формы от окладистой до того, что называется клином. Что касается до формы носа, то он лучше всего дает понятие: к какой помеси, - еврейской, авганской, и проч. принадлежит таджик и переходит от чисто орлиного до формы носа, о котором говорят, что он «топором».

Еврейские и персидские черты преобладают в этой группе, особенно в Самарканде, так как в Самарканде много евреев и персиян, с которыми таджики весьма охотно вступают в брак. Кроме того, молодые евреи, в следствие особых причин, в прежнее время добровольно или принуждению обращались в мусульманство, причисляя себя к таджикскому племени: еврей мусульманин сам себя называет таджиком; также называют его и прочие мусульмане.

Красивая еврейка, а таких между ними очень много, понравившаяся мусульманину, особенно знатному или духовному, делалась его женой, переменяв первоначально веру, и делаясь вследствие этого таджичкой. Горожане, как более богатые, держали рабов и рабынь из персиян, что само собою, оставляло заметные следы в нарождающемся поколении персидской крови. Родившийся от рабыни и таджика, если хочет отец, причисляется к семье и становится таджиком.

Индийцы, как известно, проживают в округе без жен и женятся не имеют права; такое безбрачное положение индийцев, живущих обыкновенно в среде таджикского населения, тоже не осталось без естественных последствий. Если еще прибавить, что откровенные таджики не стесняясь говорят, что они не знают, которые из детей жен принадлежат им, то станет ясным, почему таджикский тип заключает в себе отпечаток всех народностей, среди которых они живут.

В Катта-Кургане и его окрестностях много арабов, что и отразилось на катта-курганских таджиках. В Пеншанбе есть евреи и это тоже не прошло бесследно для пеншамбинского таджика. Ургутский таджик обновляется преимущественно кровью галча, что выразилось в его резких, энергичных чертах и сильном сложеннии).

Из сказанного о второй группе таджиков Зарафшанского округа, из представленного выше очерка типа, не следует заключать, что в нем вовсе незаметна кровь узбека:

Таджики этой группы в большинстве случаев не свободны от этой примеси, но она так сказать, только проглядывает, составляет побочную, а не характерную черту ее типа.

Совершенно не то мы видим в первой группе. Членов ее составляют по преимуществу таджики деревень, окруженных узбекскими деревнями. Эти таджики вполне в поглощении узбекской средой; они слились с узбеками земледельцами и главным занятием самих их служит земледелие; первый берет себе в жены дочь второго и обратно. Язык персидский, как роскошь при подобной обстановке, почти совершенно изгнан из семейства таджиков этой группы.

Кровь монгольская. Как кровь сильнейшего народа, стала настолько преобладающей над арийской в этой группе, что нужно много наблюдательности, чтобы отличить такого таджика от узбека. Однако на сколько бы не обузбечился, если можно так выразиться, таджик, ни один род, ни одно отделение узбеков не признает за своего, за узбека, но всегда отличит названием таджик, а под худую

руку-сарт. Утерев свой арийский склад лица, таджики деревень удержали некоторые из обычаев и занятий, свойственных всем вообще и охоту к торгашеству. Узбек при первой возможности обзаведется скотом, перейдет в степь к своим родичам и будет кочевать. Таджик – узбек, скопив деньги, в большей части случаев, делается джалаб- сатаром (перекупщиком, кулаком) а потом и саудагаром (купцом); приобретет в городе или городском предместье лавчонку и прибавит к своему имени эпитет «бай» (богатый, значительный).

Узбек не охотно ткет; он выделяет мату, бузь, и редко- алачу. Таджик узбек мату и бязь почти не ткет; он берется за выделку более ценных материй, требующих большого искусства; он производит: адрас, аладу, каламу и хосу хорошего достоинства. Первый, говоря вообще, не любит пляску бачей. Точно также узбек не любит мулл и не посылает – разве при исключительных обстоятельствах – своих сыновей в медресе. Для таджика – узбека мулла всегдашняя мечта, он на муллу смотрит как на саудагара своего рода, и очень хорошо понимает, что с этим званием связано тунеядсво, ни зато ни денег, а потому при первой возможности отправляет своего сына в медресе.

Как упомянуто нами выше, по лицу, таджики первой группы – те же узбеки только в них смягчено угловатое. Резкое очертание лица узбека перешло в более мягкое; скулы у них не так выдаются, глаза немного косо вставленные и большие, нос более прямой и лучше, на взгляд формы европейца. Борода гуще и волосы растут на щеках, тогда как у здешнего узбека, хотя и бывает борода, но за то не бывает на щеке густых волос. Впрочем, между узбеками округа, о чем будет сказано в своем месте, встречается весьма много особей, положительно ничем не отличающихся от таджиков деревень. Прибавим еще, что таджики деревень стараются брать в жены узбечек, как женщин сильных и неутомимых работниц. Красота тут не при чем.

Мы, описывая таджиков, разделили их на две группы, и это деление не совсем произвольное; по крайней мере характерны особенности каждой из них до того резко отличаются между собою, что нет места мысли о их смешивании. Но зато есть трап на которой они сливаются. Где одна группа уже переходит в другую.

Есть ли чистый таджик? Что такое таджик? – В Средней Азии происходит борьба, главным образом, между двумя племенами: арийским и монгольским и в этой борьбе за тип высказывается вся органическая жизнь Средней Азии. Борьба это особую породу людей, в которой будут соединены физическая и духовная особенности обоих реагентов. Масса и цельность на стороне узбеков, развитие - на противной стороне. Поэтому нам кажется, что чисто физическая свойство нового типа, свойства линий и размеров, будут, как оно уже есть и теперь, где соединение произошло, сильно напоминать монголов, духовная-же сторона более склонится на сторону арийского племени, за которым давность духовного развития. Но по нашим собственным, шестилетним наблюдениям, физическая сторона таджиков через –чуть слаба, неустойчива. От помеси таджика с другою народностью всегда является индивидуум с чертами этого второго элемента смеси. Для нас это служит признаком, что теперешний таджик Средней Азии (долин, а не гор) уже много принял в себя чуждой его коренному племени кровь, что чистого таджика в долинах Средней Азии нет. Это наше мнение. Что такое таджик? Этот вопрос мы оставим вопросом?.

Таджики не делятся на роды или отделения, подобно узбекам; они утратили деление. По поводу такого отсутствия между таджиками делений, узбеки смеются и говорят; «таджики не знают своего отца, своей крови, у них нет родословной; они не люди, а сарты». Таджики же, на эти насмешки возражают: «мы народ отца, у которого был один сын, один внук и один правнук, а потому и разных делений, существующих у узбеков, у нас быть не может». Не смотря на это, таджики, из подражания ли узбекам, или по другим каким либо причинам, довольно строго сохраняют названия, присвоенные себе, или по прежнему имени своего местожительства, или наконец от предков.

Мы приведем для примера несколько подобных названий известных только в Самарканде:

- 1)Таджики – джяусар, живут около ворот Пули – Сафит.
- 2)Сагет (охотники) занимали самаркандскую цитадель; по занятии ее русскими, расселились по городу и его предместьям.
- 3)Баги – Балянди и Баги-Майдани, носят названия по кишлакам. Из которых они переселились в город, 60 лет тому назад.
- 4)Матрид называются по имени святого Матрид, их предка.
- 5)Махалле (квартал), приняли это название жители предместья Самарканда от Ходжа Ахрарских ворот, до канала Даргама, по кара-тюбинской дороге.
- 6)Мулмане- жители предместья города от ворот Календар- Хана, до ручья Оби – Машат, по дороге на Ургут.
- 7)Ташкенди, заселяются целый квартал этого-же названия.
- 8)Малике, считают себя потомками Александра Маликэ, которого кажется, следует отличать от Искандера Зулькарнайна(Алекс. Макед).

Приведённые названия таджики удерживают за собою в течении многих лет; по большей части таджики одного названия составляют, если они многочисленны, квартал, деревню; в противном случае –приход, выселок. Они имеют свои мечети, из середины себя мулл, старшин (аксакалов) и все между собою самые близкие родственники. При выдаче дочерей таджикам других названий, они непременно возьмут больший калым, нежели выдавая их в свою общину. На обрезание, свадьбу, похороны или базым приглашаются преимущественно одноименные. Поля у них вместе, нераздельные скот пасется тоже в месте. Обидеть одного таджика, ташкенди например, значит обидеть всю общину Ташкенди.

На кулачных боях противные стороны состоят из разноименных таджиков. Одним словом, в некоторых местах, общие названия играют у таджиков ту же роль, как и роды, отделения и проч. у узбеков; они группируют таджиков в общины, через что сообщают им силу круговой поруки.

Вновь поселяющийся таджик между маликэ, например, не носит название «маликэ». Он просто таджик, без эпитета.

Язык таджиков –персидский, но, как сказано выше, на нем говорят далеко не все таджики. По причине преобладания в округе узбеков, необходимости частого сношения с ними таджиков и, с малыми исключениями, незнания первыми персидского языка, все таджики уже с малолетства говорят по узбекски и для них он такой же родной язык, как и персидский; он даже более употребительный: между собою таджики почти всегда говорят по узбекский.

Персидский язык¹ -язык мулл, мударисов, казиев, мурз; на нем проходят науки в медресах², на нем пишут письма, и в прежнее время на нем же производилось сношения между беками округа и властителями Средней Азии. Среди ученых округа и ак-сиаков (белая кость, дворянин) встречаются особы, презирующие узбекский язык; зная его, они никогда на нем не говорят. Между женщинами же таджичками много находится таких, которые или вовсе не знают узбекского языка, или знают его весьма плохо.

Заметим еще, что, по отзывам туземцев, в Самарканде насчитывает несколько говоров персидского языка.

Таджики принадлежат к суннитскому толку, к которому по крайней мере официально, принадлежит вообще все население округа, исключая евреев³.

Среднеазиатцы, чем более учены, тем более фанатичны и тем менее понимают истинное значение религии. Смысл названия «ученый среднеазиатец» будет объяснен в своем месте. Также следует разъяснить, что следует подразумевать под выражением «фанатизм» в применении к среднеазиатцу. Ошибется тот, кто выражение: религиозный «фанатизм среднеазиатца» поймет в обыкновенном, принятом всеми значении. Фанатизм, как безкорыстная религиозная ненависть к другому исповеданию и строгое последование своему из одного принципа, если и присущ некоторым мусульманам округа, то не иначе, как в виде исключений; такие особы и вообще во всех странах составляют редкость, тем более в Средней Азии. Вообще же таджики только кажутся фанатиками и в тех видах, чтобы можно было поставить себя на ту точку, в глазах других, с которой уже легко будет ему достигнут доходного места и эксплуатировать грубость и невежество толпы. Для таких таджиков, религия и деньги – синонимы. Они только надевают на себя маску фанатизма, но даже сами не верят чтобы они и в за правду могли быт фанатиками; вернее сказать : они не понимают фанатического состояние человека. Бывший рьяный антагонист русских в имя веры, получив от них доходные места или подачку деньгами, становится их защитником перед другими одинаковыми с ним фанатиками. Он разъясняет им в чем суть дела, а они со своей стороны хорошо его понимают и начинают заискивать расположение ниверных, чтобы тоже не упустить возможности чем ни будь от них по пользоваться.

Во круге религиозность есть профессия: чистое поклонение идеям Магомета не существует в месте, муллы же, казии, богачи и монахи смотрят на религиозность, как на средство к обогащению, приобретению почета, а потому исполняют требования своей веры исключительно наружно, на показ другим – перед толпой. Истинно – правоверный всегда сумеет выбрать место для молитвы и исполнений религиозных обрядов по среди народа. Чем моднее места, тем они долше будут совершать намаз. Мусульмане такое поведение молящихся объясняют подаванием примера другим. Такое объяснение пред всей не состоятельностью самого принципа, могло бы быть верным, если бы усердный богомолец, стоящий перед толпой, не получал за свою набожность материального вознаграждения, если бы он так же усердно молился и без свидетелей. А он все это знает и вне толпы забывает

1. Может быт было бы правильнее вместо «персидский язык» сказать: «наречие персидского языка или-же «таджикский язык»?»

2. Мы этим вовсе не хотим сказать что на узбекском языке преподают в медресе.

3.

о молитве, если же и совершает ее, то как скучную обязанность, спеша сократить трату на нее времени.....

Масса таджикского народа не религиозна; она равнодушно относится к постановлениям своей религии, избегает намазов, хождения в мечеть, если видит, что от такого образа действия не пострадает материально.

Но если толпа отличается такими, нерелигиозными наклонностями в своей совокупности, если эти наклонности находятся в ней, как присущая массе то, с другой стороны, это же самая толпа требует от каждого своего члена порознь полной религиозности и не терпит от них никаких упущений в отношении веры. Масса не прочь уклониться от хождения в мечеть (что уже доказывается что по мимо прямого наблюдения существования раисов), не посылать своих детей в мактаб-хона, иметь противозаконную связь с женой своего соседа или бачею, не совершать омовения и прочь. Ну если один из ее членов попался в одном из подобных проступков и наказан за него, то вся масса будет указывать на виновного пальцами, считать самым негодным своим членом, неверным. Попался следовательно виновен; тайна, лицимерие в большом ходу у туземцев. Имамы рассказывают следующее: «до прихода русских существовала должность раиса, в мечеть ходило из 30 прихожан 15-20; с занятием же округа русскими и с уничтожением раисов, из такого же числа прихожан являются в мечеть на молитву 5 или –много 10, и то исключительно старики. Духовно – полицейская власть уничтожилась, – прекратилось и хождение в мечеть.

То же самое следует сказать и об уменьшение учеников в мактаб-хана, а известно, что обучение детей у мусульман презнается делом религии. Теперь уже, говорят жители, можно не посылать детей в школу, не тратится на их обучение.

На духовенство таджик смотрит как на людей, живущих его трудом, обзывает его неприличными именами, но в присутствии духовных лиц показывает по большей части глубокое к ним уважение. Все желают чтобы их сыновья были казиями или амлякдарами (сборщик податей), причем смешивают оба эти звания: и к казию, и к амлякдару относятся совершенно с одинаковым почтением. Ходжей и сеидов таджики называют обманщиками, произвольно присвоившими эти звания; но завидуют им, как лицам, больше их имеющим средств приобретать деньги без труда и пользующихся хотя и не всегда- видимым почетом.

По базарам шляются проповедники, ораторы; они рассказывают перед народом истории просвятых, про разные их чудеса, совершаемые этими святымы даже в настоящее время, и прочь. Между подобными проповедниками есть, обладающие увлекательным красноречием. Но для таджиков совершенно все равно, как бы рассказики ни говорили: хорошо ли, дурно ли, - а всегда наберется вокруг него значительная толпа. В кругу этой толпы, жестикулируя и крича, расхаживает рассказик, иногда с плачем рассказывая что-нибудь очень трогательное из жизни святого. Таджики слушают, внимательно смотрят на жестикуляцию рассказика, но как только дело приходит к концу, толпа редет, и рассказику зачастую приходится конец передавать пустому пространству.

Дело в том, что проповедники, – о чем народ хорошо знает, – оканчивают свой рассказ или проповедь обращением к карману слушателей, что не по душе таджикам; они слушают рассказика – это правда, но смотря на него, как на томашиста (забавника), как на гаера, помогающего им веселие и без платно убивать свободное время.

Особенно таджики не любят монахов, мюридов и их главу ишана. Они называют их дармоедами, прошалыгами, тем не менее и чернь, и муллы, и купцы, жаждут выразить ишану публично свое расположение и преданность. Поклониться ишану, услышат от него привет себе при других, считается верхом благополучия для правоверного.

Когда до взятия Самарканда ученики медресе (муллы) и духовенство подняли крики, призывая народ вступить с кафирами – русскими в священную борьбу, начали подстрекать самаркандцев, следовательно, по преимуществу, таджиков, к поголовному вооружению, то самаркандский бек приказал своим сарбазам усмирить оружием этот священный пыл духовенства. Сарбазы перекололи на дворе медресе Тилла – Кары более 200 защитников веры, а народ не только не защищал их, но смеялся над ними и кричал: «наши муллы хотели сделаться сильными». По азиатски быть сильным и грабить, почти синонимы.

Вакф – установление религиозное, а между тем таджики говорят: «почему с нас берут поземельную подать, а с вакфов- не берут? Братъ, так поровну со всех». Мечеть, дом общественной молитвы, сами жители отводят нам, русским, для ночлега, когда русскому по какому либо случаю приходится переночевать в деревне, в которой нет приличного и большого дома. Самые священные места Самарканда и его окрестностей находятся в невообразимом запущении. О благолепии их никто не заботится. На каждое, почему либо священное для мусульманина место, сами мусульмане смотрят, как на статью дохода. У гробниц святых до тех пор только живут его потомки или монахи, пока она приносит прибыль, привлекает поклонников; изсякнет доход – исчезли и охранители гробницы.

Деньги, жертвуемый на исправление и поддержку замечательных мест, идут в карманы тех, кому их дали. Ходжа – Ахрар (мечеть и медресе) по общему уверению мусульманских ученых округа, владела святынею, кораном Османа; листы этого корана омочены кровью халифа, убитого в то время когда он читал этот коран. Преданию нельзя верить¹. Но не верим мы, европейцы, мусульмане же не имеют и тени сомнения в подлинности и священности ходжа-ахрарского корана. И тем не менее муллы этого медресе, не задумываясь, продали свою святыню за 100 рублей, да еще в придачу к нему (100 руб. даже показалось им очень большою платою за каран Османа) дали другой, небольшой коран, написанный тоже куфическими буквами и на коже газели.

Самаркандцы считают на своих кладбищах более 6000 святых; однако ничто у них не содержится в таком запустении, так небрежно, как наполнения прахом святых кладбища; они даже не огорожены; нечего и говорить, что они не посещаются с религиозною целью.

Что касается до знакомства таджиков с кораном и шариатом, то в этом отношении, за весьма редкими исключениями, они полнейшие невежды. Коран и шариат плохо знают большинство муллы и казиев. Одни муфтии хорошо знакомы с шариатом, который дает им хлеб. Нам известно, что самые обыкновенные молитвы знают не все таджики.

Разбогатевшие купцы строят мечети и даже медресе исключительно потому, что о них по этому поводу будут долго говорить в народе; духовенство делается их друзьями, народ будет относиться к ним с большим уважением и их торговые

1. На коране впрочем видно что-то похожее на следы крови.

операции приобретут большую устойчивость; зякетчи не смеет не быть его другом, казий-покровителем. Постройки такие располагают в пользу жертвователя общественное мнение.

Таджики лучше других народов округа сознают выгоду казаться религиозными, и, по своей натуре тоже лучше других умеют извлекать пользу из званий в муллы, имам, казия, монашеского и проч. Таджик вмещает в себе лицемерную религиозность, царствующую в округ. Все, что есть пошлого, грубо-обманчивого, отвратительного в ханжах вообще, а у средне азиатцев в особенности, все это сконцентрировано в таджиках – духовных, из всего этого состоит их религиозность... На сколько таджики овладели духовными местами в округе, лучше всего покажут цифры: в округе насчитывается свыше 2000 мечетей, в которых не больше 50-60 мулл и имамов не из таджиков. Что касается до должностей казиев, то они, исключая Пейшамбе, заняты одними таджиками.

Нам приходилось слышать следующее рассуждение таджиков: «вы, русские, сильнее нас и если бы приказали нам переменить веру, то мы должны были бы исполнить ваше приказание. Мусульманство между нами введено тоже силой. Наш народ податлив; разве муллы не были бы согласны на перемену веры; на то они много учились, мусульманство дает им хлеб. Но вы оставили нам нашу веру и за это мы вам благодарны»

Все роды деятельности, имеющие место в округе, не только знакомы таджикам, но в большинстве случаев, имеют в них лучших представителей, по некоторым из своих отраслей вместе с тем и единственных. Мы разберем таджика как земледельца, ремесленника, торговца и ученого.

Таджик земледелец

Таджики, будучи разбросаны по различным местностям округа, занимаются всеми отраслями земледелия: они хлебопашцы, садоводы, огородники и скотоводы. Но во всех этих случаях они, при первой выдавшейся возможности, только предприниматели, затрачивающие капитал, а не непосредственные деятели и не работники. Они сознают материальную выгоду владения землею и занятие земледелием, но сосредоточивать свои силы исключительно на нем, видеть все свое богатство только в земле – несообразно с их натурой, требующей большого круга деятельности и обладающей разносторонними способностями. Труд пахаря не под силу горожанину, да и таджик деревни не всегда сам пашет. К тому же наем работника узбека стоит недорого. Здесь мы сделаем небольшое отступление, и скажем несколько слов о безземельных в округе, что будет относиться вообще ко всем народностям, его населяющим.

В округе землевладельцев значительно меньше, нежели обыкновенно полагают. Отношение между поземельными собственниками и не имеющими земли, для целого округа, пока вывести нельзя, по не имению достаточного количества данных этого рода. В частности же это отношение приблизительно известно нам для нескольких тюменей. В Чилекском, например, он равняется 3:1; в Ангарском = (4:1; в Шаударском¹) не много выгодные, нежели в Чилекском. Все безземельные нанимаются в работники к владеющим землею на условиях, по уговору. Условия найма работника зависят от средств нанимающего. Если он имеет быков или

1. В Шаударском тюмене находится город Самарканд, жители которого, при вычислении этого отношения, не приняты в соображение.

быка, или же семена, то условия одни в противном случае другие; имеющие чтонибудь из поименованного, нанимаются в половинщики, черекары, десятичники и пр., т.е. и получают, по выделении подати, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{10}$, часть урожая. Половину получает тот работник, который затратил свои семена и вспахал землю своими быками.

Кроме того, часть приходящегося работнику урожая уменьшается при большем количестве обработанной им земли. Не имеющий ни быков, ни семян по преимуществу нанимается за деньги и прокорм. Такой годовой работник, исполняющий, кроме полевых работ, еще и домашний (в зимнее время), получает от 12-20 рублей, имея свою одежду, по пищу от хозяина. Узбеков, ищущих работы, весьма много в округе.

Перейду к прерванному.

Имея возможность дешево приобрести работника из узбеков, таджик всю тягость полевых работ сваливает на него и на жен, а сам руководит ими и занимается посторонними делами.

Сам таджик обрабатывает землю только в крайнем случае, когда у него мало земли. Между ними тоже есть безземельные, но мы не знаем примера, чтобы таковые таджики нанимались для земляных работ: они обыкновенно делаются садовниками, конюхами, водовозами, приказчиками, мастеровыми, ремесленниками или мелкими торгашами, с основным капиталом в рубль или два.

Пашни, принадлежащая таджикам, всегда лучше узбекских. Они унавоживаются, обновляются, взрыхляются и засеваются тщательнее узбекских, хотя работают те же узбеки. На своих полях таджики сеют все, что по свойству местности и по количеству оросительной воды возможно сеять. У него не засеянных мест не бывает, чего нельзя сказать об узбеках. Кто бы ни был таджик: купец, духовное лицо или должностное, он, если есть к тому средства, наверно землевладелец; он отдает свою землю в аренду и часто по несколько лет ее не видит, но всегда постарается отдать ее таджику же. Лучшие сады принадлежат таджикам, а виноградники, без преувеличения, одним им. Они разводят шелковичные деревья всех сортов, т.е. балхи, марваришак, хосак, шатут и хоразмин и занимаются выводами шелкопряда. Огородные растения всех сортов, употребляемые в Средней Азии, а также картофель и капусту, можно встретить по преимуществу на таджикских землях.

Не упуская из виду ни одной отрасли земледелия, таджик, при благоприятных обстоятельствах, делается скотоводом; мы не говорим о гуртовщиках таджиках, скупающих мелкий скот—это дело торговое, — а о таджиках, занимающихся разведением скота, пасущих его и вместе с ним кочующих. Такие полукочевники таджики находятся по южной границе округа и на восток от Пенджикента. Они исключительно разводят овец и коз. О количестве находящегося у них мелкого скота мы имеем весьма скудный, а потому опустим цифры. II) Таджики ремесленник.

В Средней Азии вообще нет фабрик и заводов, нет мастерских на широкую ногу, с затратою большого капитала на постройку здания. Приобретение машин и наем управляющих и т.п. Здесь всякое ремесленное производство ограничивается, сравнительно, микроскопическими размерами разбивается по рукам, не сгруппировывается в одном месте. Исключение в последнем смысле составляет Ургут, который всей своей массой населения обратился к одной отрасли

ремесленного производства: выделке алачи; но и там нет мастерской, имеющей больше 10 ткацких станков.¹

Большая часть ремесл округа сосредоточивается в руках таджиков: они имеют в своих мастерских больше рабочих и больше машин, нежели другие народы; кроме того они не имеют, по некоторым ремеслам, не только соперников, но и подражателей из народностей. Как ремесленник, таджики выказывают себя положительно способным народом и, что весьма важно, у них заметно желание усовершенствовать свои работы, перенимать лучшие приемы, инструменты и подражать хорошим образцам. По изделиям, обращающимся в округе работы таджиков, нельзя судит об их искусстве. Они производят, как и должно быть, только то, на что имеется спрос; они удовлетворяют своих потребителей.

У средние - азиатцев нет понятия о законченности, однообразии, красоте, гармонии и прочности вещи, или правильнее, обо всем этом у них есть свое собственное понятие, не совпадающее с европейским, не подходящее под нашу мерку. Этому вкусу удовлетворят таджики-ремесленники и, кроме того, они удовлетворяют главному условию-дешевизне. Масса потребителей округа бедна и ценные произведения ай не по средствам. Узбек купил зыбку: перекладыны в ней точеные, раскрашенные полосками; она вся ярко - цветная, стоимость ее самая не значительная, и он совершенно доволен своей покупкой. Какое ему дело, что в скрепах видна полнейшая небрежность со стороны мастера, что полоски не симметрично расположены, что стойки не ровны и что вообще чистоты в отделке не видно.

Если дать таджику - усто (мастер) образец известному ремеслу, то он, не смотря на все несовершенство своих инструментов, на их грубость и недостаточность, на йоту не отойдет от образца. Таджик переменяет инструменты, манеру работы, в нем не заметна жилка рутинера. О дешевизне их работы, сравнительно с работою русских мастеровых, и говорит нечего. Простой деревянный шкаф из тополевого дерева, заказанный русским мастером Самарканда, стоит 30-35 руб. Такой-же точно шкаф, и даже более добросовестно и скорее сделанный, у таджикских мастеровых обойдется от 15 до 20 руб. а иногда и дешевле.

Таджики занимаются выделкой канауса (исключительно тад), адряса, бикасаба, алачи, каламы, хосы, дока, фута, тибет-сали, бузи (всех сортов). Окраской бумажных ниток, шелка, шерсти и пуха таджики занимаются малоб они красят только в красные цвета.

Для продевания основы через ремизки набильник, для наведения лоску на адряс, каламу, алачу и для размотки коконов существуют особые мастеровые; для набивки цветов на мату - особые, и все из таджиков-же.

Кроме того, таджики занимаются: вышиванием по различным материям и по коже, шитьем платьев, туземной, а в последнее время и европейской обуви; выделкой кож, производством седел, свеч и мыла, шорным мастерством, литьем вещей из чугуна²; кузнечным, золотым, серебряным и медным мастерством; плотничными, столярными, токарными и гончарными ремеслами и прочь.

Некоторый из перечисленных работ они производят на базаре, в открытых своих лавках, другие в домах. За работу они берут весьма мало. Если исчислит

1. Стилистические и лексические особенности текст автора приведены без изменений в соответствии с нормами литературного языка того времени.

2. Льют колокола (в Каты-Кургане), плиты и прочь.

стоимость сырого материала и переработанного, получившего уже известную форму, то часто приходится удивляться: из за чего таджики трудятся. Правда, что в большей части случаев таджик в одно и то же время работник, предприниматель и продавец; следовательно покупщику не приходится вносить за покупаемую вещь вознаграждение работнику, предпринимателю и купцу, или по крайней мере в меньшем размере; но все таки эта лишняя плата покупщика весьма не значительна.

Занимающиеся одним ремеслом называют друг друга товарищами. Это товарищество выражается, между прочим, в том (так было до занятия края русскими), что они в известное время года, предпочтительно весною, когда начнут цвести розы, прекращая занятия в своих мастерских, делают (хозяева или усто) между собою складчину деньгами, покупают барана, рис, лепешки, чай и проч., нанимают бачей, музыкантов и, вместе с своими рабочими как гостями отправляются куда нибудь за город, на день- на два, томашиться, т.е. есть плав, пить чай, восхищаться пляской бачей и музыкой.

Здесь будет уместно сказать несколько слов о найме рабочих по некоторым ремеслам.

Неизвестно, вследствие чего в Средней Азии ввелось в обычай, что работники ткачи, гончары, кузнецы, свечники и булочники иначе не нанимаются, как получив первоначально от своих нанимателей известную сумму денег – бунак.

Величина бунака простирается от 4 руб. и до 40. Он зависит, как от искусства работника, так и от рода работы. Бунак есть собственность рабочего до тех пор, пока он остается у нанимателя. Он может расходовать его, как ему угодно. Получив бунак, рабочий исправно получает от своего хозяина за дельную, по уговору, плату по исполнению известного количества работы. Так ткач получает плату за джюру сотканной материи, т.е. количество, потребное на 1 халат или 1 рубашку, гончар – когда выработает (сделает и обожжет) одну печь посуды, и проч. Переходя к другому хозяину или вообще отходя от нанимателя, рабочий обязан сполна выплатить полученный бунак. Происходит обыкновенно так: рабочий, сманенный другим предпринимателем, получает от этого последнего больший бунак, что дает ему возможность, уплатив прежнему своему хозяину, еще иметь свободные деньги. Туземцы рассказывают, что некоторые из рабочих, получив бунак в Самарканде, бегут в Бухару или другой город обратно. Кроме выдачи бунака и уговора о величине за дельную плату, других условий между предпринимателям и рабочими не заключается, по крайней мере в Заравшанском округе.

О размере ремесленной деятельности таджиков в округе мы можем, пока, говорить только в общих чертах, не выражая ее в цифрах. Мы можем, сказать, например, что таджики захватили в свои руки почти все ремесла в округе, но сказать, что они производят на такую – то сумму, мы не можем: у нас нет для этого достаточно данных. Но все таки мы хотим и можем дать несколько примеров, из которых можно будет извлечь читателю хотя слабое представление о размерах этой деятельности таджиков. Таджики в Ургуте выделывают в год алачи на сумму свыше 250 тысяч, и ведут ею торговлю, кроме округа и Шегрисябского бекства, с Гиссаром, Хулумом и многими другими местами бассейна Аму-дарьи.

В Самарканде на 31 станке в год вырабатывается 108 т. аршин канаусу, на 200 станках – 360 т. аршин хосыи на 100 станках – 10,000 фот. Кажется, что не будет преувеличением, если положим, что таджики округа вырабатывают в год на 750 т. рублей.

III Таджики торговец.

Уже несколько раз мы упоминали, что таджик, по своей натуре, весьма склонен к торговой деятельности. Он никогда не пропустит случая даже на время быть торговцем, хотя бы самым мизерным, таким, какой нигде не мыслим, кроме Средней Азии. Купить, что называется, на грош товару, достать на базаре место и сидеть с своим грошевым товаром по целым дням, выручая по несколько чек в сутки, это такое наслаждение для таджика, которого не таджик и представит себе не может! Жена и дети его сидят без куска хлеба, работают на сколько хватает человеческих сил, а муж или отец весь заработок берет себе, прикупает на него товару и еще с большим наслаждением сидит над ним. С тех пор, как таджик сделался купцом или вернее – торгашом, торговли делается уже его манией, а прибыли и увеличение товаров – исходной точкой всех его помыслов. Он с нечеловеческим терпением, чека за чекой сколачивает тениги (20) пускает их в оборот, оказывая себе совершенно во всем, самом необходимом. Свой труд он ставит ни во что. Он переходит с базара на базар, странствует по всему округу, скупает на деревенских базарах или меняет на свой товар кур, яйца, деревянные ложки, нитки и проч., чтобы с барышем на чеку или на две перепродать все это на городском базаре. Берет в долг за проценты товары в городах, а на деревенских базарах перепродает их иногда дешевле того, за сколько сам взял. Но зато на вырученные деньги он на этих базарах скупает по дешевым ценам арканы, мыло, веретена и тому подобное, и за все это на городском базаре выручит плату за забранный в долг товар и еще получит барыш.

Так или иначе изворачиваясь, не жалея себя, иногда голодая, таджик перебивается с году на год; из конек делается рубли, при счастье открывает свою лавочку, а не то-становится джалляп-сатаром от значительных городских купцов; ему вверят товара на двести – пятьсот рублей. Он уже носит товар не на себе, а навьючивает его на лошадь и уже не ходит, а разъезжает по базарам округа, а с течением времени, сколотив капитал, прибавляется к своему имени эпитета бай (богатый) и делается настоящим купцом.

Большинство купцов округа прошли по описанной дороге. Многие из одержимых манией быть купцом кончают свой век не достигнув завидного положение «бая»; многие усиленного желания поскорее разбогатеть и от рискованных променов разоряются в конец; их места занимают другие, а они обращаются в водоносов, мардекеров (работников) и проч. с затаенною мыслию опять когда нибудь быть торгашом.

Желание торговать, пускать свои деньги в оборот, так присуще таджику, что торговлей занимаются чрез других даже муллы, имамы, мадарисы, ишаны, казии, амлякдары, аксакалы-одним словам все лица, который владеют известной суммой свободных денег. Торгуют старики, молодые, торгуют наконец, женщины старухи. По этому самые не значительные города и базарные места поражают обилием лавчонок на своих базарах, обилием торгующего люда.

Быть купцом, значит быть почетным, пользоваться полным уважением от всех, кто имеет меньше денег, кто получает меньшие барыши, а таджики более всего любят и ценят почет. Мы считаем не лишним привести здесь несколько цифр, которые хотя не много очертят степень стремления к торговле в таджиках.

В округе 33 базарных места, а в неделю бывает 36 базаров. Джалляп – сатары (кулаки) переезжают с базара на базар группами; каждая из таких групп успевают

посетит в неделю три базарных места, быть на трех и в редких случаях на четырех базарах. Следовательно, всего подобных групп в округе 12. Но в округе, исключая лавок Самарканда и Катты-Кургана, в разные базарные дни производится торговля 9500 человеками из таджиков, почему, считая, что на каждом трех базарах бывают одни и те же лица, приблизительно можно принять, что всего торгующих кулаков в округе не меньше 9500; 3, т.е. 3166 человек.

Отличительный характер торговли таджиков – довольство весьма незначительным процентом прибыли, быстрая гуртовая распродажа и отсутствие больших складов для товаров.

На таджикских лавчонках, хотя и не видно объявлений: «без запроса», но торговцы редко когда запрашивают; правда, что горожанин покупщика не надует: он сам хорошо знает цену товарам; приезжий же, если почему либо боится, чтобы с него не взяли лишнего, имеет возможность купить товар не чрез хозяина лавки, а через его соседа по лавке. Он берет вещь и просит соседа того торговца, у которого он ее взял, чтобы тот ему продал эту вещь. Он при других обращается к совести постороннего торгующего лица, но хорошо знающего стоимость предмета, а кроме того, не заинтересованного в прибыли. Сказать неправильную цену – почитается весьма не благовидным, покупатель доверил ему, сделал его своим уакилем, т.е. совестным, обязанным говорить правду. Уакиль, набросив на вещь необходимый процент, продает ее покупателю, берет от него деньги и передает их настоящему продавцу.

Случается, что этот последний за такую продажу выберит уакиля, но не согласится продать вещь за назначенную цену – не может. Нам говорили, что прежде никаких стычек между соседями по лавкам на счет продажи товаров чрез третье лицо – не бывало.

В торговле значительное участие принимают джаляли, служащие при некоторых видах торговли, необходимые посредники между покупателями и продавцами; так напр. при продаже свежих коконов джаляли присутствуют всегда и сводят в цене покупателей и продавцов. В этом случае вознаграждением им служит горсть коконов или чека, много две, смотрят потому, сколько взвешено коконов; платит всегда продавец. Джаляли не из таджиков, мы не знаем и не слышали, чтобы таковые были в Заравшанском округе.

Купец-таджик не столько заботится о высоких процентах, быстроте оборота капитала; в течении года он сумеет обернуть его раз десять и даже больше. Торговли определенными товарами, в большей части случаев столько, у него нет в течении года, да и в данное время он не торгует однородными товарами, а часто-самыми противоположными, по своим свойствам. В небольших лавках например, рядом с шелковыми материями помещается мыло и чай, сера для жевания, лекарства, яды и лакомства. Впрочем соединение таких разнородных предметов в самаркандских таджикских лавчонках бывает у небогатых продавцов; т.е. у 6/7 всего торгового люда города; у более же богатых вошло в обычай иметь несколько лавок, для разных родов товаров: в одной торгуют исключительно материями, в другой лекарствами, чаем и т.д.

Таджик, торговавший в этом месяце красным товаром, в будущем месяце будет торговать железом, медью, деревянной посудой и т.п. Все зависит от повышения или понижения цен на известные продукты, от спросы и подвоза. Здесь мы говорим

о незначительных торговцах, которые не имеют прямых сношений по торговым делам с подобными торговцами.

Торговцы, что можно уже заключить из того, что их сравнительно весьма много в округе, не владеют большими капиталами и торгуют в долг. В их лавках трудно найти много товаров; если понадобится несколько штук сукна, то наверное придется набирать их в нескольких лавчонках и притом, где взят $\frac{1}{4}$ штуки, где пол-куса, но зато, если нынче известный предмет торговли весь взят из лавки, завтра в ней его опять будет столько же. Это последнее обстоятельство зависит от того; что во времена правоверного управления опасно было прослыть богатым, иметь на показ много товару, почему торговцы выставляли в своих лавках на вид не больше, как недельную порцию товаров, а излишек прятали в домах; такое скрывание товаров вошло в обычай и даже в настоящее время, когда причина подобного предания уже уничтожилась, все-таки не выносят в лавки много товару.

Заметим еще, что лавки те-незначительной величины комнатки, которыми так обилуют базары и базарные улицы в городах Заравшанского округа, заняты только небогатыми сравнительно торговцами, торгашами. Богатый купец не станет от себя вести розничную продажу. Вся деятельность богатых купцов сосредоточивается в караван-сараях; товары или прямо свозят в них, где они и лежат до распродажи партиями, или остаются до вывоза в караван-сарай других городов.

Случается впрочем, что оптовый купец (только таких торговцев называют саудагар; прочих же зовут по родам продаваемых ими продуктов) имеет под своим именем лавку для розничной продажи; но она только считается его лавкою. Продажей же в ней занимается его сын, родственник или бывший его бача, или даже слуга. Он дает этим лицам товар, нанимает или строит вновь лавку для них; за все это они обязаны возратить ему, уже по продаже, сумму, которая причитается за отданный им товар. Вся выручка идет в пользу торгующих и не входит в коммерческие расчёты самого купца, а служит для протезируемых им основанием их собственного капитала.

Многие из таджиков торгуют на тысячи, не имея почти ни гроша собственных денег; им верят на слово, потому что они приобрели почему бы то ни было репутацию честных людей. Получив на веру товар за известные (и в этом случае небольшие) проценты, такой торговец пускается на промены, на раздачу товара по малым частям другим, таким же, как и он сам, безденежным людям. Капитал дробится все больше и больше, так как эти последние готовы, при первой возможности, в свою очередь, раздробить свой пай на части и отдать их на подобных же условиях в третьи руки. В начале нашей рубрики о торговой деятельности таджиков уже разъяснено: каким образом мелкие торгаши изворачиваются, променивают и продают свои товары, перевозя их с одного базарного места на другое, а потому здесь мы только добавим, что, совершив известный оборот, и раздробившись до мельчайших партий, товары, уже в виде денег, постепенно соединяются и наконец доходят до того капиталиста, который отдал их в долг первому члену из этой цепи торгашей. Во всем этом круговращении товаров может поразить одно: ценность товара, перевезенного в течении месяца или двух на многие сотни верст, должна была бы весьма чувствительно увеличиться; а через изложенное выше дробление и притом в большей части случаев, если только не всегда, отдачу этих дробных частей с барышем – и еще того более увеличиться. На практике же этого мы не замечаем. В Самаркандском отделе, например,

базарная цена Самарканда- служит руководящей ценою и для остальных базаров отдела и к ней, и то не всегда, прибавляют чеку две на джюру какого-либо товара.

Подобное явление объяснено тем: во первых, что мелкие торговцы часто с пользою променивают свои товары на продукты местного производства, во вторых, -трату времени на провоз они ставят ни во что. А в третьих, наконец, они довольствуются самыми микроскопическими барышами, а зачастую и тем, что на выручку может быть сытыми и кормить свою лошадь. Ко всему, сказанному о деятельности таджиков, следует еще прибавить, что они занимаются извозом на арбах, ишаках и лошадях, постройкой домов, резьбой и раскраской стен в домах, обтесыванием камней, резьбой на мраморе и проч. Одним словом таджик на все руки мастер.

Натура таджика при всех поименованных родах деятельности высказывает себя подвижной, сангвинической, суетливой и вместе с тем в известных случаях ленивой, беззаботной; обекрайности в ней уживаются, как нельзя лучше. Вот почему о таджиках составились два, совершенно различных мнения между русскими Туркестанского края; Одни говорят: таджик ленив, другие – что он до крайности деятелен. Одни говорят о нем, как поклонник всяких удовольствий и забав; другие, как о человеке скупом, вполне расчёту, делу. Как объяснить происхождение этой видимой разногласицы в мнениях о таджиках?

Когда таджик не имеет известного занятия, не получил товар, не устроился в том или другом отношении, когда он старается, например, что-либо приобрести тогда он весь в движении, все упорной настойчивости; он не чувствует ни усталости, ни жары, ни холода, и что особенно странно – он делается безстрашным, действует, что называется, очертя голову. Он пешком или верхом переходит из города в город, из кишлака в кишлак, имея в виду только ту цель которой он задался.

Но вот цель достигнута; деньги приобретены, товар куплен, сложен в лавчонку, осталось продать его. Тут таджик превращается в ленивого, неподвижного, совершенно апатичного человека. С утра и до вечера он, поджав под себя ноги, сидит в своей лавченки; безстрастно встречает и провожает своих покупателей; глаза у него, когда нет этих покупателей, бесцельно устремлены куда- то; он безмысленно смотрит в пространство, он скорее в такие минуты похож на истукана, нежели на живого человека..

Ткач-работник с 3-4 часов по полуночи и до вечернего намаза, нитка за ниткой выполняет свою работу. В день он отдыхает не более часу, и успевает при простом челноке на первобытном станке соткать 4 аршина канауса. С такою усидчивостью и неутомимостью он работает пять с половиною дней в неделю. С полдня же четверга и до позднего вечера пятницы он свободен от работы, отдыхает. В эти полтора дня он, как говорится, не ударит палец о палец. Он бесцельно слоняется по улицам, по базарам, по целым часам сидит у бассейнов, на площадях базаров, чайных. Ленив и беззаботность резко отражаются на его лице, во всех его движениях.

Таджик антично сидящий в лавке, рабочий, гуляющий бесцельно по улицам, наводят русских на мысль, что таджик по природе своей ленив. Они видят часы его отдыха, наблюдают его в то время, когда ему не для чего тратить свои силы и говорят; таджик апатичен, чего никогда не скажет тот, кто имел случай видеть таджиков в чём-либо.

Нам приходилось слышать следующее: «чтобы видеть, как таджик ленив, стоит посмотреть на одну его походку; приглядитесь, как он не умело ходит! Скажешь

ему чтобы он поскорее шел,- он ни за что на свете не прибавит шагу». Мы к этому, совершенно верному замечанию на счет манеры ходить, составляющей впрочем особенность таджиков, укажем еще на другую их особенность: ни один таджик никогда не станет ходить по комнате из угла в угол, как делаем это мы, будучи взволнованы, обдумывая что нибудь, или просто от нечего делать. В всех подобных случаях таджик сядет и будет сидеть час или два без движения и только при сильном волнении временами хвататься за грудь.

Теперь по заданной нами программе, следовало бы рассмотреть таджика, как ученого, но мы считаем более удобным отнести эту рубрику к концу очерка таджиков; а теперь обратимся к характеру таджика, к его положению к обществу и в семействе и к отношениям его к другим народностям, живущим в округе.

Деспотизм управителей Самарканда, система шпионства, введенная по всей Средней Азии, а следовательно существовавшая и в Заравшанском округе, произвол людей военных, чиновных и особенно полицейских и беспощадная казнь всякого, на кого сделан донос, - все это сильнее всего давало себя чувствовать горожанам и жителям ближайших к городу деревень, т.е. отражалось на таджиках преимуществу. Совокупность всех этих давлений резко повлияла на склад характера таджиков, на их честность, нравственность, понятие об обязанностях, на любовь к жизни, на их семейную и общественную жизнь и т.п.

Система такого давящего управления, веками действуя в одном направлении, выработала из таджика личность безотчетно скрытную, подозрительную до болезненности, дрожащую перед властями и влиятельными людьми, хвастливую, склонную к обману на каждом шагу, и при том какому-то детскому обману.

Если русский по какому-либо делу разговорится с таджиком и спросит: не может ли он, например, рассказать ему сказку, до которых таджики охотники, то он поклянется, что не только сам не знает ни одной сказки, но никогда, ни от кого не слышал их, и даже не может указать на знающего сказки. Но когда этот же самый таджик познакомился с русским покороче, убедился, что его расспрашивают без всякой задней мысли, а так себе, по их выражению, «для забавы», и он видит что ему дают чай, да еще с сахаром, тогда он выскажется вполне, к сказкам прибавит кучу анекдотов, поверяв и даже расскажет то, что слушателю вовсе неинтересно. Но в конце концов всегда один: знакомый таджик зачистит, будет приводить своих приятелей, рекомендовать их с самой хорошей стороны, сам станет угощать их чаем, советовать им брать побольше сахара и прятать его в карманы, жаловаться на казиев, полицейских и просит себе или своему приятелю хлебное местечко. Имея тамыром (приятелем) русского или туземца, но занимающего видное место, таджик хвастает этим перед своими знакомыми и приводит своих приятелей к тамыру собственно для того, чтобы убедить их, что он хорошо им принимается. В чайных, на базарах, на гуляньях он с чувством собственного достоинства громко будет рассказывать окружающим его и не всегда даже ему знакомым, как он запросто в этот день пришел к своему высокопоставленному другу, как тот бросился к нему на встречу, начал его обнимать и не знал, где бы усадить его, чем бы лучше угостить. Прощаясь же, он очень упрашивал почаще к нему заходить. Окружающие слушают рассказика с завистью; в их глазах он становится лицом, которого расположение следует заискивать и знакомство с которым становится делом хорошим, пожалуй – и прибыльным. Рассказчик дает пищу толкам и пересудам, его начитают метить на вакантное место и проч.

Вы едете по базару, вас окружает толпа; с криком, с подталкиванием протискивается заметивший вас ваш тамыр, протягивает вам оберуки, захватывает ими нашу и вы чувствуете, что он нарочно дольше удерживает ее в своих. Это он делает не без цели; он потом будет говорит: «видели, как обрадовался мне тюря, как он сжал мне руки и не выпускал их, не хотел меня отпустить от себя». Сказав вам два три слова, таджик – приятель объявляет вам, что у него много дел и что он, вследствие этого, дольше не может оставаться с вами. Это фраза произносится громко и служит для окружающих неопровержимым фактом, что он с русским тюрей находится на короткой, приятельской ноге; иначе он должен был бы ждать от тюри позволение уйти.

Таджик льстив и никогда не преминет воспользоваться удобным случаем, чтобы наговорить кучу комплиментов. Он говорит их или прямо, что называется, в глаза слушателю, или обращаясь к посторонним, присутствующим, выражается в третьем лице о том, про кого он говорит. Любовь таджиков к комплинтам и особенно к вычурным сравнениям, гиперболом и проч. весьма замечательна. Солоно иной раз приходится нашим переводчикам

Нахальство и ложь таджика, как и вообще средне - азиатца, переходят все мыслимые границ, когда он является свидетелем из-за корысти, подкупленным. Следователь уличит его в одном несправедливом показании; он, взамен его, выставит десять таких же ложных показаний, и если следователь или вообще разбирающий дело будет на столько опытен, что постарается с помощью других свидетелей, различными сопоставлениями фактов и сторон дела доказать, что и эти десять показаний тоже неверны, то он выдвинет целую батарею новых, примет присягу в не подложности их и проч. Ложный свидетель будет извертываться, путать все дело до тех пор, пока не выяснится, что он подкуплен и зачастую за двадцать, за сорок копеек. Как только он убедился, что разбирающему делу известно о его покупке, он спокойно сам сознается в том и даже объявит, что он бишара, не имеет на что купить себе лепешку. А потому хотел ложным свидетельством заработать немного денег.

На ложных свидетелей большинство туземцев смотрят, как на своего рода промышленников, желающих трудом зарабатывать хлеб. На них не показывают пальцами их товарищи. Они – торговцы- и больше ничего!

Жизнь ближнего таджика (тоже следует сказать и о других народцах округа) ставят туземцы ни во что. Убить человека, а потом мучиться угрызениями совести- немислимо для всех таджиков вообще. Точно также таджики и на убийцу не смотрят, как на человека, унизившего себя этим поступком. Зарезать барана, зарезать человека- для них все равно. Без нужды никто не станет резать барана, следовательно тем более человека, - так рассуждают среднеазиаты. Палач, на руках которого при беках не высыхала кровь, пользовался от всех почетов и все считали за честь держать эти руки в своих руках.

Вид постоянной резни, бывшей при эмирском правлении, вид крови, трупов с перерезанными горлами до того приучил таджиков к насильственной смерти, как это сделал необходимым в их глазах, что они потеряли всякое поползновение к борьбе за жизнь; для таджика борьба немислима, когда уже стало ему известно, что его зарежут. Никто, кроме разве диких американских воинов апахов или японцев, не расстается так спокойно с жизнью, как среднеазиаты. Мы видели приговоренных к смерти и не замечали в их лице ни тоски, ни страха,

ничего такого, что выражало бы желание избавиться от приговора: полное равнодушие, совершенная покорность постигшему - то что отпечатано на лице приговоренного.

Но это стоицизм, это пренебрежение к жизни не есть следствие глубокой веры в обещании Магомета, не есть продукт мусульманства, а давнего гнета, привычки видеть убийство, насильственную смерть вокруг себя в течении многих лет; это отсутствие мысли и невозможность ее зарождения при среднеазиатском управлении, мысли о том, что человек владеет свою жизнью и что никто не имеет право отнимать ее у него. Пытки и истязания, которыми так щедро угощали правоверных их правители, притупили у них чувство, образовали сильную волю, научили скрывать в самих себя мучения физической боли: к чему их обнаруживать, когда известно, что окружающие могут только смеяться над страдающими, но не сочувствовать им!

Мы видели раненых, изувеченных язвами; один взгляд на раны и язвы этих несчастных леденил чувства европейцев. Но больные относились к своим ранам и язвам, как фельдшера на перевязочном пункте относятся к ранам жертв человеческого самодурства - войны. Они без страстно ощупывали разожжённые свои руки и ноги, грубо разворачивали раны и говорили: «не заживет!», ни стопа, ни признака страдания не написано было на их лицах. Одно только можно подметит на лице таких несчастных: это злость на что - то вообще, но ни на что в частности.

То, что сделало таджика легко смотрящим на свою жизнь, терпеливо переносящим физическую боль и устранило от него душевные страдания, то самое образовало из него труса, не способного сознательно хладнокровно смотреть в лицо смерти, когда есть выбор: оставаться на месте или бежать подальше от опасности. Пример наших войн в Средней Азии достаточно убеждает нас, что таджик трус. Трусом его обзывают и узбеки, в сущности такие же трусы? Название сарт, которое узбеки презрительно бросают в таджика, объясняет ими, как равнозначные с словам баба.

Сами таджики говорят про себя следующее: «мы не любим войну, мы имеем дома, землю, лавки; и работаем и можем быть сыты своими трудами. Война нас разоряет. Узбеки - дело другое! Они тогда только и сыты, когда ведут; война делает бедного богатым и обратно. Наконец, мы знаем; за что нам должно драться с другими?» Политика, подобно войне, мало занимает таджика, если результаты ее не могут отразиться на его благосостоянии; также точно он мало следит и за административными переменами. Для него все равно: кто бы им ни управлял, лишь бы его материальные выгоды не страдали.

Вот почему купцы, ремесленники и прочие производители таджики всегда будут на стороне русских; они уже узнали, что под русскою властью они более гарантированы от притеснений, разных несправедливых поборов, вообще от всего, что так или иначе может влиять на материальную сторону их быта. Духовные же из таджиков, тоже в силу своих материальных выгод, всегда противодействовали и будут впредь противодействовать русским.

Таджики так привыкли к тому, чтобы над ними властвовали пришлые, так часто переходили из города в город, из одной провинции Средней Азии в другую, что они считают себя каким - то наносным элементом, оторванным от почвы, бывшей когда-то их отечеством; то место, на котором зарыт прах их предков, имеет такую же цену в

их глазах, как и то, где зарыты их кровные враги. Отечество – непонятно таджику, как идея отвлеченная. Он будет защищать свой дом, землю, капитал, может быть даже жену и детей от разграбления неприятелей; но узнав, что неприятель не имеет желаний его грабить, как частного человека, что дело идет о признании новой власти, он спокойно подчиняется новому правлению и обращается к своим прежним занятиям.

Может быть таджик, спокойно, безучастно относящийся к перемене своих покорителей, интересуется их верой и разница в вере может побудить его на борьбу, борьбу религиозную? У нас нет ни одного факта, на основании которого можно было бы решить этот вопрос утвердительно. Отвлеченная идея, таджик, борьба – это все несовместимые понятия. К чему бороться таджику из за религии, когда строгость постановлений ему в тягость, когда они, как милость, приняли от русских уничтожение райсов, когда он не уважает – в душе, разумеется- свое духовенство? А по его понятию духовенство и религия – синонимы?

Нет, таджик не станет терять время и труд на то, что не приносит очевидной, материальной пользы. Мы говорим все это о массе, занятой полезным делом, а не о духовенстве, живущем трудами других, и не о той незначительной части таджиков, которые, с занятием русскими края, потеряли свое выгодное, административное положение.

Игра, пари сильно увлекают таджиков. В каждом городе Заравшанского округа есть особые дома и переулки, куда собираются таджики для игры. В домах играют преимуществе по ночам, а в переулках – днем. Игроки иногда проигрывают все; они играют с большим азартом: деньги, одежда, домашний скот, даже жена, сестра, дочь, сын все идет на ставку. В игорных домах и местах воспитываются разбойники и вору. Играют в карты, кости, чет и нечет и в другие игры.

В этих же домах пьют арак, покупаемый у евреев, местное вино, бузу и отравляются курением кукнара, банга и тому подобным. Впрочем для систематического отравления курением и напитками существует особые заведения. Около игорных домов находятся публичные дома, дома бачей... Вообще около них сосредоточиваются подонки общества.

Игорные места и дома служат притоном не одним малосостоятельным, но и богачам; однако играют по преимуществу молодые из богатых. Нам неизвестен ни один богатый игрок, который был бы пожилых лет. Из них –же, кажется, чем старее, тем он более завзятый игрок.

В игорных домах и на игорных местах можно встретит массу зевак, которые, так сказать, только выжидаются удобного момента, чтобы самим наброситься на игру, поставить свою деньгу на карту. Такие присутствующие иногда держат пари за когонибудь из играющих и, проигравшись на пари в пух и прах, сами начинают играть.

До чета и нечета некоторые из таджиков и вообще из среднеазиатцев до того пристращаются, что не могут пробыть минуты, чтобы не играть в эту игру самим с собою. Нам приходилось имеет дело с такими субъектами, по следственным делам. Сидя при допросе, они то и дело перебрасывают небольшие камешки из одной руки в другую и быстро сосчитывают что вышло: чет или нечет? Они точно помешанные: на вопросы отвечают не в попад, потому что не слушают ничего, занимаясь игрой.

В числе игр, мы помещаем и кулачные бои, так как при них азартно держатся пари за одну или другую из участвующих в бою сторон.

Вдаваться в подробности относительно кулачных боев мы не будем; скажем только, что самые большие кулачные бои бывают на новый год в Самарканде

в Ходжа – Ахрарском предместье, а в Катты- Кургане - около арыка Нарупая. В начале дерутся ногами, потом в ход пускаются кулаки, наконец – камни и палки. Победенных обирают до гола и исколачивают до полусмерти.

Зрители, как мы сказали, держат пари за сторону, или за бой. Больше других в таких боях отличаются татары (выходцы из России) и узбеки. Для пари таджики (тоже следует сказать и о других народцах округа) держат в клетках перепелов и куропаток и весною, во время спаривания, спускают их для боя. Для той же цели служат петухи и верблюды. Пари держится всегда партией на партию.

Пари, и притом самые оживленный, держатся на бачей и борцов. Бачи плясуны выживают из своих поклонников сравнительно большой деньги; из за них спорящие готовы драться на ножах. К победителю при борьбе подсакивает каждый из державших за него пари , или вообще его сторонних, охватывает его обеими руками и вместе с ним подпрыгивает.

При шахматных пари(в шахматы играют публично) каждый из держащих пари имеет право предлагать свой ход, который вслух обсуживается другими. Удачный ход или промах противников вызывают взрывы хохота, крики удовольствия, остроты, за которыми не редко следуют потасовки с противной стороны.

По мусульманскому праву, мусульмане все равны в гражданском отношении. Но мы вовсе не желаем следить за мусульманами Заравшанского округа по их книгам. Мы пишем то, что есть, а не то, что должно быть.

Таджики делятся на духовных и светских. Духовное звание или приобретается рождением (ходжи и сеиды) или должностью(казии; муллы, имамы, ишаны и проч.) Как те, так и другие ставят себя выше всех остальных таджиков ; они записные ханжи и имеют значительное влияние на общественное мнение. Представители их держат в своих руках остальных своих сотоварищей, знакомятся только с богатыми купцами или важными должностными лицами и выказывают полнейшее презрение к мелким торговцам, рабочим и небогатым земледельцам, которые за их грубое обращение платят им наружным почтением, унижением себя в глазах таких важных особ, и насмешками или сплетнями за глаза.

Светская часть таджикского населения имеет своими представителями богатых купцов и землевладельцев. Влияние этих представителей на массу опирается на более существенное, нежели влияние духовенства: на деньги. Ремесленники, мелкие торгаши, земледельцы всегда находятся в зависимости от капитала. Редкий из них не обязан своим существованием значительному купцу: они или продают свою работу через посредство их, или получают от них в долг деньги для ее производства, выплачивая этот долг сработанным товаром, или же пользуясь словом богача, как рекомендацией, они работают для купцов второй руки. От купцов же в большинстве случаев получают деньги так же и мелкие землевладельцы на расходы по земледелию. Если еще прибавить, что многие богатые из купцов делают в известной массе, пользуется ее расположением, в следствие этого, купечество имеет и значительное влияние на весь народ; так как в среди народа всегда находится много личностей, интересы которых тесно связаны с интересами купечества, то следовательно всегда есть и их агенты.

Весьма трудно проследить скрытную, но сильную борьбу купечества с духовенством, борьбу движения с застоем. А между тем борьба эта была и есть даже ныне. Если до 1864 года она имела исходной своей точкой одно влияние на массу, ради почета и надела по сборам податей, то с этого года в эту борьбу вошло

устранение войны с русскими. И, как известно, голос купцов не всегда заглушался криком мулл. Каждая из этих партий защищала и защищает в такой борьбе свои денежные интересы. Выгоды купеческой партии идут в разрез с выгодами партии духовных.

До занятия нами Заравшанского округа народ стоял за купечество, а люди служилые (не всегда, впрочем) – за духовенство. В этой борьбе купечеству необходимо было вести дело свое очень и очень осторожно: они играли с огнем; противники их, прикрываясь религией, основывали свои доказательства в пользу войны с русскими на указаниях кораца и могли всякого, открыто идущего против их мнений, уличить в измене религии, в переходе на сторону кафиров. Но в купеческой партии сосредоточивался вся интеллигенция Средней Азии и все капиталы. Что много уравнивало силы борющихся.

С занятием округа русскими, борьба между купечеством и духовенством далеко не прекратилась, а напротив, приобрела большую энергию. Но теперь перевес видимо на сторон купцов. Духовенство шипит, изливает всю желчь на русских, но может этим этим заниматься, так сказать, келейно, в ограниченном кружке. Народ им не доверяет и в большинстве случаев рад радехонек, что с приходом русских может на них меньше тратиться.

Дети богатых купцов и духовных редко когда переменяют профессию своих отцов. Дети же незначительных купцов, ремесленников и земледельцев при первом удобном случае, при достаточности материальных средств и возможности получить образование в медресе, выходят или муллами, или муфтиями и мирзами¹

Высшее духовенство и купечество, вместе с должностными лицами: амлякдарами, зякетчами, курбашами, аминами и проч. составляют аристократию округа. Знакомство аристократия ведет только со своим кругом, разбиваясь все таки на много кружков. Народ аристократию знает, приходит к ней в дома по делам, на звания томаши, хвастает в своей среде знакомством с аристократией, но в своих домах ее не видит. Разве нечаянно какой нибудь важный духовный или богатый купец заедет на минутку к обыкновенному смертному, и тогда осчастливленный таким посещением таджик долго, долго будет всем рассказывать про знаменитое посещение и про любезности, который ему говорила «особа», хотя это особа, ради сохранения своей важности, почти все время глубокомысленно молчала, в любезностях же рассыпался сам осчастливленный хозяин. Соседи узнают о приезде особы, сбегаются во двор к счастливицу, но взойти в комнату, где особа сидит, было бы через чур невежливо. По этому они и ограничиваются только тем, что сложив на крест руки на груди, подходят к дверям комнаты, занятой особой, и кланяясь в пояс, произносят ассалям-алей-кум. На это особа делает чуть заметный кивок головою и отвечает: «алей кум – ассалям». Получив ответ, таджик не разгибаясь пятится назад и входит в толпу.

Посидев не много, особа уходит. С надутой важностью, медленным шагом он подходит к своей лошади, среди безмолвной толпы, пораженной его величием. Все кланяются ему низкими поклонами, хватаясь обеими руками за живот, как требует среднеазиатский этикет. Особа осматривает присутствующих ... Вдруг ему почему-нибудь захотелось обратит на одного из их среды свое внимание; он

1. Вот почему придаем большое значение зачатку доброго дела: устройству в Самарканде русскими школа для туземцев, где совершенно устранено влияние духовенства.

делает ему кивок головой и протягивает руку. Почтенный такую явную, публично выраженную благосклонностью, точно ужаленный, вырывается из толпы, сгибается в три погибели, протягивает обе руки в перед, схватывается ими руку особы, прикладывает ее к губам и ко лбу и держит у лба некоторое время. Потом оставит руку особы, он шепчет молитву и не разгибаясь пятится в толпу, непременно двое или трое потреплют по спине.

Особа подходит к лошади и хочет на нее садиться. Все бросаются к ней: одни поддерживают его под руки, другие держат стремя и вкладывают в него ногу. Хозяин же левой рукой держит лошадь под уздцы, а правой — помогает особе сесть на лошадь.

Гость на лошади.

Если он первостатейная особа, то хозяин, многие из присутствующих следуют за его лошадей и по сторонам пешком, и провожают таким образом почетного гостя до его дома. В противном случае проводы оканчиваются у угла квартала или даже в конце переулка того дома, который был посещен особою. Этикет таджикский не позволяет важному лицу ехать по городу без сопровождения пеших служителей, скороходов. Если лицо имеет палку, то ее несет главный скороход.

Когда высокий гость идет по улице, на крышах домов стоят и отвешивают поклоны все желающие в свою очередь быть когда-нибудь очастливленными. В щели дверей, заборов, ворот смотрит не одна пара черных глаз таджиков. Особа проехала, но квартал все еще находится в волнении, тормошится. Идут рассказы, подробно передается, что гость говорил, на кого обратил внимание и проч. Каждый уверяет что он, именно смотрит на него, больше нагнул голову, делая поклон всем, при чем даже улыбнулся, иные не нахвалятся его объемистой чалмой, уверяют, что только праведные могут иметь такой важный вид, каким Аллах одарил особу. Женщины — соседки бегут к жене взысканного милостями особы, засыпают ее вопросами, расспрашивают: что она подсмотрела особенного в важном лице и тому подобное, сообщают друг дружке, как было бы приятно быть женой такого лица, причем высказывается, что жена подобного почетного правоверного не может носить ничего другого, как канаус и материю «хаир, хай!...»

Сыновья аристократов составляют цвет молодежи округа: они законодатели мод, дают реноме лавкам, чайным, парикмахерам, бачам и проч. и проч. они тратят отцовские деньги и делают долги. Им верят в долг не меньше, чем прежде верили деткам европейских аристократов. Тузов. Все их знают, все готовы им услужить, разумеется в надежде около них пожить. Они играют в разные игры, пьют, ухаживают за чужими бачами и имеют на содержании своих. Красотою своих бачей и искусной их пляской они гордятся между собою. Отбить у других, переманить к себе какого-нибудь известного бачу составляет шик.

Все разговоры этих аристократов вертятся на похождениях бачей; они хвастают победой над известным мальчиком танзором, точно также, как европейская избалованная и богатая молодежь известного закала хвастается своими победами над знаменитыми танцовщицами. Сплетни про ночные прохождения бачей составляют любимую тему их разговоров и только изредка, мимоходом, в него входят сплетни про женщин. На таких сынков с завистью смотрят сыновья небогатых и не знатных таджиков, а под часть — и узбеков, которым не посредством

тянуться; отцы бьют их за трату денег, за долги и стараются как можно скорее женить, отделить от себя. Каждый молодой таджик не аристократ заискивает расположение аристократа, старается втереться в его кружок, а бачи из кожи вон лезут, чтобы только приглынуться аристократу.

В праздничные и базарные дни часто можно встретить идущими по самаркандской площади или по базарным его улицам партию молодых аристократов таджиков. В такой толпе всегда есть бача, разодетый в пух и прах. Он гордо выступает, делает глазки направо и на лево и ведет своих спутников – поклонников куда сам хочет, приказывает им покупать себе лакомства и бросает их народу. бесцеремонно берет он у своих обожателей деньги и также кидает в толпу. За такие поступки толпа восхваляет его, со всех сторон сыплется на него комплименты; его глаза сравниваются со звездами, поцелуй с жарким дыханием жгучего мекского ветра. Бача и его обожатели, слушая эти комплименты, находятся наверху блаженства, ощущают еще больший прилив гордости тщеславного самодовольства, толкают простолюдинов и не дают спуска людям почетным. На их головах наверхены цветные, яркие, большие чалмы, на плечах их по несколько шелковых или полушелковых халатов. Кушаки – или в серебряных с бирюзой бляхах, или из кашемировых шалей. Сапоги с зелеными каблуками....

На встречу одной из таких партий идет другая. Тут уже приходится обеим партиям раскошелиться. Уступить одной партии перед другой в щедрости к своим бачам, значило бы опозориться, сделаться предметом насмешки для всего города никуда не показываться в течении недели или месяца.

Хитрый, опытный бача пользуется подобным случаем; он делается необыкновенно нежным к своим обожателям, восхваляет их красоту и щедрость и подводит к лавкам. Находят обе встретившиеся партии. Бачи начинают смотреть наряды, чалмы, халаты и тому подобное. Один из них говорит другому: « это чалма очень бы шла к твоему лицу, но у тебя, кажется, такой нет». – « да это правда», отвечает пылкий поклонник, « у него такой чалмы еще нет; но душа моих желаний, цветок могомедова рая не может не иметь чалмы, которая идет к его красоте». Чалма куплена. Тоже проделывает и другой бача, и так далее. Народ толпится вокруг этих двух партий, восхваляет щедрость молодых людей, говорит стихи, часто экспромтом (отдельная личность, разумеется) отпускает самые пошлые сальности, весьма сочувственно принимаемый в подобных случаях.

Но не всегда так мирно обходится встреча одной партии среднеазиатских ловеласов с другой. Если бачи встретившихся партий почему либо в ссоре, (а они могут быть в ссоре между прочим оттого, что обоим бы им хотелось быть на содержании у одного и того же лица, или один перебил у другого выгодного содержателя), то бачи встретившихся партий начинают бранить друг друга самыми оскорбительными в данном случае, не подлежащими печати прозвищами, ругательствами, плюются и даже порываются вступить в рукопашную. Обожатели их тоже начинают ругаться. Драка при подобных столкновениях почти всегда неизбежна.

Праздник, томаша – для всех и для бедных и для богатых, для знатных и для черни одинаково любезна, все с одинаковым нетерпением поджидают праздника. К годовым праздникам каждый таджик, будь он старик или мальчик, непременно купит себе какую-нибудь обнову для своего туалета, в крайнем случае – застежку, но все же купит что-нибудь. А чуть позволяют средства, он обновляет и весь туалет.

Опишем праздничный день:

Утром часов в 7 таджик начинает одеваться. Окатившись холодной водой, он надевает чистое белье, сурмит брови, подводит глаза. Жена или сестра помогают ему одеваться, прикрашиваться.

Халат, пояс не так сильно занимают таджика, как чалма. Он повязывает ее перед зеркалом, поменяет повязку несколько раз; советуется с женой или сестрой несколько раз: к лицу ли ему такая – то повязка чалмы и только убедившись, что чалма накинута на голову совершенно к лицу, он выходит из дому.

По улицам он идет, закинув голову кверху (мы говорим о таком таджике, который купил к празднику весь новый туалет), причем сильно размахивает руками, но шаги делает маленькие и идет медленно, что делает походку его неестественной и смешной. Встречая знакомых, хуже его одетых, он не узнает их и проходит мимо. Дороги он никому не уступает, потому то и дело сталкивается с проходящими.

Выйдя из переулка на площадь, наш гулящий таджик напускает на себя еще больше спеси, если только это возможно. Он заходит к знакомому купцу в лавку, садится в ней и посылает за чаем в чайную. Чай принесен. Таджик пьет его, презрительно поглядывая на проходящих. Халат у него полуспущен с плеч, видна белая рубашка.

Время от времени он снимает чалму, потряхивает тюбетейку над головой и опахивается рубашкой, как веером: это все делается для того, чтобы показать проходящим, что он не в меру выпил чаю и чувствует необыкновенную жару. Если в это же время в лавку войдут старые, уважаемые лица, он непременно выставит ногу и будет ею шевелить – неуважение полнейшее! Подобный поступок может, по таджикскому этикету, позволить себе только старший перед младшим. Проходящие рассматривают наряд нашего гуляки, толкуют от достатках владельца подобного костюма, перебирают шикующего по косточкам, одним словом обращают на него внимание, чего и добивается каждый таджик. Посидев достаточно долго в одной лавке, таджик переходит в другую, где повторяется тоже самое.

Также точно, с несущественными изменениями, поступают и все купившие себе обнову, т.е. все достаточные люди из таджиков. Уже под вечер, выпив не одну дюжину чашек чая, вдоволь натешив свое самолюбие, намозолив своею особою глаза всем, вызвав достаточно зависти, показавший себя таджик идет домой. Дома, вертясь в своем наряде перед женой или сестрой, он с мелочною подробностью и с огромными прибавлениями против действительности, рассказывает им: как он шел по улице, по площади, сидел в лавке, сколько выпил чаю с сахаром (хотя может быть пил и без сахара), как прохожие удивлялись ему, костюму его и важному виду, как он известному лицу за то, что тот не дал ему дороги, наговорил дерзостей и заставил при всех его извиниться пред собой и пвроч. Жена только успеваает делает возгласы: «хаир! Хайр!» и временами прибавляет: «да я всегда была уверена, что ты знаешь, как себя держать, ты не похож на своих соседей». А выслушав все от мужа, она спешит к соседке, чтобы с приукрасами передать ей невероятно замечательные похождения своего мужа. И долго после этого события ни муж, и жена не дают никому покоя своими рассказами, а им другие о том же предмете.

Наряд, одежда в таджикской среде играет весьма важную роль, служит оценкой деятельности, положения в обществе. Таджик по платью встречает, по платью же и провожает. Кто всегда одевался хорошо, щеголял своим платьем и вдруг

появился на гулянье в старом, тот вызовет на счет себя со стороны его знающих или только видевших его хотя бы один раз, самые щекотливые замечания и пересуды. Сейчас же пойдут препоощрения о его мотовстве, игре в карты, пьянстве и проч. Предположение переходит в уверенность, с прибавлением сомнения о достоинстве его, как мусульманина: «пока он был добрым правоверным, до тех пор пророк был щедр к нему, не лишал его богатства, предохранял от пороков», говорят досужие языки. Вот почему таджик будет отказывать себе в пище, в поправке своего жилища, но постарается появляться в людном месте в праздничные дни в обнове, одетым, не хуже того, как его привыкли обыкновенно в такие дни видеть. В будний день, за малыми исключениями, таджик ходит в отрепьях.

Семейная жизнь таджика почти во всем сходна с семейной жизнью остальных народцев Заравшанского округа, исключая евреев; потому мы описание ее, а по той же причине и описание обычаев, намерены изложить, познакомив предварительно с всеми племенами округа. Теперь же скажем несколько слов об отношениях таджиков округа к остальным его народностям.

На словах узбеки пренебрегают таджиками, а некоторые их роды хвастаются тем, что они не отдают своих дочерей замуж за таджиков. Таджики же с улыбкой относятся к тому, что узбеки смотрят на них с высока и говорят: «узбеки без нас жить не могут, а потому мы их держим в руках – они варвары, неучи, даже сами за себя думать не могут, мы им даем одежду, учим что и с чем лучше есть, как прилично одеваться, обучаем их в мактаб-хана, в медресе, даем им казиев, мулл, святых¹, учим их мастерству и снабжаем их всякими товарами. Правда, в междуусобное, военное время узбеки нас бьют и грабят; но когда все успокоится, мы свои убытки умеем вернуть. Узбек очень прост», так всегда почти заканчивают таджики. Число таджиков в округе – свыше 38,000 душ обоего пола.

1. Таджики полагают, что святым может быть только человек таджикской народности.

ХОРОШХИН А. * ТАДЖИКИ:¹

Население Туркестанского края, как мы уже сказали, разделяется на те две народности, которые мы находим теперь в Самарканде и его окрестностях, а именно: 1) на оседлую таджикскую, замкнутую, неподвижно в настоящей форме, которые дал ей ислам, 2) совершенно самостоятельную, полукочевую народность, узбекскую, которая, в свою очередь, также имела сильное влияние на таджиков, превратив часть их в сартов, оседлый народ, таджикского происхождения, но говорящий узбекским языком. И это влияние узбеков досель так сильно, что хотя они и приняли от таджиков ислам, однако не нуждаются в их персидском языке, тогда как узбекские наречия, в том числе и сартовское, в большом ходу всюду между таджиками; из последних только жители глухих горных теснин (гальча) не знают узбекской речи, да и то, если часто спускаются по своим делам в долины, то усваивают её очень скоро. С сартовским языком можно обойти всю Среднюю Азию, также как с французским Европу, а с персидским и всю остальную мусульманскую Азию. А потому здесь дипломатическим языком считается язык таджиков, оставляющий наречие персидского. Кабинеты коканский, бухарский и хивинский одинокова предпочитают наречие таджиков. Большинство книг написано или пишется на таджикском или персидском языках².

Различие этих языков можно видеть из Записок Мирзы Шемса Бухары, переведённых и изданных в 1861 году В. В. Григорьевым, нашим известным ориенталистом и большим знатоком Средней Азии. В книге г. Григорьева между прочим есть глава: «Обозрение диалектических отличий употребительного у бухарских таджиков персидского языка». Издание г. Григорьева вообще представляет собой весьма интересную справочную книгу для всех, интересующихся Средней Азией.

Узбек и таджик окрестностей Самарканда, тесно связанные религией, обычаями, одеждой и даже нравами, резко отличаются друг от друга и наружностью, и характером. Я имел случай беседовать с необыкновенно своеобразными представителями обеих народностей: передо мною сидели два старика; каждому было по 65 лет, оба говорили по узбекски. Один был среднего роста, широкий в плечах, с необыкновенно свежим и полным лицом, окаймленным белою бородою, голубоглазый, с мягким взглядом. Другой – больше чем среднего роста, неуклюжий, с выцветшим и морщинистым лицом, совсем беззубый, с небольшой бородкой, неопределённого вида и цвета и с карими, бегающими глазами. Видевший здешние народности не запинаясь скажет, что первый – узбек, а второй – таджик. Узбек говорил мало и тихо и сидел смирно; таджик говорил много и шумно, вскакивал с места, перебывал речь узбека, хотя беседа наша одинаково для всех было первым знакомством. Допустим даже, что узбек и таджик между собой были уже знакомы,

* Хорошхин А., учёный ориенталист.

1. Материалы для статистики Туркестанского края. Вып.3. СПб.1874. под. Ред. Н.А.Маева. Стр.314-318.

2.2Стилистические и лексические особенности текст автора приведены без изменений в соответствии с нормами литературного языка того времени.

то темь более это характеризует обоих представителей здешних народностей, видевших меня, как тот, так и другой, впервые.

Я далёк от мысли, что характеристика это вполне закончена; тем не менее, как известно, узбеки были основателями преобладающих народностей Средней Азии, а таджики, даже под видом сартов, представляющих по своему языку какую-то середину между узбеком и таджиком, мы и досель находим плохими хозяевами, даже в пределах той не большой территории, которую они занимают.

Таджик никогда не ворочал судьбами здешнего края. Он торговал и досель торгует; он человек коммерческий, живой, плутоватый, развратный. Узбек – досель сохранил характер простодушного, далеко не так, как таджик, корыстного, храброго полукочевника. Правда, что и узбек сильно «отаджился», если можно так выразиться, но всё таки он дал истории, (хотя это и небольшая заслуга) Чингиза и Тамерлана, таджик же дал только святых. Казалось бы с современной экономической точки зрения, что наиболее склонён к европейской культуре должен быть таджик, как субъект оседлый и меркан тильный; но на самом деле это выходит на оборот. потому что таджик фанатичнее узбека, хотя сам тоже далеко не прежний мусульманин. Узбек (наши киргизы, татары) шагнул уже в деле культуры вперед. Конечно, и узбек достаточно фанатичен, но всё таки он восприимчивее таджика и прок от него будет скорее, в особенности там, где влияние таджика было не так сильно. Узбек если можно так выразится, благороднее таджика, и борется более за свою личную свободу, нежели за религию, а таджики прежде всего имеет в виду ислам, который он передал и узбеку. Таджик подчинился сначала арабу, потом узбеку, и частица превратился в сарта, т. е. забыл свой язык и заговорил по узбекски. Узбек же до нас никому не подчинялся, и остался почти цельным. Правда, он принял ислам, принял одежду, обычаи и даже многие наклонности таджика, но всё таки остался первенствующим.

Не смотря на всё это различие, слияние обеих народностей заметно и вполне понятно: их соединяет дикая религия, предначертывавшая одинаково точно и крупные, и мелкие явление их жизни: их соединяют экономические условия края, сделавшие общими интересы обоих народов. Слиянию, конечно, много содействовала и та китайская стена, которая досель окружала государства Средней Азии. Это же стена была не малою причиной и того, что народности среднеазиатские, так сказать, измельчали, пережили самих себя до того, что стали нуждаться в толчке извне. Но постороннему влиянию не было другого пути сюда, кроме того, которым оно зашло, а именно войны. И вот – началась эта война и в ней вполне обнаружилась духовная скудость национальностей, благодаря замкнутости и безобразным формам их государственного строя. Даже самый поверхностный взгляд на дело вполне достаточен для уяснения этой духовной скудости, а события весною и летом 1868 г. вполне это подтверждают. Известно, чем кончилась попытка здешних деспотов восстановить свое значение усилиями народа, известно, что народное восстание, даже во имя религии, кончилось и для узбеков, и для таджиков неудачно, потому что в них самих нет уже ничего целого, и даже религиозная экзальтация их, это высшее проявление их духа, оказалась неприменимой к делу. Толпе осталось на долю только повиновение; но в том-то и беда, что безусловное повиновение пока невозможно, потому что толпе нужно выродиться, нужно пережить прежние порядки, или по крайней мере, нужно пережить память об этих порядках, и тогда – дело пойдёт хорошо. Тогда начнётся новая история здешнего края.

За сим я поговорю вкратце об парадностях, обитающих в окрестностях Самарканда и вообще в горах и долинах по рр. Сыру, Зарафшану, Кашка-Даре и Аму.

Таджики обоих берегов Сыра и Зарафшана могут быть разделены на две группы, а именно: на таджиков гор и таджиков равнин.

Таджики гор по Сыру суть те, которые живут в горах, по верховьям Чирчика и по теснинам кряжа Кендер - диван. - Это горные таджики правого берега Сыра.

На левом берегу этой реки, таджикская народность рассеяна в долине, по отрогам Кашгар - давана и Бог весть где пропадает за этими горами на юг и на юго-восток. Это часть земной поверхности даже досель представляет собою страну мало известную.

Все горы, западнее этих краёв, а именно: горы в верховьях Зарафшана и Кашка-Дари и горы, разделяющие бассейн Зарафшана от бассейна Сыра, густо населены таджиками и весьма незначительным числом узбеков.

Таджики равнин на правом берегу Сыра суть сарты, а на левом - жители городов: Исфара, Канибадам, Ходжента, Уро-Тюбе, Джизака и множества кишлаков. Само собой разумеется, что к этой же группе должны отнести и таджики долины Зарафшана.

Таджики правого берега Сыра в горах говорят своим таджикским языком, а в долинах, или сартовским, т. е. наречием общего узбекского языка, или таджикским (Ходжент и другие города и кишлаки по левому берегу Сыра).

По Зарафшану как в горах, так и на равнинах, таджиками употребляется по преимуществу свой язык (таджикский), господствующий местами даже между кровными узбеками, какави кенегезы, жители Шарсабиза. Впрочем, они представляют собой в этом отношении единственный пример того, что таджикская народность осилила узбекскую.

Таджики небогаты названиями родов, как узбеки. Таджики равнин, как истенные горожане здешнего края, зовут себя именами обитаемых ими городов: ташканди, ходжанди, самарканди, и. т. д., напротив - таджики гор известны в долинах по большей части под одним названием- гальча, хотя в пределах территории своей, т. е. в горах, тоже носят имена, обитаемых ими рек, например: матча, или общин, как например: кара-тегин, или наконец ущелий и деревень.

Таджики-горожане плутоваты, изнежены, трусливы, фабрикуют и носят шелк и пропитаны книжной чепухой; таджики-горцы, бедны, чище нравами, грубы и смелее горожан, ловкие охотники за дичью, промышляют, доставкой в долины угля, плодов, овощей, в особенности редких, и. т. п., а взамен, вместе с деньгами, дешёвыми, бумажными тканями и прочим, запасаются из городов нелепыми тенденциями мусульманской цивилизации. Кроме этого, горцы - таджики, как народ трудовой, отличаются от таджиков - горожан бедностью, неопрятностью и простотою одежды вообще, а в особенности обивью, которая в некоторых местах напоминает черкесские чевяки.

Житейские обряды и обычаи таджиков весьма немногими отличаются от сартовских и от узбекских вообще. В основе этого явления лежит одна и та же мусульманская религия, особенно замечательная свойством: обобщать характеры тех народов, которые её исповедуют. Варианты житейских обрядов обитателей обоих берегов Сыра и Зарафшана, гор и равнин, таджиков и узбеков, стоят в таких же отношениях друг к другу, в каких находятся между собой житейские церемонии

великой русской земли. А потом здесь о таджиках-горцах можно добавить лишь то, что они до того бедны, что нищенство приобрело у них даже форму обычая. Задумав жениться, горец-таджик отправляется предварительно нищенствовать в долины. Родители предполагают в нём человека негодного к труду, человека без средств – и вот он берёт нищенскую суму и идёт в ближайшие пункты более культивированной жизни. Таджики Каратыгина (владение это приблизительно на одной долготе с г. Коканом) заходят искать счастья даже в Ташкент.

СОБОЛЕВ Л.Н*. ТАДЖИКИ.¹

Таджики принадлежат к народам Арийского корня. Из всех народов, ныне населяющих Зеравшанский округ, таджики бесспорно принадлежат к самым древнейшим в округе. Кто населял долину этой реки до водворения в ней иранцев, пока в точности не известно. Из предыдущих замечаний мы видим, что Средняя Азия составляла часть Персидской монархии еще за долго до нашей христианской эры. Постоянные политические отношения к Персии и были, как нам кажется, причиною, что долины Аму-Дари, Зеравшана и верхняя часть Сыра покрылись поселениями иранцев, из которых и произошли таджики.

Таджики округа² имеют три названия: «Таджик» - общее, частное для выходцев из Мерва «Тад» и «Сарт», - также общее для всех таджиков, живущих в долине Сыра и Зеравшана.

Слово таджик туземцы производят от Тадж и Ли, т. е. коронованный, что указывает на древность названия.

Сарт - значит баба, трус, барышник; «оно употребляется узбеками, когда эти последние выражают презрение к таджикам; иначе они называют их своим именем. «Сами узбеки говорят, читаем мы в соч. Гребенкина «Таджики»: таджика мы называем таджиком, когда едим с ним, а сартом, когда браним его». Таджики утверждают, что название сарт им передали русские и зависимые от русских киргизы, но сами они (зеравшанцы) этого имени не признают. Нам кажется, что странный эпитет «сарт» распространён исключительно в тех местах, где кочуют киргизы. Туркестан, Чимкент, Ташкент и другие города долин Туркестанского края окружены кочевниками и в этих городах слово сарт - привычный уху звук. В горных же городах и кишлаках, где или нет вовсе или мало киргиз и узбеков, в Кура минском, Ходжентском и Джизакском уездах и в Самаркандском отдел название сарт или вовсе не употребляется, или весьма редко. Да и вообще по мере удаления от берегов Сыра на юг, название сарт становится всё более и более редким и уже в Шехрисябзких (Шягри-Сябз) и в городе Карши нам не приходилась его слышать».

Таджики в округе размещены преимущественно на восток и юго-восток, а также в городах: Пенджикенте, Ургут³, Самарканде, Катта-Кургане и Пенджшамбе.

Их списка населенных мест Пенджкентского и Самаркандского отделов легко убедиться, что Таджики населяют юго-восточные тумени отдела в большей пропорции чем тумени северные; в некоторых из этих последних их вовсе нет.

*Соболев Л.Н., учёный ориенталист.

1. Записи Императорского Русского Географического Общества. По отделению статистики. Т.4. СПб. 1874. стр.307-309.

Стилистические и лексические особенности текста автора приведены без изменений в соответствии с нормами литературного языка того времени.

2. Гребенкина «Таджики» (Русский Туркестан, сборник изданный по поводу политехнической выставки). Рекомендуем читателю это в высшей степени интересное сочинение.

3. Тут много таджиков, но большая часть жителей узбеки.

Таким образом их приходится.

		Все население. Таджикив		
В тумене	Магиане	2,575	2,575	100%
В тумене	Фарабе	900	650	72, %
В тумене	Пенджекентском. .	6,730	3,950	58, %
В тумене	Ургутском	27,760	4,725	17%
В тумене	Шавдарском (без гор. Самарканда).	8,565	2,425 ¹	28, %
В тумене	Афаринкентском .	15,275	2,170 ²	13, %
В тумене	Шеразском	13,080 – в 4-х селениях (Галя-Кана, Назар, Ибрагим, Ак-Теле) в смеси с другими народностями.		
В тумене	Сугутском	13,910	127 ³	
В тумене	Ангарском	17,255	200	1, %
В тумене	Дюрт-Кульском . . .	4,880	Таджиков нет	
В тумене	Челакском	4,465	Таджиков нет	
В тумене	Яны-Курганском . . .	4,795	Таджиков нет	

В бывших бекствах верховий Заравшана, расположенных к востоку и юго-востоку от города Самарканда, большая часть населения состоит из таджиков; при чём в восточных частях долины реки они населены в большей пропорции, чем в западной. В горах таджики называются Гальча.

1. По близости города Самарканда.
2. В том числе в одном селении Дагбите 1,980 таджиков.
3. Цифра это менее действительной, так как состав населения некоторых селений в списках не показан.

МИНАЕВ И. * СВЕДЕНИЯ О СТРАНАХ ПО ВЕРХОВЬЯМ АМУ-ДАРЫИ¹

Бадахшанцы. По предположению Вуда, Бадахшан был заселен из Балха.² Бадахшанцы и Таджики говорят по персидский. Но он сам замечает, что это его предположение не подтверждается ни письменными документами, ни приданием. Рубиновые копи сделали Бадахшан навястним очень давно, но о его состоянии до нашествия Узбеков в XV век весьма мало сведений. Судьба Балха и Бадахшана была одинакова при преобладании мусульман в Индии и не изменилось при династии Дурани, когда обе страны подчинились Кабулу. Зависимость Бадахшана от Дельгийских императоров была номинальной, и таковою же она оставалась при афганской династии Дураниев. До нашествия Узбеков Бадахшанцы были шиитами, и по настоящее время только жители долины Кокчи сунниты, а все Таджики в горных странах шииты. Раса эта очень красива; большая часть Таджикив если не все, говорят по персидски и отличаются общительностью. Вуд сообщает, что они охотно сходились с ним и говорили ему, что он не похож на Узбека, но цветом и чертами лица схож с ними. Они разговорчивы и высоко ценят приятную беседу. Бедный класс, по мнению Вуда склонен к туеядству. В этих странах, говорит Вуд-есть обычай совместного жительства для родственных семей, живут в одной деревне, образуют кишлак. В одной такой деревне, у Жерма, Вуд провел более месяца³. Деревенька состояла из четырех домов, из коих один был пуст, как его обитатели погибли при землетрясении 1832 г. Дом, в котором жил Вуд, был выстроен подобно всем домам Бадахшана. Он находился на склоне горы; в немногих шагах перед дверью текла речка, по берегам которой росло несколько тенистых деревьев. Ниже, в том месте, где река впадала в большую, находились необширные поля маленькой общины. Непосредственно за деревней поднимаются горы, большую часть года покрытые снегом. Сообразно с своим достатком и наличным составом каждая семья отгораживает себя каменною стеною особенное пространство; здесь на лучшем месте строится жилье, а остальное пространство назначается для скота; эти места обыкновенно ниже жилья фута на два; пол в жилье приподнимается еще, кроме того, на фут и даже боле. Все пространство прикрывается плоскою кровлею. В середине кровли делается отверстие для выхода дыма; в случае выпаденья снега оно может быть прикрыто. Если комната значительных размеров, кровля поддерживается четырьмя крепкими столбами и в середине столбов, расположенных квадратом, пол значительно ниже, нежели в других местах; таким образом кругом является как бы скамьи и ложа, которые

* Минаев И. С., учёный, путешественник, ориенталист.

1. Минаев И. С. СВЕДЕНИЯ О СТРАНАХ ПО ВЕРХОВЬЯМ АМУ-ДАРИ (ПО 1878 год) . ПЕТЕРБУРГ. 1879

Стилистические и лексические особенности текст автора приведены без изменений в соответствии с нормами литературного языка того времени.

2. Wood. J. A journey to the source of the rive Oxus. New edition, edited by his son. London 1872 . p p.191.

3. Ferrier J.P. Caravan Journeys and wanderings in Persia, Afganistan, Turkistan and Belochistan; with historical notices of the countries lying between Russia and India. London. 1857 p..174.

покрываются соломой или войлоками. Стены дома значительной толщины; внутри и извне они вымазаны глиной. Там где склоны горы значительны, над кровлями нижних домов строится еще ряд верхних. В нишах по стенам размещается домашняя утварь. Потребности этих горцев очень не велики, но не смотря на малонаселенность этих стран, полей так мало, что большинство не может жить отдельными дворами и вынуждено жить общинами. Вуд имел случай узнать, во что обходится в этих местах женитьба и обзаведение собственным хозяйством. Расходы по этому случаю не превышают 57 рупи, из коих 25 рупи, то-есть, почти половину, нужно выплатить за невесту.

Сосуды для воды делаются из букового дерева, для муки – из красной ветлы. Глиняные сосуды редко употребляются. Но в Бадахшане употребляются каменные лампы. Задуть огонь Бадахшанцы не любят и тушат его другим способом. Горцы Бадахшана постоянно вооружены; в долинах не держатся этого обычая, хотя в каждом доме можно найти ружья. Как Таджики, так и Узбеки этих стран, очень любят охоту за куропатками. В одежде Бадахшанцы мало отличаются от Узбеков. Зимой у всех толстые цветные чулки и шерстяные толстые чекмени. В холодные дни иной надевает по три чекменя. Бадахшанцы носят полусапожки из кожи домашнего приготовления. Шею обвязывают платком. Никто не пускается в путь, не взяв с собою палки.

В прежнее время Бадахшанцы славились своим гостеприимством; во время пребывания там Вуда народ по бедности не мог быть гостеприимен. В прежнее время в каждой деревне приветствовали гостя, теперь же каждый норовит отделиться от него. По старому обычаю в каждой деревне должна была быть мехман-хана, и старшина ответственен был за все удобства гостя; в настоящее время странник получает только даровое помещение, а о еде должен сам заботиться. Зимой Бадахшанцы ничего не делают, так как большинство их земледельцы и не знают ремесла.

Женщины довольно красивы, имеют светлый цвет лица и не закрывают его, за исключением женщин достаточных семей. Они скромны, приятны и хорошие хозяйки.

В Бадахшане развито железное производство; жители торгуют своими изделиями с восточным Туркестаном и с разными своими соседями по своей южной границе. Но у Бадахшанцев нет достаточно средств для правильной разработки своих копей.

3. В зависимости от Бадахшана, как уже было замечено в первой главе, находится Вахан. Вуд сообщает, что подобно правителям Бадахшана, Дарваза, Читрала, Шагнана и Рошана, Ваханский мир производит свой род от Александра Великого¹ То же подтверждает один новейший ; путешественник² относительно современного правителя Вахана, мира Фатех-Алишаха. Ежегодно Вахан платит Бадахшану дань, состоящую из двух верблюдов, двенадцати лошадей, двенадцати коров и двенадцати одеял³

Ваханцы. Число жителей Вахана, говорят, уменьшилось в последнее время. Всех их не более пятисот семей или около трех тысяч душ. Большая колония

1. Ferrier J.P. Caravan Journeys and wanderings in Persia, Afganistan, Turkistan and Belochistan; with historical notices of the countries lying between Russia and India. London. 1857 p. 244.

2. Gordon, the Roof or the World being the narrative of a journey over the high Plateau of Tibet to the Russian frontier and the Oxus sources on Pamir by Lieutenant – Colonel. 1. c., p. 132

3. Gordon, the Roof or the World being the narrative of a journey over the high Plateau of Tibet to the Russian frontier and the Oxus sources on Pamir by Lieutenant – Colonel. 1. c., p. 134.

Ваханцев находится в яркендском округе Санжу. Народ беден и считается скупым и алчным до денег. Ваханцы похожи на Сарикольцев и подобно им считают себя потомками бродяг. Они магометане шииты; своею духовною главою почитают Ага-хана в Бамбее, но по уверению Вуд, в сношениях с Кундузом и вообще с Узбеками прикидываются суннитами¹ Кундузу ежегодно они посылают десятину из продуктов своих стад и земли. Такая же подать шлетя ему из Шагнана, Рошана, Читряла, Минжана и санглича². Дома Ваханцев имеют плоские крыши и строятся из камня и гланды. Устройство дома похоже на бадахшанское. Но печь в доме Вуд почему-то называется русскою³ В одном доме нередко живет до шести семей. Семья занимает центральную комнату; внешние комнаты суть конюшни для лошадей и рогатого скота. В центральной комнате непосредственно над очагом находится отверстие, а по четырём стенам возвышаются платформы для спанья; одна часть загорожена для женщин и детей. Мужчины воинственны, смелы и выносливы; они занимаются охотой и страстно любят оружие. Главное оружие есть фитильное ружье, общеупотребительное в Туркестане⁴ Женщины сложены нежно и не носят покрывал. В домашней жизни имеют значение больше нежели где-либо на Востоке. Их занятия домашние; на поле работают мужья, которые вообще обращаются с женами очень нежно по показанию Троттера. Ваханцы красивы и имеют правильные черты лица. Светлые волосы и голубые глаза не редкость между ними. Из пятнадцати смиренных Вудом Ваханцев самый высокий был 5 ф. 7 $\frac{1}{4}$ вершков, самый низкий 5 ф. 1 $\frac{3}{4}$ в. По словам Троттера, у Ваханцев попадаются часто еврейские носы. Но он же упоминает о чисто греческом профиле, виденном у одного мальчика. Ваханцы рано старятся. Они говорят по персидски и особым собственным наречием. Одеваются сходно с Сари кольцами⁵ в коричневые чаги или халаты и широкие шальвары; на ногах носят сапоги подобные ладожским, а на голове тюрбан белого или синего цвета.

Большинство жителей ведёт кочевую жизнь. Стада составляют их богатство. Шерсть ваханских коз, по свидетельству Вуда, превосходного достоинства. Немногие жители остаются в деревнях наблюдать за посевами. Стада их состоят из овец, коз, рогатого скота и яков. Местные лошади не велики, но смелы и хорошо сложены. Здесь сеют пшеницу, ячмень, бобы и горох. В апреле начинается посев, в поле наступает жатва. Дыни и абрикосы вызревают у Зана, близ Кила-Пянжи. Минеральных богатств в Вахане нет. Соль низшего достоинства и железо привозятся из Бадахшана.⁶

Настоящая торговля между западным и восточным Туркестаном незначительна. Предметы торговли суть: churrus (опьяняющий напиток), бумажные ткани из Хотя

1. Gordon, the Roof or the World being the narrative of a journey over the high Plateau of Tibet to the Russian frontier and the Oxus sources on Pamir by Lieutenant – Colonel. 1. c., p
2. Wood. J. A journey to the source of the rive Oxus. New edition, edited by his son. London 1872 . p.244.
3. Wood. J. A journey to the source of the rive Oxus. New edition, edited by his son. London 1872 . p 247. Дом Ваханца и самая печь описана. Троттером, 1.с.,стр.274. Судя по описанию, последняя имеет лишь весьма отдаленное сходство с русскою.
4. Gordon, the Roof or the World being the narrative of a journey over the high Plateau of Tibet to the Russian frontier and the Oxus sources on Pamir by Lieutenant – Colonel. 1. c., p., стр.135.
5. Gordon, the Roof or the World being the narrative of a journey over the high Plateau of Tibet to the Russian frontier and the Oxus sources on Pamir by Lieutenant – Colonel. 1. c., p.135. Срв. Wood. J. A journey to the source of the rive Oxus. New edition, edited by his son. London 1872 . p, 1. c., стр.245, Троттер, 1. c.,стр.274.
6. Gordon, the Roof or the World being the narrative of a journey over the high Plateau of Tibet to the Russian frontier and the Oxus sources on Pamir by Lieutenant – Colonel. 1. c., p, стр136.Срв. Wood. J. A journey to the source of the rive Oxus. New edition, edited by his son. London 1872 . p., стр.246.

на и Яркенда, лошади, индиго kincab и разные мелочи. Индиго и kincab вывозятся из Индии. Мир Ваханский собирает пошлину по мухаммед-шахирупи (то есть, около 2 шилл. 4 пейс.) одинаково со всякого конского вьюка, не смотря на ценность товара. Но никаких пошлин нет для товаров в Кашгар и Сари коль. В Вахане ходит бадахшанские деньги, но их мало, так как торговля главным образом меновая¹. Канжутцы – шииты, но не фанатичны, любят вино, музыку и пляску. Вахан и Шагнан находятся в дружественных отношениях².

Рабство развито во всех шиитских владениях около Бадахшана³ Вуд замечает по поводу торговли рабами, что хотя закон пророка и запрещает рабство, но Ваханцы обходят закон, называя свои жертвы прозелитами⁴.

Гиссар и Куляб. По северную сторону Окса население Гиссара и Куляба состоит также из двух элементов - Узбеков и Таджикив⁵. Узбеки преобладают, Таджики же сохранились в наибольшей чистоте в горных кишлаках. Дербент заселен сплошь Таджикими, из которых многие даже не понимают ни слова по узбекски. То же надо сказать и о жителях окрестных Дербенту кишлаков Сироб, Яглыз-баг и др. Таджикское население преобладает также во всех горных кишлаках, лежащих по ущельным рек – Зигди, Роумит, Ханаке. Но за хребтом Дербентских гор в нагорной равнине Байсуна (Байшин) и в широких долинах Катта и Кчи-уру-дари преобладает узбекское население, занимающее все места, обильными пастбищами. По всему пространству от Байсуна до Сегри-дага и до Шир-абада, также как по всему побережью Аму-дари и в Шар-аббатском бегстве, живут Узбеки рода Кунград. Это самый богатый узбекский род. Ими же заселена и вся долина Сурхана, в средних и нижних частях этой реки. На зиму Кунградцы спускаются из гор в Каршинскую степ.

В долине верхнего Кафирнагана кочуют Узбеки Марка-кчи-юз (то есть, Марка малая орда), перекочевавшие сюда в 1866 году после взятия русскими войсками городов Ура-Тюбе и Джизака. Марка-кчи-юз занимают своими аулами все пространство от города Душанбе до Гиссара. Далее к югу, по долине Кафирнагана и в окрестных горах кочуют Узбеки родов Лакай и Дурбун.

Население больших городов, лежащих в долине Сурхана и Кафирнагана, конечно, смешанное, как и во всех больших городах Средней Азии. Здесь Узбеки перемешались с Таджикими, так что провести какую-либо разграничивающую черту между ними положительно невозможно. Но все же можно заметить, что от Душанбе к востоку таджикский элемент начинает брать перевес. Горные кишлаки Варзоб и Роумит-тау, города Файзабад и Кафирнаган с окрестностями населены Таджикими. Но на широких, травянистых склонах, Себистан-тау, уже в долине Вахша, стало быть пости среди сплошного таджикского населения, мы встречаем опять яйла у (летовки) Узбеков, родов Лакай и Хулмук. Эти Узбеки, славящиеся своею строптивостью всю долину Бальжуана.

1. Gordon, the Roof or the World being the narrative of a journey over the high Plateau of Tibet to the Russian frontier and the Oxus sources on Pamir by Lieutenant – Colonel. 1. c., p.137.
2. Gordon, the Roof or the World being the narrative of a journey over the high Plateau of Tibet to the Russian frontier and the Oxus sources on Pamir by Lieutenant – Colonel. 1. c., p.139.
3. Gordon, the Roof or the World being the narrative of a journey over the high Plateau of Tibet to the Russian frontier and the Oxus sources on Pamir by Lieutenant – Colonel. 1. c., p. 149.
4. Wood. J. A journey to the source of the rive Oxus. New edition, edited by his son. London 1872 . p., стр.244.
5. 16. Wood. J. A journey to the source of the rive Oxus. New edition, edited by his son. London 1872 . p., стр.244.

Каратегин. Краткие сведения населения Каратигена были собраны генералом Абрамовым¹. Население этой страны составляют исключительно Гальча. Они живут особняком и вступают в брак только между собой; многоженство является у них исключением весьма редким. Женщины не закрываются и участвуют в празднествах, а в домах принимают гостей-мужчин. Калым при женитьбе уплачивается преимущественно баранами, козами, крупным рогатым скотом и лошадьми. Величина его определяется состоянием и знатностью дома, из которого берётся девушка, и простирается от нескольких баранов до сотен, а также может заключаться в нескольких десятках лошадей. Жених участвует в выборе невесты, а невеста, в свою очередь, имеет право отказать ему.

Так как, вообще говоря, Каратегинцы не богаты, и пахотной земли у них недостаточно, то семья не состоит у них, как в Самарканде или Ташкенте, из многих пар, но каждый женившийся сына отдаляет его и обзаводит своим собственным домом и хозяйством. Земледелие в стране существует лишь на столько, чтоб удовлетворять внутренние потребности края, так как, по трудности дорог, внешнего сбыта, а равно и привоза нет. Тоже самое следует сказать и о садах. Больше развито скотоводство, особенно мелкого скота, чему способствуют богатые ущельями и растительностью склоны и предгорья Сурхауских гор. Лошади здешние составляют особую, малорослую крепкую породу, вполне горную. Куют их весьма редко. Ишак не в употреблении, или по крайней мере, не в таком, как в верховьях Зарафшана.

Жители готовят грубые шерстяные материи, а из привозного хлопка (из Гиссара) ткут бязь и мату. Из козьего пуха (диких и домашних коз) и бараньей шерсти валяют род сукна, употребляемого на зимние чекмени.

Железное производство весьма развито, как и вообще во всех странах по бассейну верховьев Аму. Каратигенцы готовят хорошее холодное и огнестрельное оружие из железа, привозимого из Гиссара и Ванча. Ванч – в Дарвазских владениях на Пяндже. Около этого города с незапамятных времён выплавливается чугуны и выделываются железо и сталь.

Сариколцы. На юго-западной границе Кашгара находится Сарикол². На западе от Вахана грядою Шииты, через которые есть проход того же имени, ведущий к Акташу у западной подошвы.

Сарикол – горный округ; к северу и западу он отделяется от Памира горами Тагхарма; к югу и востоку горы Мустаг с западным продолжением Тагдубашем разграничивают его от Яссина и Канжута. В центре Сарикола находится открытая долина, около двадцати миль в длину и пяти в ширину. Несколько речек, сливаясь вместе, образуют р. Яркенд. В этой долине по течению реки и по горам рассеяны деревеньки; столица же округа называется Ташкуртан (о нем уже было не раз у понимаемо выше).

Жители здешние отличаются от остального населения Кашгара: они Арийцы по происхождению. Здесь насчитывают 2,500 домов, или считая по семи душ на каждый дом, 17,500 душ. Во всех деревнях есть обработанные поля: жители сеют пшеницу, ячмень, два вида гороха и takh; у Сирикольцев много скота. В Яркенде они обменивают свою шерсть и масло на бумажные и шелковые ткани, пшеницу и

1. Изв. Имп. Р.Г. Общ., том VI, стр 108 и след.

2. Forsayth. T.D. Report of a Mission to Yarkund in 1873. Calcutta 1875 p.56

ячмень, у Киргизов – на войлок и лошадей. Монеты у них нет, и торговля меновая. В стране выделяется жауп, род войлока, и galim, толстая шерстяная ткань.

Большинство Сарикольцев понимают по персидский¹). Отцы шииты¹ и рассказывают, что занимают долину в продолжение семи поколений, как отдельный народ, под управлением собственного правителя. По свидетельству Форсайта². Сарикольцы пришли из Шагнана и говорят тем же языком как и Шагнанцы, имеют те же обычаи и составляют один народ. У них нет родовых имен, и все они называют себя Сарикольцами. Кашгарцы называют их Таджикиами. Языка Бадахшанцев и Ваханцев они не понимают. Гордон дает совершенно противоположное показание; по его словам, Сарикольцы считают себя потомками бродяг из разных стран – из Бадахшана, Вахана, Шагнана, Индустана, Канжута и Туркестана. Их язык есть смесь языков этих стран но они говорят и по персидский. По наружности они отличаются от Киргизов, Узбеков и жителей восточного Туркестана, имеют правильные черты лица и густые бороды. Приветствуют они прикладывая руку ко лбу. Рукописей и книг Гордон не мог достать у них. В прежнее время старшины продавали Сарикольцев в рабство; пленные также считались у Сарикольцев рабами. Рабы были предметом меновой торговли. Если раб был кроток и послушен, его женили, но он не переставал быть собственностью прежнего владельца. При Аталик-Гази все это изменилось; в настоящее время в Сарикол не более сотни рабов. Русские запретили торговлю рабами с Бухарой. В прежнее же время массы девочек, мальчиков и взрослых доставлялись в Бухару из Канжута, Читраля и Бадахшана. Канжутцы отличны от Сарикольцев и говорят другим языком. Канжутцы почитаются врагами Сарикольцев³, и до Аталик-Гази они были в постоянной войне с Сарикольцами. При Аталик-Гази прекратились войны Сарикольцев с Киргизами. Для одежды⁴ Сарикольцы употребляют овчины, покрытые грубой шерстяной тканью. Покрой одежды похож на вакансий. Овчинные сапоги с крепкою кожаной подошвою, бумажный или шерстяной кушак, овчинная шапка иногда с небольшим тюрбаном составляют наряд обыкновенный Сарикольца. Люди более состоятельные заменяют грубые бумажные одежды привозными тканями из Яркенда и окрестностей.

Для построек употребляется тополь. Губернатор⁵, назначаемый Кашгарским эмиром, управляет Сариколем. Он собирает доход и управляет странную при посредстве старшины. В каждой дереве есть два аксакала или старшины. Они собирают зякет, то есть, одну штуку из сорока всякого скота, и ушр, то есть, десятину с жатвы. Наблюдают за порядком в деревнях и разбирают споры сельчан. Воровство наказывается конфискацией скота и отобранием земли в пользу пострадавшего. Прелюбодеяние наказывается смертною казнию обоих виноватых. Убийство здесь неизвестно. Когда кто-либо умирает, его имущество делится на три

1. Gordon, the Roof or the World being the narrative of a journey over the high Plateau of Tibet to the Russian frontier and the Oxus sources on Pamir by Lieutenant – Colonel. 1. c., p.108.
2. Gordon, the Roof or the World being the narrative of a journey over the high Plateau of Tibet to the Russian frontier and the Oxus sources on Pamir by Lieutenant – Colonel. 1. c., p 112.
3. Gordon, the Roof or the World being the narrative of a journey over the high Plateau of Tibet to the Russian frontier and the Oxus sources on Pamir by Lieutenant – Colonel. 1. c., p.56.
4. Forsayth. T.D. Report of a Mission to Yarkund in 1873. Calcutta 1875 p.57.
5. Gordon, the Roof or the World being the narrative of a journey over the high Plateau of Tibet to the Russian frontier and the Oxus sources on Pamir by Lieutenant – Colonel. 1. c., p стр.113.

ровные части: половина одной трети поступает в собственность эмира, а остальное делится по ровну между наследниками мужского пола.

При свадьбах соблюдаются следующие обычаи: Жених выплачивает отцу невесты 30 тыла=175 рупий овцами, скотом или лошадьми, а затем назначается день свадьбы. Церемония совершается муллою в присутствии родных, невеста садится рядом на полу; мулла, прочитав краткую молитву, спрашивает сначала трижды невесту, и затем столько же раз жениха: «Приемлешь ли такого – то в мужья?» или: «Приемлешь ли такую – то в жены?». Затем мулла берет кусок жаренной баранины, разрезывает его на две части, дует на каждую часть, и обмакнув в соль, правую рукою кладёт кусок жениху в рот, а левою невесте. Обратившись после того к присутствующим, он говорит: «Эти двое муж и жена!». Этим заканчивается церемония. Новобрачные поднимаются и принимают поздравления и подарки присутствующих. В продолжении трёх дней продолжается музыка, танцы, игры и проча. При этом убиваются верблюды, лошади, бараны и. т. д., смотря по достатком. На третий день гости расходятся, и новобрачный уводит молодую к себе в дом. За каждую свадьбу отец платит эмиру 2 тыла, а жених 1 тыл. При рождении детей ничего не платится. Развод здесь не известен, и только старшины имеют по две жены. Вдовы могут вступать во второй брак, через год вдова не вышла замуж, она должна вернуться в дом своего отца, ибо родные мужа не содержат её более.¹

Женщины работают в полях и полные хозяйки дома; вообще с ними обходятся почтительно. В обществе они также свободные, как и мужья, и не носят покрывал. Только жёны и дочери старшин носят покрывала и проводят жизнь в затворничестве.

1.25 Forsayth. T.D. Report of a Mission to Yarkund in 1873. Calcutta 1875 p..57.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ НАРОДЫ¹

Оканчивая этнографические очерки народов России, нельзя не сказать несколько слов о тех среднеазиатских народах, которые ныне, при движении России в глубь Средней Азии, делаются нашими непосредственными соседями и частью составляют подданных нашего Туркестанского края.

Бухара и Хива суть два главные центра где группируются эти народы, состав которых весьма разнообразен. Население этих двух ханств самое смешанное и состоит главным образом из киргизов, персиян, туркменов, сартов или таджиков и узбеков. Мы остановимся только на двух последних типах.

Таджики

Таджики, живущие у нас, сосредоточены главным образом в Заравшанском округе; о них то мы и будем говорить.

Таджики имеют три названия; общее-«таджик», частное для выходцев из Мерва-«тад» и бранное «сарт», или «сасик-сарт»

Название таджик туземцы производят от тадж и ли, т. е. коронованный; следовательно это название они получили еще в отдаленные времена, когда их цари носили корону. Туркмены называют таджиков тад.

Объяснения туземцев слова «сарт» состоит из уподобленный сравненный с разными ругательствами. Сарт значит баба, трус, барышник и проч. «Сасык-сарт» (тухлый сарт) кричит кара-калпак, бранясь с таджиком. Во время войны, при осаде городов, узбекские наездники, подсакивая к стенам и махая плетью, кричат : а-е-и сарт! С прибавлением других бранных слов, которыми так богат их лексикон. Наконец, узбек редко когда скажет: таджик, а всегда «таджик сарт», при чем слова сарт выговорит с особенным, язвительным выражением. Сами узбеки говорят: «таджика мы называем таджиком, когда едим с ним, а сартом – когда браним его».

Город есть настоящее местожительства таджика, и только в городе таджик в своей сфере. Это стремление таджиков к торговым и промышленным центрам вытекает из склада их характера, из природной их любви к торговле, мелкому барышничеству, к суетливой жизни. Но если таджик по своей натуре горожанин и стремится поселиться в городах, то с другой стороны ему в этом часто мешают чисто физические условия: недостаток мест внутри городов и сплоченность узбекского населения кругом городских стен –извне. Эти условия привели к тому, что азиатские города застроены весьма тесно, так что дом давит дом и даже при весьма плохих строительных материалах дома вырастают двухэтажные, дворы бывают самых микроскопических размеров, а о площадях – и помину нет! Если смотреть на азиатский город сверху, то кажется, что плоские крыши

¹ Народы России. Этнографические очерки. // Природа и люди, Санкт-Петербург. 1880 г. Стр. 608-635 Статья подготовлено Гребёнкиным А.Д с дополнением к статей "Таджики" смотрите настоящее издание С.62
Стилистические и лексические особенности текст автора приведены без изменений в соответствии с нормами литературного языка того времени.

его строений сливаются, примыкают одна к другой, образуют одну сплошную крышу города. Окончательный недостаток мест для построек в городе заставляет таджиков, помимо их собственного желания, селиться в кишлаках и в этом случае они избирают для своих поселений места ближайšie к городам, большим караванным дорогам и базарным местам или крепостцам, имея в виду, при первой представившейся возможности переселиться в город или в его предместье.

Таджики одинаковы только по своим духовым качествам. Туземцы говорят совершенно верно « всякий город имеет своих таджиков ». Понятие, что каждый город имеет своих таджиков, так вкоренилось в них, что они всегда называют себя по городам. Если спросят узбека: кто он такой, то он ответит: я узбек, ктай, катаган и т. п. таджик же на такой вопрос скажет: я бухарец, ташкентец, ходжентец, самаркандец и проч., но не скажет или в редких случаях скажет я таджик ». В Средней Азии принято, вошло в обычай, если кто называет себя по имени города, то он таджик.

Таджики Заравшанской долины не выражают собою какой - нибудь установившийся тип. Племя таджикское, если можно так выразиться, безлично, или лучше сказать, заметно выражает в себе типы всех племен, населяющих округ, так что сказать: тип таджика такой-то, нет никакой возможности. Помесь, называемая таджиками, отражает в себе типы: узбекский, татарский, еврейский, цыганский, даже славянский, арабский, персидский, индийский и у нее только одно общее - это духовная сторона: к какому бы племени относился таджик по лицу, он всегда по прежде всего торговец, левоверный и в известных положениях - трус. В Зеравшанском округе очень много пришлых таджиков из Ташкента, Ходженда, Хокана, Маргелона, Андидижана, Карши, Гиссара, Бухары; короче сказать, почти из всех городов Средней Азии стекались таджики при заселении округа после последней катастрофы (120 лет тому назад случившейся). Все эти пришлые, имея свои типичные отпечатки, столкнувшись в округе, перемешались между собою и еще более усложнили теперешний тип таджика. Он не поддаётся обрисовки несколькими чертами, а иногда и совершенно в них теряется.

Однако, несмотря на все вышесказанное, при достаточно внимательном наблюдении таджиков долинного округа, они могут быть отнесены к двум, весьма характерным группам. В одной из них преобладает кровь узбекская; в другой кровь остальных народностей Средней Азии. Таджики второй группы - цвет населения округа; по лицу и вообще по всему телосложению, а так же и по уму они стоят выше всех остальных его народностей, в ней преобладают люди с нежными правильными, чисто европейскими чертами лица, легкого, грациозного, но не сильного телосложения; с цветом лица белым, с чуть заметным оттенком смугловатости; с глазами большими продолговатого разреза, черными и только весьма редко голубыми, волосы у них по преимуществу черные. Но встречаются, хотя и весьма редко рыжие (наверно помесь с евреями и казанскими татаринами). Их брови бывают прямые, точно подведенные. Борода густая, формы от окладистой до того, что назевается клином. Что касается до формы носа, то он лучше всего дает понятие какой помеси европейской, афганской и проч., принадлежит таджик и переходит от чисто орлиного до формы носа, о котором говорят, что он « топором ».

Еврейские и персидские черты преобладают в этой группе особенно Самарканде, так как в Самарканде много евреев и персиян с которыми таджики весьма охотно вступают в брак. Кроме того, молодые евреи, вследствие особых причин, в

мусульманстве, причисляя себя к таджикскому племени: еврей мусульманин сам себя называет таджиком; также называют его и прочие мусульмане.

Совершенно не то мы видим в первой группе. Членов ее составляют по преимуществу таджики деревень, окруженных узбекскими деревнями. Эти таджики вполне поглощены узбекской средой; они слились с узбеками земледельцами и главным занятием самих их служит земледелие; первый берет себе в жены дочь второго и обратно. Язык персидский, как роскошь подобной обстановке, почти совершенно изгнан из семейств таджиков этой группы.

Кровь монгольская, как кровь сильнейшего народа, стала на столько преобладающей над арийской в этой группе, что нужно много наблюдательности, чтобы отличить такого таджика от узбека. Однако на столько бы ни обузбечился, если можно так выразиться, таджик, ни один род, ни одно отделение узбеков не признает его за своего, за узбека, но всегда отличит его названием таджик, а под худую руку – сарт. Утерев свой арийский склад лица, таджики деревень удержали некоторые из обычаев и занятий, свойственных всем вообще таджикам и охоту к торговству. Узбек при первой возможности обзаведется скотом, перейдет в степь к своим родичам и будет кочевать. Таджик узбек, скопив деньги, в большей части случаев, делается джалаб – сатаром (перекупщиком, кулаком), а потом и саудагаром (купцом); приобретет в городе или городском предместье лавчонку и прибавит к своему имени эпитет «бай» (богатый, значительный).

Узбек не охотно ткет; он выделывает мату, бязь, и редко – алачу. Таджик узбек мату и бязь почти не ткет; он берется за выделку более ценных материй, требующих большого искусства; он производит: адряс, аладу, каламу и хосу хорошего достоинства. Первый, говоря вообще, не любит пляску бачей: второй, и с лицом узбека, поклонник базымов и бачей. Точно также узбек не любит мулл и не посылает – разве при исключительных обстоятельствах – своих сыновей в медресе. Для таджика – узбека мулла всегдашняя мечта, он на муллу смотрит как на саудагара своего рода, и очень хорошо понимает, что с этим званием связано тунеядство, зашибание ни за что денег а потому при первой возможности отсылает своего сына в медресе.

Таджики принадлежат к суннитскому толку, к которому по крайней мере официально, принадлежит вообще все население округа, исключая евреев.

Среднеазиатцы, чем более учены, тем более фанатичны и тем менее понимают истинное значение религии. Смысл названия «ученый среднеазиатец» будет объяснен в своем месте. Также следует разъяснить, что следует подразумевать под выражением «фанатизм» в применении к среднеазиатцу. Ошибается тот, кто выражение религиозный «фанатизм среднеазиатца» поймет в обыкновенном, принятом всеми значении. Фанатизм, как бескорыстная религиозная ненависть к другому исповеданию и строгое следование своему из одного принципа, если и присущ некоторым мусульманам округе, то иначе, как в виде исключения; такие особы и вообще во всех странах составляют редкость; тем более в Средней Азии. Вообще же таджик только кажется фанатиком в тех видах, чтобы можно было поставить себя на ту точку, в глазах других, с которой уже легко будет ему достигнуть доходного места и эксплуатировать грубость и невежество толпы. Для таких таджиков религия и деньги – синонимы. Они только надевают на себя маску фанатизма, но даже сами не верят, чтобы они и в за правду могли быть фанатиками; вернее сказать, они не понимают фанатического состояние человека. Бывший

рьяный антагонист русских во имя веры, получив от них доходное место или подачку деньгами, становится их защитником перед другими одинаковыми с ним фанатиками. Он разъясняет им в чем суть дела. А они с своей стороны хорошо его понимают и начинают заискивать расположение неверных, чтобы тоже не упустить возможности чем-нибудь от них попользоваться

В округе религиозность есть профессия; чистое поклонение идеям Магомета не существует в массе, муллы же, казии, богачи и монахи смотрят на религиозность, как на средство к обогащению, приобретению почета, а потому исполняют требования своей веры исключительно наружно, на показ другим – перед толпой. Истинно – правоверный всегда сумеет выбрать место для молитвы и исполнения религиозных обрядов посреди народа. Чем моднее место, тем он долее будет совершать намаз. Мусульмане такое поведение молящихся объясняют подаванием примера другим. Такое объяснение при всей несостоятельности самого принципа, могло бы быть верно, если бы усердный богомолец, стоящий перед толпой, не получал за свою набожность материального вознаграждения, если бы он заранее не знал, что его ханжество доставит ему почет, место, вес его мнениям и тому подобные выгоды, и если бы он также усердно молился и без свидетелей. А он все это знает и вне толпы забывает о молитве, если же и совершет – ее, то как скучную обязанность, спеша сократить трату на нее времени....

Масса таджикского народа не религиозна; она равнодушно относится к постановлениям своей религии, избегает намазов, хождения в мечеть, если видит что, от такого образа действия не пострадает материально.

Но если толпа отличается таким, нерелигиозными наклонностями в своей совокупности, если эти наклонности находятся в ней, как присущий массе, то, с другой стороны, эта же самая толпа требует от каждого своего члена порознь полной религиозности и не терпит от них никаких упушений в отношении веры. Масса не прочь уклониться от хождения в мечеть (что уже доказывается, по мимо прямого наблюдения, существованием раисов), не посылать своих детей в мактаб – хана, имеет противозаконную связь с женой своего соседа или бачею, не совершать омовения и проч. но если один из ее членов попался в одном из подобных проступков и наказан за него, то вся масса будет указывать на виновного пальцами, считать самым негодным своим членом, неверным. Попался – следовательно виновен; тайна, лицемерие в большом ходу у туземцев. Имамы рассказывают следующее: «до прихода русских, когда существовала должность раиса, в мечеть ходило из 30 прихожан 15-20; с занятием же округа русскими и с уничтожением раисов, из такого же числа прихожан является в мечеть на молитву 5 или много – много 10, и то исключительно старики. Духовно – полицейская власть уничтожилась – прекратилось и хождение в мечеть.

Тоже самое следует сказать и об уменьшение учеников в мактаб- хана, и известно, что обучение детей у мусульман признается делом религии. Теперь уже, говорят жители, можно не посылать детей в школу, не тратиться на их обучение.

На духовенство таджик смотрит, как на людей живущих его трудом, обзывает его неприличными именами, но в присутствии духовных лиц показывает по большей части глубокое к ним уважение.

По базарам шляются ораторы. Они рассказывают перед народом истории про святых даже в настоящее время, и прочь. Между подобными проповедниками есть обладающие увлекательными красноречием. Но для таджика совершенно все равно,

как бы рассказчики ни говорили: хорошо ли, дурно ли, а всегда наберется вокруг его значительная толпа. В кругу этой толпы, жестикулируя и крича, расхаживает рассказчик, иногда с плачем рассказывая что ни будь очень трогательное из жизни святого. Таджики слушают внимательно смотрят на жестикуляцию рассказчика, но как только дело приходит к концу, толпа редет. И рассказчику зачастую приходится конец передать пустому пространству.

Дело в том, что проповедники – о чем народ хорошо знает – оканчивают свой рассказ или проповедь обращением к карману слушателей, что не по душе таджикам; они слушают рассказчика – это правда, но смотрят на него, как на гаера, помогающего им веселее и бесплатно убивать свободное время.

Особенно таджики не любят монахов, мюридов и их главу ишана. Тем не менее и чернь, и муллы, и купцы жаждут выразить ишану публично свое расположение и преданность. Поклониться ишану, услышать от него привет себе при других, считается верхом благополучия для правоверного.

Когда до взятия Самарканда ученики медресе (муллы) и духовенство подняли крики, призывая народ вступить с кафирами русскими в священную борьбу, начали подстрекать самаркандцев, следовательно, по преимуществу таджиков, к поголовному вооружению, то самаркандский бек приказал своим сарбазам усмирить оружием этот священный пыл духовенства. Сарбазы перекололи на дворе медресе Тилла – Кары более 200 защитников веры, а народ не только не защищал их, но смеялся над ними и кричал: «наши муллы хотели сделаться сильными». По азиатски быть сильным и грабить почти синонимы.

Самые священные места Самарканда и его окрестностей находятся в невообразимом запущении. О благолепии их никто не заботится. На каждое, почему либо священное для мусульманина место, сами мусульмане смотрят, как на статью дохода. У гробниц святых до тех пор только живут его потомки или монахи, пока они приносят прибыль, привлекают поклонников; иссякнет доход – исчезли и охранители гробницы.

Деньги жертвуемые на исправление и поддержку замечательных мест идут в карманы тех, кому их дали. Ходжа – Ахрар (мечет и медресе) по общему уверению мусульманских ученых округа, владели святынею, кораном Османа; листы этого корана омочены кровью халифа, убитого в то время, когда он читал этот коран. Преданию нельзя верить¹. Но не верим мы европейцы. Мусульмане же не имеют и тени сомнения в подлинности и священности ходжа-ахрарского корана. И тем не менее муллы этого медресе, не задумываясь, продали свою святыню за 100 рублей, да еще в придачу к нем (100 руб. даже показалось им очень большою платою за Коран Османа) дали другой, небольшой Коран, написанный тоже куфическими буквами и на коже газели.

Самаркандцы считают на своих кладбищах более 6000 священных; однако ничего у них не содержится в таком запустении, так небрежно, как наполненная прахом святых кладбищ; они даже не огорожены; нечего и говорить, что они не посещаются с религиозной целью.

Г. Гребенку, у которого мы заимствуем это описание, приходилось слышать следующее рассуждение таджиков: «вы русские, сильнее нас и если бы приказали нам переменить веру, то мы должны были и исполнить ваше приказание.

1. На Коране впрочем видно что-то похожее на ледырки.

Мусульманство между нами введено тоже силой. Наш народ податлив; разве муллы не были согласны на перемену веры; на то они много учились, мусульманство дает им хлеб. Но вы оставили нам нашу веру и за это мы вам благодарны».

Все роды деятельности, имеющие место в округе, не только знакомы таджикам, но, в большинстве случаев, имеют в них лучших представителей, а по некоторым из своих отраслей вместе с тем и единственных. Мы разберем таджика как земледельца. Ремесленника, торговца и ученого.

Таджики будучи разбросаны по различным местностям округа, занимаются всеми отраслями земледелия; они хлебопашцы, садоводы, огородники и скотоводы. Но во всех этих случаях они при первой выдавшейся возможности, только предпринимали, затрачивающие капитал, а не посредственно деятели и не работники. Они сознают материальную выгоду владения землею и занятие земледелием, но сосредоточивать свои силы исключительно на нем, видеть все свое богатство только в земле – несообразно с их натурой, требующей большого круга деятельности и обладающей разносторонними способностями. Труд пахаря не под силу горожанину, да и таджик деревне не всегда сам пашет.

Имея возможность дешево приобрести работника из узбеков, таджик всю тягость полевых работ сваливает на него и на жен, а сам руководит ими и занимается посторонними делами. Сам таджик обрабатывает землю только в крайнем случае, когда у него мало земли. Между ними только есть безземельные. Но мы не знаем примера, чтобы токовые таджики нанимались для земляных работ; они обыкновенно делаются садовниками, конюхами, водовозами, приказчиками, мастеровыми, ремесленниками или мелкими торгашами, с основным капиталом в рубль или два.

В Средней Азии вообще нет фабрик и заводов, нет мастерских на широкую ногу, с затратою большого капитала на постройку здания, приобретение машин и наем управляющих и т.п. Здесь всякое ремесленное производство ограничивается, сравнительно микроскопическими размерами, разбивается по рукам, не группируется в одном месте.

Большая часть ремесел округа сосредотачивается в руках таджиков: они имеют в своих мастерских больше рабочих и больше машин, нежели другие народы; кроме того они не имеют, по некоторым ремеслам, не только соперников но и подражателей из других народностей. Как ремесленники, таджики выказывают себя положительно способным народом и, что весьма важно, у них заметно желание усовершенствовать свои работы, перенимать лучшие приемы, инструменты и подражать хорошим образцам.

Если дать таджику – усто (мастер) образец известного ремесла, то он, не смотря на все несовершенство своих инструментов, на их грубость и недостаточность, на йоту не отойдет от образца. Таджик переменяет инструменты, манеру работы, в нем не заметна жилка рутинера. О дешевизне их работы, сравнительно с работою русских, мастеров Самарканда, стоит 30-35 руб. Такой-же точно шкаф, и даже более добросовестно и скорее сделанный, у таджикских мастеровых обойдется от 15-20 а иногда и дешевле.

Таджики занимаются: вышиванием по различными материям и по коже, шитьем платьев, туземной, а в последнее время и европейской обуви; выделкой кож. Производством седел, свеч и мыла, шорным мастерством, литьем вещей из

чугуна; кузнечным, золотым, серебряным и медным мастерством; плотничными столярными, токарными и гончарными ремёслами и прочее.

Некоторые из перечисленных работ они производят ни базаре в открытых своих лавках, другие в домах. За работу они берут весьма мало.

Уже несколько раз мы упоминали, что таджик по своей натуре, весьма склонен к торговой деятельности. Он никогда не пропустит случая даже на время быть торговцем, хотя бы самым мизерным, таким, какой нигде не мыслим, кроме Средней Азии. Купить, что называется, на грош товару, достать на базаре место и сидеть с своим грошовым товаром по целым дням, выручая по несколько чек в сутки, это такое наслаждение для таджика, которого не таджик и представит себе не может! Жена и дети его сидят без куска хлеба, работают насколько хватает человеческих сил, а муж или отец весь заработок берет себе, прикупает на него товару и еще с большим наслаждением сидит над ним. С тех пор, как таджик сделался купцом или вернее – торгашом, торговля делается уже его манией, а прибыли и увеличение товаров – исходной точкой всех его помыслов. Он с нечеловеческим терпением, чека за чекой сколачивает деньги (20 к) пускает их в оборот. Отказывая себе совершенно во всем, самом необходимом. Свой труд он ставит ни во что. Он переходит с базара на базар, странствует по всему округу, скупает на деревенских базарах или меняет на свой товар кур, яйца, деревянные ложки, нитки и проч., чтобы с барышем на чеку или на две перепродать все это на городском базаре. Берет в долг за проценты товары в городах, а на деревенских базарах перепродает их иногда дешевле того, за сколько сам взял. Но за то, на вырученные деньги он на этих базарах скупает по дешевым ценам арканы, мыло, веретена и тому подобное, и за все это на городском базаре выручит плату за забранный в долг товар и еще получит барыш.

Так или иначе изворачиваясь, не жалея себя, иногда голодая, таджик прибавляет с году на год; из копеек делает рубли, при счастье открывает свою лавочку, а не то – становится джалап-сатаром от значительных городских купцов; ему верят товару на двести – пятьсот рублей. Он уже носит товар не на себе, а навьючивает его на лошадь и уже не ходит, разъезжает по базарам округа, а с течением времени, сколотив капитал, прибавляет к своему имени эпитет бай (богатый) и делается настоящим купцом.

Большинство купцов округа прошли по описанной дороге. Многие из одержимых манией быть купцом кончают свой век не достигнув завидного положения «бая»; многие от усиленного желания поскорее разбогатеть и от рискованных променов разоряются в конец; их места занимают другие, а они обращаются в водоносов, мардекеров (работников) и проч., с затаенною мыслью опять когда-нибудь быть торгашем.

Отличительный характер торговли таджиков - довольство весьма незначительным процентом прибыли, быстрая гуртовая распродажа и отсутствие больших складов для товаров.

Купец – таджик не столько заботится о высоких процентах, сколько о быстроте капитала; в течении года он сумеет обернуть его раз десять и даже больше.

Натура таджика при всех поименованных родах деятельности выказывает себя подвижной, сангвинической, суетливой и вместе с тем в известных случаях ленивой, беззаботной; обе крайности в ней уживаются как нельзя лучше. Вот почему о таджиках составились два совершенно различных мнения между русскими Туркестанского края; одни говорят: таджик ленив, другие - что они до крайности

деятельны. Одни говорят о нем, как о поклоннике всяких удовольствий и забав, другие, как о человеке скупом, вполне преданном расчету, делу. Как объяснить происхождение этое видимое разногласие в мнениях о таджиках?

Когда таджик не имеет известного занятия, не получил товар, не устроился в том или другом отношении, когда он старается, например, что-либо приобрести, тогда он весь в движении, упорная настойчивость; он не чувствует ни усталости, ни жары, ни холода, и что особенно странно – он делается бесстрашным, действует, что называется, очертя голову. Он пешком или верхом переходит из города в город, из кишлака в кишлак, имея в виду только ту цель, которой он задался.

Но вот цель достигнута; деньги приобретены, товар куплен, сложен в лавчонку, осталось продать его. Тут таджик превращается в ленивого неподвижного, совершенно апатичного человека. С утра и до вечера он, поджав под себя ноги, сидит в своей лавчонке; бесстрастно встречает и провожает своих покупателей; глаза у него, когда нет этих покупателей, бесцельно устремлены куда-то; он бессмысленно смотрит в пространство, он скорее в такие минуты похож на истукана, нежели на живого человека....

Таджик апатично сидящий в лавке, рабочий, гуляющий бесцельно по улицам, наводят русских на мысль, что таджик по природе своей ленив. Они видят часы его отдыха, наблюдают его в то время, когда ему не для чего тратить свои силы и говорят: таджик апатичен, чего никогда не скажет тот, кто имел случай видеть таджиков в рабочие их часы, в те моменты, когда они еще только достигают чего-либо.

Деспотизм управителей Самарканда, система шпионства, введенная во всей Средней Азии, а следовательно существовавший и в Зеравшанском округе, произвол людей военных, чиновных и особенно полицейских, и беспощадная казнь всякого, на кого сделан донос, – все это сильнее всего давало себя чувствовать горожанам и жителям ближайших к городу деревень, т. е. отражалось на таджиках по преимуществу. Совокупность всех этих давлений резко повлияла на склад характера таджиков. На их честность, нравственность, понятие об обязанностях. На любовь к жизни, на их семейную и общественную жизни и т. п.

Система такого давящего управления, веками действуя в одном направлении, выработала из таджика личность безотчетно скрытную, подозрительную до бесценности, дрожащую перед властями и влиятельными людьми, хвастливую, склонную к обману на каждом шагу, и при том кому – то детскому обману.

Если русский по какому-либо делу разговорится с таджиком и спросит: не может ли он, например, рассказать ему сказку, до которых таджики охотники, то он поклянется, что не только сам не знает ни одной сказки, но никогда, ни от кого не слышал их, и даже не может указать на знающего сказки. Но когда этот же самый таджик познакомился с русским покороче, убедился, что его расспрашивают без всякой задней мысли, а так себе, по их выражению, «для забавы», и он видит что ему дают чай, да еще с сахаром, тогда он выскажется вполне, к сказкам прибавит кучу анекдотов, поверьев и даже расскажет то, что слушателю вовсе неинтересно. Но в конце концов всегда один: знакомый таджик зачастую ходит, будет приводить своих приятелей, рекомендовать их с самой хорошей стороны, сам станет угощать их чаем, советовать им брать по больше сахара и прятать его в карманы, жаловаться на казиев, полицейских и просить себе или своему приятелю хлебное местечко. Имея тамыром (приятелем) русского или туземца, но занимающего

видное место, таджик хвастает этим перед своими знакомыми и приводит своих приятелей к тамыру собственно для того, чтобы убедить их, что он хорошо ими принимается. В чайных, на базарах, на гуляньях он с чувством собственного достоинства громко будет рассказывать окружающим его и не всегда даже ему знакомым, как он запросто в этот день пришел к своему высокопоставленному другу, как тот бросился к нему на встречу, начал его обнимать и не знал, где бы посадить его, чем бы лучше угостить. Прощаясь, он очень упрашивал почаще к нему заходить. Окружающие слушают рассказчика с завистью; в их глазах он становится лицом, которого расположение следует заискивать и знакомство с которым становится делом хорошим, пожалуй – и прибыльным. Рассказчик дает пищу толкам и пересудам, его начинают метить на вакантное место и прочее.

Вы идете по базару, вас окружает толпа с криком. С подталкиванием протискивается заметивший вас ваш тамыр, протягивает вам обе руки захватывает ими вашу и вы чувствуете что они нарочно дольше удерживает ее в своих. Это он делает не без цели; он потом будет говорить «видели как, обрадовался мне тюра, как он сжал мне руки не вы пускал их, не хотел меня отпустить от себя». Сказав вам два три слова, таджик приятель объявляет вам, что у него много дела и что он, вследствие этого, дольше не может оставаться свами. Это фраза произносится громко и служит для окружающих неопровержимым фактом, что он с русским тюрей находится на короткой, приятельской ноге; иначе он должен был бы ждать от тюрей позволения уйти.

Таджик льстив и никогда не применяет воспользоваться удобным случаем, чтобы наговорить кучу комплиментов. Он говорит их или прямо, что называется, в глаза слушателю, или обращаясь посторонним, присутствующим выражается в третьем лице о том про кого он говорит. Любовь таджиков к комплинтам и особенно к вычурным сравнениям, гиперболом и прочь., весьма замечательна. Солоно иной раз приходится нашим переводчикам....

Нахальство и ложь таджика, как и вообще средне - азиатца, переходят все мыслимые границы, когда он является свидетелем, подкупленным. Следователь уличит его в одном несправедливом показаний, он в замен его выставит десять таких же ложных показаний, если следователь или вообще разбирающий дело будет настолько опытен, что постарается с помощью других свидетелей, различными сопоставлениями фактов и сторон дело доказать, что и эти десять показаний тоже неверны, то он выдвинет целую батарею новых, примет присягу в неподложности их и проч. Ложный свидетель будет извертываться путать все дела до тех пор, пока не выяснится, что он подкуплен и зачастую за двадцать, за сорок копеек. Как только убедился он, что разбирающему делу известно о его подкупе, он спокойно сам сознается в том и даже объявит, что он бишара, не имеет на что купить себе лепешку, а потому хотел ложным свидетельством заработать немного денег.

На ложных свидетелей большинство туземцев смотрят как на своего рода промышленников, желающих трудом зарабатывать хлеб. На них не показывают пальцами их товарищи. Они – торговцы-и больше ни чего!

Жизнь ближнего таджика (тоже следует сказать и о других народах округа) ставят туземцы не за что убить человека, а потом мучиться угрызениями совести – немисливо для всех таджиков вообще. Точно также таджики на убийцу не смотрят как на человека, унизившего себя этим поступком. Зарезать барана, зарезать человека- для них все равно. Без нужды никто не станет резать барана,

следовательно тем более человека,- так рассуждают среднеазиаты, палач на руках которого при быках не высыхала кровь, пользовался от всех почетом, и все считали за честь держать эти руки в своих руках.

Вид постоянной резни, бывшей при эмирском правлении вид крови, трупов с перерезанными горлами до того приучил таджиков к насильственной смерти, так это сделал необходимым в их глазах, что они потеряли всякое поползновение к борьбе за жизнь; для таджиков борьба немыслима когда раз уже стало ему известно, что его зарежут никто, кроме разве диких американских воинов апахов или японцев, не расстается так спокойно с жизнью, как среднеазиты. Мы видели, говорит г. Гребенкин приговоренных к смерти и не замечали в их лице ни тоски, ни страха, ничего такого, что выражало бы желание избавиться от приговора; полное равнодушие, совершенная покорность постигнутому – вот что отпечатывается на лице приговоренного.

Но этот стоицизм, это пренебрежение к жизни не есть следствие глубокой веры в общения Магомета, но есть продукт мусульманства, давнего гнета привычки видеть убийство насильственно смерть вокруг себя в течение многих лет; это отсутствие мысли и невозможность ее зарождения в среднеазиатском управлении, мысли том, что человек гладить своею жизнью и что никто не имеет право отнимать ее у него. пытки и истязания, которыми так щедро угощали правоверных их правители, при тупили у них чувство, образовали сильную волю, научили скрывать в самих себя мучения физической боли: к чему их обнаруживать, когда известно, что окружающие могут только смеяться над страдающими, но не сочувствовать им!

Мы видели раненных, изувеченных язвами; один взгляд на раны и язвы этих несчастных леденит чувство европейцев. Но больные относились к своим ранам и язвам как фельдшера на перевязочном пункте относятся к ранам жертв человеческого самодурства- войны. Они безстрастно ощупывали разможжённые свои руки и ноги, грубо разворачивали раны и говорили « не заживет!» Ни стоны, не признака страдания не написано было на их лицах. Одно только можно подметить на лицах таких несчастных: это злость на что-то вообще, но не на что в частности.

То, что сделала таджика легко смотрящим на свою жизнь, терпеливо приносящим физическую боль и устранило от него душевные страдания, то самое образовала из него трусость, неспособного сознательно хладнокровно смотреть в лицо смерти, когда есть выбор: оставаться на месте или бежать подальше от опасности. Пример наших войн в Средней Азии достаточно убеждает нас, что таджик трус. Трусам его обзывают, и узбеки в сущности такие же трусы. Название сарт, которое узбеки презрительно бросают таджика, объясняется ими, как равнозначаще с словом баба.

Сами таджики говорят, про себя следующее: «мы не любим войну, мы имеем дома, землю, лавки; мы работаем и можем быть сыты своим трудом. Война нас разоряет. Узбеки – дело другое! Они тогда только и сыты, когда ведут войну; война делает бедного богатым и обратно. Наконец, мы не знаем, - за что нам должно драться с другими! «Политика, подобно войне, мало занимает таджика, если результаты ее не могут отражаться на его благосостоянии; так же точно он мало следит за административными переменами. Для него все равно: кто бы им не управлял, лишь бы его материальные выгоды не страдали.

Вот почему купцы, ремесленники и прочие производители-таджики всегда будут на стороне русских; они уже узнали, что под русскою властью они более

гарантированы от притеснений, разных несправедливых поборов, вообще от всего, что так или иначе может влиять на материальную сторону их быта. Духовные же из таджиков, тоже в силу своих материальных выгод, всегда противодействовали и будут впредь противодействовать русским.

Таджики так привыкли к тому, чтобы над ними властвовали пришлые, так часто переходили из города в город, из одной провинции Средней Азии в другую, что они считают себя каким то наносным элементом, оторванным от почвы, бывшей, когда то их отечеством то место, на котором зарыт прах их предков, имеет такую же цену в их глазах, как и то, где зарыты их кровные враги. Отечество, - непонятно таджику, как идея отвлеченная. Он будет защищать свой дом, землю, капитал, может быть даже жену и детей от разграбления неприятелем; но, узнав, что неприятель не имеет желания его грабить как частного человека, что дело идет о признании новой власти, он спокойно подчиняется новому правлению и обращается к своим прежним занятиям.

Игра, пари сильно увлекают таджиков. В каждом городе Зеравшанского округа есть особые дома и переулки, куда собираются таджики для игры. Домах играют преимущественно по ночам, а в переулках - днем. Игроки иногда проигрывают все; они играют с большим азартом: деньги, одежду, домашний скот, даже жену, сестра, дочь, сына все идет на ставку. В игорных местах воспитываются разбойники и воры. Играют в карты, кости, чет и ни чет и в другие игры.

В этих же домах пьют арак, покупаемый у евреев, местное вино бузу и отравляются курением кукнара, банга и тому подобным. Впрочем для систематического отравления курением и напитками существуют особые заведения. Около игорных домов находятся публичный дома, дома бачей... Вообще около них сосредоточиваются подонки общества.

Игорные места и дома служат притоном не одним малосостоятельным, но и богачам; однако играют по преимуществу молодые из богатых. Нам не известен ни один богатый игрок, который был бы пожилых лет. Из бедных же, кажется, чем старше, тем он более завзятыя игрок.

В игорных домах и на игорных местах можно встретить массу зевак, которые, так сказать, только выжидают удобного момента, чтобы самим наброситься на игру, поставить деньги на карту. Такие присутствующие иногда держат пари за кого-нибудь из играющих и проигравшись на пари в пух и прах, сами начинают играть.

До чета и на чета некоторые из таджиков и вообще из среднеазиатцев до того пристращаются, что не могут пробыть минуты, чтобы не играть в эту игру самим с собою. Нам приходилось иметь дело с такими субъектами подследственными делам. Сидя при допросе, они то и дело перебрасывают не большие камешки из одной руки в другую быстро сосчитывают что вышло: чет или ни чет? Они точно помешанные: на вопросы отвечают не в попад, потому что не слушают ни чего, занимаясь игрой.

При шахматных пари (шахматы играют публично) каждый из держащих пари имеет право предлагать свой ход, который в слух обсуживается другими. Удачный ход или промах противников вызывают взрыв хохота. Крики удовольствия, остроты, за которыми не редко следуют потасовки с противной стороны.

Таджики делятся на духовных и светских. Духовное звание или приобретается рождением (ходжи и сеиди), или должностью (кази, мулло, имами и прочь.) как те, и другие ставят себя выше всех остальных таджиков; они записные ханжи и имеют

значительное влияние на общественное мнение. Представители их держат в своих руках остальных своих сотоварищей, знакомятся только с богатыми купцами или важными должностными лицами и выказывают полнейшее признание к мелким торговцам, рабочим и не богатым земледельцам, которые за их грубое обращение платят им наружным почтением, унижением себя в глазах таких важных особ, и насмешками или сплетнями за глаза.

Светская часть таджикского населения имеет своими представителями богатых купцов и земледельцев. Влияние этих представителей на массу опирается на более существенное, нежели влияние духовенства, - на деньги. Ремесленники, мелкие торгаши и земледельцы всегда находятся в зависимости от капитала. Если еще прибавить, что многие богатые из купцов делают в известные праздники угашение народу, томаши, то станет очевидным для тех кто хотя немного знаком с средней азиатским населением, что первостепенное купечество известное массе, пользуется ее расположением, а вследствие этого купечество имеет и значительное влияние на весь народ; так как в среде народа находится много личностей, интересы которых тесно связаны с интересами купечества, то следовательно всегда есть и их агенты.

До занятия нами Заравшанского округа народ за купечество, а люди служивые (не всегда, впрочем), - за духовенство. В этой борьбе купечеству необходимо было вести дело свое очень и очень осторожно; они играли с огнем; противники их, прикрываясь религией, основывали свой доказательство в пользу войны с русскими на указаниях Корана и могли всякого, открыто идущего против их мнения религии отнести на сторону кяфиров. Но в купеческой партии сосредоточилась вся интеллигенция Средней Азии и весь капитал много уравновешивал силы борющихся.

С занятием округа русскими, борьба между купечеством и духовенством далеко не прекратилась, а напротив, приобрела большую энергию. Но теперь перевес видимо на стороне купцов. Духовенство шипело, изливает всю желчь на русских, но может этим заниматься, так сказать, клеймо, в органичном кружке. Народ им не доверяет и в большинстве случаев рад радехонек с приходом русских может на них меньше тратиться.

Дети богатых купцов и духовных редко когда меняют профессию своих отцов. Дети же незначительных купцов, ремесленников и земледельцев при первом удобном случае при достаточных материальных средствах и возможностях получают образование в медресе, выходят или муллами, или муфтиями и мерзами.

Выше духовенство и купечество, вместе с должностными лицами составляют аристократию округа. Знакомство аристократия ведет только за своим кругом, разбиваясь всетаки на много кружков. Народ аристократию знает, приходит к ней в дома по делам, так называемое томаше, хвастает а своей среде знакомством аристократии, но в свои дома ее не ведет, разве нечаянно какой-нибудь важный духовный или богатый купец зайдет на минутку к обыкновенному смертному., и тогда осчастливленные таким посещением таджик долго, долго будет всем рассказывать про знаменитое повешение и про любезности, которые ему говорила «особа», хотя эта особа, ради сохранения своей важности, почти все время глубоко мысленно молчала, в любезностях же рассыпался сам осчастливленный хозяин. Соседи с завистью узнают о приезде особы, сбегаются во двор к счастливцу, но войти в комнату, где особа сидит было бы через чур невежливо. По этому они ограничиваются только тем, что сложив на крест руки на груди, подходят к двери

комнаты, занятой особой и кланяясь в пояс произносят ассалам-алей-кум. На это особа делает чуть заметный кивок головою и отвечает: «алейку-кум-асалам». Получив в ответ таджик, не разгибаясь пятится назад и входит в толпу.

Посидев немного, особа уходит. С надутой важностью, медленным шагом он подходит к своей лошади, среди безмолвной толпы, поражённой его величием. Все кланяются ему низкими поклонами, хватаясь обеими руками за живот, как требует среднеазиатский этикет. Особа осматривает присутствующих... вдруг ему почему-нибудь захотелось обратить на одного среди них свое внимание., он делает ему кивок головой и протягивает руку. Почтенный такую явною, публично выраженной благосклонностью, вырывается из толпы, сгибается в три погибели, протягивает обе руки вперед, схватывает ими руку особы, прикладывает ее к губам и ко лбу и держит у лба некоторое время. Потом, оставив руку особы, он шепчет молитву и не разгибаясь, удаляется в толпу. Окруживши, все толпа, смотрят на эту сцену с умилением, а осчастливленного, когда он втиснится в толпу не перемененно двое или трое потреплют по спине.

Особа подходит к лошади и хочет на нее садиться. Все бросаются к ней: одни поддерживают его одно под руки другие держат стремя и вкладывают в него ногу.

Гость на лошади.

Если он первостатейная особа, то хозяин и многие из присутствующих следуют за его лошадию и по сторонам пешком, и провожают таким образом почетного гостя до его дома. В противном случае проводы оканчиваются у угла квартала или даже в конце переулка того дома, который был посещен особою. Этикет таджикский не позволяет важному лицу ехать по городу без сопровождения пеших служителей, скороходов. Если лицо имеет палку, то ее несет главный скороход.

Когда высокий гость едет по улице, на крышах домов стоят и отвешивают поклоны все желающие в свою очередь быть когда-нибудь осчастливленными. В щели дверей, заборов, ворот смотрит не одна пара черных глаз таджичек. Особа проехала, но квартал все еще находится в волнении, копошится. Идут рассказы подробно передается, что он, именно смотря на него, больше нагнул голову, делая поклон всем, при чем даже улыбнулся, иные не нахвалятся его объемистой чалмой уверяют, что только праведные могут иметь такой важный вид каким Аллах одарил особу. Женщины – соседки бегут к жене взысканного милостями особы, засыпают ее вопросами, расспрашивают; что она подсмотрела особенного в важном лице и тому подобное; сообщают друг дружке, как было бы приятно быть женой такого лица, причем высказывается, что жена подобного почетного правоверного не может носить ничего другого, как канаус и материю фарные. Только и слышатся возгласы, да вздохи; «хаир, хай!»

Сыновья аристократов составляют цвет молодежи округа; они законодатели мод, дают реноме лавкам, чайным, парикмахерам, бачам и проч. и проч. Они тратят отцовские деньги и делают долги. Им верят в долг не меньше чем прежде верили деткам европейских аристократов, тузов. Все их знают, все готовы им услужить, разумеется в надежде около них пожить. Они играют в разные игры, пьют.

Праздник для всех и для бедных и для богатых для знатных и для черни одинаково любезен; все с одинаковым нетерпением поджидают праздника. К годовым праздникам каждый таджик, будь он старик или мальчик непременно

купит себе какую-нибудь обнову для своего туалета; в крайнем случае – застёжку но все же купит что-нибудь. а чуть позволят средства он обновляет и вес туалет.

Опишем праздничный день.

Утром часов 7 таджик начинает одеваться. Окатившись холодной водой он надевает чистое белье, сурмит брови, подводит глаза. Жена или сестра помогают ему одеваться, прикрашиваться.

Халат, пояс не так сильно занимают таджика как чалма, он повязывает ее перед зеркалом переменяет повязку несколько раз,- к лицу ли ему такая-то повязка чалмы, и только убедившись, что чалма накинута на голову совершенно к лицу, он выходит из дому.

По улицам он идет, закинув голову кверху(мы говорим о таком таджик, который купил к празднику весь новый туалет), причем сильно размахивает руками, но шаги делает маленькие и идет медленно, что делает походку его неестественной и смешной. Встречая знакомых, хуже его одетых, он не узнает их и проходит мимо. Дороги он никому не уступает, потому то и дело сталкивается с проходящими.

Выйдя из переулка на площадь, наш гуляющий таджик напускает на себя еще больше спеси, если только это возможно. Он заходит к знакомому купцу в лавку, садится в ней и посылает за чаем в чайную. Чай принесен. Таджик пьет его, презрительно поглядывая на проходящих. Халат у него полуспущен с плеч, видна белая рубашка.

Время от времени он снимает чалму, потряхивает тюбетейку над головой и опахивается рубашкой, как веером: это все делается для того, чтобы показать проходящим, что он не в меру выпил чаю и чувствует необыкновенную жару. Если в это время в лавку войдут старые, уважаемые лица, он непременно выставит ногу и будет ею шевелить - неуважение полнейшее. Подобный поступок может, по таджикскому этикету, позволить себе только старший перед младшим. Проходящие рассматривают наряд нашего гуляки, толкуют о достатках владельца подобного костюма, перебирают шикующего по косточкам, одним словом обращают на него внимание, чего и добивается каждый таджик. Посидев достаточно долго в одной лавке, таджик переходит в другую, где повторяется тоже самое.

Также точно, с несущественными изменениями, поступают и все купившие себе обнову, т. е. все достаточные люди из таджиков. Уже под вечер, выпив не одну дюжину чашек чая, вдоволь натешив свое самолюбие, намозолив своею особой глаза всем, вызвав достаточно зависти, показавший себя таджик идет домой. Дома, вертясь в своем наряде перед женой или сестрой, он с мелочной подробностью и с прибавлениями против действительности, рассказывает им: как он щёл по улице, по площади, сидел в лавке, сколько выпил чаю с сахаром (хотя может быть пил и без сахара), как прохожие удивлялись ему, костюму его и важному виду, как он известному лицу за то, что тот не дал ему дороги, наговорил дерзостей и заставил при всех его извиниться перед собой и проч. Жена только успевает делать возгласы: «хаир! Хаир!» и временами прибавлять: «да я всегда была уверена, что ты знаешь, как себя держать; ты не похож на своих соседей». А выслушав все от мужа, она спешит к соседке, чтобы с прикрасами передать ей невероятно замечательные похождения своего мужа. И долго после этого события ни муж, ни жена не дают никому покоя своими рассказами, а им другие о том же предмете.

Наряд, одежда в таджикской среде играет весьма важную роль, служит оценкой деятельности, положения в обществе. Таджик по платью встречает, по платью же и провожает. Кто всегда одевался хорошо, щеголял своим платьем и вдруг появился на гулянье в старом, тот вызовет на счет себя со стороны его знающих или только видевших его хотя бы один раз, самые щекотливые замечания и пересуды. Сейчас же пойдут предположения о его мотовстве игре в карты, пьянстве и проч. Предположение переходит в уверенность с прибавлением сомнения о достоинстве его, как мусульманина: «пока он был добрым правоверным, до тех пор пророк был щедр к нему, не лишал его богатства, предохранял от пороков», говорят досужие языки. Вот почему таджик будет отказывать себе в пище, в поправке своего жилища, но постарается появляться в людном месте в праздничные дни в обнове, одетым, не хуже того, как его привыкли обыкновенно в такие дни видеть. В будний день, за малыми исключениями, таджик ходит в отрепьях.

3. Льют колокола (в Каты-Кургане), плиты и проч.

МИДДЕНДОРФ А. Ф.*ОЧЕРКИ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ.

Начнем с различия «лошадиных лиц», иранских таджиков (грав.V, VI и IX), от монгольских лиц (гр.VII).

Сопоставляем характеристические признаки этих типов.

I.Таджики

II.Кара-киргиз

У обоих спереди назад короткий (на столько брахицефалический, диаметр по ширине почти равен диаметру по длине), волоса смуглые, радужная оболочка темная, очень тощие икры) маленькие ноги и руки.

Череп	Ёмкий и высокий	больше в объёме по ширине, но ниже (платицефалический и хамецефалический)
Темя	высокое, круглое сводчатое	низкое, спускающееся на обе стороны
Очертание лица	овальное	кругловато – четырёхугольное
Лоб	Благородный, высокий и широкий	низкий, покатый назад
Надбровный дуги	Выступающие, густо и дугообразно покрытые волосами	плоские, покрытые волосами слабо и горизонтально
Расстояние внутренних глазных углов	уже, чем прорез между веками	шире этого прореза
Межбровье	возвышенное	плоское
Переносье	впадистое	плоское
Глаза	европейские	с монгольским разрезом (но лишь слегка косые, с приподнятыми наружными углами), огненно подвижные
Нос	толстый, высоко-выступающий, горбатый) (еврейский)	у корня плоский и широкий, не редко короткий и притупленный
Яремные дуги (челюсти)	сдавленные на европейский лад (криптозигический)	широкие и толстокостные, выпячивающиеся в стороны (фанерозигический)

* МИДДЕНДОРФА А. Ф., известный учёный ориенталист.

1. * МИДДЕНДОРФА А. Ф., известный учёный ориенталист.

Стилистические и лексические особенности текст автора приведены без изменений в соответствии с нормами литературного языка того времени.

Жевательные органы	при рассматривании сбоку, отвесны (ортогнаты, прямозубые) при рассматривании спереди, овального очертания)	Вытянутые вперед (прогнаты, косозубые) на столько широкие в челюстных углах, что этим обуславливается квадратная форма лица
Губы	европейский	вздутые
Волосы	каштаново-черные, вьющиеся)	черные, гладкие
Борода	очень густая(волосяной покров на щеках, вокруг рта и на подбородке)	безбородые (или лишь следы бороды);особенно лишены волос щеки(нет бакенбардов) и углы рта
Затылок	средне-толстый	толстый и короткий
Наружный вид....	рослый	короткий приземистый, широкоплечий
Ноги и руки	умеренной величины	маленькие
Таз	европейский	монгольский

1)Вследствие худощавости икр, мы нередко не могли пользоваться сапогами туземцев Туркестана; тоже было мною замечено и ранее – в землях самоедов и тунгузов.

2)У сартов встречается сплюсненность задней части головы, что приписывается своеобразному устройству колыбели (Catalogue du Turkestan Exposition oniver. De Vienne. p.98). Это заслуживает ближайшего исследования.

3)Не понимаю Уйфальви (I. с. III, p. 16): он не ясно высказывается на счет того, что голова у иранцев Персии менее высока, чем у таджиков.

4)В юности кругловатое; но, как кажется, часто удлиняется лиш с прорезыванием зубов мудрости.

5)Чрезвычайно короткое у гальчи (Ujfalvy' Exped.scientif. I' 1878' p.25).

6)Показание Уйфальви, что в северозападном углу Ферганы (в Туссе или Чусте) он видел узбеков, у которых разрез глаз был приподнят на внутренней стороне, а не наружной, - заслуживает полного внимания. Эти узбеки были с обильным волосяным покровом и родом из Гиссара.

7)У женщин, черезчур большой и в особенности утолщенный (не красиво очерченный) нос, кажется, представляет правило.

8)А также каштановорыжие или рыжие. Не понимаю, как Уйфальви (Ехр. вс. III, 1880, p.33) в последнем-томе своего сочинения мог сказать у всех иранцев волоса каштановорыжего цвета.

9)За исключением племени гальча.

10)За исключением высокорослых кара-киргизов – по Уйфальфи. Мне приходилось иметь дело также с приземистыми кара-киргизами.

Но, при ближайшем рассмотрении, как у иранских, так и у монгольских народов, в пределах их области распространения, замечаются весьма существенные отклонения от общего типа, или разновидности, По всей вероятности, чистокровные таджики¹, как

1. Это было справедливо признано уже Гребенкиным (Русский Туркестан, 1872, II) и с формулирован им так: каждый город имеет своих собственных таджиков, а также в каждом встречаются различные говоры.

и чистокровные монголы, часто уклоняются один от другого по их этнографическим признакам. Следовательно, в будущем необходимо выделить эти различия.

Прежде всего нам нужно упомянуть о двойном значении наименований: таджик и сарт. Оба они и в этом сочинении часто употребляются как равнозначущие: земледельцы преимущественно называются таджиками, а городские жители, главнейшие, занимающиеся другими промыслами, но вместе с тем, по крайней мере, садоводством и огородничеством, если не земледелием, носят название сартов. Но так как горожанин считается знатнее крестьянина, так как занятия не строго различаются, деревня и город переходят друг в друга, то не редко сам таджик, говоря с европейцем, зовет себя сартом. Как и всегда, в городе элементы населения смешиваются легче, а потому под сартом большею частью понимают смешанный тип с монгольской кровью. Это верно¹.

Выше (стр.377 и 382) мы видели, как далеко можно исторически проследить оба эти названия. В Бухаре название «сартъ» уже не встречается². Во всяком случае, с каждым днем становится все яснее, что чем более распространяется наименование «сартъ», в вышеуказанном смысле, тем решительнее название «таджик» должно делаться исключительным этнографическим синонимом «туркестанского иранца». Если слово «сартъ», как то некоторые утверждают, было первоначально ругательным, то это могло относиться лишь к тем временам, когда хищники-кочевники смотрели с презрением на оседлых жителей, в особенности-же на перешедших к оседлости.

Двойные фигуры на грав. V и грав IX являет собою основной тип таджиков. Нижняя двойная фигура на грав. VI представляет более вытянутое лицо. Пока нельзя решить, не есть ли это переход к новоперсидскому типу. Прежде всего, следовало бы резко отделить таджикский тип от типа теперешних персов³. Хотя Ханьков и пытался установить различия, которые ясно бросаются в глаза при сопоставлении этих двух разностей одного и того-же типа, но в данном случае я не могу опереться на собственный опыт и имею в своем распоряжении лишь следующую заметку: у таджиков лицо должно быть длиннее, глаза больше, рот меньше. Сообразно этому, наша двойная фигура на грав. VI, представляющая переход к евреям, ближе подходит к настоящему таджикскому типу, нежели головы на грав. V.

Хорошкин сообщает⁴, что ново-персы Туркестана носят там название ираны. Преимущественно это потомки 500 персидских рабов⁵, перевезенных в конце XVIII столетия из Мерва Бухарским эмиром, а так же пришельцы из Персии (Герата

Уйфальви нашел (том III), что у таджиков Самарканда череп был больше по объему и высоте: у таджиков Ферганы – меньше по объему, но соответственно выше: у гиссарских таджиков – менее объемистый и притом низкий

Еще менее могу я согласиться с мнением Гельвальда (Centralasien' 1875' p.348: у меня имеется лишь заметка об этом сочинении): «Все таджики суть сарты, но не все сарты суть таджики. Оседлые узбеки, хотя и татарской крови, - такие-же сарты, как и иранские таджики».4 Костенко, Средняя Азия, 1871, стр.79. Против этого говорит извлечение в «Азия» Риттера (p.724).

1. Уйфальви (стр.156), поправляя тех писателей, которые считают таджиков и сартов за одно и то же, сам стал на ложный путь: по его словам, первые характеризуются персидским, а вторые – восточно-турецким языком. См. сказанное о языке на стр.357 и 406 моих этих очерков Ферганы.

2. Уйфальви (Voу. Вс..I) указывает на существование персидских поселенцев в Кокане, Риштане, Маргелане и Шарихане.

3. Сборник статей, 1876, стр.507.

4. По другому показанию, от 4,000 до 12,000 семейств (Русский Туркестан II, 1872, стр.110)

5. Тоже должно сказать и о радужной оболочке у одного молодого человека, с которого снята была Уйфальви фотография в Кокане (см. Атлас, IV:chatain clair).

и Кандагара), торговля невольниками, продолжавшаяся до самого последнего времени, и примесь таджиков способствовали образованию группы, которую нужно явственно отличать от таджиков; представители этой группы насчитывается в Самарканде около 2000, а в Бухаре – около 8000 человек.

Они очень преданы нам и надежны как еретики-шииты служившие прежде при дворе, из коих некоторые достигали высоких степеней; тоже евреи освобожденные русскими после занятия ими страны благонадежны.

Вышеупомянутая двойная фигура на грав.У1 представляет уклонение, которое бросилось мне в глаза во время моего проезда через Наманган. То были более узкие, продолговато-овальные лица; не редко лицо приостряется к подбородку еще сильнее, нежели то показано на рисунке. Лоб отвесный. Так как изображенный субъект, по Уйфальви, имел 27 лет и, не смотря на то, был с маленькой бородой, так как, далее, эти таджики, увиденные мною в Намангане, вместе с тем имели на половину белокурые волосы вместо черных как смоль, а иногда и голубые глаза¹, то является вопрос: не имеем-ли мы в этом случае дело с помесною формою – с теми первоначальными белокурыми уссунами и их консортами (ариями), о которых мы упоминали на стр.374-й? Так как такие белокурые помеси часто встречаются у таджиков, то быть может, посредством внимательного выяснения и соединения сопутствующих друг другу особенностей форм, было бы возможно восстановить тип давно исчезнувших уссунов. Во всяком случае, у них, кажется, были «лошадиные лица» и обильный волосаной покров; следовательно, они принадлежали к одному племени с индо-европейцами.

В горном поясе на юго-востоке Ферганской долины Уйфальви часто видел белокурых таджиков², так что в Наукате половина населения состояла из белокурых и голубоглазых таджиков; у этих таджиков даже каштановый цвет волос. Это приводит нас к одной из типических разновидностей таджиков – к Гальча, или горным таджикам, которых мы встречаем даже в самых неприступных горных долинах на юге Ферганской котловины.

Так как этот горный народ бесспорно иранского происхождения, говорит на древне-персидском языке, не понимая турецкого, чем, следовательно, и обнаруживает свою чистоту; так как он, обитая в высоких горах, всё же более смуглы, нежели таджики, то этих гальча можно считать чистейшим типом древне-иранских аборигенов, которые укрылись от турецко-монгольских степных орд в неприступных горных высотах до Когистана. Уже с самого начала они обращали на себя внимание мрачною, сосредоточенною внешностью³, что, по всей вероятности, объясняется их изолированным, уединенным образом жизни. Надлежит резко отличать гальча от таджиков низменностей⁴; но Уйфальви, как кажется, совершенно отказался⁵ от своего прежнего взгляда⁶ - что «совершенно ошибочно называть их

1. Voy. вс. I, p.95.

2. Турк. Вед., 1875, № 1.

3. Турк.Вед., 1876, № XLI. К сожалению, у меня имеется лишь указание на это монографическое описание, но нет данных для более точного сравнения.

Уже Федченко (l.c.,p.66) находил, что жители Воруха походят на гальча.

4. Petermann, Mittheilungen. 1877, p. 359.

5. См. Expedition scientifique française, II, где различают таджиков троякого рода: 1) горные таджики, которые названы «les proches des Galtacha»; 2) персидские поселенцы, которых он видел в Кокане, Риштане, Маргелане и Шарихане, и 3) потомки персидских рабов. Все эти три группы отличаются одна от другой существенными физическими особенностями, и таджики Ферганы стоят-де к гальча гораздо ближе, нежели самаркандские (Exp.вс.I, 1878, p.25).

6. Voyage scientif. III" 1880' p.11. Пусть объяснит нам г.Уйфальви, как согласовать это с характеристикой, сделанной им в другом месте (Voyage scientif. III, p.43), где он говорит: чем большей чистотою

таджиками гор». Однако, он приводит лишь один постоянный признак, именно: у гальча телосложение более компактное, руки и ноги большей величины, голова короче (спереди назад), чем у таджиков¹, и даже гораздо короче, нежели у тюрко-монголов Туркестана². Икры у горного народа такие-же, как и у европейцев, и в этом нет ничего удивительного. Короткоголовость – та-же, на которую мы указывали уже выше у блондинов Намангана: она еще более побуждает обратить особенное внимание на нередкую примесь белокурого у гальча³. Г. Уйфальви часто видел между гальча каштаново-коричневых⁴, белокурых – еще чаще, нежели среди таджиков, иногда-же красноволосых и даже с волосами льняного цвета⁵. Нос тоже более красивой формы, нежели у таджиков. Не есть-ли это отражение арийского племени?

В виду почти преобладания белокурого элемента среди гальча, а также прочих отличий их от таджиков, значительно подрывается допущение, будто гальча представляют чистейший тип древне-иранцев; напротив, является предположение, что в них мы должны видеть помесь (почти наполовину) древне-иранцев с белокурыми арийцами.

Поэтому, существование блондинов среди таджиков можно объяснить частью непосредственным смешением с первоначальным белокурым элементом, частью смешением во второй степени – с белокурыми гальчами.

Что действительно более светлая окраска постепенно берет перевес над более темной, как то утверждает Пеше⁶, это кажется мне вероятным в виду аналогии со скрещиваниями у животных, в особенности, если, как то выражено Пеше, эта окраска или, вернее, обесцвечивание передается в потомство довольно пропорционально крови; в случае – же исключений, последняя предпочтительно выпадают в пользу блондинов.

Но особого внимания, еще в большей степени, нежели вышеупомянутые блондины, заслуживают белокурые осколки народов, удержавшие притом монгольский тип. Так например, о дурманах в Зеравшанском уезде, ветви узбеков, сообщается, что они имеют киргизские черты, но при этом у них светлые волосы с красноватым отливом.

Как-бы то ни было, таджики представляют совершенно определенный, прочно установившийся тип, и я не могу признать состоятельным того, что говорится и повторяется на разные лады⁷: таджики (долинные-ли вообще, или самаркандские в особенности) – помесь персидской, арабской, узбекской, еврейской и даже киргизской кровей, и чем таджик знатнее и богаче, тем более персидской

крови отличаются иранцы Центральной Азии, тем они короткоголовее, тем менее белокуры, так что первоначальный белокурый тип, пожалуй, иметь долихоцефалическую форму головы.

1. Ш, р. 11.

2. Хорошкин (Сборник статей, 1876, стр. 398) объявляет население близь Фариша гальчами, так как там много белокурых с рыжеватыми бородами.

В Коканском уезде находятся деревня Гальча-Кипшак; а потому наблюдения там могли-бы многое выяснить.

3. Voy. scient. II, p. 147.

4. Voy. scient. I, 1878, p. 25.

5. Die Arier, 1878, p. 47, 56. В конце своего сочинения (стр. 226), Пеше ссылается на Радлова, как на компетентного свидетеля, в доказательство того, что, при смешении, и в Сибири белокурые волосы арийцев берут верх над черными волосами монголов, тогда как широкие лица и головы последних вытесняют овальные головы русских.

6. Турк. Вед., 1876, № XLI; Варский, в «Антропологической выставке, 1879 г.» под редакцией Богданова, III, 20, стр. 146, 223.

7.

и еврейской крови в его жилах. Пожалуй, относительно сартов вообще, мы еще можем признать справедливость этих слов; таджик-же остается в наших глазах самым прочным исходным иранским типом. Правда, в действительности, часто очень трудно надежно отличить специфический таджикский тип от его персидской разновидности и даже от центрально-азиатских еврейских семитов, но мы должны стараться в том, чтобы удержать этот краеугольный камень для наших этнографических сооружений, Таджики-же именно представляют такой краеугольный камень, ибо они помещаются на крайнем конце имеющих в Центральной Азии типов. Но что к таджикской крови примешался извне и белокурый элемент, хотя и в отдаленнейшее время, в пользу этого говорит отсутствие его у современных персов¹. Итак, из таджиков мы должны признать типичными лишь смугло волосных.

Еще несколько беглых замечаний о духовных качествах таджиков. При всем том, что нам показал исторический обзор, таджики представляют твердое основание государственного уклада как в Фергане, так и вообще в Туркестане, а между тем следовало-бы ожидать, что они давно уже сметены с лица Божьей земли. Таджики и помеси их, сливающиеся с ними, обрабатывают землю в долине, но населяют также города, занимаясь там ремеслами, промыслами и торговлею всякого рода.

Таджики, сколько мне известно, представляют единственный на нашей планете пример столь упорного существования, пробивающего себе путь, не смотря на враждебные, в течении столетий, воздействия против них. По своему устройству, голова таджика представляет образ высокого благородства и ума; тоже должно сказать и об их врожденных духовных способностях; однако, как это ни странно, характер их совершенно лишен силы и способности к сопротивлению. Только потому, что таджики – народ совершенно не воинственный, покорный, они в течении тысячелетий постоянно переходили от одного юга к другому.

«Слабые и трусливые» - вот как прозвал их старый китайский исследователь; другой говорит тоже, но другими словами: «они чувствуют отвращение к пролитию крови». С своей стороны, мы только можем еще более подкрепить этот отзыв – в настоящее время, т.е. после того, как магометанство, наслаждающееся пролитием крови, прививало им свою кровожадность в течении тысячелетия. Их отвращение к кровопролитию не есть плод религиозного убеждения, как у меннонитов²; это – тоже самое врожденное чувство страха, которое овладевает персом при виде туркмена, или какое испытывает наш еврей пред преданием в рекруты. Но это не есть собственно страх смерти. Подобно тому, как трусливый в битве монгол с величайшим равнодушием, с величайшим презрением к жизни принимает веревку, которую должен удавить сам себя, или кинжал, которым должен распороть себе живот, так-же точно таджики относились до настоящего времени с полнейшим равнодушием и пассивною покорностью к тому, что тираны-повелители резали и изводили их целыми толпами, стадами – в истинном значении этого слова. Тем не менее, один новейший наблюдатель³ уже слишком преувеличивает, восклицая:

1. Ханьков (Memoire sur l'ethnographie de la Perse, p. 62) говорит, что даже альбиносы в Персии встречаются столь-же редко, как и в Авганистане. Уйфальви утверждает (Voy.sc. 1), что среди потомков персидских рабов Туркестана нельзя встретить белокурых и голубооких особей.

2. Вильсон (The above of snow in the Himalaya) пытается объяснить малую твердость характера и недостаточную любовь к свободе, возбуждившие его удивление у горских народов Гиммалая, влиянием буддизма

3. Барон Мейендорф.

«таджик никогда не берется за оружие для своей защиты; никогда он не сражался за свою родину».

Если в истории рассказывается об «иранском нашествии», которое было одновременно с прорывом индо-европейцев в Европу; если иранцев первоначально описывают как «хищников, опустошителей и грабителей»; если «лучники иранского происхождения, из местностей по Яксарту», входивших в состав царства селевкидов, следовательно совсем в другое позднейшее время, чем парояне, достигли Ефрата¹; если Геродот сообщает нам, что «согдийцы и согдиане на столько презирали жизнь, что радостно и стремительно шли на смерть», - то, конечно, тут следует подразумевать не таджиков, а лишь туркмен.

Но не смотря на все бурные потрясения народов, робкие таджики удержали господство за собою; это невольно напоминает нам старую басню «Дуб и Тростник»: гибкий тростник хорошо сохранился, тогда как соседний дуб был вырван с корнем.

Чтобы составить себе понятие о духовных качествах таджиков, нам стоит только припомнить столь близко стоящих к ним евреев - с их большою нетребовательностью и хозяйственностью, никогда не дремлющую страстью к наживе и склонностью к торговле, с их неутомимой лихорадочно подвижностью, приспособляемостью и находчивостью, с их способностями к духовной деятельности, к искусствам и наукам.

Но таджик еще более, чем еврей, с которым он так сходен во многих отношениях, отличается ловкостью и умелостью в ремеслах и промыслах, склонностью к домашней жизни и к усовершенствованиям; но что всего более возвышает таджика над евреем - так это превосходные способности к земледелию и садоводству, его удивительная производительность на этом поприще, благодаря чему он сделался в Центральной Азии, среди чистейших помадов, учителем и защитником этой основы всего государственного благосостояния. Если компетентные люди² говорят, что таджик занимается земледелием, как предприниматель (антрепренер), то этим они заявляют лишь о его предприимчивости, ибо ошибочно, на основании этого, умалять значение таджика, как земледельца; да это и подтверждается следующими словами: «тем не менее, поля таджиков всегда находятся в лучшем состоянии, нежели поля узбеков». Духовная и телесная выносливость, необходимая при земледелии, сделала его способным также и к таким ремеслам, в которых требуется ниточку прикладывать к ниточке, с внимательностью и терпением, пока не получится ткань, или работать очень тяжелым молотом изо всех сил.

Во всяком случае, даже и при таком внутреннем импульсе к деятельности, у них проявляется лень, обуславливаемая климатом, равно как и потребность, более частого отдыха, которую так хорошо сумела усилить религию Магомета. В самом деле, даже прилежнейший человек, после тяжелой недельной работы, шабашит с полудня в четверг до вечера пятницы; он или отправляется в мечеть для совершения чрезвычайно незстетически, присев на свои пятки, вперяется в одну точку, пьет чай и курит, давая волю лишь своему языку. Конечно, обязательные, строгие посты часто сильно истощают.

Но, к большому удовольствию туземцев, пост в году перемежаются так - называемыми «томаша»³, т. е. народными и годовыми праздниками, на которые

1. См. соч. Виктора Гена.

2. Петровский (Шелководство... в Средней Азии, 1874, стр.6), по Гребенкину, с которым он соглашается.

3. В Маргелане томаша, «приходящаяся на время цветения абрикосов», бывает каждую среду, в течении 6-8 недель.

стекается множество народа, словно на наши ярмарки; в эти праздничные дни собравшиеся предаются лишь удовольствиям и наслаждениям, торговыми - же делами занимаются в рыночные или базарные дни. Спокойствие и даже, можно сказать, достоинство, с какими празднуют эти «томаща» необразованными варварами, внушают европейцу невольное уважение. Тысячи людей стекаются в одном месте: но все мирно и тихо, о полиции и речи нет. Я видел, как лоток с плодами опрокинулся; фрукты далеко раскатились к ногам густо-сплоченной толпы; но, вместо того, чтобы разграбить в один миг, все было собрано и снесено пострадавшему.

В виду вышесказанного, мы можем теперь судить и о прочих качествах таджика, поставляемых ему в упрек и часто совершенно противоречащих одно другому. Тирания сделала его послушным, низко поклонным, замкнутым, скрытным, недоверчивым, лгуном, обманщиком, мстительным, хвастуном, льстецом и лжесвидетелем; будучи мельником, он занимается фальсификацией муки и постного масла; будучи шелководом, он продает песчаные зерна за грену шелковичного червя; будучи «ученым», он подделывает документы и монету. Как человек ловкий и алчный, он, если занимает высокий пост, лучше всякого европейского дипломата проявляет свое мастерство в лжи и обмане; он - виртуоз в искусстве невозможных извращений и хитросплетений. Как житель больших городов, он в низостях всякого рода далеко превосходит европейца - жителя этих гнезд порока.

Все это так, но, само собою разумеется, объясняется обстоятельствами; вместе с тем сказанное дает нам ключ к пониманию того, каким образом один и тот же даровитый и точный наблюдатель¹ в одном месте утверждает, что «иранцы отличаются чистотою нравов»², а затем, после перечисления различных пороков, немногими страницами ниже, говорит: «все единогласно отрицают хорошие склонности у таджиков». На самом деле, надлежит сопоставить два контраста: развратника-горожанина и ведущего патриархальную жизнь селянина.

Точно так же, рядом с общею жалобою, что таджику никогда нельзя доверять, мы встречаем следующее замечание испытанного знатока и врача³: между таджиками есть, безусловно, честные люди, чего нельзя сказать о киргизах. Тоже и относительно жестокости характера. Уйфальви также признает ее; я - же решительно стою за мягкость характера, который был вообще извращен тиранией и духовенством. При разумном европейском управлении, эти люди с характером и предусмотрительностью, по прошествии короткого времени, сделались - бы совсем не тем, что они есть в настоящее время.

Если поставить на счет таджику все вышеперечисленные пороки, то нельзя не отвернуться от него с ужасом; но черт не так страшен как его малюют. При всем том, таджики остаются столь - же богато одаренными, как мы уже говорили в начале этого отдела; при всяком более близком, личном знакомстве с ними хотя бы в течении только немногих часов, причем, конечно, не должно быть и тени чиновничьего отношения, вы откроете у таджика, кроме того, пылкую, но вместе с тем очень добродушную натуру. Такими именно они и оказались, когда я лично познакомился с ними, о чем уже было сказано.

1. Хорошкин (Сборник статей, 1876, стр. 212 до 226).

2. Точно так же Шальгин (см. следующую цитату) ставит таджиков выше киргизов в моральном отношении

3. См. Шальгин в Stieda's Berichte aus der russ. Literatur uber Anthrop. u. Aeth. За 1878 г., стр. 32.

Только благодаря своему превосходству в духовном отношении, также как во всякой житейской практике, таджик и мог сохранить свою этнографическую самостоятельность. Способность к работе и великое искусство подчинять себе природу тяжелым трудом и обращать негостеприимные пустыни в райские оазисы выработали в этих людях особую выносливость, которой переход из рук в руки, от одного тирана к другому, придал еще большую эластичность. Не смотря на непрерывные порабощения; не смотря на исторические события, которые, казалось, складывались так, чтобы уничтожить всякие типические особенности, как духовная, так и физическая; не смотря на изолирование от главной массы западно-иранских единоплеменников, персов, из страны которых ни одна освежающая историческая волна не достигла таджиков, с той древнейшей эпохи, когда обе группы разделились, - не смотря на все эти насильственные влияния, сохранился своеобразный уклад, так что классическое изречение: *Graecia victa ferum victorem cepit*, гораздо более подходит к таджикам, нежели к грекам. Нападения делали то иранские, кочевые орды, то народ, стоявший в культурном отношении выше, носители культуры - китайцы, македонские греки¹; но все они опять уходили, или, на крайней мере, должны были отойти совсем на задний план.

Таким-то образом, ограбленные и порабощенные таджики, благодаря своему духовному превосходству, всегда опять становились у кормила, а из их рядов выходили заправители (как в селах, так и в городах) - «седобородые» (аксакалы), сборщики податей, учителя, ученые знатоки священного писания, монахи и духавенство и даже столь важные по своему значению «кази», т.е. судьи и законодатели. Следовательно, они представляли собою высшее сословия. По временам, они, будучи в числе приближенных тирана, брали перевес и даже становились властителями страны².

При новом, русском господстве, они удержали за собою выдающиеся места; например, не смотря на недоверие, они были назначаемы даже на должность важных старшин; как землемеры собиратели статистических данных, как фельдшера и наблюдатели метрологических явлений, они в короткое время сумели сделать себя полезными³.

Чего можно ожидать в дальнейшем будущем от этих занимающихся земледелием торговцев, которые⁴ уже во времена стародавнего китайского господства захватили пальму первенства в деле торговли и спекуляции, благодаря способностям к этому, - о том могут засвидетельствовать следующие факты: в отношении торговли сарты начали брать перевес над русскими⁵, как в Верном и у киргизов, так и по течению Сыр-Дарьи; в Казалинске, где, кроме русских, барышничеством занимались и средне-азиатские евреи, я уже встретил 35 сартских домов, а далее вверх по течению мне нередко попадались сарты - ямщики, даже почтовая станция находилась в заведывании сарта, хотя должности станционного старосты домогались преимущественно отставные воинские чины.

1. Я умышленно не называю арабов.

2. Примеров этому не мало. Кроме султана Бабера, напомним здесь в особенности прославленного в последствии кашгарского эмира Якуб-бека, который был родом из деревни Пскент, лежащей на горной дороге в Фергану, и начал свое жизненное поприще писарем

3. По Арндаренко, в Матер. Маева, V, 1879 Хорошкин, Сборник статей, стр.217. Турк. Вед. 1876, № XLI/

4. Под названием «Андижанцев», подобно тому как еще и теперь речь идет о «Маймачинцах» (Тюрк. Вед., 1875, стр.55).

5. Ханьков, Memoire sur la partie meridionale de l'Asie central, 1861, .133.

В настоящее время в лице таджика соединяются ремесленник, мелкий предприниматель, работник и торговец. Разделение труда, машинное и фабричное дело ему еще совершенно чужды. В этом отношении пред ним открывается новый мир.

Лишь в одной духовной области таджик с каждым днем все более и более теряет свою первоначальную оригинальность; правда, это явление довольно частое, но в нашем случае оно заслуживает особого внимания. Я говорю о языке, До времени Чингис-Хана разговорным языком был персидский, «язык Согда». Даже во времена султана Бабера язык этот употреблялся в городах, причем говорили очень чистым персидским языком, который был, однако, богат старо-персидскими словами¹. Впрочем, язык этот не был во всеобщем употреблении, ибо сам Бабер указывает на то, что в Андижане, как в городе, так и на базаре, трудно было встретить человека, который - бы не говорил по-турецки. На этом языке даже писали. Теперь монголо-турецкий язык туки, узбеков и киргизов сделался повсюду господствующим, разговорным - до Бухары; а со времени вступления русских, которые брали себе в переводчики преимущественно казанских и уфимских татар и даже назначали их на должность сборщиков податей и волостных управителей, - этот язык приобрел еще большее значение². Лишь в отдаленнейших уголках юга восточной стороны Ферганской долины встречались, в мое время, туземцы, не владевшие турецким языком³; впрочем, и в городах таджики между собою говорили многое на своем родном языке, а потому мой толмач не понимал их.

Причина столь удивительной перемены - во всяком случае чисто лингвистическая, и точное исследование тех выгод, какие должны представлять турецкий язык при повседневном употреблении, как разговорный⁴, было бы благодарною, чрезвычайно важною для этнологии, темою научного исследования. Не оказывала ли существенного влияния враждебность отношения магометан - суннитов к шиитам?

Скажем теперь несколько слов о монгольском типе, диаметрально противоположном таджикскому типу и словно представляющем другой полюс. И этот тип, как уже было сказано, не однороден, но представляет еще более разновидностей сравнительно с таджикским.

1. Уже гораздо ранее существовали оживления сношения с казанскими татарами, ибо Средняя Азия получала кораны из Казани. По Гребенкину (Русский Турк., 1872, П), деревня Ногай-Курган, вблизи Ташкента, населена большею частью татарами, пришедшими с Волги.
 2. 36 По Гребенкину (Маев, Матер., Ш, 1874, стр. 314, 317), таджики на правом берегу Верхней Сыр-Дарьи говорят по-таджикски (следовательно, на древне-персидском языке), тогда как в глубине долины - на обоих.
- Хорошкин (Сборник статей, 1876, стр. 227) обращает внимание на то, что в турецкой речи есть примесь $\frac{1}{2}$ персидских слов.
- В 1876 г. (Турк. Вел., № III), в Дербенте (к югу от самаркандского меридиана) «ни один житель» не понимал турецкого языка.
- Однако, насколько осторожно нужно пользоваться такими данными, видно из того, что в там-же самом месте и в то-же время говорится (Маев, Матер., У, стр. 267): Дербент населен лишь таджиками, из коих многие ни одного слова не понимают по-узбекски.
3. 37 Очевидно, по той же причине Русские в Якутской обл. меняют свой язык на якутский. См. мое «Путешествие по Сибири», т. IV, 2.
 4. Следующие слова Пеше (Die Agier, p. 145) служат важным указанием: «сарты усвоили язык своих матерей-турчанок». Но мне кажется, что матери из сартов, при отцах-турках, преобладают.

КУШЕЛЕВСКИЙ В.И. * О ТАДЖИКАХ¹.

Слово «таджик», как название отдельной народности, было известно уже за несколько веков до Р. Х. Н. В. Ханьков, в одном из своих прибавлений (VI) к переводу Риттеровского Ирана, выясняет что слово «таджик» вначале не было именем этническим, т. е. именем какого ни будь отдельного племени, а просто означало всех последователей Зороастра, так как это не простое звуковое слово, имя собственное, но есть производное от персидского слова «тадж», что значит корона, из коего образовалось с прибавкой звука – «ик». Таким образом «таджик» значит коронник, человек носящий корону. Но дело здесь идет не о царском венце, а том, который имеет такое важное значение в Зороастровом учения, исповедовавшемся древнейшими иранцами.

В весьма немногих местах, ближе к горам, сохранился более или менее неприкосновенным первобытный тип жителей, говорящих на персидском наречии. Такими являются кишлаки; Касан, Чуст, Камыш - Курган, Канибадам, Исфара, Сох и Варух. Жители последнего в особенности, в силу своей отдаленности и изолированности, не подчинились смешению в такой степени, как это происходило в центральных частях долины. Они – чистые таджики, говорят исключительно по-таджикски, т. е. наречием чистого персидского языка. Они короткоголовые, высокого роста, с правильными чертами лица. Совершенно арийского типа. Волосы довольно длинные, борода черная, глаза черные, сложения крепкого и на вид стройные.

На южных отрогах и склонах Памира обитает в незначительном числе арийское племя, а именно---- таджики, сохранившие вполне свой тип. Они – шииты, преследуемые правоверными суннитами, вследствие чего и не смешиваются с ними. Живут бедно, занимаются земледелием. Женщины у них не носят покрывало.

Таджики, обитающие в Ферганской долине, уже утратили в значительной степени чистоту своего типа, в сравнении с своими сородичами – горцами. Мы имеем следующие антропологические данные относительно тех и других:

	Головной указатель.	Лобный указатель.	Лицевой указатель.
Таджики из Ферганы.	84,4	79,5	62,4
Таджики из Гиссара. (Каратегина). . . .	81,4	76,5	60,0

Таким образом антропологические признаки таджиков долинных указывают на явную примесь них крови тюрко – монгольской, что выражается большим приближением их к типу брахицефалическому, а также и более квадратным строением лица.

* Кушелевский В.И. учёный ориенталист.

В горном поясе, на юго-востоке Ферганской долины, Уйфальви часто видел белокурых таджиков, так что в Наукате половина населения состояло из белокурых и голубоглазых таджиков; у них даже преобладал каштановый цвет волос.

Это приводит нас к одной из типических разновидностей таджиков - «гальча», или «горным таджикам», которых встречаем даже в самых неприступных горных долинах, на юге Ферганской котловины. В виду преобладания белокурого элемента среди гальча, а также прочих отличий их от таджиков, А.Миддендорф предполагает, что они составляют помесь древне - иранцев с белокурыми арийцами, но антропологические данные говорят, по-видимому, в пользу уклонения их к тюрко-монгольскому типу. У гальча, населяющих трудно доступные места Зеравшанской долины, считающихся этнологами за наиболее чистый тип этого племени, головной указатель - 85,0, лобный - 78,1 и лицевой - 63; у киргиз - казаков также измерения дают 85,7, 82,4, 67,5 .

ЕЛЬНИЦКИЙ К. ТАДЖИКИ¹

Таджики своим бытом и образом жизни сходны с сартами, так что Вамбери считает тех и других за одно и то же племя, утверждая, будто слово «сарт» есть турецкое название таджика.

Таджики родственны персам; язык их — наречие персидского языка. Они имеют высокий лоб, выразительные глаза, осененные черными ресницами, тонкий прямой или горбатый нос, густые темно-русые волосы и густую бороду.

Живут таджики в селениях и городах; в них в меньшей мере, чем у сартов, замечается стремление к городской жизни. Занимаются они земледелием, скотоводством, ремеслами и торговлей; последней, впрочем, они занимаются с меньшей охотой, чем сарты.

Таджики исповедуют магометанскую религию шиитского толка, чем они, между прочим, отличаются от сартов, последователей суннитского толка. Нужно заметить, что у таджиков сохранились еще следы почитания огня или солнца; на этом празднике они зажигают костры, служащие для очищения и излечения тех, кто перепрыгнет через них. Если больной слишком слаб, так что не в состоянии перепрыгнуть через костер, то его водят вокруг него или предлагают ему пристально смотреть на пламя в то время, когда над последним поизносят заклинание. Из уважения к огню, таджик не задует горящую свечу, а движением руки погасит ее.

Начальное образование у таджиков настолько же распространено, как и у сартов. Значительная часть магометанского духовенства в Туркестанском крае — таджики.

Бытовые обряды таджиков мало чем отличаются от обрядов сартов; только обряды при браке у них представляют некоторые особенности, в потому и скажем об этих обрядах.

Жених, желающий вступить в брак, посылает в кишлак невесты сватов, которые условливаются относительно калыма. Затем идет в кишлак и сам жених в сопровождении родственников и друзей. Не доезжая нескольких саженей до местожительства невесты, он слезает с лошади и дожидается встречи; все же, сопровождающие его, едут к невесте. Женщины и девушки выходят на встречу и несут с собою угощение. При встрече все друг другу кланяются. После поклонов, женщины угощают жениха и получают от него подарки. Приблизившись к сакле отца невесты, жених у самого порога видит палку или веревку, переступить через которую, не уплативши за пропуск, считается неприличным. Он одаривает родственником и подруг невесты и, получив таким образом пропуск, приближается к невесте. Начинается пирушка. Затем является приглашенный мулла. Посреди сакли разводят огонь и вокруг него раскладывают платки, куски материи и другие предметы. Отец невесты берет чашку с водой и, опустив в нее две серебряные монеты, держит ее до тех пор, пока мулла не окончит чтения молитвы. Затем чашку передает мулле, который, глотнув из нее воды, передает всем присутствующим. Все отхлебывают оды. Этим обряд венчания кончается. После венчания следуют угощение и игры. Между прочими играми видное место занимает джигитов, при чем молодой и другие парни догоняют молодую, скачущую во всех дух на отличном бегунце.

1. Ельницкий К. Иногородцы Сибири среднеазиатских владений России. Этнографические очерки. С.Петербург. Издани Д.Д. Полубонринова. 1895.

МАСЛОВСКИЙ С*. ГАЛЬЧА.¹

(ПЕРВОБЫТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ТУРКЕСТАНА)

Вопросы о первобытном населении Туркестана до сих пор не возбуждали никаких споров. Лейтенант Борнс, один из первых европейских путешественников в Бухару, говорит, что «первобытные жители Туркестана суть таджики или таты, иногда, хотя ошибочно, называемые сартаки, что собственно служат насмешливым именем, которое придают им кочующие племена. В отдаленные времена воинственные турки, пришедшие с севера, сокрушили власть этого народа, а потом междоусобия ослабили его еще более.» Того же мнения придерживался Вамбери, а с его голоса стали повторять это и позднейшие путешественники. Только Пашино остался при особом мнении: «таджики,-пишет он, - кровные персы, попавшие сюда в новейшие времена и укоренившиеся здесь».²

В самом деле, из всех племен, населяющих теперешний равнинный Туркестан, таджики имеют более всего прав на титул аборигенов страны: об узбеках и киргизах мы имеем довольно точные исторические сведения, - мы знаем время появления их в пределах Туркестана; есть у нас сведения и о возникновении поселков арабов и еврейских кварталов, и о появлении тех персидских выходцев из Мерва, которые утратили свой язык, сменив его на узбекский, но сохранили веру, оставшись шиитами, и, в силу этого, под названием «прав», выделились из среды таджикского населения, родственного им, может быть, по крови; цыгане-люлии мазанги признаются несомненно пришлыми населением; остаются, следовательно, только таджики, которые и сами считают себя аборигенами страны. К тому же отсутствие монголовидных признаков в теле, их иранский язык, все говорит за то, что перед нами потомки ариев и парапамисидов IV в. до Р.Х.

Что значит слово «таджики»? Много было сделано по этому поводу догадок, более или менее остроумных, догадок, которых мы не будем здесь приводить, так как в настоящее время может считаться твердо установленным объяснение этого слова, данное г. Бартольдом. Г. Бартольд указывает, что первоначально персы называли таджиками завоевателей арабов, а потом распространили эти название на соплеменников, принявших ислам. Тюрки стали называть таджиками все ту земное население мусульманской веры, без различия происхождения. Когда арабы слились с туземцами, «таджик» стал термином этнографическим. а под влиянием тюрков сами персы стали называть себя этим именем, перестав применять его к арабам. В этом истолковании нам особенно ценно выражение «без различия происхождения». Значит, таджики – термин собирательный, значит сначала это был, может быть, целый ряд племен, различных по крови, но объединённых религией, и название это носило чисто религиозный характер; затем, при дальнейшем слиянии

* Масловский С., учёный ориенталист.

1. Масловский С. ГАЛЬЧА. РУССКИЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. Издание Антропологического Отдела Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, состоящего при Московском Университете, Москва 1901 г., №2, стр. 17-32

2. *Стилистические и лексические особенности текст автора приведены без изменений в соответствии с нормами литературного языка того времени.*

этих первоначальных народностей, выработался тот новый, общий тип, носителем которого являются ясно сложившееся племя, которое мы встречаем теперь на равнинах Туркестана и которое носит то же название-«таджики», но в другом уже, специально племенном, значении.

Принимая это объяснение мы тем самым признаем смешенное происхождение мнимых аборигенов края, а так как смешение произошло на столько давно и настолько полно, что получился такой однообразный и яркий тип теперешних таджиков, мы должны отказаться от мысли путем антропологических намерений определить элементы, принимавшие участие в образовании этой народности.

Эта выдержанность типа и вводила в заблуждение последователей, и формула г. Бартольда не находила себе, поэтому, отклика, пока горный Туркестан оставался *terra incognita* для антропологов. Что в горах, в местностях наиболее изолированных, тип сохраняется в наибольшей чистоте-это не новость. Поэтому все писавшие о Туркестане, принимая, что в основу таджикской народности лег один народ, который, путем смешения с прибывавшими племенами (и смешения довольно случайного характера), выработал свой теперешний тип, - выдвигают на первый план горцев, как типичных таджиков.

Но если объяснение г. Бартольда верно, то не таджикский чистый тип найдем мы в горах, а те, в разрозненном виде, элементы, которые смешиваясь в равнине, дали теперешнее племя таджиков. Ведь, при вторжении завоевателей, не все аборигены страны пали и не все покорились. Часть их должна была отступить, уйти в горы, рассыпаться по ущельям. Движение в горы, вызываемое недостатком культурной земли в Туркестане, не затихло и теперь. Таджики, уже сложившиеся племенем, тоже отступали под напором тюрков, и наиболее доступные горные долины заняты теперь ими. Но подымитесь выше, к снежным вершинам, где скудна природа, где суров климат, где хлеб приходится добывать таким чудовищным трудом, что о нем трудно себе составить даже приблизительное понятие, - словом, в местности, куда только необходимость или любовь к свободе могли загнать людей, - всюду вы найдете ряд небольших племен, и по наречиям, и по типу отличных друг от друга и от равнинных таджиков, - племен, которых мы не имеем права называть таджиками и которых сами таджики называют «гальчей».

Слово это считается синонимом слова «горный таджик». «Горные таджики, или гальча», пишут этнографы, давая этому термину самые разнообразные толкования, под час самого произвольного характера. Так Гребенкин производит его от слова «галл» (хлеб) и переводит «возящий хлеб», потому что, по его словам, у горцев не хватает хлеба, и они ввозят его из соседних областей. Но если у туземцев мало хлеба, то денег у них еще меньше; поэтому, они едят крут, горох, хлебные суррогаты всякого рода, голодают и, бывает, целыми поселками вымирают от голодного тифа, но за хлебом ездят довольно-таки редко, так как даром хлеб раздавали, насколько мне известно, только один раз, во время Анзобской чумы, да и то только на Ягноб. Другое объяснение, более поэтическое, но еще более произвольное, дал Уйфальва: по его словам, «гальча» - это вороны, которых голод загнал в горы. Нам кажется, что не за чем трудится придумывать объяснение слову, которое целиком имеется в таджикском языке (фальгарском наречии) и значит: «чужой посторонний». Составилось оно, по словам туземцев, из «гались» и «ча», что значит «говорящий грубо»; при дальнейшем развитии слово это получило свой настоящий смысл: оно носит тот оттенок, который грех вкладывать в слово

«варвар», - несколько обидный, презрительный оттенок. Таким образом термин этот носит тот же собирательный характер, что и термин «таджик» в былое время. Для самаркандца, считающего себя «солью земли и святом миру», все горное население уже «гальча». Подымитесь по Заравшану, - за Пенджикентом начинаются уже горы, следовательно, население - горные таджики или гальча. Но если назвать какого-нибудь туземца гальчей, он смертельно обидится. Ответ будет у всех один: «мы-не гальча, гальча-это на Ягнобе, это-в Матче, там дурные таджики, а мы - не гальча».

Характерно, что в горах слово «таджик» сохранило еще, по видимому, свой первоначальный религиозный смысл. По крайней мере, в восточном Дарвазе, в Рошане, в Шугнанае нам неоднократно приходилось выражение: «мы недавно сделались таджиками», чем указывалось на их недавнее, сравнительно, обращение в ислам.

Мы видим, что употребление терминов: «таджики» и «гальча», настолько спутано, что, прежде чем перейти к дальнейшему положению, мы должны точно установить, что мы будем называть этими именами. Таджиками мы будем называть племя, населяющее равнины и широкую горную долину Туркестана, племя, обладающее ясно очерченным типом и происшедшее путем того слияния первоначальных народностей, о котором мы уже говорили. Это будет термин этнографический. Что же касается гальчи, то мы объединим этим именем все те остатки прежнего населения, от родства с которыми отказываются сами таджики (хотя до настоящего времени они и носят название «горных таджиков») и отметим, что на основаниях, приведенных выше, термин этот этнографического значения не имеет. Принимая для таджиков вышеуказанное значение, мы видим, что отождествлять горных таджиков с гальчей нельзя; одно из двух: или «таджики»-племя, и тогда гальчи-не таджики, или таджики-термин собирательный, а этого допускать не зачем, раз мы привыкли называть этим именем народ с резко-определенным типом.

Мы уже сказали, что группа племен, которую мы объединяем словом «гальча», содержит в разрозненном виде элементы, из которых, по видимому, сложилась таджикская народность. Антропометрическая работа, которую нам удалось произвести во время пяти поездок в Среднюю Азию (в 1895-1899гг.), дали возможность определить 5 сновных типов, под которые можно подвести горцев того лабиринта, который заполняет юго-восточную часть Туркестана и смыкается с Гималаями.

В этой статье мы косаемся только общих выводов; более детальную разработку и анализ физических признаков населения Туркестана мы отложим до окончательной разработки добытых нами материалов.

1) Племена арабского типа.

К ним относятся туземцы Фанского ущелья (Самаркандская обл.), называющие себя таджиками, говорящие по-таджикски, но сохранившие в достаточной чистоте свой арабский тип и даже свое родовое название: «мы-рода Малика», говорят они. Если мы не ошибаемся, этот род и посейчас есть среди арабов. Тот же род Малика нашли мы в Гиссарском бекстве (Бухарское ханство), в местности Дагана, куда они перешли лет 200 тому назад из Бальджуана; выйдя на более доступную местность, эти Маликэ мало-по-малу начинают смешиваться с соседями-узбеками рода Лакай, и кое-какие монголоведные признаки уже начинают проскальзывать в типе. Но, в

общем, сходство с фанцами огромно: те и другие-высокого роста, стройного, сухого сложения, с сильно развитыми конечностями; кожа-темно-смуглая; волосы-черные, часто волнистые; глаза-с типичным европейским разрезом, темно-карие, под красиво очерченными бровями; правильный нос, очень часто с горбинкой; прямые, тонкие губы; зубы-небольшие, плотные, очень часто стертые от неумеренного употребления сухих плодов.

Третье небольшое племя арабов, сходное по типу с Маликэ, но называющее себя арабами (курайшиты), находится в долине р.Ег-су. Эти арабы отступили в горы под напором тюрков уже в новейшие времена и не принадлежат к древнему населению Туркестана.

2) *Племена европейского типа.*

Этот тип пользуется значительным распространением. Афганцы прямо признают свое европейское происхождение, но о них мы говорить не будем, так как наши намерения авганцев носят весьма случайный характер и не дают нам права говорить о всех племенах, говорящих языком «пушту». В собственном Туркестан отдельная община с ясно выраженным европейским типом встречаются во многих местах как Зеравшанских гор, так и Гиссара, Каратегина. Особенно ясен этот тип в верховьях Зеравшана, в Матчинской волости, Самаркандской обл, но нигде он не выражен с такой силой и полнотой, как в Язгулоне, в восточном Дарвазе. Местность эта настолько интересна, что мы позволим себе остановиться на ней несколько подробнее.

Долина р. Язгулона (одного из правых притоков Пянджа, верхней Аму-дарья) лежит между Ванжем и Рошаном. Население ее в среднем течение-таджики, в нижнем – особое племя – язгулон. На первый взгляд кажется странным, что верховье и среднее течение реки заняты таджиками, а низовья язгулонами, представляющими, несомненно, остатки значительно более древнего населения. Объясняется это тем, что таджики двигались по караванному пути, идущему через эту долину из Рошана в Дарваз, через кишлак Андергоб на перевал Хушкан с одной стороны, и Шид-ок-ба-с другой. Здесь-то, около дороги, и осели таджикские переселенцы, которых ничто не манило в низовья реки. Не могла привлечь их туда почва, скудная, заваленная обломками скал (вследствие многочисленных, частых обвалов); не могла особенно привлекать и близость авганской границы; да, наконец, немного переселенцев и выслала сюда Средняя Азия. Большая часть их оседала раньше, в более счастливых местностях, а большая часть тех, которые доходили сюда, предпочитала идти дальше, пробиралась в Чихраль, Индию или богатый Бадахшан. В течение 8-9 месяцев в году, когда перевалы закрыты, отрезанные от сообщения с окружающим миром, язгулонцы были в значительной степени гарантированы от всякого рода беспокойств. Звон оружия, в течении веков раздававшийся в равнинах Туркестана, не долетал сюда. Этой бедной страны не надо было никому, - соседи их не трогали. Таким образом они были совершенно ограждены от смешения, и если язык их принял некоторые таджикские слова, если они пополнили не достававшие у них понятия, заимствовав их у таджиков, то не заимствовали у них крови, и таким путем дошел до нас тот в высокой степени интересный тип, который поражает глаз путешественника в кишлаках Ниж. Язгулона, от Яр-газана до кишлака Mothra, крайнего кишлака в Дарвазе.

Из путешественников сюда, кажется, никто не заглядывал; по крайней мере, ни лингвисты, ни антропологи ничего о них не говорят, да и туземцы Ниж. Язгулома

утверждают, что не ведали европейцев. Причина этого – отдаленность местности от проезжей дороги; если бы перевал Шид-ок-ба не закрылся раньше времени, и нам не пришлось бы, бросив вьюки и лошадей, пробираться в Рошан пешком, по прибрежным скалам Пянджа, вероятно, и мы проехали бы мимо этой интересной местности. Шесть кишлаков заняты язгулонцами. Сакли, сложенные из камней, из обломков скал, без цемента, низкие, закопченные, неприветливые, ютятся на берегу веселой, шутовой речки, почти исчезая в зелени садов, охватывающих поселки. При въезде в кишлаки вас окружает толпа туземцев всех возрастов: дети, совершенно голые, или с легкой опояской у бедер, мужчины в самых фантастических костюмах: то в подобии халатов, из грубой серняги, с головой, обернутой обрезком ткани, то полуобнаженные, с перекинутой через плечо звериной шкурой, с луками в руках; наконец, медленные, важные старики с длиною бородою, с изогнутыми посохами, - настоящие ветхозаветные патриархи. Женщины, в первую минуту скрывшиеся, почти тотчас появляются снова; то там, то здесь вы видите белую или цветную рубаху их, открытая, не лишенная известной-приятности, лица. Они спокойно принимаются за прерванную работу.

Европейский тип выражен у всех с поразительной яркостью. Это тема более интересна, что заподозрить их в семитическом происхождении прямо не возможно. В данном случае нам приходится опереться и на лингвистические данные. Хотя и язык относится к области наиболее неустойчивых признаков, хотя именно в Средней Азии мы находим выразительные примеры этому (арабы и персы, говорящие по-узбекски и совершенно забывшие свой язык), но в некоторых случаях языки являются настолько, если можно так выразиться, первобытными, что заподозрить говорящий на нем народ в взаимствовании является немислимим. Именно таким народом, таким племенем и появляются язгулонцы. Составленный нами краткий словарь их языка передан академику К.Г. Залеману, который сообщил нам пока только общие выводы: наречие это до настоящего времени было неизвестно, относится к восточно-иранским наречиям, к т. наз. Памирской группы языков и, вероятно, близко с шугнанским; наречие во всяком случае весьма древнее. Мы позволили себе привести несколько слов этого наречия, параллельно с шугнанским и таджикским, на которых говорят соседи.

Язгулонское

Питаются язгулонцы плохо: риса нет, даже соли нет. Главное и почти единственная пища-гут (шелковица) и горох, возделываемый в небольшом количестве. Лепешку найти довольно трудно. Чаше на столе язгулонца встретишь мясо, которое добывается охотой; стреляют из своих луков (пряшевитых) туземцы мастерски.

Женятся рано, около 18-20 л., не позже. Девушки выходят замуж очень поздно для Средне Азии, лет 16-20, иногда позже. Кровные браки часты. Мулла явился к ним сравнительно недавно; до тех пор превосходно обходились без него, довольствуясь согласием и благословением родителей. Женщины нисколько не дичатся; жена хозяина даже спала в одной комнате с нами. Женский тип значительно красивее мужского. Значительная прелесть этого же еврейского типа замечается в Рошане и Бадахшане, отчасти и Шугнанае.

3) Племена славянского типа.

К ним нужно отнести часть населения Мея. Каратегина и Дарваза и часть горцев Вахана, в ю. Памирах, Говорят, в Вахия-боло, одной из областей Дарваза, тоже есть

целые поселки горцев этого типа, но нам не пришлось быть там лично. Горцы эти отличаются светло-русыми, довольно часто рыжеватыми волосами, голубыми или серыми глазами и телосложением в высокой степени напоминают наших крестьян-великорусов.

4) *Племена армянского типа.*

На р. Ягноб, Самаркандской области и в Сеа.Гиссари Каратегин, т.-е. по ту сторону Гиссарского хребта.

5) *Племена восточно-иранского типа.*

Которые, по-видимому, принимали наибольшее участие в образовании таджикской народности, пользуются громадным распространением во всей нагорной части Туркестана и относятся к «альпийской части», которая распространена теперь в горах Европы. Наши исследования убедили нас в безусловной связи, по типу, горцев Европы с нашим восточно-иранским типом. Европа и Азия, разделена обширными равнинами России, имеют, так сказать, этапный пункт, в котором естественные условия позволили до настоящего времени удержаться остатками племен, передвигавшихся из Азии в Европу или из Европы в Азию через южные степи. Этот пункт – Кавказы, и несомненно подробное антропологическое исследование племен, населяющих его горный лабиринт, позволит нам со-временем связать в одну семью народов Азии и Европы немонгольской крови. В данном случае промежуточное звено между горцами восточно-иранского типа и горцами альпийского типа Европы уже найдено, это-осетины. Выводы антропологии подтверждает и лингвистика. Осетинский язык, по заключению акад. Залемана, близко подходит к языку ягнобской гальчи, являющейся одной из наиболее ярких народностей вост.-иранского типа. К этой ягнобской гальче мы теперь и перейдем.

Несколько лет тому назад Ягноб-узкая долина между Гиссарским и Туркестанскими хребтами, на границе Гиссара, была совершенной почти terra incognita, и только чума, появившаяся в 1898 г. в одном из ее кишлаков (Анзоб), доставила ей известность. До этого времени он почти не посещался путешественниками; даже местная администрация заглядывала настолько редко в эту, правда трудно доступную долину, что ягнобцы до чумы считали себя независимыми. Мне пришлось быть в составе чужого отряда на Ягнобе, и туземцы, знакомые мне по прежним поездкам, засыпали меня вопросами, что они уже давно русские подданные, они недоверчиво щелкали и не слишком верили этому.

Невесела долина Ягноба-узкая, сдавленная горами, сложенными преимущественно из слюдяных сланцев, являющихся то в виде мощных кристаллических слоев, то в виде мощных кристаллических слов, то в виде разрушенных, разбитых на плитки обвалов. Изредка-выходы известняка; на среднем течении р. Ягноба, у кишлака Петит, мы наблюдаем мощное развитие глин; окрестности Анзоба сложены из конгломерата. В горах есть каменный уголь, квасцы, гипс. Растительность не богата. Засеяны поля, которые, впрочем, нежно, сменяются иногда небольшими рощами фисташковых деревьев или берез и дикой вишни; впрочем последнюю даже и деревом нельзя назвать, так как верхушки их ствола доходит до колен всадника, не выше. Много барбарису, как вообще всюду в горах. Шиповник местами образует густые заросли, через которые с трудом пробирается лошадь. Но все это не может сгладить общего характера долины, который остается печальным и угрюмым.

Общая мрачность поддерживается и тучами, которая почти постоянно висят над Ягнобом.

Лингвисты узнали о гальче Ягноба раньше антропологов. Акад. К.Г.Залеман определил, что язык ягноба – «ягноби», как говорят лингвисты, - распадается на два наречия. Оба они относятся к группе памирских языков и оба являются изолированными от остальных наречий Рошана, Шугнана, Вахана и др., имеющих известную связь между собой. Ближе всего эти наречию, по заключению г. Залемана, подходят к осетинскому языку 1)снос.

Выводы лингвистики совпадают в данном случае с выводами антропологии: и в антропологическом отношении наблюдаются два типа – вост.-иранский и армянский, из которых один преобладает на правом, другой-на левом берегу реки. Армянский тип-высокого роста но слабого сложения, брахицефал, с громадными и в большинстве случаев кривыми носами, с резко вырезанными ноздрями, овальным лицом, густой, темной, слегка курчавой бородой, покрывающей все лицо до самых глаз, густыми сходящимися бровями, нависшими над темно-карими глазами, крупным ртом и обильный растительностью на теле. Вост.-иранский тип-малорослые, очень темно-смуглые, с круглым, почти квадратным лицом, густой растительностью на теле, брюхи-или ультра брахицефалы, с низким лбом и сильно деформированным черепом, темно-карими глазами. По измерениям, они ближе всего подходят к таджикам, и наиболее выраженные типы вполне совпадают с измерениями таджикского черепа Топинара и очень близки к черепам Макшеватской пещеры. Измерения туземцев вост.-иранского типа очень близко подходят также во многих случаях к измерениям осетин Терской области, произведенным Н.В.Гильченко. Но нам кажется, что установление родства двух народностей на основании антропометрических измерений, особенно не слишком многочисленных, настолько дело рискованное, что мы ограничимся здесь пока только указанием на видимую связь осетин с восточными иранцами, а окончательный вывод отложим до того времени, когда нам удастся детальнее разработать добытый нами материал.

Условия жизни в обеих группах одинаковы. Уже самый вид ущелья, в котором лепятся их норы, так как жилищами нельзя назвать эти кучи камней, с отверстиями, ничем не прикрытыми, которые служат и дверями и окнами, с низкой дымовой трубой, сложенной из плиток сланца, и кусками кизяка, наклепанными на стены сакель, - уже самый вид ущелья яснее слов говорит, что ягнобцам живется не сладко. Ягнобский хлеб содержит до 70% примеси гороха и сорных трав. По наружному виду это какие-то кирпичики: землистого цвета-ржаные, и пепельно-серые-пшеничные. Мука похожа на персидский порошок. Но и такого хлеба не хватает. Здесь царство хлебных суррогатов. В большом ходу мука из ягод тута, где он есть. Важнейшим суррогатом хлеба, как и вообще в горах, является горох различных сортов: маш (*Phaeolus mango*), мульк (*Pisus Arvensis*), лодий (*Dolichos Monachalis*). Но и гороха не хватает, приходится примешивать сорные травы, единственно, в чем кажется, нет недостатка на Ягнабе. Немногочисленный, чахлый рогатый скот, который мы встречаем на Ягнобе, пожалуй, спасает ягнобцев от голодной смерти. По крайней мере, здесь за падежом скота всегда следуют повальные болезни. Молоко в разных видах-кислое или в виде грута (подобие сыра)-составляет ежедневное меню туземцев. Молоко входит во все почти национальные кушанья ягнобцев: «сиюк-ош» болтушка из муки с маслом или молоком, «аш-арт» - лапша,

которую подают обыкновенно у более зажиточных, как и «умач» - суши с шариками из пресного теста. Обыкновенное же питание бедных туземцев - «крут-об» - вода, в которой размешан истолченный крут. Жаркого вы почти не увидите. Янгобцы - вегетарианцы поневоле. Смотри на янгобцев, приходится изумляться, до чего человек может сократить свои потребности.

Одежда их примитивна и от одежды других горных племен почти ничем не отличается, разве те же, что они носят круглые тюбетейки, а не остроконечные: а то те же сермяжные, домашней тканей армяки-халаты, горные мягкие сапоги-мукки, белье, тоже домашнего производства, шаровары-вот и весь костюм. Чалмы не носят, за редкими исключениями.

Они считаются мусульмане; у них даже есть мечеть, но нам ни разу не удалось видеть ягнобца на молитве. Единственное, во что они твердо верят, насколько нам удалось убедиться, это в «албаста» - горных духов, живущих обыкновенно в ущельях, но с большим удовольствием поселяющихся и в домах. А если албаст заберется под кровлю, выжить его оттуда очень трудно; поэтому ягнобцы принимают меры предосторожности: у дверей вешают пучки васильков, или жженую тряпку, или, наконец, старый женский башмак это считается достаточным, - ни один албаст не пойдет. Следов поклонения огню у них не сохранилось.

На Ягнобе не слышно песен, которые так любят все среднеазиаты. Тяжелая жизнь сделала ягнобцев сумрачными и сосредоточенными, но выработала в них такую энергию, что невольно проникаешься к ним уважением.

Брак, конечно, свободный и большею частью обходится без участия муллы. Калыма или нет, или он ничтожен. Рождаемость очень мала, что, по видимому, стоит в связи с плохим питанием. Смертность детей до 70%. Впрочем, нужно утешаться тем, что и в равнинном Туркестане она доходит до 58%. Не мудрено поэтому, что ягнобцы вымирают и, вероятно, близко то время, когда в долине не останется и следов этого интересного племени.

По ту сторону Гиссарского хребта, ограничивающего Ягноб с юга, лежит Гиссар и Каратегин, северные ущелья которых населены племенем, сходным по типу с ягнобцами, но говорящим уже по-таджикски, по крайней мере в тех местностях, которое удалось нам посетить. Жизнь и здесь носит тот же характер: та же бедность, тот же недостаток земли. В одном из кишлаков, недалеко от Пакшивского перевала, у населения только маленький клочок земли годен для обработки; право возделывать его переходит поочередно ко всем членам общины: один год им владеет одна семья, другой год-другая. Старшина этого селенья говорил мне, что ни один год не обходится без резни за этот клочок, и целые семьи гибли, отстаивая свое право на возделывание его.

Второй большой областью распространения названного вост.-иранского типа будет прибрежная полоса Дарваза от Кала-и-Хумба до Ванжа. Местность эта пользуется во всем Туркестане громкой известностью: добрая половина среднеазиатских легенд приурочена к Дарвазу, а добрая половина дарвазских легенд - к столице Дарваза, Кала-и-Хумбу. Город этот, с пятью прилегающими к нему селениями, лежит в глубокой котловине, на самом берегу р. Пянджа, у впадении в нее р. Хингоба, (видимо Хумбов) на афганской границе, и со всех сторон замкнут высокими горами. Название свое он получил в XVI в., во времена правления Дарвазом Кыргыз-хана, наместника эмира Абдулла-хана. «Кала-и-Хумб» значит «крепость-котел», и назван так или вследствие положения своего в котловине,

или, может-быть, как уверяют туземцы, потому, что в нем нашли сохранившийся и до теперешнего времени, вытесанный из гранита, котел работы, как говорят, сподвижников Александра Македонского, нашедших себе убежище в Зиндане Хазрата Сулеймана, как называют горцы Дарваза за его недоступность и данную природу. Город весь потонул в садах Шелковица, абрикосы, вишни, сливы, груши, яблони перемешаны с кленами, серебристыми тополями, ивами, ясенями, орехами. Еле-еле видны из-за стены густых деревьев плоские крыши домов.

Что касается населения этой котловины, то этнограф встречает здесь загадку, разрешить которую почти невозможно. Мужчины – низкорослые, смуглые, некрасивые, с могуче-развитой грудью, сильной мускулатурой; глаза – карие, волосы – темные, - словом, тот же вост.- иранский тип, о котором мы уже говорили. К этому же типу принадлежит и часть женщин. Но рядом с этим некрасивым типом попадаются образцы такой дивной женской красоты, какой нам до того времени видеть не приходилось. Есть там несколько семей, в которых женщины – высокого роста, очень стройные, прекрасно, пропорционально сложенные, с роскошными шелковистыми иссиня-черными волосами; очень темные глаза, несколько продолговатым зрачком, брови выгнутые, не сходящиеся, довольно густые; профиль – прямой, классический; небольшой рот и, что всего удивительнее, кожа молочной белизны, хотя лиц они не закрывают. Сходство между всеми теми женщинами, которых нам удалось видеть, поразительное, - точно сестры. Все, что нам удалось узнать об этих странных женщинах, сводится к следующей легенде. В давнее время на том месте, где теперь раскинулся Кала-и-Хумб, жило семь горных духов – дивов и их сестра пэри. Сначала местность эта была дикой и непроходимой, но дивы редко возвращались без добычи, - они приводили с собой рабов, и руками этих рабов очищена была от камней бесплодная до той поры почва долины; они же засадили ее деревьями, по указаниям пэри, и таким образом явились те сады, которые не даром носят название райских. Великий Али, блуждая по горам, попал случайно в эту райскую долину. Увидел он волшебные сады, увидел павлинов, которых нет нигде в Туркестане, кроме Кала-и-Хумба, увидел и пэри, перед красотой которой, как уверяют Дарвазские певцы, расцветали розы и таяли ледники. Полюбилось могучему пророку место, но больше всего полюбилась сама пэри. И пэри приглянулся статный богатырь. Стал Али поджидать дивов, которые улетели в то время за добычей. Один за другим возвращались они и вступали в борьбу с пророком. Семь страшных поединков выдержал богатырь, но в конце концов все семь дивов сдались на милость победителя. Явился откуда-то мулла, без которого не могут обойтись современные рассказчики Дарваза, и брак пэри с Али состоялся. От этого-то брака и произошли те чудные красавицы, о которых мы упоминали. Остальное же население Дарваза происходит от рабов, которых привели в свое время дивы. Как потомки святого и пэри, женщины эти, по словам туземцев, одарены сверхъестественной силой. Они по временам исчезают куда-то, - их уносят духи, и возвращаются иногда через несколько месяцев. В Тальборе (в Дарвазе), где старшина женат на женщине из такой семьи, наблюдался целый ряд таинственных явлений. Вещи, подаренные ею разным лицам, незримой силой переносились из самых отдаленных кишлаков опять в Тальбору, в ее дом и. т. п. Нам не удалось ближе определить тип этих таинственных женщин: об измерениях нечего было и думать. Может-быть, в них есть греческая кровь. Но каким образом

тип этот передаётся только женскому поколению-пока остаётся неразрешимой загадкой.

Тип «потомков рабов» сохраняется и в долине Пянджа, в прибрежных селениях. Дарваз – страна контрастов, и за райскими садами Кала-и-Хумба идут безжизненные, опаленные солнцем скалы, сменяющиеся, впрочем, довольно часто рощами деревьев и кишлаками, утопающими в зелени. Летом население этих кишлаков не живет в саклях, - душно; горцы строят над горными потоками, которые встречаются здесь в изобилии, легкие беседки из прутьев и спят в них.

Достигнув долины р. Ванжа, вы попадаете в царство зоба, центром которого является Кала-и-Ванж, - в нем до 94% население зобатое.

Зоб, распространенный во многих местностях Туркестана, по сию пору представляет загадку для врачей и антропологов. Он встречается и на высотах (Квито), и в низменностях (Ломбардия). В Туркестане центрами зобатости является г. Коканд, кишлак Дагбид (в Самаркандской обл.). Аксу, кишлак Постама, в 24 в. от Яркенда, Каргалык; наконец, нам пришлось наблюдать зоб у таджика Фальгарской вол., в кишлаке Урмитан, но это был случай единичный. С особенной же силой развит он здесь, на Ванже, в Дарвазе.

Чем объясняется заболевание зобом? Этот вопрос остаётся по сие время открытым. Плиний объясняет его употреблением снеговой воды; интересно, что туземец из Урмитана объяснял свою болезнь тем-же: на охоте, разгоряченный, он напился снеговой воды. Такого же мнения туземцы Верхнего Ягноба, которые предупреждали нас чтобы мы не пили воды Кумбеля (правого притока, образующего после слияния с Барзанги р. Ягноб), берущего начало из большого снежника, так как вода это дурная, от нее зоб делается. Между туземцами Ягноба, впрочем, зобатых нет. Другие приписывают развитие зоба особым миазмам или гипсу, взвешенному в питьевой воде, или присутствию в воде известных водорослей. Многие, наконец, видят в зобе признак физического вырождения. Зоб в Туркестане, не разрешая загадки, дает все-таки возможность сказать с уверенностью, что считать зоб признаком физического вырождения нельзя. Среди зобатых равнинного Туркестана кретины составляют исключение. В Ванже многие зобатые имеют признаки вырождения; по расспросам выяснилось, что заболели они в возрасте от 3-6 лет, а появление опухоли, которая зачастую, как нам пришлось видеть у многих детей, заставляет их держать голову запрокинутой назад, не может не отразиться на развитии их организма. Те же, у которых зоб развился в период возмужалости, сплошь и рядом являются совершенно нормальными субъектами. Еще одно обстоятельство, в высокой степени любопытное, встречаем мы в Восточ. Дарвазе; Калаи-Ванж, столица зобатых, лежит на обоих берегах Ванжа; на правом берегу почти поголовный зоб, а на левом ни одного зобатого. Причину этого найти нам не удалось. Из осмотренных нами 58 зобатых в Калаи-Ванже у 35-ти зоб или от рождения, или начал развиваться в самом раннем возрасте, около 3 лет и все они в изобилии имеют признаки физического вырождения; уплощение раковины, которое, впрочем, весьма обычное явление во всем Дарвазе, как приращение сережки, *torus platinus* и т. д, наблюдается почти у всех. Дряблость кожи на лице, плечах и верхней части груди безусловно стоит в связи с зобом. Зоб равномерно развит или сильнее развита правая половина. У зобатых этого типа волосы очень редки и их очень мало. У остальных 23-х зоб развился между 20-30 годами и как мы уже указали, впечатление кретинов они не производят, хотя между ними встречались субъекты с

опухолью до 90 с. в окружности. Причина заболевания по всей вероятности в воде источников. По крайней мере у семейства бухарского чиновника, который был за три месяца до моего приезда переведен туда, уже через 6 недель появились признаки зоба, и теперь его жена и дети обладают уже весьма солидными зобами.

Что же касается типа горцев Ванжа, то они подходят общему типу дарвазцев хотя окраска волос и глаз светлее. Их можно охарактеризовать следующими словами; низко-рослые (1570 мм.), крепко сложенные; лоб - не высокий, с сильно развитыми лобными буграми и еле намеченными лобными дугами; брови - темно-русые, довольно редкие не сходящиеся, прямые; нос - толстый, короткий, сильно вздернутый, с толстыми, резко вырезанным ноздрями; рот - крупный, часто неправильный; губы - толстые; волосы - почти черные у нормальных; русые и рыжеватые у вырождающихся субъектов; глаза - серовато-карие; скулы не выступают; аномалии ушей часты; черепа деформированы у всех поголовно; уплощение затылка - то общее, то частное.

Мы уже упомянули, что восточно-иранский тип, по-видимому, лег в основу таджикской народности. Но остальные племена, особенно арабского и еврейского типа, влили часть своей крови в жилы таджиков. Только славянский и армянский типы стоят как-то особняком.

Наиболее древними из этих племен гальчи мы склонны считать язгулонцев и ягнобскую гальчу, - племена, сохранившие в полной чистоте как свой тип, так и свои наречия. Во всяком случае, все эти осколки горных племен имеют значительно больше прав на титул аборигенов страны, чем таджики и мы уверены, что дальнейшие исследования укрепят окончательно положения, которые мы позволили себе здесь высказать. Но что приводит нас в легкое смущение, - это то что все наши вышеприведенные типы - брахицефаличны. А между тем черепа, добытые из древних могильников, выброшенные из озера Иссык-Куля, наконец найденные недавно в Ранг-кульских пещерах на Памирах, в высокой степени древние черепа или долихоцефаличны или выказывают сильное стремление к долихоцефалии. Куда же девались эти долихоцефалы? Они исчезли, растворились в массе брахицефальных типов, и только жалкие остатки их уцелели, - это негроидный тип, носителями которого является бродячее племя афганских цыган - люли и который очень нам посчастливилось наблюдать в Гиссарском бекстве. Кофейно - коричневая кожа, шапка курчавых жестких волос, низкий лоб, короткий, очень широкий нос, приплюснутый, с мясистыми ноздрями, толстые, вывороченные губы, оттопыренные уши - настолько сближают этот тип с неграми, что в первую минуту не веришь своим глазам. Они долихоцефальны и затылочная кость их совершенно негрского типа. По всей вероятности, их можно связать с племенами дравидов Индии и есть основание предполагать, что именно они и относятся к наиболее древнему населению Туркестана, что согласуется с некоторыми средне-азиатскими легендами, утверждающими что во время оно население Туркестана, было чернокожим.

Вот в общих, грубых чертах те выводы к которым привела нас довольно поверхностная пока разработка добытых нами материалов. В недалеком будущем мы постараемся подтвердить вышеприведенные положения детальным разбором физических признаков каждой из указанных нами групп.

СЕМЕНОВ А. А.* ГОРНЫЕ ТАДЖИКИ¹

Туземцы, населяющие описанные нами горные области, называют своих предков одним общим именем «оташ- параст» т. е. огнепоклонники, чтители огня, и в горных кишлаках поныне еще можно услышать, как воспоминание о невозвратной седой старине, имя древнего пророка Зардустра или Зардушта, смотря по произношению и поныне еще рассказываются легенды о всемогущих мудрых мугах, священно служителях чистейшей из стихий, огня.

А так как религия Зороастра возродилась среди иранцев и была религией, насколько известно, по преимуществу иранских племен, то едва ли мы ошибемся, если признаем настоящих обитателей упомянутых стран за иранцев. В этом, кроме того, нас убеждает и их язык, более старый, чем тот, которым говорят современные персы, отличающийся от последнего особым произношением и очень многими архаичными формами.

Все предания туземцев относительно переселения их в горы сводятся к тому, что они прошли с равнин древней Согдианы и Бактрианы, т. е. с современных Приамударинских оазисов. Именно, все туземцы Заравшана, Каратегина и отчасти Дарваза говорят, что их предки пришли сюда то из под Самарканда, то из Бухары, по всему же Дарвазу единогласно повторяется молва, что населения этой области пришло в горы «с р. Ях-Су, с равнины близ Куляба». Указывается при этом и самый путь переселения. Так, в очень многих кишлаках восточного Дарваза нам передавали, что предки теперешних горцев пришли с р. Хингба, куда переселились с р. Ях-Су. Обитатели долины Ванджа говорили, что их долина заселена недавно, лет сто тому назад, выходцами с Хиногба. Это переселения, заметим, на Вандж с Хингоба продолжается, вероятно, и до сих пор: нам здесь приходилось встречать много туземцев, которые родились в долине Хингоба и недавно переселились на Вандж. Туземцы Дарваза по Пянджу передавали, что их отцы заселили правый берег реки, когда левый был занят, и пришли сюда из долины Хингоба, туда же переселилась с Ях-Су. Предания о переселениях с Ях-Су встречаются местами и по кишлакам Каратегина.

Но едва ли мы ошибаемся, если признаем, что долина Ях-Су, играющая такую видную роль в переселениях горцев, была только широкой и удобной дорогой, соединявшей низменность с горными странами, а не первоначальными исконным отечеством переселенцев. На эту мысль наводит и то обстоятельство, что собственно не долина р. Ях-Су упоминается в народных преданиях, а р. Ях-Су вообще: это иногда как бы поясняется словами: «с равнины близ Куляба». Речь идет, очевидно, не только о долине Ях-Су, а о всей низменности, по которой течет Ях-Су, подразумевается вся обширная кулябская провинция в Равнине Бухаре, весь Хоталан восточных писателей.

*Семенов А.А., известный советский учёный, ориенталист. Первый директор Института истории, археологии и этнографии Таджикской ССР.

1. Семенов А.А. Горные таджики. // Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. 1903.

Чем было вызвано это переселение – по этому поводу можно только строить догадку. Возможно, что в горы уходили различные беглецы, спасавшиеся то от нашествий «туранцев», то от неудержимого потока арабских завоевателей, то от меча монголов и, наконец, можно допустить что сюда бежали очень многие пострадавшие и измученные в беспрестанных войнах различных Тимуридов, Шейбанидов и прочих без покорных владетелей Маверан-ахра.

Все населения горных областей в верховьях Окса, также как и иранское население равниной Бухары, называет себя таджиками. Что значит это слово, об этом, кажется, ничего достоверного и определенного до сих пор не сказано. Хотя привести здесь предположения некоторых ориенталистов и путешественников на этот счет вообще не мешает.

Так, А. Вамбери в своих «Очерках Средней Азии»¹ говорит о бухарских таджиках, что если они когда наказывают желание чем-нибудь похвалится, то обыкновенно с гордостью указывают на свое арабское происхождение², но тут же делают оговорку, что «неосновательность этого уверения уже доказана Ханыковым» и приводят мнение последнего, по этому поводу.

Именно покойный Ханыков в своих (Memoires sur l'ethnographie de la Perse³) производит слово таджик от слова тадж, что значит корона, а также головной убор огнепоклонников, который до сих пор носят гебры. Поэтому таджик, по его мнению, есть название, которые мусульмане, во времена завоевания персидского царства, дали последователям Зороастра, а может быть последние и сами называли себя так. На гузнарешском же языке слово таджик или тазик и персидское тази, означающее араба, не имеет с первым ничего общего.

Обычное филологическое толкование слова таджик производит последнее от слова тай (طى) означающего название арабского племени, жившего во времена Сасанидов рядом с персами. Последние называли представителей этого племени таджиками. Позднейшего форма окончания этого слова находится, например, в слове Рейзер (رى زى) уроженец, житель города Рея. Это зей (زى) соответствует древнему джик. Во времена же арабских завоеваний персы стали называть арабов и вообще всех мусульман таджиками.

В толковом словаре персидского языка «Семь морей» (هفت مارم) слова таджек, тазик и тазек (تازک، تاجک، تازیک) означает каждого, не принадлежащего к тюркской и арабской национальностям, кроме того, этим словом обозначаются также те потомки арабов, кои родились и выросли в Персии.

То же самое объяснение слова таджик или таджик находим в другом словаре персидского языка, «Борханя-Кате». По словарю же «Фарханга-Джихангири» таджиками называются все кроме тюрков⁴.

Л. Будагов в своем «Сравнительном» словаре турецкого- татарских наречий⁵ на ряду с другим толкованиями этого слова, говорит, что слово таджик (تازیک تازیک) или (تاجک و تاجیک) уменьшительное от тадж, корона, венец. Это название давалось древними турками монголами всем мусульманам, жившим на их землях, исключая

1. Изд. 1868 г. Москва

2. Т.е. Вамбери имеет в виду, что таджики Бухары производят самое название от слова тази, что по-персидский значить араб

3. Изд. 1866 г. Париж

4. Изд. В 1230 г. Хиджры. Лукнов (Индия). В 7 томах.

5. В словаре «Семь морей» (т. 1, стр.226) под словами تاجک تازک تازیک читаем следующее

соотечественников т.-е. иностранцам, жившим в городах и деревнях, но не принадлежавшим к поколениям номадов: в особенности же так называли персиан, цари которых носят корону (персиане в прежнее время носили, и теперь дервиши носят, островерхие колпаки в виде короны).

Наконец, древними армянскими писателями словом тачик обозначались аравитяне и вообще мусульмане, а тачкастаном (т.-е. страной тачиков) назывались Аравия и Азиатская Турция¹.

И поныне еще словом таджик армяне Западной Азии называют мусульман но только между собою, по секрету, как бы в насмешку².

Кроме того, словом тачик некоторые из малоазийских турок (лично нам по крайней мере приходилось это слышать трапезундских турок) называют ренегатов из христиан, принявших мусульманство.

Слова сарт и гальча³, обозначающий в равнинах те или другие народности и стол, часто встречающиеся в различных сочинениях о Туркестане, в горах неизвестны. Кроме как таджиком, горец себя иначе не называет.

Разделение на племена, которые существуют, например, у тюрков, афганцев и других соседних народов, у горных таджиков, по-видимому, совершенно нет. Правда, нам пришлось слышать в кишлаке Япуч (у перевала того же имени из долины Сурхоба в долине Хингоба), что местные таджики называли себя «таджиками-чагатай», причем прибавляли, что весь Дарваз населен ими. Действительно, потом привелось это название раза два-три услышать еще в некоторых кишлаках за Япучем к Дарвазу. Кроме того, по свидетельству некоторых путешественников по Туркестану (наприм. Проф. Яворского, г. Барщевского и друг.), во многих местах Зарафшанских гор местные таджики будто бы называют себя «македони», считая себя потомками оставшихся здесь войск Александра Македонского. Хотя лично нам во время нашей поездки по Заравшанским горам справедливость этого показания не удалось, подтвердить, несмотря на всевозможные расспросы, но, во всяком случае, названия «чагатай»⁴ и «македони» суть название единичные, не встречаемые в прочих местах горных областей; на основании их предполагать о делениях на племена было бы довольно рискованно.

1. Том I, стр.330.

2. См. «Историю Армении Монея Хорсис», перев. Н.О. Эмжна. Изд. 1893 г., Москва . Стр.124 текста и стр. 264, примечание 369

3. См А Вамбери «Очерки Азии», срт. 328.

4. Сартами называют все вообще оседлое население Средней Азии. Это название особенно распространено среди русских живущих в край. Каждого туземца, будь то таджик или узбек, русский без разбора называет сартом. Киргизы зовут сартами всех тех своих соплеменников, которые бросили кочевой образ жизни и стали заниматься земледелием на оседлыми таджиками и узбеками которые у киргизов тоже сарты. Оседлые же узбеки сартами называют смешение таджиков – тюркское население некоторые мест Средней Азии (напр. Хиви Фаргани и другие), которые говорят тюркским языком с громадною примесью персидских слов, у кочевых узбеков слово сари, по виду, имеет другое значение помню, кем пришлось однажды вечером возвращаться с развалин Термиз в Патта-Хисар вдвоем с узбеком-кочевником из племени Дурвал. Случайно в разговоре пришлось его спросить, знает ли он таджикский? Узбек отвечал, что он сарт. Когда я его попросил объяснить что это значит, он ответил мне до словно следующее : сарт по – узбекски означает того человека, который не кикого другого языка, кроме своего родного, не знает (сарт узбек).

Гальчею называют преимущественно гаражан Самарканда и Бухары, а также и других городов равнины всех вообще горных таджиков. Значение слова гальча, до сих пор, кажется, невыясненной. Объяснение Реклю по Фелченку Ujfalvi и Vule), что это слово значит «несчастливая ворона» (Corbeau famillie) довольно подозрительно... по высшем упомянутому словарю «Семь морей» старо-персидское слово гальча (گالچا) значит : мужик не селянин грабитель зобулдкия Т. 4-й., стр. 32-я.то же самое читаем и в вышеназванных словарях: «Бархани – Кате».

Подобные названия отдельных общин скорее указывают на то, что кроме иранцев в местных горах укрылись еще и другие народности, потомки которых своими прозвищами присоединяемыми к общему имени всего населения гор, «таджики», намекают на некогда здесь господствовавшую обособленность иноземщины.

Преобладающими внешними признаками горных таджиков служат: средний рост, крепкое телосложение без особенной худобы и толщины, руки, ноги мускулистые, сильные глаза серые или карие темно-русые волосы на бороде, усах и голове, нос прямой или с едва заметной горбиной, губы умеренной толщены и умеренно окрашены, кисти рук пропорциональны росту, ступни ног также. Наряду с этим очень много встречается туземцев чисто семитического типа. Особенно в Зарафшанских горах, Каратегине и в низовьях долине: Хингоба много кишлаков, в которых замечается большое обилие арабских и еврейских физиономий. Те же крючковатые или прямые носы, изогнутые брови, подчас глубоко сидящие глаза, подернутые каким-то масляным блеском, густые черные волосы на голове, в бороде, усах. Часто встречаются волнистые, густые бороды, начинающиеся прямо ое висков, как традиционные пейсы сынов Израиля. Цвет лица у представителей этого типа смуглый загар лица довольно сильный.

Кроме того, в каждом почти кишлаке можно встретить несколько человек, внешность которых резко отличается от остальных их соплеменников. У этих, при преобладающем среднем росте и крепком телосложении, цвет кожи белый, с легким румянцем, густые волосы на голове, бороде и усах-белокурые или рыжие; нос и губы умеренные: глаза голубые, синие или серые. Это белокурые и рыжеволосые представители местного населения весьма напоминают своими типичными чертами население наших великорусских губерний и германской низменности.

Не мало также встречается и так называемых смешанных типов, среди которых попадаются личности то высокого роста, то совсем низкого, при этом, разноглазые (по цвету глаз) и разно волосы, т. е. волосы на голове черные, а борода и усы белокурые, темно-русые или рыжие, и наоборот.

К этому типу надо также отнести нередко попадающихся субъектов с удивительно облагороженными чертами лиц, с античными профилями, с шелковистыми мягкими волосами, матовым оттенком кожи и длинными, служивающимися книзу, пальцами рук.

Красною нитью проходят через все разнообразные типы горных таджиков немногочисленные представители одной расовой особенности, отличающиеся от прочих слишком смуглым цветом тела, отливающим чернотой, черными, отчасти курчавыми волосами, дикими, сверкающими глазами и выдающимися челюстями с крупными мясистыми губами. К этому еще следует добавить низкий лоб, широкий, как бы приплюснутый нос, тяжелое, угловатое телосложение, по-видимому не особенно крепкое, скорее слабое и хилое.

Ко всем перечисленным внешним признакам следует добавить еще полнейшее отсутствие тучности.

Упитанного, раздобревшего горца-таджика не встретишь, хотя с другой стороны не увидишь и той чрезмерной худобы, которой наделены очень многие персияне.

У этих по большей части невысоких, но крепко сложенных людей нет и тех разнообразных оттенков голоса, какие существуют у их равнинных одноплеменников. Самый характеристический голос горца-невысокий тенор или баритон, голоса же хриплые, звонкие и пискливые встречаются редко. Басонные

густые голоса составляют, по видимому, явление исключительное: за все время нашей поездки по горным кишлакам нам пришлось слышать голос подобного тембра, насколько помнится, только раз.

При мягком грудном голосе средней высоты горцу присуща манера медленно, неспешно ходить. Своей спокойной походкой горец проходит без отдыха по несколько десятков верст в день не чувствуя особенной усталости. Выносливость его в этом случае подчас бывает поразительна. Пройти верст сто в день без передышки по каменистым горным дорогам и обрывам для горца самое обыкновенное дело.

Помню, как в Заравшанских горах, когда мы были на берегах озера Искандер-Кула, к нам явился вечером туземец из кишлака Якка-Хона, по имени Соле¹, старый знакомый гр. Бобринского по прежней (в 1895 году) подъездке на Памир. Как оказалось, он в этот же день, на разевать, вышел из своего кишлака и весь утомительный горный путь вдоль рассвете стремнин по крутым подъемам и спускам, сделал пешком, пройдя в этот день верит и на пути перевалил в долину р. Пасруд через трудно проходимый перевал Барщенского (на высот 11.700 фут.) под озеро Кули-Калень. Па перевал Соле только раз и отдохнул за все время дороги.

Другой случай имел место по дороге между озером Искандер-Кул и перевалом Мура (ведущим в Бухарские владения). мы заметили шедшего впереди нас саженьх в 20 таджика с двумя тяжелыми стегаными халатами, перекинутыми через плечо, и с палкой в руке. Несмотря на то, что наши лошади шли обыкновенным хорошим шагом, мы его не могли догнать, так что он дошел первым до самого места нашей стоянки. При этом оказалось, что это был уже немолодой туземец лет пятидесяти.

Добавьте еще ко всему сказанному большую зоркость глаз, тонкий слух, прекрасно развитое чутье, и вы получите общий набросок горного таджика со всеми типичными внешними чертами, так резко отличающими его от юркого, лукавого и слабо сильного таджика равнины, одним лишь выгодно отличающегося от горца, - своим щеголеватым костюмом, который не чета бедной и незатейливой одежде последнего.

На голое тело горный таджик надевает длинную белую бумажную рубашку (курта), хотя, должны оговориться, в большинстве случаев курта носят только муллы и вообще, лица привилегированные. Почти же весь простой народ надевает вместо рубашки прямо на тело мягкий белый бумажный халат (якта). Как курта так и якта опоясываются грубым шерстяным поясом (миенбанд или фута). На ноги надеваются белые штаны (лозыми), которые прячутся в сапоги (маси или чорук) грубой местной работы, напоминающие бахилы наших крестьян. Такие сапоги шьются обыкновенно из кожи сурка мехом вверх. Часто вместо маси или чорук носят и другую обувь: это муки или кафш. Муки представляют собою сапоги, сшитые из грубой сыромятной кожи (большею частью из воловьей) с голенищами, доходящими до колен. Подошвы таких сапог лодкообразный, расширяющиеся спереди. Кафш – деревянный, на трех ножках, туфли очень похожий на sabot французских крестьян. Он одевает на ногу, уже обутую в мягкие чоруки. И чоруки,

1. Чагатай или Джягиты было, собственно, как сына Чингизхана, управлявшего Среднею Азией с 1222 г. по 1241г. от Р. Х. Джагатайским в восточной и европейской литературах и поныне называется на речи средние – азиатских узбеков.

Вамбери в своих «Истории Бухарь» т. II-й, стр 4-я (говорят, что прежде под именем чагатай подразумевался оседлый, так сказать, образованный турок Трансоксаный.

и муки обувают на ноги, обернутый в портянке (патак), наверхенный только на лодыжки, или же обувь надевается на пестрые узорчатые шерстяные чулки (джуреб). Портянки носят в Заравшане и Каратегин, чулки же - в Дарвазе¹.

Поверх всего в холодное время надевается толстый шерстяной темно серый или черный халат (чапан, чакмин) своего изделия. Часто такой халат, за неимением курта и якта, носится круглый год, надеваясь прямо на голое тело.

Редко бритая голова горца покрыта рваной ситцевой тюбетейкой (токи), более зажиточные и степенные наворачивают на голову бумажную или серую шерстяную чалму (саля).

Этот не слишком затейливый костюм горного таджика равно одинаков и в будни, и в праздники.

Зимним костюмом служит овчинный или стеганный на вате халат, достигающий до колен и опоясанный поясом. Обувь та же, что и летом, остается также и низменная летняя тюбетейка: голова горца привычно и к летнему теплу, и зимним холодам. Лишь на перевалах через горы, да на охоту за горными козлами, когда в снегах приходится проводить много времени, туземец, надевает широкие, из грубой шерсти, толстые штаны, в которые запрятывается халат, да теплее обувает ноги.

Одежда женщины состоит обыкновенно из длинной рубашки, причем вороты женских и девичьих рубашки, при этом делаются различно. У первых вороты длинным продольным разрезом достигающим до пояса (чтобы удобнее было кормить детей), а у вторых круглые глухие. И те, и другие оторачиваются шелковыми вышитыми оторочками (шерази или курипеш) шириною в вершок или в полтора. Во многих местах подобными вышивками обшиваются и рукава девичьих рубашек; такая и нарукавная оторочка называется «дасмуна». Пожилые женщины употребляют для воротов рубашек простые из черного шелка оторочки без всяких вышивок. На голову молодая женщина и девочки вышивают узкие (в вершок) и не длинной (четвертый в 2-3) вышитые шелком повязки (сарбандик). Подобная повязка накладывается на волосы, концы же ее подхватываются под косу и завязываются. В место чадры служит головная подвязка (пилляги, латси сар или дорой) в аршин шириною аршина два-три в длину. Более зажиточные имеют шелковые повязки, шитые из трех полотнищ, соединенные тонкой, оживной прошивкой. Цвета подобных покрывал различны: у пожилых - темные, у молодых - красивые, бордо и желтые. Женщины из зажиточных семей в праздники и в особо торжественных случаях для закрывания лица употребляют особые покровы (чашбан или рубан), расшитые шелками по бумажной материи. Это принадлежность женского костюма представляет четырёхугольный продолговатый платок (вершков 8 в длину) с мелкими дырочками над глазами и с двумя шелковыми шнурами-кистями вверху для обвязывания ими головы. При этом следует заметить, что подобное лицевое покрывало ныне в таком ходу: прежде по словам туземцев, их носили больше².

1. Сокращение арабского солах (سلاخ)

2. Заметим, между прочим, что такой способ обувания весьма распространенные в Средней Азии, Кавказе, Персии и Афганистане. Именно: патахи носят во многих местах Северного Афганистана, составлен необходимую принадлежность костюма местных туземцев: кроме того, словом патании у азербиджанских тюрок и кавказских татар обозначаются портянки, обертывающие, как наши снучи, всю ступню и голень ноги, а т, что называется у горных - таджиков патаками, у названных народностей известно под именем дуллох (دولوغ) Шерстяные узорчатые чулки носят чуть ли не по всем северным склонам Хиндукуша, Кавказа и почти во всей Персии, при чем из последней страны, именно из Хоросана, сбывается и к приграничным с Персии племена туркмен. Разница между чулками, носимыми собственно в Персии и на

Белые или красивые бумажные штаны (избр), суживающиеся к низу,- неизбежная принадлежность туалета туземной женщины.

Обуви летом- никакой, так как почти всю жизнь таджичка проводит в родном кишлаке, а если и бывает нужно посетить соседней кишлак, то делает это она не пешком, а верхом на осле. Зимой же, при выходе из дома, обуваются либо муки, либо чоруки.

Если ко всему описаному прибавить, что женщины состоятельных семей украшают себя ожерельями (садаф) из раковины и бус, медными и серебряными серьгами (гушабр) перстнями (ангиштарин) и закисями (дастбанд), то понятие о костюме земной женщины будет полное.

Ни мази, ни духи, никакая либо вообще косметическая принадлежность совершенно не известны. При расспросах об этом горцы вопросительно поглядывали друг на друга, очевидно не понимая, что это за вещи. Раз только в кишлаке Пасруд в Заравшанских горах, один из туземцев, служивший джигитом¹ у старшины, оказался знающим что такое духи,.

- А, это знаю, заметил он, о чем вы спрашиваете. Такую вещь привозил старшина для своей жены из Самарканда.

Лишь одна хина (*Belsamina hortensis*) находит здесь, как и в Иране, применение. Все горцы красят ею в день Нау-Руза² ногти руки и ноги; во многих местах эту операцию проделывают и в другие праздники, причем часто красят и концы пальцев, и подошвы ног, и ладони рук. Это — делает ногти и кожу крепкими и блестящими. Волосы же на голове как у мужчины, так и у женщины, хиною, обыкновенно, не красятся лишь головки детей по видимому часто умащаются ею, судя по тому, что редко встретишь только играющих таких, у которых волосы не отливали бы характерным красным цветом.

Кавказе и в Кухистоне, та, что персидские и кавказские чулки едва хватают до половины лодыжек, а вторые настолько длины (особенно шугнанские), что достигают выше колен.

Чаруки или чарики, чароси (рара) также носят на Кавказе и всюду и Персии поселение, при чем этими словами там обозначаются спитый по большей части из сыромяной кожи, без твердой подошвы, туфли, которые завязываются на подъеме ноги тесемками или ремешками. Среди же туркмен Ахал — Тегинского оазиса чаруками называются кожаные сандали, носимые беднейшими людьми

1. Желающих познакомиться с весьма любопытным серьезным орнаменте местных женские покрывал, чулок и различных вышивок, отсылаем к прекрасному труду гр. А. А. Бобринского «Орнамент» Горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухары), Москва 1909 г. С цветными и 15 черными фотографиями работы фот. Павлова.
2. Нау-Руз, Нов-Руз — Новый Год, особенно торжественный праздник, празднуемый всеми современными иранцами в марте месяце.

ШИШОВ.А* ТАДЖИКИ¹

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

О древнейших временах местностей Средней Азии, занятых в настоящее время таджиками, существуют только легендарные сказания. Древнейшими источниками сведений служат индийские и иранские религиозно-этические предание. На них основывается, между прочим, гипотеза, что Памирская высь была колыбелью арийского племени, которое разошлось отсюда в разные стороны. Здесь мы должны обратиться к древнейшему источнику, самой Зенд-Авесте, потому что в ней заключается древнейшее воззрение иранцев на землю и на разделение собственных их областей и частей народа, столь же тесно сопряженное с космологией и религией, как и индийское понятие о земле с религиозным учением Брахманов.

О различии трех упомянутых греками народов - бактрийцах, мидянах и персах, зендские писания еще не говорят: там все эти народы зовутся совокупно арийцами (иранцами) или "ормуздовым народом", земли же их - Ариєю.

Из Вендидата, "Откровения", одного из отделов Зенд-Авесты, обнаруживается несколько довольно важных географических фактов, относительно Ирана и его обитателей².

Эриене-Взедь (Иран-Вейи, т. е. "чистый Иран") было первобытным местом жительства зендского народа, т. е. многочисленного племени, которое потом обитало преимущественно в Согдиане, Бактрии, Мидии и Персиде. Здесь Ормузд впервые собрал живые существа, т. е. здесь люди со своими стадами впервые обратились в роды и составили общины. Тогда царь Джамшид при содействии небесных людей, т. е. родоначальников и предводителей (греческих полубогов), собрал живые существа, т. е. соединил отдельные племена один народ и стал главою народов и стад.

После того Ормузд дал Джамшиду золотой кинжал, лезвие (плуг), символ земледелия, и повелел народ приучать к обработке земли.

Но в Эриене-Взедь вторглась суровая зима. До того, там было 7 теплых и 5 холодных месяцев в году; в Джамшидово время зима распространилась на 10 месяцев, а для лета остались только два (как в настоящее время в Верхней Азии, Тибете, Ладаке и т. д.). Тогда Джамшид, по повелению Ормузда повел народ из Эриене-Взедь в светлую землю, т. е. в более теплую, на юг. Переход начался с (прихода) первобытного жителя в Согда (Согдиана), оттуда в Муру (Мерв), оттуда в Багды (Бактрию), оттуда в Нисаим (Ниса), отуда в Харою (Герат), Векерегем (Arachjlia), Хетумат (Hindmend), Раган (Rhagis нынешний Рей). Последние три места благодати суть: Верена (Вер, Регаз - где по Роде, Персеполь), Хапта Хенду (Sapta Heando, семь Индий, или страны притоков Инда) и Ренгеяю, которую должно искать под именем Aravastana, на западе от Персии, в Верхней Ассирии, на Тигре и Ефрате. Таким образом, народ, прибыв в более теплый, южный край, распространился даже на восток к Инду и на запад к Ефрату, до Мессопотамии.

* Шишов А., известный русский учёный ориенталист.

1. Таджики. Этнографические и антропологические исследование. Ташкент.1910.Также см. Таджики. Этнографическое исследование. Алматы, 2006.С электронной версии книги можно ознакомиться на сайте: Книги по истории, археологии, географии, этнографии, филологии изданные до1917года.

Преимущественно же он развился по середине, между этими землями, в очаровательном Чистом Вере (т. е. долине, орошаемой водою), который так понравился Джамшиду. Эту пространную, четырьмя сторонами ограниченную землю (стало быть тоже, что четырнадцатое место благодати, Верене, с четырьмя углами), Джамшид населяет и обрабатывает. Здесь основал он города, размещая в них по I 000, по 600 и по 300 жителей; проложил дороги, ввел земледелие и садоводство и самому себе, на возвышении, построил дворец.

На протяжении всего своего шествия Джамшид и народ его, все страны, куда ни приходили они, находили пустыми и невозделанными. Джамшид впервые населил их людьми и животными, В этих новых, плодоносных нивах народ, сравнивая их с первобытной дикой родиной своей, находил себя столь счастливым, что время это почитается в саге золотым веком.

Отличным от этого края, где по повелению Ормузда впервые приступлено к земледелию и построению городов и дворцов, где началось обращение кочующих дикарей в оседлых граждан, отличным, повторяем, от этого теплого южного края, лежащего на солнечной стороне земли, было первоначальное местопребывание зендского народа, начавшего свое передвижение из Эриене-Вэдьо на юг. Это Эриене-Вэдьо, древнейшее жилище, должно находиться на севере от позднейшего второго отечества, той роскошной земли, обработанной Джамшидом, которая в гимне называется тоже Эриене-Вэдьо. Поэтому есть два в чистоте созданных Эриэне: одно было отечеством зендского народа до переселения, другое - после и смешивать их не должно.

Первое - Эриэне, Ария, Иран в теснейшем смысле, на севере, родовая колыбель иранцев, первоначальное их отечество, которое упоминается в первом отрывке Вендидада, и откуда началось переселение всех иранцев. Второе - Эриэне, Ария, Иран в обширном смысле, великая плодородная страна, на юг от предшествующей, в начале пустая, впервые населённая и обработанная Джамшидом, пришедшим туда с иранскими поколениями, которые до того перешли уже много стран, - земля, которую посещает сам Ормузд со своими изедами, в которой Джамшид воздвигнет престол, собирает старшин своего народа и устраивает совершенное государство. Эта последняя и есть общеизвестная Эриэне, Ариана, Иран - страна, которую впоследствии занимали иранцы под владычеством блестящих единокровных им царских родов, утративших не только власть над первобытной родиной, но и даже само воспоминание о ней.

Где находилось северное первобытное жилище зендского народа, определено неизвестно. Великая стужа, десять месяцев в году делавшая эту землю неприютной, указывает только на центральную часть Верхней Азии, около источников Оксуса и Яксарта, на Памир,

Белур, западный Тибет, где находится и Куэн-Лунь, райская земля кшайцев, и на лежащие за ними плоские возвышенности, которые соответствуют такому описанию природы.

Из Вендидада мы видим, что в первобытной стране зендского народа было сперва 7 теплых месяцев и 5 холодных, а затем наступила великая стужа, 2 теплых месяца и 10 холодных, т. е. произошел великий геологический переворот.

И. В. Мушкетов о прошлом Памира говорит: Рассмотрение горных систем, окружающих Туркестан, приводит нас к тому заключению, что орография Туркестанского бассейна в дотретичную эпоху имеет совершенно другой характер,

нисколько не похожий на современный. На месте Туркестана и Хан-Хоя было обширное море, среди которого кое-где выступали невысокие гранитные и сланцевые гряды, образовавшие целый архипелаг островов вытянуты к северо-востоку. Продолжительное нахождение древних пород под водою объясняет нам, продолжает И. В. Мушкетов, значительную метаморфизацию и повсеместно развитую оруцелость их. Последующими, медленными, но постоянно, в течение многих миллионов лет, действовавшими процессами старая картина заменилась новой. Море постепенно отступало, изолировалось, а на месте архипелага нагромождались складки; последние все более и более, так сказать, цементировали отдельные старые гряды, превращая их в складчатые горные хребты, повсюду правильные, за исключением высочайших гранитных горных узлов, которые, вероятно, соответствуют бывшим островам.

Одновременно с образованием хребтов появилось много кристаллических пород, выход которых нужно считать не причиной, а следствием общей дислокации и сами породы не активными, а пассивными. Этот грандиозный процесс дислокации земной меры начался в дотретичную эпоху и, кажется, еще не закончился и продолжается в наши дни.

Выше приведенные рассуждения проф. Мушкетова указывают на то, что когда-то предгорья, окружающие современный Восточный Туркестан омывались водами громадного моря, и следовательно, климат там был приморский, т. е. более мягкий и теплый, нежели в настоящее время. Все это подтверждает сказание Вендидад о бывших ранее в земле зендского народа 7 теплых месяцев и 5 холодных.

На возможность резких климатических перемен в этих странах указывает г-н Шварц в своем труде⁴. Находясь на западном берегу озера Эби-нора, в горах Алатау, г. Шварц набрел на скалы, поразившие его странностью своих очертаний. Подойдя к скалам, он увидел за ними громадную котловину, окруженную высокими утесами. Осмотрев внимательно эти последние и поднявшись при этом до их вершины, г-н Шварц пришел к заключению, что здесь действовали некогда гигантские водяные силы, о размерах которых челевеческому воображению трудно составить себе понятие. Рекогносцировка окружающих гор дала ему результат, вполне соответствующий таким выводам: г-н Шварц нашел на высоте 6000 ф. над уровнем океана ясные признаки морского берега, направление которого показало ему, что он имел дело со следами исчезнувшего Монгольского моря, существовавшего еще, как это вполне установлено наукой, за 4000 лет до настоящего времени.

Все вышеизложенное в совокупности привело г-на Шварца к вопросу: не произошли именно возле Эби-Нор тот прорыв, через который ушли воды Монгольского моря, и что же в таком случае могло заставить этот огромный водоем, площадь которого равнялась площади всего Средиземного моря, низвергнуть свои воды, с высоты 6000 ф., разрушая и заливая все, что попадалось ему на пути его страшного шествия? Шварц утверждает, что причиной этого грозного явления было безусловно землетрясение, и рисует затем картину последнего, на основании современной сейсмологической теории, приблизительно следующим образом. Вследствие давления огромной массы воды Монгольского моря на его дно, в последнем могла образоваться трещина, через которую вода попала в большом количестве в одну из огромных пустот, имеющих в толще коры земного шара. Там, под влиянием высокой температуры, вся вода

мгновенно обратилась в пар, который давлением своим и произвел могучие толчки, разрушившие преграду, сдерживавшую воды Монгольского моря со стороны Эби-Нора. Воды моря, ринувшись вниз с ужасающей скоростью в 559 ф. в секунду, стерли с лица земли жителей, фауну и флору восточной части Туркестана - нынешних Ферганской, Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Закаспийской областей.

Образовав Аральское и Каспийское моря, гигантский поток устремился к устью Волги, затопил ту часть Астраханской губы., где теперь длинной узкой полосой тянется Маныч и нашел себе выход в Азовское и Черное моря, которые от этого выступили из берегов и затопили их, пока разрушительная сила водяных масс не прорвалась через нынешний Босфор. Дарданели представляли уже меньшее сопротивление; волны Монгольского моря смешались с волнами Среди-земного и, наконец, когда преодолена была последняя преграда, узкий перешеек Гибралтар, соединивший некогда Африку с Европой, - нашли себе успокоение в широком океанском просторе.

Окружавшее Средиземное море население пострадало от бывших при этом наводнений; всемирное бедствие отразилось и на номадах Сахары, которая, как предполагает г. Шварц, вновь превратилась в море. Такой ход катастрофы вполне согласуется, по словам автора "всемирного потопа", с распространенностью народных легенд о потопе.

Вследствие всех этих перемен в распространении вод на территории Средней Азии, атмосферные осадки сильно уменьшились, что в свою очередь повлияло самым разрушительным образом на климат страны. Это обстоятельство имело огромное значение для всей истории края.

Эти рассуждения г-на Шварца могут служить еще более веским доказательством справедливости указаний Вендидата на изменение климатических условий, заставивших зендский народ оставить свою прародину и искать более благоприятные условия для существования.

Исследования последних лет, а также и многочисленные явления природы ясно показывают, что огромная область, простирающаяся из глубин Центральной Азии до юго-восточных пределов России, находится на пути к полному высыханию. На основании массы наблюдений, сделанных во время последнего путешествия, Свен-Хе-дин утверждает, что площадь многочисленных озер южного Тибета в настоящее время значительно меньше, чем она была когда-то. В Восточном Туркестане также было сделано большое число наблюдений, из которых явствует, что две тысячи лет тому назад климат этой области был еще умеренный. В окрестностях озера Лоб-Нор, где теперь простирается мертвая песчаная пустыня, когда то жило многочисленное трудолюбивое население, и через центральную часть реки Тарима проходил чрезвычайно оживленный торговый путь. Теперь об этом прошлом свидетельствуют только жалкие остатки, похороненные в песках пустыни⁵.

Все вышеприведенное свидетельствует о том, что действительно климат Памира и сопредельных ему стран резко изменился и это изменение климата заставило зендский народ искать более благо-приятны условия для существования.

Что зендский народ действительно занимал Памир в давно прошедшие времена, подтверждается еще мнением, высказанным лингвистом Бюрнуфом, которое заключается в том, что по ту сторону пределов земли, обыкновенно разумаемой под именем Ария (Иран), именно в Туране, Плиний помещает многие древние народы,

имена которых: Ariacae, Antariani, Arimaspi, Aramaei заставляют предполагать, что эти кочующие племена, не смотря на всегдашнюю вражду свою к согдианцам и бактрианцам, все таки по языку, были им сродственны, ибо имена их до известной степени, объяснимы только из зендского Ariacae и Antariani непосредственно напоминают древние зендские Aṛiā и Aṛyā. Часто встречающиеся в именах людей и мест слова асра (по зендски конь) и arvat (по зендски aurat) такого же значения, но реже употребительное, служат достаточными доказательствами чрезвычайного распространения зендского языка до самых Аримаспов (тоже от асра, конь) и Ари или Айраманов, которые не могут быть армянами, а должны быть приняты за ариан.

Переселение иранского племени из той холодной, суровой земли, с снеговыми горами (переселение, которое приписывается, не как в других сагах напору враждебных народов, а по причине всякого зла, Ахриману, испортившему климат) - также не только не находится в противоречие с историческими сведениями нашими, а еще подтверждается ими. Встречающиеся на этих высотах различные народы, донныне сохранившие туземные наречия свои, вероятно, суть-остатки тех древнейших племен. Другое любопытное обстоятельство, встречающееся в саге, касается географии. Переселенцы идут сперва в Согдо. Если под этим Согдо разумют непосредственно прилегающую Согдиану, то довольно ясно обозначается первое направление движения арийцев из центральной части Верхней Азии туда и далее в Бактрию и Иран, стало быть с востока на запад, или правильнее, с северо-востока на юго-запад, по направлению долин и горных ущелий, направлению, которому должны были следовать и все позднейшие перекочевки народов, даже до нынешнего времени. Там, стало быть, должны мы искать первобытное, родовое отечество как древнейших иранских, так индийских народов, как арийцев, так и Айрийцев, т. е. страну, которая по зендски называлась Эриэне, и по санскритски Айрия.

Имена эти впоследствии перенесены были переселенцами: поклонниками Ормузда на юго-запад, в Иран, а поклонниками Брахмы на юг и юго-восток к Инду и Гангу, в Айрия-варту. У обоих этих отдельных и самостоятельных, но судя по языку родственных племен, в священных преданиях их, исконно, сохранилось воспоминание о холодном, снежном, родном и священном севере: Брахман переносил туда на Кайласу обитель своих богов, иранец - первое созданное Ормуздом место благословения, Эриэне-Ведьё. Те и другие в учениях жрецов своих восхваляли позднее приобретенные поселения: Брахманы - Айрия-Варту, как землю доблестных (аруа по санскритски значит exceiens), иранцы - свой Иран, как светлую землю чистых, возведенную Джамшидом на степень совершенства. Новые места поселения зендского народа, правда, тоже не были свободны от неудобств суровой зимы, но здесь Ормузд обратил зло в благо: как скоро лед и снег весною стаивают, земля, орошенная ручьями, покрывалась роскошною зеленью. Тут, следовательно, кочующие орды могли оставаться на постоянное жительство и обратить свои степные стада в домашних животных.

Джамшид этих древнейших преданий, совершенно соответствует их простоте: это покровительствуемый Ормуздом глава кочующего племени, иранский Авраам, ведущий свой народ из суровой горной страны в прекрасный плодородный край, где впоследствии уже народ этот и развивается до полного величия. Все относящееся к этому герою, можно сказать и о его народе и земле. Но главные характернейшие

черты все таки узнаются в самом древнейшем предании. В обширном Иране, между Индом, Тигром и Ефратом, между Яксартом, Каспийским и Индийским морями - повсюду видим величайшее разнообразие в климате, тепле, холоде, плодородии, образе жизни и почве, смотря по тому, находится ли местность в горах, пустынях или на плодородных полосах; каждому удалена там своя благодать и свое бремя, и всем вместе: всегдашняя ясность неба, сияние солнца и звезд, но мало дало дождя и воды вообще, отчего безпрестанно прославляются полные ручьи, цистерны, водопроводы и т. д. Плодородные полосы, отовсюду ограниченные пустынями, перетерпевают много неудобств и нужд: то вызывается Ахриманом, источником всякого зла, который наносит холод, насекомых, болезни, нищету, вредные сомнения, обман, преступления, порчу нравов и т. д.6 Историки сообщают нам, что Туркестанский бассейн в древности был далеко не то, что он представляет в настоящее время. Это была цветущая страна, в которой зародилась и достигла значительного развития одна из древнейших цивилизаций мира. Арийское население по долинам Оксуса и Яксарга в самой глубокой древности основало такие государства, как Бактриана (Балх), Трансоксиана (Бухара), Согдиана (Зеравшан) и Харазмия или Хаварезм (Хива), которые отличались необыкновенною людностью, материальным богатством и высокой степенью политического развития. Бактриана с городом Бактия или Бактрис - нынешний жалкий Балх, по свидетельству Ктезия и Диодора, процветал еще во времена Нина Ассирийского, за 1200 лет до Р. X., и по праву носил почетное название "матери городов", "сердца настоящего Ирана". Нынешняя бедная Хива, по сообщению Аль-Бируни, некогда стояла так высоко по своему образованию, что солнечный календарь ее считался лучшим; эра летоисчисления харазмийцев начиналась за 678 лет до Р. X. Знаменитый Якут свидетельствует о богатых библиотеках Мерва, некогда славного города Хварезма, а ныне ничтожного туркменского кочевья.

Процветание Хварезма (страны света) достигло высшего предела в XI веке и продолжалось до нашествия Чингиз-хана в первой половине XIII в. Здесь же лежала цветущая Гиркания, славившаяся своей высокой культурой и обширной торговлей с Балхом. Трансоксиана славилась, помимо образования, своей обширной торговлей, особенно драгоценными металлами, о чем свидетельствуют и китайские источники.

Согаиана была древнейшей культурной колыбелью кроткого учения Зороастра о двойственном начальном существе - Боге света и духе тьмы; эта священная земля Востока, которая разливала свои лучи по всему миру, благодаря в особенности Зенд-Авесте - этому древнейшему произведению индо-европейской духовной жизни. Кроме, так сказать, внутреннего высокого развития, туркестанский бассейн издавна служил местом обмена древнейших цивилизаций Востока и Запада; через него пролегла самая популярная и древнейшая дорога, по которой происходила торговля шелком. Шелк приготавливался в Китае еще за 2000 лет до Р. X. и, с другой стороны, греки еще до Геродота, за 800 лет до Р. X., знали шелк, ценили его на вес золота и получили его из страны *Issedon serica*, нынешнего Восточного Туркестана.

Уже в глубокой древности арийское население в этих местах было довольно сильно. В 1500 г. до Р. X. упоминается отражение нападения многочисленной орды голубоглазых "тамагу" на западную границу Египта. Диодор рассказывает, что Рамессу III Мейамун, фараон XIX египетской династии (1462-1284 г. до Р. X. царств. династии) завоевал Ливию, Эфиопию, Персию, Скифию и Бактриану. По Ктезию, Бактриана была завоевана вавилонским царем Нином, который совершил

этот поход, будто-бы с армией в 1700000 пехоты, 200000 конницы и 10600 колесниц, вооруженных косами.

Многочисленные племена, обитавшие в горах и на высоких плато, прежде чем попасть под иго великих империй, пользовались полной политической свободой и находились в положении, сходном с тем, в каком в настоящее время находятся бахтиары - подобно им, они жили очень просто, занимались возделыванием долин и скотоводством на альпийских лугах⁷.

Древняя историческая легенда мидян, приводимая Геродотом, рассказывает нам, что обитатели высоких плоскогорий одни лишь не подчинялись законам войны и не знали других законов, кроме законов правосудия. Это с самого своего появления была, должно быть, гордая и сильная народность; воспитание ее детей заключалось в трех вещах; "в умение ездить верхом, стрелять из лука и говорить правду"; обычай этой страны запрещал даже упоминать о вещах, которые не позволено было делать. Можно напомнить также восклицание великого царя мидян Астиага, побежденного персидским царем Киром: "Удивительно, как эти люди, питающиеся фисташками, могут сражаться с такою храбростью".

Одна из особенностей первоначального языка арийцев, поскольку он известен нам из учения различных происшедших из него диалектов, заставляет нас заключить, что у первоначальных народностей этой расы были в высокой степени мирные наклонности. Действительно, слова относящиеся к мирным занятиям, большею частью между собой сходны или происходят от общих корней; точно также названия, обозначающие домашних животных родственны в арийских наречиях как востока, так и запада; тогда как слова, имеющие отношение к войне, к охоте, и названия диких животных относятся почти все к языкам позднейшего происхождения, указывая тем, что вслед за периодом первобытного полного мира наступили во всей стране эпохи борьбы.

Если верить "Книге царей", то первобытные иранцы не ели мясо животных и не знали другой пищи, как корни, зерна и плоды. Фирдоуси рассказывает нам, каким способом прелестный и добрый принц Захак превратился в чудовище жестокости: его заставили съесть яйцо и затем приучили постепенно есть мясо, сперва жареное, затем сырое, - в конце концов, он стал отвратительным людоедом, над которым одержал победу кузнец Каю со своим знаменем из кожанного передника. Такое воспитание принца, конечно, символ революции, происшедший в нравах народностей при переходе к мясной пище; революция эта, совпадает, по всей вероятности, с периодом тех бывших войн, которые вели обитатели плоскогорья с народностями низменной равнины.

Иранцам мы обязаны самыми первыми началами, которые позволили развиваться математике. Именно: у обитателей Ирана, как мы можем об этом судить по близкой родственности у всех арийцев терминов, обозначающих единицы, десятки и сотни, возникла та система нумерации, которая освободившись совершенно от применения метафор и синонимов, установила раз и навсегда для каждого числа вполне определенное обозначение. В этом заключалось одно из наиболее значительных событий в эволюции человеческого рода! Первобытное счисление ограничивалось, повидимому, лишь сотнями, так как наименования "тысяча" различаются в индо-европейских наречиях. Те первобытные религиозные культы, которые, соединившись с другими элементами, сложились позже в маздеизм и сделались причиною того, что страны Ирана получили название "чистых" стран, заключались,

повидимому, в поклонение всеочищающему огню и в обожании земледелия, которое заставляет человека вступать в союз с землею; такой двойственный культ не выходил долгое время из пределов отдельных семей и не вызывал возникновения жреческой касты.

Вполне естественно, что из всех корней, из которых выросло величественное древо маздеизма, корнем наиболее древним был именно культ солнца и его земного представителя - ослепительного племени, все сжигающего и все очищающего. Эта первобытная религия, следы которой отчасти стерли позднейшее общее развитие человечества, сохранила в иранском мире столь определенные и ясные черты, что иранские народности во все времена находились столь же всецело под ее влиянием, как и в самом начале своей сознательной жизни.

Вполне понятно, что приемы добывания огня считались первоначально священнодействиями, и что долгое время добывать огонь старинным способом, путем вращения стержня из твердого дерева в дощечке из мягкого дерева, было долгом главы семьи. Домашний огонь в течении тысячелетий был окружен внешними знаками глубокого почитания, и, как это ни странно, совершенно одинаковые обряды почитания огня встречаем мы и у пантеистов и политеистов - арийских народностей Индии, и у дуалистов - иранцев, и у фетишистов Африки и Нового Света, - но ясно ли доказывает это, что культ огня предшествовал у всех народностей развитию религиозных представлений и верований?

Другой религиозный культ возник у предков иранцев в те очень давние времена, когда какой-то изобретательный земледelec приспособил заостренный кусок дерева или кремневый нож к первобытному плугу и запряг в него быков, животных, после собаки, пользовавшихся наибольшим почетом у человека. Собака, кстати сказать, уже в те времена была верным другом и спутником человека, - ее имя помещается в надписях непосредственно за именем свободных людей.

Неизвестно, где именно было сделано это открытие систематического разрыхления плодородной почвы, но то почитание вспахивания земли, которое мы встречаем у восточных арийцев в их Ведах, указывает нам, что невидимому, они унаследовали это искусство, - наше внимание направляется к тем плоскогорьям, с которых они спустились. С другой стороны, мы встречаем знакомство с плугом также и у подножия западных склонов Ирана в Месопотамии, в эпоху, отдаленную от нас по меньшей мере на 7 тысячелетий. Из этих местностей, по сю и по ту сторону Ирана, открытие обработки почвы распространилось на чрезвычайно обширную область Старого Света.

Изменение в способе обработки почвы повлекло за собою, повидимому, также и замену одних пищевых веществ, служивших у иранских народностей для поддержания существования, другими. Растение, которое доставляло до того времени человеку хлеб, было просо; когда же земледelec стал располагать инструментом, который позволял ему легче и на более обширном пространстве разрыхлять землю, он стал обрабатывать другие полезные растения и прежде всего пшеницу и рожь, родину которых ботаники ищут в горах Ирана и в Малой Азии.

Неудивительно, что иранцы, исполненные самого наивного энтузиазма, благодаря победам, которые они одержали над окружающим, явились также и основателями новой религии - культа земледелия с его празднествами пахоты, посева и жатвы. "В чем заключается послушание истинной веры"? говорится в

одном месте Авесты. "Оно заключается в усиленном возделывании хлебных злаков" - гласит ответ Ормузда. "Когда хлеб всходит, демонов объ'емлет страх; когда его жнут, они воют от отчаяния; когда его молют, они рассеиваются"!

К этим первоначальным религиозным верованиям первобытных иранцев, нашедших себе вполне ясное выражение в Авесте и других священных книгах Персии, перемещались, естественным образом, и различные другие религиозные представления, свойственные первобытному поклонению природе и онимизму. Восторженное поклонение небу и облакам, обожание животворящей воды, бьющей ключом из под земли, боязнь злых духов, порожденных расстроеным воображением человека, входили уже в виде примеси в состав первобытной иранской религии еще до того времени, когда был формулирован маздеизм - поклонение "Наивысшему", "Премудрому Существо".

Маздеизм получил затем чрезвычайно важное значение как в истории Ирана, так и вообще в истории человеческой мысли, - охватив собою предшествующие формы религий, он добавил новую идею - идею антогонизма двух начал, добра и зла.

Для нас имеет мало значения, был-ли основатель этой религии, некий Заратрастра, Заратуштра, Задуч или Зороастр, действительно исторической личностью, родившейся в Бактриане, в Раге или в Ат-ропатах, или же это было легендарное лицо, созданное уже позднее фантазией людей. Был ли Зороастр, согласно с допустимым, но не вполне достоверным этимологическим толкованием, действительно "добрый земледелец", и верно ли, что он являлся первым жрецом, первым воином и первым землепашцем - этого мы не знаем; достаточно, что имя его является символом по существу дуалистической религии Ирана.

В священном мифе иранцев контраст между двумя началами выражается в рождении двух божественных близнецов, вышедших из одного чрева, равных по могуществу и обладающих властью над неисчислимыми сонмами духов. Один из этих божественных близнецов - Ахура-Мазда или Ормузд, что значит "премудрый властитель", другой Ангро-Майну или Ариман, что значит "дух притеснения", "дух порабощения и зла". Между обоими этими божествами колеблются непрерывно судьбы мира - все мы не более как игрушка, служащая предметом раздора этих великих борцов. Впрочем, человек не должен отчаиваться в исходе борьбы, происходящей в небесной выси: если он постоянно будет прилагать свои силы в сторону добра, то именно благодаря ему, через 7000 веков ожидания, Ормузд одержит победу, и при том победу самую благородную, - Ариман будет обращен и сделается сам божеством справедливости и мировой любви.

Такова была религия, во многих отношениях очень высокая, которую персы проповедывали народностям окружающих равнин, начиная с эпохи Ахеменидов; позднее, впрочем, эта религия сильно изменилась, благодаря примеси различных местных религиозных культов и благодаря тем превращениям, которым она подвергалась, вследствие деятельности жрецов, жаждущих материальных благ и власти.

Без сомнения, Авеста в том виде, в каком мы ее знаем в настоящее время, была распространена жрецами около III века христианской эры в стране мидян: оттуда и пришли к нам новые священные книги, возникшие, по всей вероятности, из остатков прежних древних книг⁸.

О языке древних иранцев мы можем судить также по Авесте. Из двух наречий, встречающихся в Авесте, одно прилагается только к наименьшей части ее, к Ясне

и несколькими краткими молитвами, из коих большая часть выражена метрически и их называют Гатами, вследствие чего и самое наречие получило название диалекта Гатов. Что эта именно часть Авесты есть самая древнейшая, видно из самого текста всей книги, так как Гаты и другие молитвы, написанные тем же диалектом, поминаются в остальных частях Авесты с особенным уважением и отчасти даже подвергаются толкованию, что показывает, что наречие этих частей книги должно было предшествовать изданию других частей Авесты. Однако, так как мирозерцание Гат в остальных частях Авесты мало чем отличаются друг от друга, то невероятно также, чтобы слишком большой промежуток времени разделял составление этих двух отделов книги; скорее приписать различие этих двух наречий разноместности их употребления. А так как язык остальной части Авесты принимают за язык бактрийский, то всего удобнее принять, с Вестергаардом, за отчизну старейшего диалекта, область, лежащую на север от Бактрии, а именно Согдиану. Хотя мы, говорит проф. Спигель, таким образом, довольно основательно можем отнести оба наречия Авесты к наречиям восточного Ирана, к сожалению, мы не имеем возможности сделать столь же положительных выводов относительно сравнительной древности этих наречий⁹.

Сравнительное изучение народов показывает, что в течении всех периодов своего процветания или, по крайней мере, политического могущества, Бактриана находилась в свободных торговых сношениях или даже в политическом единении со странами по ту сторону склонов гор. Так, в течение доисторических веков, когда в бассейн Оксуса возникал маздеизм, арийцы господствовали, повидимому, на высоких плоскогорьях Азии, от склонов Тянь-Шаня и Памира до хребтов Азербейджана. После этого периода, в течении которого Бактрия обладала даже, быть может, некоторой гегемонией над народностями той же расы, обитавшими по южному склону гор, страна эта оставалась еще долгое время связанной с ними, как в счастье, так и в несчастье, так как она подпала затем под власть ассирийцев, а позднее мидян, персов, македонян и греков - селевкидов.

Древние историки, описывая поход царя ассирийского Нина в Бактрию за 1200 лет до Р. Х. свидетельствуют о крайне ранней людности, политическом развитии и цветущем состоянии этой страны.

В то самое время, когда ассирийское могущество обладало наибольшим распространением, могущественный толчок, произведенный передвижением народов Центральной Азии, нарушил все равновесие. Саки (скифы) наводнили в 633 г. до Р. Х. всю переднюю Азию, от Бактрианы до местностей, соседних с долиной Нила. В семь или восемь лет, к концу царствования Ассурбонипала, они разгромили Мидию, Ассирию, Армению, Вавилонию, Палестину, Финикию и затем исчезли, как-бы растворились в побежденных им народностях. Разрушительный поток лишь прошел по стране, но равновесие всех народностей было совершенно нарушено.

Известный ориенталист, проф. Григорьев, в своем исследовании "О скифском народе саках", на основании данных санскритской литературы, клинописи эпохи Ахеменидов, летописей китайцев и показаний греческих и римских историков и географов, пришел к положительным выводам, что саки жили по правую сторону Яксарта и занимали всю страну на севере и востоке от этой реки. По всем этим свидетельствам выходит, говорит он, что главная масса саков размещалась изстари, приблизительно, около истоков Аму-Дарьи и Яр-кенд-Дарьи, простираясь на

севере отсюда через Тянь-Шаньское нагорье до озера Балхаша, на северо-востоке - до вершины Илийской долины, на северо-западе до низовьев реки Чу. Переведа на современные название стран, найдем, что в VI -VII ст. до Р. Х. саки жили в обитаемых частях Памира и Алая, в Фергане, на западной границе Кашгара, в Семиреченской области и в северо-восточной части Сыр- Дарьинской области.

Нет ничего мудреного, что саки растворились в побежденных ими народах, так как сами принадлежали к иранскому племени, но только вели, кроме оседлого, также и кочевой образ жизни.

Что касается до национальности тех скифов, которые еще во времена Александра жили в нынешнем Туркестане, то я здесь не могу, говорит г. Шварц пускается в подробное рассуждение об этом предмете, оставляя это до другого времени, а теперь замечу только¹⁰, что на основании всего того, что нам известно об образе жизни, народном характере, физических приметах и распространение этих скифов, я пришел к заключению, что главное их племя состояло из предков нынешних славян. Германист Фресель, старавшийся доказать, что скифы были предками германцев, своими толкованиями еще более утвердил меня в этом моем убеждении. Германские народы, составлявшие прежде со славянами один народ, но раньше их переселившиеся из Туркестана, жили в то время, относительно которого мы имеем древнейшие известия о скифах, в Средней и Западной России, в северо-восточной Германии и в Скандинавии.

Так как названия "киргиз" и "кайсак", употребляющиеся в настоящее время для обозначения монгольских кочевников Туркестана; взяты из турецкого языка, к которому принадлежит язык киргизов и кайсаков, то, вероятно, и слово "скиф" взято из словаря того же народа, который преимущественно назывался скифами. В русском языке есть глагол "скитаться", от которого произошли имена существительные "скиталец", "скитание" и "скит". Кроме формы "скиталец", повидимому, существовала еще кратчайшая форма "скитец", подобно тому, напр. : как от глагола "писать" произведены два существительных "писатель" и "писец"; равным образом, от глаголов "читать", "плавать", "резать" и "покупать" и многих других произведены по два имени существительного с различным значением: от "читать" - слова "читатель" и "чтец"; от "плавать" - "плаватель" и "пловец"; от "резать" - "резатель" и "резец"; от "покупать" - "покупатель" и "купец". Поэтому я думаю, говорит г Шварц, что греческое слова "скифис" ничто иное, как гречизованное слово "скиталец", и что слова "скиф" прежде не обозначало особого народа, но просто кочевников в противоположность оседлому населению. Скифы, с которыми Александр имел дело в Туркестане сперва у Ходжента, а после вблизи Бухары, по мнению г Шварца были предками теперешних славян, в особенности восточных славян. После того как различные германские, кельтские и другие арийские народы, вследствие постепенного высыхания страны, уже раньше были принуждены переселиться в Европу, и славяне, наконец, были окончательно вытеснены из Туркестана, отчасти теми же обстоятельствами, отчасти натиском монгольских племен, и таким образом явились последними индо-германскими переселенцами на юго-восток Европы, между тем как их оседлые прежние соплеменники, сумев удержаться в городах и горах, до сегодняшнего дня сохранились в лице таджиков, рядом с позднее переселившимся монгольским населением.

Известно, что древние немцы обозначали восточных соседей, славян, виндами или вендами, каковое название сохранилось за одной частью славян до новейшего

времени. Слово "венден" некоторыми лингвистами считается однозначным со словом "скиталец". Если такое объяснение верно, то это обстоятельство служит дальнейшим доказательством вышеприведенного мнения, потому что название, данное славянам древними германцами, тогда было ничем иным, как немецким переводом славянского слова "скитец", которое греки по ошибке считали за настоящее народное имя славян и поэтому без изменения ввели в свой язык.

Арриан различает азиатских и европейских скифов. Под европейскими скифами нужно подразумевать тех, которые жили на правом берегу Сыр-Дарьи; только в 3-ой главе ГУ книги он непоследовательно называет их азиатскими скифами. Под азиатскими же скифами Арриан подразумевает тех, которые кочевали на левом берегу Сыр-Дарьи, между этою рекою и Аму-Дарью, где теперь живут киргиз-кайсаки. Скифов на юг от Аму-Дарьи Арриан называет массагетами. Различие азиатских и европейских скифов основывается преимущественно на том, что спутники Александра считали Танаис или Сыр-Дарью тождественным с Танаисом или Доном и поэтому, вследствие своих недостаточных географических познаний, причисляли к Европе страну правого берега Сыр-Дарьи.

Что Дон и Сыр-Дарья в древности имели одинаковые названия, можно очень просто объяснить тем, что народы, которые прежде жили на Сыр-Дарье, дали Дону после своего переселения в южную Россию название той реки, близ которой до сих пор была их родина, подобно тому, как и европейские переселенцы пересаживают любимые ими имена в Америку, так что там, также как и в Европе существуют Брауншвейг, Афины, Орман, Кембридж, Толедо и проч. В восточной части Пруссии, в уезде Гумбинген находится река, имеющая то же самое название, какое носит правый приток Сыр-Дарьи на севере от Ташкента, т. е. Арыс. Прусский Арыс — сток озера Арыса в озеро Сирандиг, у которого лежит одноименный город Арыс. Очевидно, сходство названной прусской реки и туркестанской реки не случайно и оно может служить доказательством утверждения, что славяне, к которым, как известно, принадлежат по происхождению пруссаки, переселились из окрестностей Ташкента.

Следующею причиною, которая заставила греков причислить скифов правого берега Сыр-Дарьи к Европе, было то обстоятельство, что греки очень хорошо заметили сходство их лица, языка и образа жизни с языком, лицами и образом жизни тогдашних обитателей южной России. Поэтому, нужно считать верным, что во время Александра западная отрасль славян, предков теперешних западных славян, уже достигла южной России, на что и указывает замечание Курция (VIII, 35), что оратор посланного к Александру скифского посольства сказал, что их народ распространяется от Бактрии до Фракии: "*Ceterum nos ef Asiae of Europae custodies habbedis Baetra nisi dividat Tanais, contingimus esse fama fert*".

Упомянутые в 1-ой главе IV кн. Арриана и в 26 гл. VII кн. Курция абии, отправившие послов к Александру во время его пребывания у Сыр-Дарьи, повидимому, жили в пустыне Кызыл-Кум, к западу от Сыр-Дарьи. Эта страна теперь населена самыми бедными киргиз-кайсаками, которые, вследствие бесплодной почвы, могут иметь очень небольшое количество скота, и то только верблюдов и овец, и вовсе не могут заниматься земледелием; так как у них по причине их бедности, нечего было отнимать, то никто на них не обращал внимания, а они со своей стороны не в состоянии были делать набега на соседей; о чем тоже упоминает Арриан и Курций относительно абиев.

О том что саки уже в древнее время достигли высокого культурного состояния, свидетельствует весьма древний санскритский письменный памятник, героическая поэма Магабгарата, а именно: рассказ о дарах, доставленных саками и другими народами царю Юдиш- таре по случаю задуманного им великого жертвоприношения (асвамеда). Вот рассказ о принесенных дарах: "Я видел, что у ворот дожидались саки, тухары и канки, говорит Дудводана, один из героев Магабгараты, волосатые люди, со лбами украшенными рогами. Руки их были полны дарами: материями из шерсти ранку, из шелка, из волокон дерева патто, тысячами кусков украшенных узорами материй, одеждами из тонкой хлопчатобумажной ткани и из тончайшей овечьей шерсти, нежными драгоценными мехами, длинными мечами с отточенными клинками, саблями, железными кольями, боевыми топориками, острыми секирами, напитками, разными благовониями и тысячами драгоценных камней".

После нашествия саков, о чем было говорено выше, на переднюю Азию, мидяне первые оправились от последствий нашествия и тотчас же стали мечтать об уничтожении ассирийцев. Вскоре на развалинах Ниневийской империи возникла империя мидян. Ниневия была разрушена до основания, и ее имя не упоминается больше в истории. При индийском царе Фраорсте (Фравартис) Мидия вступила на путь завоеваний и в 655-633 годах вместе с Парфией и Персией была покорена и Бактрия. Столетие спустя Бактрия вошла во времена Кира в состав созданной им огромной Персидской монархии, причем бактрийцы с подвластными жителями Согдианы и Маргианы добровольно признали владычество Кира и вместе с странами, населенными скифскими племенами, составили 12-ю сатрапию Персидской монархии. Уже в это время Бактрия славилась своим просвещением и главный город ее Бактра был важным пунктом торговли Средней Азии. Сатрапия Бактрия должна была подчиняться одновременно со всем персидским царством Александру Македонскому, который основал в ней 12 городов и поселил в этой местности 14000 греков, насадивших здесь греческую культуру. Александру несколько раз приходилось вступать в бой против Дария. В последний раз в 330 г. Александр вступил в Экбатану, а оттуда далее на восток. Известие, что несколько возмущившихся сатрапов, в том числе Бесс, сатрап бактрийский, схватили бежавшего Дария и низвергли его, заставило его еще больше спешить, но Дарий был убит прежде, чем ему удалось подоспеть. Узнав об этом, Александр поспешил подчинить себе как Бесса, провозгласившего себя персидским царем, так и остальную восточную часть персидской монархии, а именно: Гирканию, Арию, Дрангиану и Арахозию, а затем в 329 и 328 г. г., — также Бактрию и Согдиану, противопоставившие ему более серьезное сопротивление, чем он до сих пор встречал. Ему приходилось там, несмотря на то, что в Согдиане ему выдали Бесса, подавлять постоянно возникающие возмущение народа и осаждать укрепленные жилища знати. Таким образом, он проник до самых восточных пределов Персидского царства и перешел даже через р. Яксарт, в страну скифов, овладев, считавшеюся до сих пор неприступною горною крепостью и подчинив себе, таким образом, окончательно Согдиану; он женился на Роксане, дочери бактрийского князя Оксарта, и укрепив таким образом за собой Бактрию, сделал этот важный шаг для поддержания своего владычества в этой стране.

По смерти Александра Великого в 321 г. до Р. Х. Бактрия и Согдиана достались Станазору; но уже во время похода в Индию Селевка 1, в 307 г. до Р. Х., обе эти

страны были присоединены к Сирийскому царству. Бактрия отпала от него около 255 г. в правление Антиоха II наместник которого Диодот I сделался таким образом, основателем в Средней Азии Греческого государства Греко-Бактрийского, продержавшегося полтора года, и испытавшего в это время не мало перемен. Эвтемедас, наследовавший Диодоту II с 220-190 г. был побежден Антиохом Великим, во время похода его в Индию, но оставлен владельцем царства для защиты от северных кочевников, наводнивших Согдиану.

Бурные полчища кочевников, гнездившиеся с незапамятных времен в Центральной Азии, никогда не находились в покое; они, как волны моря, время от времени разливались по обширному пространству степей, тесня и изгоняя друг друга; они направлялись, следуя естественным благоприятным условиям, а потому понятно, что в Туркестан они проникли или через древнюю торговую дорогу - Терек-даванский перевал или через Джунгарию.

Стремление их в пределы Китая, в конце III века до Р. Х. (212 г) было парализовано мировым сооружением Великой Китайской стены, имевшей огромное политическое значение в том отношении, что она обратила эти полчища к Западу, к Туркестанскому бассейну.

Весьма подвижный народ Юе-Чи (Ию-ти, Четы; по транскрипции о. Иакинфа, которой держится и Григорьев - Юе-Чжи), в II в. до Р. Х. населял Хотан, рядом с их соседями - кочевниками, белокурыми и голубоглазыми усунями (у-сунь); в то время к северу от Тянь-Шаня, в нынешней Джунгарии, обитал народ Сэе или Сэ. В 177 году до Р. Х. Юе-Чи или Юе-Чжи, теснимые народом Гионгну или хуннами, монгольского происхождения, принуждены были переселиться в Джунгарию и на Сыр-Дарью, вытесняя Сэ (саков) далее к югу.

Позднее усунь, побуждаемые теми же хуннами, принудили Юе-Чжи переселиться далее на юг в Согдиану, Трансоксиану и Бактрию, отбросив Сэ в Фергану; в этих местах усунь встретили население с большими глазами и выдающимся носом.

По смерти Менандра, вероятно, в правление короля Гермеса, около 90 г. Греко-Бактрийское царство было побеждено Юе-Чжи, которые основали новое царство гетов или индоскифов, простиравшееся до самого устья реки Инда.

Голубоокие усунь населяли пространство между Сыр и Аму-Дарьей; они вскоре смешались с другими народами и не имели впоследствии сколько нибудь выдающейся исторической роли.

Старое население, которое Юе-Чжи застали в занятых ими землях, численностью около миллиона, жило в городах и занималось торговлею. Чрезвычайно интересно известие, заимствованное из китайской Истории Северных дворов, написанной Чен-Сином, что жители государства Юе-Чжи умели выплавлять цветные стекла из камней и в V в. до Р. Х. это умение было заимствовано отсюда Китаем. "Впалые глаза и густая борода" - совершенно определяют это население этнографически.

Около этого же времени китайцы достигли власти в бассейне Тарима и вели оживленную торговлю с странами, лежащими к западу, особенно с Персией. Китайцы, как и теперь, пользовались дорогою через перевал Терек-даван, который они прозвали Таунглинг. По ту сторону они вступали в землю Тази (таджиков), главный город которых Чзи (Чзгеид) был расположен в западной половине Ферганы.

Чанг-Киенг, посланный императором китайский чиновник, поспешил в Фергану в середине II столетия и писал: там разводят хлеб и рис, приготавливают вино

из винограда (его тогда вовсе не знали в Китае) и выращивают превосходных лошадей. Жители Тазиа (в отношении национальности прозваны китайцами также Пас-се, т. е. персами) - народ оседлый, строящий дома и живущий в городах. Нравы их сходны с нравами жителей Тавана (или Осрушна, область, занимавшая пространство между Самаркандом и Хаджистаном с главным городом Бунджикат, развалины которого находится в 25 верстах к юго-западу от Ура-Тюбе), но солдаты их слабы и робки; поэтому Юе-Чжи было легко отнять у них часть принадлежавшей им земли. Тазиа превосходные торговцы, и в главном городе бывают богатые базары.

Сношение китайцев с Персией шли через Фергану и Таван на Самарканд. Страна Таван славилась своими лошадьми и у властителя небесной империи было сильное желание овладеть таванскими лошадьми, благодаря чему возникали враждебные действия. Уже развившуюся торговлю, шедшую через Хаджистан, эти враждебные действия остановить не могли.

Но все-таки на время торговые сношения Китая были прерваны восстаниями в Средней Азии, пока, наконец, Китай снова не овладел бассейном Тарима во второй половине I-го века по Р. Х. и тем явился в глазах своих западных соседей столь грозным, что даже мало покорный Таван предупредительно послал Китаю дань лошадьми. Эта дань была трижды повторена впоследствии, да и совершенно кстати, ибо Китай не только подчинил своей власти Юе-Чжи в Бактрии, но и распространил свое владычество до самого Каспийского моря, так что в середине II в. по Р. Х. даже Рим снарядил посольство в Китай.

Затем власть Китая на западе начала падать с каждым годом; и если столетие спустя (265 лет по Р. Х.) в Китай все еще посылались подарки со среднего течения Сыр-Дарьи и Согда, если властители Согда в первый раз приняли китайский титул (около 280 лет по Р. Х.), - это был лишь отзвуком былой славы. В то время как персы в правление Сасанидов достигли могущества и увеличили пределы своего государства, главное внимание монголов в течение нескольких столетий, как кажется, было направлено на Европу, до тех пор, пока спустя 70 лет после Аттилы, номады снова не напали на страны, лежавшие по рекам близнецам и не основали там сильного государства (519 л. по Р. Х.), под названием Иета которое уже по прошествии 30 лет подпало под власти тукиу (турок).

Тукиу все более утверждали свое господство, а в исходе VI века тукийский князь даже отправил посольство в Византию, ко двору Юстиниана II, с целью завязать торговые сношения.

В начале VII в. по Р. Х. китайцы снова овладели бассейном Тарима, поработили все восточные тюркские племена, побили также тукиу и вторично взяли не только Согд, но даже книзу лежащие страны Междуречья. В 656-660 г. г. по Р. Х. князь Аланов в Ходженде был причислен к вассалам Китая.

Но в это время Китаю на Западе приходилось иметь дело не только с тюрками, но и персами, могущество которых при Хосрое I (531- 579) достигло высшей степени. Хосрой вместе с турками уничтожил государство гефтолитов. Блеск Персии, конечно, отражался и на таджиках, населявших Согд и сопредельные страны. В это время в Персии религия Зороастра сделалась государственной в полном смысле слова (строгое преследование как иноверческой пропаганды, так и ересей); значение духовенства усилилось. Каждый из покоренных народов сохранял свой язык, свою

религию, свои нравы, законы, нередко и своих национальных вождей, но над всем господствовала общая администрация.

Внутри государства Хосрой поддерживал порядок, опираясь на консервативные элементы (дворянство и духовенство). Но уже в это время персидское государство несло внутри себя разложение и слабость. В царствование Хосроя I в Мекке родился человек, призванный к тому, чтобы дать закон миллионам людей для всех отношений их жизни и оспаривать в течение тысячелетия у христианства господство над миром. Мухаммед родился в апреле 571 года.

Вторжение племен извергнутых северными странами, способствовали изоляции Бактрианы от центров тогдашней цивилизации. Широко открытые с севера и с северо-запада степи, ограничивающие области Яксарта и Оксуса, угрожали тем большей опасностью в смысле вторжения кочевых народностей, что данные области были превос-ходно обработаны и усеяны богатыми городами. Орды разбойничьих племен уже с самых первых времен нападали на выдвинувшиеся слишком далеко вперед колонии и только и ждали случая, чтобы вторгнуться в страны, которые могли им дать богатую военную добычу. Чем чаще повторялись набеги, тем более изменялся состав народонаселения данных областей, так как вторгнувшиеся племена во многих местностях занимали места прежних жителей, которых или совершенно истребляли или оттесняли в высокие долины горы.

В это время уже выступила на мировую сцену грозная сила, окончательно подорвавшая иранскую культуру и верования.

Уже в 638 г по Р. Х. Фергане и сопредельным с ней странам пришлось обращаться с просьбой к Китаю о заключении оборонительного союза, ибо арабы уже вторглись в Персию, распространяя вокруг страх и ужас. В 653 г. эта просьба была повторена. Китайцы, поглощенные внутренними смутами, не оказали деятельной помощи, и вот с этого времени начинается падение их влияния на Западе и в то же время возвышение арабов. В первое время завоеватели-арабы руководились только стремлением к добыче и славе и для них религия имела в сущности также мало значение, как и для защитников страны. Были случаи личной дружбы между арабскими и туземными витязями. Идеалы рыцарства не остались без влияния на завоевателей; желая воодушевить своих воинов, Кутейба назвал их "дихканами арабов". Прочное владение арабов в стране началось лишь с тех пор, как наместником Хорасана был назначен Кутейба б. Муслим (705 г.). Но и при нем арабы прочно могли укрепиться только в южной части страны. В покоренных странах были оставляемы арабские наместники, но эти наместники были только военными начальниками и сборщиками податей и рядом с ними продолжали существовать туземные династии, в руках которых, по всей вероятности, было оставлено гражданское управление. Но коренное население и при таких условиях не могло равнодушно смотреть на власть арабов и продолжало надеяться на помощь Китая. Самарканд посылал дань Китаю еще в 731 и 741 г. г. по Р. Х., Фергана же в 754 г.

Какой же политический быт застали арабы в Междуречьи!

Главной чертой этого быта следует признать господство земельной аристократии (так называемых дихканов), не сдержанной, как в Персии, союзом трона и алтаря, т. е. сильной монархической властью и влиятельным духовенством¹¹, Местные владетели были только первыми дворянами; даже самые сильные из них, подобно своим поданным, назывались дихканами. В арабских источниках несколько раз

говорится о личной гвардии владетелей, о так называемых шакирах или чакирах; но из рассказа Наршахи о дворе бухарской царицы видно, что эта гвардия имела только характер почетной стражи и состояла из молодых представителей аристократии, которые поочередно отправляли эту повинность при дворе своих королей и герцогов. При таком политическом устройстве не могло быть речи о государственной религии в строгом смысле слова; не смотря на то, что и здесь, как в Персии, религией господствующего сословия был зороастризм, среди населения были распространены буддизм, дуалистические секты и христианство. Еще до сих пор местные туземцы многие могильные курганы приписывают "мугам", т. е. магам огнепоклонникам. В раскопанных курганах, как известно, были находимы небольшие гробы с костями. Небольшая величина этих гробов показывает, что в них могли быть положены только одни кости трупа. Кости не обожжены. Обычай срезывать мясо с костей трупа сам по себе кажется невероятным, но существование его подтверждается свидетельством Табари; в 739 году тогдашний владетель Бухары (бухар-худат) был убит двумя враждебными ему дихканами; рассказав об этом событии, историк прибавляет: "от его тела отделили мясо, а кости его отвезли в Бухару"¹². На борьбу между зороастризмом и буддизмом указывает только рассказ Сюанцана о Самарканде; слова того же отшельника об успехах его собственной деятельности показывают, однако, что эта борьба не имела острого характера. В борьбе с арабскими завоевателями духовенство, насколько известно, не играло никакой роли.

Нет данных для решения вопроса, существовали ли среди самой аристократии различные степени и классы, как в Персии. В отдельных местах Табари применяет и к среднеазиатским вельможам термины, служившие для обозначения высших классов персидской аристократии; но в то же время, как известно, слово дихкан обозначало одинаково простых землевладельцев и владетельных князей; в этом смысле оно употребляется и теперь.

Особое место, повидимому, занимала денежная аристократия, т. е. купцы, разбогатевшие благодаря караванной торговле с Китаем и другими странами. В рассказе о выселении согдийцев эти купцы названы Табари рядом с "царями"; рассказ Наршахи о бухарских купцах показывает, что они владели обширной недвижимой собственностью, жили в замках и по своему положению мало отличались от дихканов. Мы имеем здесь дело с отдельными богачами, интересы которых были тождественны с интересами аристократии, а не с многочисленным торговопромышленным сословием, как в мусульманский период. Об антагонизме между дихканами и купцами нет никаких известий. Для нравов страны особенно характерен согдийский обычай, о котором рассказывает Табари: ежегодно в Самарканде выставлялся стол и на нем яство и кувшин вина для храбрейшего витязя Согда; если кто другой прикасался к яствам, он этим вызывал на бой витязя; кто из них убивал своего противника, того признавали храбрейшим героем страны до появления следующего претендента.

Арабам при вступлении в Междуречье пришлось иметь дело с множеством мелких владений, между которыми происходили постоянные войны, и с воинственным и храбрым, но совершенно неорганизованным, рыцарским сословием. При таких условиях исход борьбы не мог быть сомнителен. В сравнении с местными раздорами междуусобия среди самих арабов, даже вражда между северо-арабскими и южно-арабскими племенами, не могли иметь

значения. Отчасти победа арабов была одержана при помощи самих туземцев. Известный закон Омара, по которому только правоверные имели право носить оружие, в Средней Азии не был применен.

Кутейба и другие арабские завоеватели при своих походах пользовались услугами жителей одних местностей против других. Медленность завоевания объясняется отчасти тем, что сами арабы долгое время, довольствуясь военной добычей и данью, не имели в виду прочного завоевания страны, отчасти борьбой с природными препятствиями. Не смотря на блестящие военные качества арабов, на них не могли не отразиться природные условия их родины; если для них почти не существовали трудности степных походов, то к горной войне они привыкли только с большим трудом и очень неудачно действовали даже на таких перевалах, которые для современных войск не представляют никаких затруднений.

По рассказу Табари местные князья в это время ежегодно собирались в одном из городов по соседству с Хорезмом и давали друг другу обещание решать все свои споры мирным соглашением, не прибегая к военным действиям, и общими силами вести борьбу с арабами.

Насколько эти обещания исполнялись, видно уже из того, что их приходилось возобновлять ежегодно, и из истории завоевания Кутейбы¹³.

Кутейба не останавливался ни перед какими средствами; действуя хитростью и вероломством там, где смелость оказывалась недостаточной, он первый прочно утвердил владычество арабов в Мавераннагре.

В значительной степени он воспользовался раздорами среди самих туземцев; в 712 году, во время похода в Самарканд, бухарцы и хорезмийцы усердно сражались за Кутейбу, так что согдийский ихшид Гурек упрекал арабского полководца в том, что он одерживает победу только благодаря "братьям и родственникам" своего врага.

Кутейба (705-715) положил начало прочному завоеванию страны, поместив арабские гарнизоны в ее главнейших населенных пунктах, но окончательное покорение Мавераннагра произошло только в эпоху династии Аббасидов, сменившей в половине VIII века Омейядов.

Кутейба построил мечети в Бухаре, Самарканде и некоторых других пунктах и заставил жителей Бухары уступить арабам половину домов шахристана; самаркандцы по одному известию должны были совершенно очистить свой город, который был занят арабами, причем Кутейба произнес стих Корана о гибели племен Ад и Самуд.

В 713 и 715 годах Кутейба доходил со своим войском до Ходжента и даже до Касана в Фергане, лежащего на правом берегу Сыр-Дарьи, к с.-з. от Намангана; во многих областях, между прочим даже в Фергане были оставлены арабские наместники.

Ходжент находился в узле дорог и принимал живое участие в судьбах народов во время арабского покорения Средней Азии. Ходжент был один из больших городов Мавераннагра с цитаделью, шахристаном и рабадом; в цитадели находилась тюрьма, в шахристане соборная мечеть, в рабаде среди площади - дворец. Город славился своими виноградниками и садами; население было так многочисленно, что произведения окраинных полей не могли удовлетворять его, и хлеб для города должен был привозиться из Ферганы и Осрушны.

Главная дорога из Ходжента на Терек-даванский перевал через конечный пункт Ферганы - Узгенд, проходила по южной части Ферганы через следующие города

(каждый отстоял на один день пути от предыдущего): Кенд (Канибадам), Сох, Риштан, Зендерамш и Куба.

Несмотря на то, что Фергана только в IX в. окончательно была завоевана мусульманами, в окрестностях Андижана уже раньше были мусульманские святыни.

С северной стороны Ходжент был защищен от набегов турок двойной преградой; река Сыр-Дарья служила ближайшей к Ходженту преградой; долина же Чирчика с северной стороны была ограничена стеной, простиравшейся от гор Сайлык до берега Сыр-Дарьи. Остатки этой стены сохранились до настоящего времени в виде вала, который у туземцев, подобно бухарскому валу, носит название Кем-пирдувал ("Стена старухи").

Что касается дороги от Бинкента (Ташкента) в Ходжент, то здесь до новейшего времени имели большее значение горные пути, чем нынешняя дорога через степь. Упоминают два пути: один путь вел от Бинкента до серебрянного рудника, находившегося против нынешнего селения Аблык, через перевал Кендер-даван, на Хаджистан, бывший укрепленный пункт около горной цепи; от Хаджистана через Самгар на Ходжент. Этот путь был очень важен, так как вблизи Хаджистана находились большие соляные копи, удовлетворявшие потребностям Шаша, Ходжента и других областей (каменная соль, как известно, и теперь добывается в горах близ Самгара). Второй путь шел вниз по реке Сыр-Дарье до впадения в нее реки Ангрена, переходил на правый берег Дарьи и шел на север.

Путь между Ходжентом и Самаркандом входил в состав области Осрушна. Об этой области упомянуто выше. Теперь только добавим, что городская жизнь в Осрушне была мало развита; область менее других подверглась влиянию арабской культуры и потому должна была сохранить дольше особенности древнеарийского аристократического строя. В области добывался материал для железного оружия, которое выделывалось в Фергане и вывозилось во все области до Багдада. В горах добывались золото, серебро, купорос и нашатырь.

Уже в VIII в. Ходженту приходилось принимать участие в восстаниях жителей против арабского владычества и терпеть лишения от соперничества турок с арабами в этих местах.

Так, в 721-22 году мятежные против арабов согдийцы, именно дихканы и богатые купцы, решили покинуть свою родину; Ферганский царь обещал им уступить местность в Исфаринском округе, но вероломно предал их арабам. Осажденные арабами в Ходженте, беглецы должны были сдаться, при чем обязались уплатить оставшиеся за ними недоимки по хераджу. После передачи города арабы нашли предлог нарушить договор, и согдийцы были вероломно перебиты; посредством того же вероломства арабы овладели всеми укрепленными пунктами в долинах Зеравшана и Кашка-Дарьи и вполне восстановили свою власть.

В 724 году арабы снова совершили поход на Мавераннагр и дошли до Ферганы, но на обратном пути были разбиты турками и вернулись с большим уроном.

Турки уже тогда начали вдвигаться между арабами и китайцами в Мавераннагре. Владея всей западной частью Средней Азии, Сулу, начальник племени тюрков-тюргешей (племя, подвластное западно-тюркским ханам и входившее в состав пяти аймаков дулу; после падения власти западно-тюркских ханов место их заняли родоначальники племени тюргешей. Их алтайское происхождение удостоверяется существованием и в настоящее время у черневых татар родов тюргеш и кергеш),

основал могущественное государство, просуществовавшее по арабским источникам до 737, а по китайским - до 738 года. Владея всей западной частью Средней Азии, Сулу не мог без борьбы уступить арабам Мавераннагр; если арабы смотрели на Согд, как на "сад повелителя правоверных", то и для турков обладание богатою областью имело большое значение. Во все время своего царствования Сулу оказывал поддержку мятежным диканам против арабов и причинил последним столько вреда, что они дали прозвание Абу-Муза хим (соб. "ударяющий, бодающийся", т. е. слон или бык).

От своеволия арабов и лихоимства их наместников прежде всего страдало покоренное население. Иногда интересы казны и власть имеющих приходили в столкновение с интересами религии, во имя которой предпринимались завоевания. Как во всем арабском государстве, так и здесь представлял большое затруднение вопрос, следует ли взимать харадж с принявших ислам туземцев.

Хоросанский наместник Атрас в 728 г. задался целью обратить в мусульманство жителей Мавераннагра; в Самарканд были отправлены два миссионера, араб и перс, причем Атрас дал им обещание, что с новообращенных не будут взиматься подати. Успех проповеди превзошел все ожидания и вызвал одинаковое неудовольствие среди представителей казны и среди диканов; последние были заинтересованы в сохранении аристократического строя и потому не могли относиться равнодушно к распространению новой религии, еще не утратившей в это время своего демократического характера. Сам Атрас убедился, что "в харадж заключается сила мусульман", и велел освободить от подати только тех из новообращенных, над кем будет совершено обрезание, кто будет исполнять предписания ислама и прочтет суру из Корана. Ему ответили что, туземцы действительно приняли ислам и стали строить мечети, так что "все люди стали арабами" и подати взимать не с кого. Тогда последовало решение: "Берите подати с тех, с которых брали ее раньше". Произошло общее восстание; весь Согд поднялся на арабов и призвал на помощь тюрков. Туземцы, надо думать, по примеру персов, более склонны были к принятию учения шиитов*, потому что шииты, борясь за право Али и его потомков, тем самым стояли в оппозиции к правительству, нелюбимому персами. Посредством компромисса между исламом и верованиями туземцев, особенно учением о переселении душ, Абу-Муслим (около 747) привлек на свою сторону диканов и сельское население.

После одержания победы над омейядским наследником Абу-Мус лиму пришлось употребить новые усилия для того, чтобы удержать в повиновении всю эту массу и вступить в борьбу как с арабами, так и с персидскими народными движениями. В Нишабуре из среды огнепоклонников выступил религиозный реформатор Бих-Афарид (у Ауфи Мих-Афарид), желавший восстановить в чистом виде учение Зороастра и резко нападавший на официальное парсийское духовенство. Маги пожаловались Абу-Муслиму, что явился человек, который подрывает как их, так и его веру, и Абу-Муслим оказал им поддержку при подавлении движения; как одному из самых деятельных эмиссаров Аббасидов, Абу-Муслиму пришлось принимать участие в подавлении восстания в пользу Алидов, место которых Аббасиды постепенно занимали.

Как известно, шиитское движение в начале было поднято только во имя предписания пророка и в пользу его семьи, причем не было произнесено имя

какого-нибудь определенного претендента. Естественными преемниками пророка считались Алиды.

В Бухаре в 750-751 г. было поднято восстание арабами против Аббасидов. Глава движения, Шерик б. Шейх ал-Мехри, объявил: "не для того мы последовали за домом пророка, чтобы проливать кровь и совершать несправедливые дела". Шерик поднял восстание в пользу Алидов; его сторону приняли представители арабской власти в Бухаре и Хорезме; за него стояло городское население Бухары. Восстание было подавлено с большою жестокостью; город был сожжен и горел трое суток; затем в Самарканде были побеждены остальные мятежники.

Одновременно с внутренними смутами Мавераннагр подвергался большой опасности со стороны внешнего врага. В 748 г. китайцы вновь появились в Фергане и Шаше. Зияд б. Салих, полководец Абу-Муслима, только что подавивший восстание Шерика, в июле 751 г. разбил китайское войско под начальством Гао-Сянь-Чжи. Эта битва в истории Туркестана имеет весьма важное значение, так как ею был решен вопрос, которой из двух культур, китайской или мусульманской, должно принадлежать господство в стране.

Таким образом, Абу-Муслим одержал победу над внешними и внутренними врагами; но его огромная популярность среди туземцев Хоросана, для которых он был не только представителем государственной власти, но и вероучителем, возбудили опасение в Аббасидах; привлеченный ко двору халифа, Абу-Муслим в 755 г. был изменнически умерщвлен. После этого сторонники Абу-Муслима сделались врагами Аббасидов. Руководители целого ряда шиитских движений в Персии и Мавераннагре так или иначе связывали свое дело с именем Абу-Муслима. Отличительным цветом партии (конечно, только во время открытых движений) сделался белый цвет одежды и знамен; таким образом, партия действовавшая во имя того, кому некогда черное знамя было обязано своим торжеством, получило название Сапид-Джамаган (носящие белую одежду", по арабски: ал-му-бейда). Табари относит начало шиитского движения в Хоросане еще ко времени царствования Омара II (717-720 гг.); но только в 734 г. Харис б. Сурейдж поднял черное знамя во имя "книги Божией и предписаний (сунны) пророка его"; он обещал "соблюдать договоры, заключенные с иноверцами, не брать податей с мусульман и никого не обижать".

Первые представители династии Аббасидов были такими же светскими правителями, как Омейяды, и открыто поддерживали греческую науку и рационалистическое учение мутазалитов. От Омейядов их отличали главным образом государственные стремления: тогда как Омейяды были прежде всего предводителями арабского народа, Аббасиды хотели создать государство, в которое могли бы войти на равных правах области с персидским" и области с арабским населением. Образцом для них служила стройная государственная система Сасанидов, казавшаяся арабам высшим образцом государственной мудрости. (Джагиз в 869 г. говорит, что сасанидские персы превосходили все народы в искусстве управлять государством, как китайцы - в ремеслах, греки - в науках, тюрки - в военном деле).

В эпоху Аббасидов мусульманский государственный строй начал принимать тот характер, который он в общих чертах сохраняет до настоящего времени. Задача аббасидской политики заключалась в том, чтобы привлечь на свою сторону умеренные элементы обеих наций и с их помощью подавлять как восстания народов, не желавших признавать равноправность покоренных народов, так и

антимусульманские движения арийского населения во имя народных верований. Надо было создать такой строй, чтобы все составные части населения находили для себя полезным поддерживать новый порядок. Применив в общих чертах персидскую бюрократическую систему управления, Аббасиды взяли под свое покровительство ислам, под условием, однако, подчинения духовной власти светской. Так как власть Аббасидов не имела национальной основы, то для охраны ее служила гвардия из иноземцев, главным образом, из тюркских рабов. Подданные представляли из себя лишь ту массу, которая была обязана давать государству денежные средства - платить налоги.

Этим определялась также задача областных наместников, в частности наместника Хоросана, которому по прежнему был подчинен Мавераннахр.

Два раза во главе области, как при Сасанидах, был поставлен сын главы государства, что объясняется важностью хоросанского наместничества, где борьба с внешними и внутренними врагами представляла большие трудности. Задачи наместников сводилась к укреплению государственного строя в духе сасанидских традиций, к объединению всех сторонников порядка и спокойствия, к усмирению беспокойных элементов и к войне с вассалами непокорными и их степными союзниками. Полное подчинение страны мусульманскому владычеству и полное установление внешней и внутренней безопасности было достигнуто только тогда, когда во главе страны, вместо часто сменявшихся наместников, были поставлены наследственные правители из туземных аристократов (Тахириды), хорошо знакомые с местными условиями и пользовавшиеся доверием населения.

Само собой разумеется, что эти правители действовали более в своих интересах, чем в интересах халифов, и что их зависимость от последних скоро сделалась чисто номинальной.

Аббасидские наместники, правившие в Хоросане до начала династии Тахиридов, должны были подавить целый ряд восстаний, как со стороны арабов, так и со стороны персов. После усмирения восстания Шерика, нужно было усмирить целый ряд восстаний арабских шиитов в Бухаре.

Что касается "людей в белых одеждах", т. е. партии Абу-Муслима, то их деятельность никогда не прекращалась (секта существовала еще в XII в.), хотя сравнительно редко проявлялась в открытых возмущениях. О существовании в деревнях Мавераннахра религии "людей в белых одеждах", обряды которых походят на обряды зендиков (дуалистов), говорит также Макдиси; больше всего "людей в белых одеждах" было среди сельского населения Илака.

Упомянем о восстании в 806 г. Рафи б. Ляйса. Неизвестно, какими средствами Рафи удалось привлечь на свою сторону туземцев, убить самаркандского наместника и овладеть Самаркандом. Жители Несефа сами просили у Рафи помощи против правительства; Рафи послал им "владельца Шаша с его тюрками"; Кроме того Яькуби называет сторонниками Рафи жителей Ферганы, Ходжента, Осрушны, Чагиниана, Бухары, Хорезма и Хутталя. Даже токуз-огузы, карлуки и тибетцы прислали Рафи вспомогательные отряды. Восстание было подавлено только в 810 г.; покинутый в 809 г. тюрками, Рафи сдался Мамуну.

Необходимо отметить еще одну меру аббасидских наместников, несомненно имевшую большое значение в экономической жизни страны, именно - введение низкопробной разменной монеты. По рассказу Наршахи в Бухаре первый стал чеканить серебряные монеты (дигремы) бухар-худат Кана; монеты были введены

им в царствование халифа Абу-Бакра (632-634 гг.), дигремы чеканились из чистого серебра, на них был изображен бухар-худат с венцом на голове. К концу VIII в. эти монеты уже исчезли из обращения и были вытеснены хорезмийскими,

Недовольные этим бухарцы обратились к наместнику Гитрифу б. Ата с просьбой чеканить для них серебряную монету того же вида, как дигремы бухар-худата, но такую, которая бы служила исключительно для местных потребностей и не могла быть вывезена из пределов области. Так как серебро было дорого в то время, то Гитриф, по соглашению с представителями города, стал чеканить монету из сплава шести металлов: золота, серебра, свинца, олова, железа и меди. Монеты были чеканены с прежними изображениями, но с именем Гитрифа; оттого монеты получили название гитрифа.

Гитрифийские дигремы не были ни единственными, ни первыми монетами того рода. Кроме дигремов Хорезма историки и географы различают три вида низкопробных дигремов, которыми уплачивались подати в Мавереннагре, именно дигремы мухаммеди, мусейяби и гитрифи, при чем подати в Шаше, Илаке и Хофсите уплачивались мусейбийскими дигремами. На всех этих монетах были изображения, резко отличавшие их от обычного типа мусульманских монет, на них также непонятные письмена.

Нумизматические данные пока выяснили только факт, что в Согдиане в V и в VI в. начали чеканить дигремы в подражание сасанидскими; если хронологическое указание Наршахи относительно чеканки монет в Бухаре верно, то бухар-худаты, вероятно, заимствовали тип монет от своих согдийских соседей, а не непосредственно от Сасанидов (иначе они, как скоро после того сделали арабы, приняли бы за образец дигремы Хосроя II).

Крайне любопытно, что еще в конце VIII в., когда в Мавераннагре уже давно чеканились дигремы и фельсы куфического типа, потребность населения в разменной монете пришлось удовлетворить посредством дигремов старого образца, с языческими изображениями.

Последним крупным военным предприятием арабов в Средней Азии, о котором до нас дошло известие, был поход в 822—23 г. на Осрушну, - область, простиравшуюся от Джизака почти до Ходжента.

На северо-востоке арабы доходили до Таласа, где в 751 г. разбили китайское войско; потом арабы отказались от долины этой реки и от области Исфижаб (Чимкент и его окрестности), а в степи Калас, отделявшей Исфиджаб от Шаша (Ташкента) выстроили стену для защиты от набегов кочевников. Стена эта простиралась от Сыр-Дарьи до гор Сайлык. Остатки ее и по настоящее время заметны в степи.

Вообще в северной области Мавереннагра, подчинившейся арабам только в IX веке, арабский элемент совсем не привился, и существенные черты арийской культуры сохранились в них доныне. К таким областям принадлежит и Осрушна. В то время, когда во всех других областях уже водворились арабские переселенцы, в Осрушне их не было, ибо ее население не допускало к себе на жительство арабов. Таким образом, Осрушна заслуживает особого внимания при изучении остатков древней культуры. Местоположение столицы Осрушны, называемой арабами Бенджикентом (Пенджикент), определяется следующими словами арабских географов: "от Сабата (Савата) идут два фарсаха (фарсах равен 6-7 верстам) по равнине и потом 5 фарсахов вверх по реке, текущей около города; по обе стороны

дороги находятся горы, покрытые селениями". Судя по этому описанию, очень вероятно, что остатками столицы Осрушны следует признать интересные развалины около селения Шахристан, верстах в 25 к юго-западу от Ура-Тюбе.

Важные перемены произошли, когда правителями Мавераннагра были назначены Саманиды, подчиненные хоросанскому наместнику. К этой эпохе относится окончательное подчинение Мавераннагра мусульманскому владычеству, при поддержке багдадского правительства. В 875 г. внук перса Саман-худата, принявшего мусульманство, получил от халифа Муътамида диплом на управление всем Мавераннагром. К этому времени относится также возвышение влияния тюрков во внутреннем управлении Мавераннагром. Уже при Муътасиме тюркская гвардия, в состав которой входили выходцы из Согда, Ферганы, Осрушны и Шоша, сделалась одной из опор престола. Это обстоятельство способствовало окончательному утверждению мусульманского владычества в стране. Жители были признаны добрыми мусульманами и сами начали принимать участие в борьбе "за веру" со своими соседями тюрками.

Но по своему аристократическому происхождению и по своему положению официальных представителей арабской власти Саманиды не могли сделаться выразителями национальных и демократических стремлений, подобно Абу-Муслиму и других "дай" т. е. шиитским проповедникам.

Особенно много сделал в государственном устройстве Мавераннагра в духе просвещенного абсолютизма Исмаил б. Ахмад (892-907 гг.).

В 893 г. была низложена туземная династия Осрушны и эта область присоединена к непосредственным владениям Саманидов.

К этой эпохе относится полное формирование государственного устройства Мавераннагра и имеются подробные сведения об экономическом быте населения.

Во главе государства стоял самодержавный правитель, ответственный только перед Богом. Персидские историки иногда называют Саманидов "повелителями правоверных" т. е. дают им тот-же титул, как халифам.

По персидскому идеалу самодержец прежде всего должен быть хорошим "хозяином" (кадхуда) своего государства и заботиться о его внешнем благоустройстве: о рытье каналов и подземных арыков, о постройке мостов через большие реки, о благосостоянии деревень и поддержании земледелия, возведении укреплений и основании новых городов, об украшении городов высокими и красивыми зданиями, об устройстве рабагг на больших дорогах и т. п.

Большую часть, конечно, роль монарха сводилась к выбору лиц, которым могли бы быть поручены отдельные отрасли управления. Через всю систему восточно-мусульманской политической организации красною нитью проходит деление всех органов управления на две больших категории, на дергах (дворец) и диван (канцелярию). До эпохи Саманидов мы не имеем никаких известий о существовании в восточно-мусульманских государствах, как при дворе Аббасидов, личной гвардии государя, состоящей из купленных рабов, главным образом, из тюрков. При дворе Исмаила и его преемниках мы уже находим подобную гвардию, хотя "люди дергаха" в эту эпоху не приобрели такого значения, как в последствии. Главные военные должности поручались не только начальникам гвардии, но также представителям местных знатных родов; в состав войска, кроме тюрков, входили также дихканы; вообще жители Мавераннагра в то время большей частью еще носили оружие.

Так пали значение и власть туземных владетелей отдельных областей, входивших в состав Мавераннагра, и над всем Междуречьем утверждалась неограниченная власть дергаха и дивана с системой бюрократического правления.

Сама борьба с феодалами велась благоразумно; в большинстве случаев феодальные владения путем покупки переходили в руки торгово-промышленного сословия.

Под властью местных династий, при чисто внешней зависимости от центрального правительства, в эпоху Саманидов оставались только восточная часть нынешнего Бухарского ханства (область Хуттал и Чаганиан), Хорезм и тюркские владения в Исфиджабе. В городе Тун-кете, столице этой области, жил по выражению арабского географа, "сильный дихкан", пользовавшийся даже правом чеканить монету.

Что касается народных масс, то положение их в эпоху Саманидов было довольно благоприятно, в виду обеспечения внешнего мира и значительного развития промышленности и торговли. Из Самарканда вывозились ткани серебрянные (симгук) и самаркандские, большие медные котлы, изящные кубки, палатки, стремена, удила, ремни; из Джизака - хорошие сорта шерсти и одежда из нее; из Бенакета - туркестанские ткани; из Шоша - высокие седла из лошадиной кожи, колчаны, палатки, кожи (привозимые от тюрков и подвергаемые дублению), плащи, молитвенные коврики, наплечники, хлебное зерно, прекрасные луки, иголки высшего качества, хлопчатая бумага, идущая к тюркам, ножницы; из Самарканда - еще парча, вывозимая к тюркам, и красные ткани, известные под названием мамарджиль, ткань синиза (полотнянная), много шелку и шелковых тканей, орехи; из Ферганы и Исфиджаба-тюркские рабы, белые ткани, предметы вооружения, мечи, медь, железо. Таким образом, мы видим, что уже 1000 лет (назад) вырабатывалось в здешнем крае то же самое, что и теперь.

Промышленность несомненно развилась под влиянием Китая. Арабские завоеватели нашли в Мавераннагре множество китайских произведений, сбыт которых, конечно, должен был уменьшаться с развитием местной промышленности; впечатление, произведенное на мусульман искусством китайских ремесленников, видно уже из того, что арабы называли все искусно сделанные сосуды китайскими. Из произведений Мавераннагра наибольшею известностью в мусульманском мире пользовались шелковые и хлопчатобумажные ткани долины Зеравшана и ферганские металлические изделия, особенно оружие, находившее себе сбыт даже в Багдаде. Развитию металлической промышленности в Фергане несомненно способствовали каменноугольные копи Исфаринского округа ("горны из черных камней, которые горят, как уголь; пепел служит для беления одежды").

Самаркандская бумага имеет большое значение в истории культуры, как древнейший известный нам образец тряпичной бумаги. По мусульманским известиям самаркандцев научили приготовлению бумаги китайские ремесленники, взятые в плен Зиядом б. Салихом в 750 году; но, по исследованию проф. Карабачека, самаркандцы могли заимствовать у китайцев только идею приготовления бумаги и самостоятельно нашли способ выделки ее из тряпья, так как в Китае тряпичная бумага появляется только с 940 г. К концу X в. самаркандская бумага в мусульманских странах уже успела совершенно вытеснить папирус и пергамент.

Большое значение всегда имела торговля с кочевниками, от которых получали в большом количестве убойный и вьючный скот, кожи, меха и рабов. Торговля с

оседлыми народами столь же необходима кочевникам, получающим таким образом предметы одежды и хлеб. Кочевники сами пригоняли свои стада к границам соседних поселений, не дожидаясь прибытия караванов в степь.

Наконец, развитию промышленности и торговли содействовало отсутствие обременительных податей и пошлин.

Нужно отметить, что Саманиды ограничивались уплатой жалованья и не раздавали воинам земельных наделов.

Благодаря описанной выше организации государства династия Саманидов могла продержаться около 100 лет в Мавераннагре.

При Саманидах усилилось шиитское движение в Мавераннагре, особенно в последний год царствования Насра II б. Ахмеда (943 г.) Шиитская пропаганда в Хоросане, где находится одна из главнейших святынь шиитов, никогда не прекращалась, и потомки Али издавна пользовались большим влиянием на население. Средства шиитской пропаганды значительно усилились с образованием фатимидского халифата (в начале X в.); фагимидские эмиссары проникли в Хоросан и обратили в шиитство Хусейна б. Али Мервези, преемником которого был Мухаммед б. Ахмед Нахшеби. Исполняя завещание своего учителя, Нахшеби перенес свою деятельность в Мавераннагр, где имел успех сначала в своем родном городе Несеф (Карши), потом и в столице. Ему удалось обратить в свою веру нескольких вельмож, среди которых были главный хаджиб Айташ, приближенный секретарь (дебири хос) Абу Бакр б. Абу-Ашас, ариз Абу-Ман-сур Чагани, бухарский рейс, начальник финансового ведомства и правитель Илака (при Саманидах владетель Илака, глава местных дихканов, живший в Тункете, на берегу Ангрена, не имел политической власти, но продолжал оказывать влияние на народ, так что Макдиси называет его "сильным дихканом") Хусейн-Малик. Через них он получил доступ ко двору, и скоро сам эмир сделался "карматом".

Увлечение эмира шиитской ересью не могло быть одобрено духовенством, которое обратилось к своим обычным союзникам, к представителям тюркской гвардии.

Это увлечение привело к тому, что эмиру пришлось отказаться от престола в пользу своего сына Нуха.

Нух объявил, что до похода на неверных тюрков надо уничтожить неверных в собственной стране; их имущество, начиная с казны впавшего в ересь эмира, должно было перейти в руки правоверных. Было произведено избиение еретиков в Мавераннагре и Хоросане, начиная с Нехшеби и его знатных приверженцев; при этом были приняты меры к тому, чтобы вместе с еретиками не были убиты (из личной вражды) правоверные. С тех пор шииты продолжали существовать в Мавераннагре только в качестве тайной секты.

К эпохе Саманидов относится усиление тюрков. Вытесненные монголами, тюрки крепким кольцом заняли земли, окружавшие Мавераннагр. Установились оживленные сношения между тюрками и Мавераннагром. Купцы и проповедники начали проникать в степь, а вместе с ними и мусульманство. Некоторые военачальники из рабов-тюрков при Саманидах пользовались большим влиянием. Некоторые орды огузов (туркмены), по неизвестной причине покинувшие свои земли, с согласия правительства заняли в Мавераннагре часть земель, удобных только для кочевников, и за это обязались защищать границу от всяких нападений. Другая ветвь туркмен под начальством Сельджука отделилась от

своих соплеменников у низовьев Сыр-Дарьи; Селджук принял ислам и освободил мусульманского правителя, находившегося в самых враждебных отношениях к потомкам Сельджука; последние были приняты Саманидами и поселились в окрестностях Нура (ныне Нур-ата, к северо-востока от Бухары).

В IX в. карлыкские илеки овладели Хатаном и Кашгаром и начали грозить Мавераннагру и, наконец, в 999 г. илек Наср решил покончить с последними остатками господства Саманидов в Мавераннагре.

По рассказу современника и очевидца события, Саманиды решили оказать врагам отчаянное сопротивление; по приказанию правительства хатибы бухарских мечетей убеждали народ взяться за оружие для защиты своей династии. В то время бухарцы, как вообще жители Мавераннагра, еще носили оружие; если бы Саманидам удалось организовать народное движение в свою пользу, то это причинило бы Караханидам серьезные затруднения, хотя едва ли можно было предотвратить падение династии. Проповеди хатибов, однако, не имели никакого действия. Саманиды, не исключая самого Исмаила, никогда, не старались приобрести доверия народных масс и сделать их опорой своего престола; о том же свидетельствует преследование шиитских движений, несомненно имевших демократический характер. Мы знаем, что учение шиитов и при последних Саманидах имело в Мавераннагре тайных последователей, к числу которых принадлежали, между прочим, отец и брат знаменитого Авиценны. Сочувствие суннитского духовенства, не смотря на все заботы Саманидов о религии и ее представителях, также находилось не на стороне династии, а на стороне ее врагов. Население не убежденное проповедью хатибов, обратилось "к тем, которые у них считались факихами", т. е. к представителям неофициального духовенства, всегда имевшего на население гораздо больше влияния, чем назначенные правительством хаггибы и имами. Как всегда бывает в аналогичных случаях, суеверные кочевники, сравнительно недавно принявшие ислам, были гораздо более усердными почитателями религии и ее служителей, чем культурное правительство. Население последовало совету своих учителей и решило, что "когда борьба идет из-за благ сего мира", то мусульманам нет надобности "подставлять себя для убиения".

Илек объявил, что идет в Бухару; население встретило завоевателей совершенно пассивно; предводители бухарских военных сил, Бек-тузун и Эналтегин, добровольно явились в лагерь завоевателей, где были задержаны. В понедельник 23 октября 998 года илек без сопротивления занял Бухару и овладел казной Саманидов. Абд-ал-Малик и все прочие члены династии были отправлены в Чзгеид (в Фергану), куда вернулся и сам илек, оставив в Самарканде и Бухаре своих наместников; так при всеобщем равнодушии, совершилось падение знаменитой династии. Едва-ли ктонибудь в это время сознавал значение исторического события, положившего конец господству туземного арийского элемента.

Владение Караханидами Мавераннагром не было благоприятно, государственное устройство было переделано, земледелие и промышленность начали приходить в упадок.

Ханы продолжали вести кочевую жизнь, Шемс-ал-мульк, только зиму проводил с своим войском в окрестностях Бухары, причем строго следил за тем, чтобы воины оставались в своих шатрах и не притесняли жителей; после захода солнца ни один воин не смел оставаться в черте города. Не смотря на кочевой образ жизни Караханиды исполняли и ту обязанность государей, которая выражалась

" в украшении городов высокими и красивыми зданиями, устройстве рабатов на больших дорогах и т. п. "

Персидский взгляд на монарха как на единодержавного правителя государства, также был чужд кочевникам, в глазах которых империя была собственностью всего ханского рода. Удельная система и неизбежные при ней междуусобия получили широкое развитие в государстве караханидов. Столь же вредно должна была отозваться на интересах населения система военных ленов, т. е. земельных наделов, раздававшихся войску взамен уплаты жалованья или части его. В восточной части мусульманского мира эта система получила широкое развитие только после тюркского завоевания. пожалование надела (икта) было обычным фактом, но это явление не привело к установлению крепостного права; Низам-ап-мульк напоминает владельцам наделов, что им только разрешается взимать с жителей определенную сумму и что, кроме того, они не имеют никаких прав на личность, имущество, жен и детей населения.

От беспорядков, вызванных удельной системой, вероятно, также системой земельных наделов, преимущественно, конечно, страдал класс землевладельцев. Очень возможно, что в первое время господства новой династии значение дикканов увеличилось, как показывает факт появления монет илакского диккана. Но в рассказах о монгольском завоевании мы уже не встречаем никаких известий о значении этого класса в Мавераннагре, тогда как в Хоросане по прежнему упоминаются землевладельцы, жившие в родовых замках; собирая по своему всегдашнему обычаю сельских жителей для осадных работ, монголы посылали соответственные приказания землевладельцам.

Упадок класса землевладельцев в Мавераннагре, вероятно, был вызван крайним обесценением земельной собственности, о котором говорит переводчик Нершахи; в его время землю, которая при Саманидах продавалась по 4000 дигремов за джуфт, никто не брал и даром; если находился покупатель, то земля все таки оставалась необработанной "вследствие жестокости (правителей) и немилосердного отношения к подданным".

При Мелик-хане вся мусульманская Азия подчинялась одному государю; но в это время к восточным границам мусульманского мира приближался народ, впервые заставивший мусульман Мавераннагра признать над собою власть неверных.

Кара-Китани (Кара-Кидини-тюрки), занимавшие Монголию, овладели бассейном Тарима. Во второй четверти XII века, бежавший из Киданьского северного Китая, который завоевали в это время чжурчжени, киданьский князь Блюй-Даши, составив себе армию из подобных ему киданьских беглецов и из тюрков разных племен, подчинил уйгуров восточного Тяньшаня, обратившихся к оседлости и потерявших притяньшанские земли еще около 1028 г. С увеличившеюся, по мере дальнейших успехов, привлекаемыми военной добычей тюрков армией Елюй-Даши покорил западный Тяньшань и Мавераннагр (разбив войско Махмуд-хана при Ходженте в 1137 г.).

Мавераннагр переживал в эту эпоху тяжелую междуусобную войну. Харезмшах старался добиться гегемонии над этими странами и пользовался помощью Кара-Китаев, от которых он находился в вассальной зависимости. Харезмшах не мог остаться вассалом неверных Кара-Китаев и уже для поддержания своего авторитета должен был принять на себя роль освободителей мусульман. (Обстоятельства были благоприятны для него, так как в это время — в начале XIII века - произошло одно

из самых обширных в истории мусульманских движений, охватившее Восточный Туркестан, Семиречье, Кульджинский край и Мавераннагр).

Кара-китайское государство, имевшее центром долины р. Чу, где находилась столица Баласагун, существовало до 1211 г., когда последний Каракиданьский Гурхан был пленен зятем своим, найманским Кучлук-ханом, лишенным монголами своих земель и нашедшим у киданей убежище. Не предпринимая завоевательного похода на Восточный Туркестан, Кучлук три или четыре года к ряду (т. е. с 1211 по 1213 или 1214) вторгался в страну во время жатвы и опустошал ее. Хорезмшах Мухаммед в это время отправлял отряды в ту же область. Набеги Кучлука вполне достигли своей цели; в стране начался голод, заставивший жителей выразить покорность Кучлуку. Судя по поведению хорезмийцев в других местах, можно думать, что присутствие в стране одновременно с войсками Кучлука отрядов войска Мухаммеда только способствовало принятию жителями такого решения. Столь же мало Хорезмшах мог остановить жестокое гонение, которому после победы Кучлука подвергся ислам в Восточном Туркестане. Мухаммед не только не оказал помощь своим кашгарским и хотанским единоверцам, но даже не мог защитить от Кучлука северные области Мавераннагра. По Ибн ал-Асиру султан по крайней мере до 1218 г. проводил лето в Самарканде, опасаясь нашествия Кучлука на Мавераннагр; наконец жители Исфиджаба, Шаша, Ферганы и Касана получили приказ переселиться на юго-западе, после чего эти области были опустошены, чтобы они не достались Кучлуку. Относительно Исфиджаба и Шаша известие Ибн ал-Асира вполне подтверждается словами Якута, который приводит ту же самую причину этой меры: Хорезмшах опустошил те области потому, что не был в состоянии удержать их в своей власти.

Вообще перед монгольским нашествием государственная власть во владениях Хорезмшаха была уже сильно пошатнута. Нуждаясь в своей тюркской гвардии, Мухаммед поневоле должен был употребить все старания, чтобы жить с нею в мире. Наемные войска составляли единственную военную силу Хорезмшахов; на народные массы в XII в. еще в большой степени, чем прежде, смотрели как на рабочую силу, которую следует держать в полном повиновении. Ал-Катиб ас-Самарканди приводит характерный анекдот о султани Санджаре, который будто бы сказал, что ограждение сильных от обиды со стороны слабых еще более необходимо, чем защита слабых от произвола сильных; оскорбление слабых сильными — только несправедливость, тогда как оскорбление сильных слабыми — и несправедливость и позор. Если народные массы выйдут из повиновения, то произойдет полный беспорядок; "малые будут исполнять дела великих, а великие не могут исполнять дела малых", т. е. простой народ захочет вести жизнь знатных людей, и некому будет исполнять работы, составляющие удел простолюдинов. Еще более характерный отзыв о классе ремесленников и земледельцев мы находим в одном из официальных документов времени Санджара: "Они не знают языка царей, и для них недоступно понятие о согласии с правителями или о возмущении против них: все их дела имеют только одну цель — добыть средство к жизни и прокормить жен и детей; ясно, что их не за что упрекать, и что они пользуются постоянным спокойствием".

Таким образом, наемное войско составляло единственную опору престола, и государь в собственных интересах должен был отдать ему предпочтение перед гражданскими элементами.

Система военных ленов, получившая распространение при Селджуках, продолжала существовать.

Одним словом, восточно-политический строй, созданный Аббасидами, получивший дальнейшее развитие при Тахиридах и Саманидах, теперь дошел до полного разложения. Народ, освобожденный Мухаммедом от ига неверных, восстал против своих освободителей и был усмирен потоками крови.

Понятен исход борьбы между таким государством и свежими силами кочевников, объединенными в это время одним из гениальнейших организаторов всех времен.

Этнографический состав населения Мавераннагра перед нашествием монголов уже значительно изменился. В городах тюрки дали уже значительный класс горожан. О разнообразии этнографическом мы можем судить только приблизительно по составу армии. Защите Самарканда, главного города Мавераннагра, Хорезмшах придавал особенное значение; естественно, что здесь было сосредоточено больше войска, чем в других местах. По Джувейни в Самарканде было до 110 000 войска, из них 60 000 тюрков и 50 000 таджиков. По Несеви войска было только 40 000, Ибн ал-Асиру 50 000, по Джузд-жани 60 000 со включением тюрков, таджимов, гурцев, халаджей и карлуков. Араб Идриси, в числе кочевников, окружавших Фергану, называет также кипчаков (хифтчак) и болгаров. Таким образом, нужно думать, что коренное население Мавераннагра перед нашествием монголов уже успело значительно отуречиться.

Нашествие монголов резко отразилось на Мавераннагре как в смысле ухудшения экономического благосостояния населения, так и состава этнографического коренного населения.

Начало осады Самарканда относят к сентябрю 1219 года.

Несомненно, что монголы Чингиз-хана находились на очень низкой степени культуры, даже по сравнению с своими соплеменниками, кераитами и найманами; оттого, после объединения Монголии, еще до покорения культурных областей, явилась необходимость сделать заимствование у покоренных народов. Первыми представителями культуры при дворе Чингиз-хана были мусульманские купцы. Письменное делопроизводство возникло в государстве Чингиз-хана после покорения найманов (1206 г.); уйгур Ташатун, хранитель печати найманского хана, занял ту же должность при дворе Чингиз-хана; кроме того, ему было поручено обучать уйгурской грамоте сыновей хана. Таким образом, первыми учителями монголов и первыми чиновниками монгольской империи были уйгуры; впоследствии уйгурские чиновники вместе с монгольскими завоевателями пришли в культурные страны и как в Китае, так и в мусульманских странах, успешно выдерживали конкуренцию с туземцами, гораздо более образованными.

Первый город подвергшийся нападению в Мавераннагре, был Нур. Город был взят; по требованию Субудая жители очистили город, взяв с собой только жизненные припасы, земледельческие орудия и скот; после этого их дома были разграблены монголами. В феврале 1220 г. Чингиз-хан подошел к Бухаре; город был взят. Жители должны были доставить монголам все припасы, приготовленные для войска султана, и засыпать ров цитадели; после взятия ее все защитники были перебиты. Наконец все жители, взяв с собой только ту одежду, которая была на них, должны были выйти из города; их имущество было разграблено монголами. После разграбления город был сожжен; уцелели только соборная мечеть и некоторые дворцы, выстроенные из жженного кирпича.

На пути из Бухары в Самарканд монголы уже вели с собою огромные толпы пленных. По сведениям Ибн ал-Асира участь этих пленных была крайне тяжелой; они должны были пешком следовать за монгольской конницей; кто изнемогал по дороге, того убивали. Кроме пленных горожан, в той толпе, несомненно, были сельские жители; во всех странах, где им приходилось действовать, монголы для осадных работ сгоняли крестьян окрестных деревень.

В марте монголы подошли к Самарканду. Тюрки, служившие в войске султана, предложили свои услуги монголам, на что последние сперва согласились. Город сдался, цитадель была взята приступом; ее защитники перебиты. Тюркские воины султана, которые сначала были приняты на службу монголами, теперь были окружены на ровном месте и перебиты со всеми своими предводителями. Что касается оставшихся жителей, то из них 30 000 ремесленников были отданы сыновьям и родственникам Чингиз-хана; столько же было уведено для осадных работ; остальные получили позволение вернуться в город, при чем с них взяли выкуп в 200 000 динаров. После того еще несколько раз вводили жителей из города, так что он почти совсем опустел. Дошла очередь до Бенакета (около устья Ангрена). Монголы перебили гарнизон, а из жителей увели ремесленников и отряд молодых людей для осадных работ. Из Бенакета отряд пошел в Ходжент. Осада Ходжента представляет один из любопытных эпизодов военной истории. Начальник Ходжента Тимур-малик не мог удержаться в городе и с тысячью воинов укрепился на одном из островов Сыр-Дарьи; есть основание предполагать, что имеется в виду остров, расположенный в версте ниже Ходжента. В конце концов Тимур-малик все-таки должен был покинуть свой остров; вероятно, запас провианта и оружия приходил к концу. Ночью Тимур-малик посадил свой отряд на суда и при свете факелов поплыл вниз по реке. У Дженда все таки потерял весь свой обоз и всех своих спутников и один только благополучно прибыл в Хорезм. О действиях монголов повествует еще история взятия Хорезма. По взятии города жители были выведены в поле; было объявлено, чтобы ремесленники стали отдельно; некоторые исполнили это, другие скрыли свое знание, полагая, что монголы, как в других городах, уведут ремесленников с собой, а другим позволят остаться на родине. По Джувеини, ремесленников было более 100 000, их увели в "восточные страны", где они образовали большое число поселений. Малолетних детей и молодых женщин увели в плен; остальные жители были перебиты, при чем на каждого монгольского воина будто бы пришлось 24 человека.

Выше уже было сказано о запустении деревень и падении ценности на земли во время междоусобных войн в Мавераннагре перед монгольским нашествием. Во время же нашествия монголов были разрушены города, погибли ремесла, а вместе с городами погибла и масса коренных жителей Мавераннагра.

Земли по обе стороны Тяньшаня и Мавераннагр составляли удел второго сына Чингиз-хана Джагатая.

Не забудем, что монголы были кочевники. При занятии Мавераннагра они должны были кочевать на занятых землях, особенно на предгорьях, где зеленели обширные пастбища и журчали обильные водою ключи и родники. Как и теперь, эти кочевники должны были повести за собой уничтожение зарослей кустарников, при чем обнаженная почва предгорий не могла противостоять разлитию водою весенних и летних ливней. Все это немедленно вело к уменьшению площади

удобных пастбищ и засорению многих ключей. Так постепенно менялась природа самой местности.

Этнографический состав ближайших соседей Мавераннагра в это время был следующий: от реки Талас до Сыр-Дарьи кочевали канглы (теперь род Большой Орды) и карлыки; западный же Тяньпань занимали кыргызы в качестве аборигенов и кара-кыргызы.

В конце января 1223 г. ханская ставка была уже на правом берегу Сыр-Дарьи; монголы уже возвращались, сделав свое разрушительное дело. Власть их над Мавераннагром уже никем не оспаривалась.

Хотя Джагатай получил из армии отца и небольшое число, притом еще не вполне омонголенных тюрков, а потому военные силы его состояли из подвластных тюркских племен, тем не менее власть джагатаидов была крепка, пока не исчез страх, внушенный завоевателем, и пока тюркские роды и племена, продолжавшие сохранять родовой быт и кочевой образ жизни, не почувствовали свою силу, благодаря в особенности раздорам между чингизидами за власть и уделы, при которых одерживали обыкновенно верх те, кто привлекал на свою сторону сильнейшие роды тюрков.

Сознание родами своей силы, при естественном их стремлении к самостоятельности, неизбежно должно было привести к разложению улуса Джагатая. Уже во второй половине XIV века джагатаиды потеряли Мавераннагр, доставшийся сплотившему около себя местных тюрков Тамерлану и его потомкам.

Как известно, Тамерлан избрал своим главным местопребыванием Самарканд. Тимур происходил из отуреченного монгольского племени барлас. Во время его малолетства произошло распадение джагатайского царства. В Мавераннагре с 1346 г. власть принадлежала тюркским эмирам и, возводившиеся ими на престол ханы правили только номинально. Мавераннагр переживал свое смутное время; особенно тяжело было оседлому населению. 10 апреля 1370 г. Тимур принял присягу от всех военачальников Мавераннагра. Первые годы своего царствования посвятил установлению порядка в стране и безопасности на ее границах. Самарканд был украшен великолепными постройками. Тимур заботился преимущественно о процветании своего родного Мавераннагра, о возвышении блеска своей столицы — Самарканда, где были собраны из разных стран представители всех отраслей искусства и науки; только в последние годы им принимались меры для поднятия благосостояния других областей государства, преимущественно пограничных. На благоустройство гражданского управления также обращалось внимание, о чем свидетельствуют многочисленные случаи наказания за лихоимство высших сановников в Самарканде, Герате, Ширазе, Табризе. Тимур оказывал внешний почет богословам и отшельникам, не вмешивался в управление имуществами и духовенства, не допускал распространения ересей (запрещение заниматься философией и логикой), заботился о соблюдении его поданными предписаний религий, но лично не отказывал себе в запрещенных религиею удовольствиях и только во время предсмертной болезни велел разбить принадлежности своих пиров. Устройства военного и гражданского управления определялось почти исключительно законами Чингиз-хана; впоследствии богословские авторитеты отказались признать Тимура правоверным мусульманином, так как законы Чингиз-хана он ставил выше предписаний религий.

Немедленно после смерти Тимура разные племена начали возвращать себе утраченные владения. Власть тимуридов слабела, так как было слишком много соперников; государство распалось на несколько мелких владений. В то время, как трое сыновей Махмуда - последние тимуридские владетели Мавераннагра - сражались между собою за остатки империи, приближалась новая сила, покончившая со всеми мелкими владетелями в Мавераннагре и вновь установившая твердую власть после периода анархии. Это была в 1503 году - Тимуриды были изгнаны узбеками под начальством Шейбана-хана.

Имя узбеков первоначально давалось тюркским племенам восточной части Джучиева улуса для отличия их от джагатайцев. Ранее Узбек-хана, царствовавшего с 1312 по 1342 г., оно не встречается, а потому надо полагать, что оно получило свое начало от имени этого государя, памятного как по продолжительному тридцатилетнему царствованию, когда привыкли называть его поданных узбековцами, так и по утверждению между кочевыми его поданными мусульманства. Во второй половине XV в., когда отложившиеся части тюркских родов приняли именование вольницы, казаков, оставшиеся верными Абул-Хаир-хану и его потомству, части тех же родов удержали название узбеков. Сохранилось оно за приверженцами шейбанидов ими тогда, когда они очистили пределы Джучиева улуса, перебравшись в Мавераннагр в дружинах Шейбана-хана и его наследников. Узбеки Мавераннагра составились, таким образом, из частей тех же тюркских племен, главные массы которых вошли в состав киргизов-казаков, но в составе узбеков играли весьма видную роль, отчасти даже и количественно, потомки коренных монголов и северо-восточных тюркских племен, составлявших "полк" Джучи, и жившее службою ханам и вообще чингизидам служивое сословие. Сверх того в состав узбеков, уже в Мавераннагре, не замедлили, конечно, войти перешедшие на службу победоносных шейбанидов местные тюркские племена, служившее дотоле тимуридам.

Узбеки нашли уже в Мавераннагре, Фергане и Ташкенте многочисленное оседлое тюркское или отуреченное население, которого умножение продолжалось и при них, вследствие оседания самих узбеков и их слияния с местным населением. (Среди шейбанидских дружинников встречаются имена родов: маджар, уйшун, татар, уйгур, кунграт, салур-катак, дюрмен, ямалик, отаджи, киат, найман¹⁴).

Они завладели землею между реками-близнецами и подобно всем своим предшественникам, продвигались вверх по реке, овладев Самаркандом, и наконец Ферганою. В течение всего XVI в. Мавераннагром правили шейбаниды; они предоставили Хорезм (Хиву) особой династии ханов, тоже происходившей от Шейбани, а Хорасан уступили Сефевидам. Затем Джанаиды или Астраханская династия, родственники Шейбанидов по женской линии, управляли той же постепенно уменьшавшейся областью в течении XVII и XVIII вв. Наконец, их родственники по женской линии, мангыты, овладели Бухарским ханством, теперь значительно уменьшившимся вследствие образования нового Кокандского ханства, вследствие возникновения независимых владений в Ташкенте, Ура-Тюбе, Ходженте и других местах и вследствие возвышения Дураннидов в Афганистане.

В 1758 году Китай снова овладел Ферганой до Ташкента, после страшного истребления калмыков в Джунгарии. Китайцы не долго оставались в здешних местах и власть потомков Шейбани была восстановлена, пока Бухара, Хива и Коканд не пали перед нашествием русских.

Прийдя в Мавераннагр, все вообще узбеки долгое время вели исключительно кочевой, пастушеский образ жизни; в городах жили лишь беки, правившие отдельными вилайетами, старшие военные чины и другие лица правящего сословия. Все остальное бродило со своими стадами в разных пунктах, переменяя время от времени свои места в зависимости от таких случайностей, как войны, и, в особенности - войны междуусобные.

С течением времени, по мере того, как кустарные заросли предгорий стали исчезать вследствие непрерывного потребления их кочевым населением, полоса эта стала обсыхать, а бывшие здесь пастбища начали уменьшаться. Население возрастало как путем естественного прироста, так и эмиграции узбеков, а также таджиков из Каратегина и Гиссара.

Оскудение пастбищ принудило, в конце концов, узбеков обращаться к земледелию, что являлось делом тем более исполнимым, что в то время вся почти земля, за исключением лишь наделов, принадлежавших таджикским селениям, находилась в общинном, родовом владении узбеков-завоевателей. Обращаясь к земледелию, часть узбеков стала вместе с тем постепенно переходить от кочевого и полукочевого образа жизни к оседлому. Устраиваясь в совершенно новой для них обстановке оседлого земледельца и садовода, узбеки весьма естественно должны были обращаться к чему либо уже существующему, готовому. Они так и сделали. Они всецело восприняли выработанный, если не тысячелетиями, то, по крайней мере, веками, культ аборигена таджика; они позаимствовали от таджика не только способы и орудия обработки земли, но и архитектуру своего жилища, утварь и разного рода производства, вместе с орудиями и способами тех производств.

Таким образом, усваивая все это в совершенно готовом уже виде, узбек явился в данном случае послушным учеником покоренного им таджика. На этом основании, прикрепленный к земле, узбек не остановился; приобретая от таджика тот или другой инструмент, то или другое орудие, для названия которого в собственном языке его слов не находилось, так как самого предмета этого в его прежнем кочевом быту не имелось, узбек стал называть это то предмет так же, как называл его таджик, т. е. по персидски. Таким путем в языке узбека вошла целая масса персидских слов, наравне с чем новая, мусульманская религия со своей литературой внесла не меньшее, если не большее, число арабских терминов; единовременно с изменением быта стал изменяться и язык¹⁵.

Такова культурная роль аборигенов края - таджиков.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА "ТАДЖИК" И "ГАЛЬЧА"

Слово "таджик" происходит от персидского существительного тадж, корона, и означает "коронованный", "увенчанный". Более подробное объяснение этого слова и его историю мы находим у Н. В. Ханькова¹⁶.

Таджек или таджик, - говорит г. Ханьков, - значит, коронник, человек носящий корону. Но само собой разумеется, продолжает г. Ханьков, что здесь дело идет не о царском венце, а о том, который имеет такое важное и мистическое значение в зороастровом учении и коим, несомненно, прежде отличались последователи этой веры от неверных, подобно тому, как христиане доселе еще отличаются ношением креста, а мусульмане чалмою. "Из всего этого, мне кажется, говорит Ханьков, позволено заключить, что слово таджик, как арабское слово салеби (крестник) или

Бани салиб (сын креста), как наше слово крестьянин, т. е. крестьящийся, носящий крест, крещенный, не было сначала именем этническим, т. е. именем какого-нибудь отдельного племени, а просто означало всех последователей учения Зороастра". В течение веков вера эта была особенно усвоена иранцами, поглотившими все чуждые национальности, исповедывавшие ее; это также несомненно, так как даже в классической древности, в списке народов, населяющих Персию, со времен Геродота и Дариевой надписи, мы (Ханыков) безпрестанно видим эту внутреннюю, племенную работу. Новые племена то появляются, то исчезают, а общий этнический термин, Иран, постоянно растет и, во времена Сасанидов, входит уже в титул царей, повелевающих Ираном и противоположным ему, ан-Ираном, т. е. не Ираном. Самое географическое распространение этого имени ручается нам в справедливости этого объяснения. Всего более распространено это имя в колыбели учения Зороастра, или правильнее там, где оно впервые сделалось государственною верою, в древней Бактрии и Согдиане. Действительно в Бухаре, Балхе и Афганистане таджик - всякий, считающий персидский язык языком родным. В Хоросане и Сеистане слово это уже теряет свое резкое, определительное значение. В Западной Персии и Закавказьи его вовсе не употребляют иначе, как в сокращенной его форме тат, но что эта последняя имеет то же значение, в этом нам порукою свидетельство итальянского дворянина Pitro della Yall, бывшего на службе у шаха Аббаса, в начале XVII века. На стр. 469, т. II французского перевода его писем, напечатанного в 1663 г. мы читаем: "Кызылбаши есть имя известного племени, вторгшегося в Персию и усилившегося там, как я вам писал уже раньше, при шахе Исмаиле Сафи; тогда как тат есть название тех, которые нисходят, по прямой линии, от истинного древнего персидского племени"¹⁷. Таким образом, название таджик становится тем реже, чем мы более удаляемся от центра учения Зороастра".

"Переходя к разбору истории самого слова таджик, мы заметим, говорит Ханыков, что слово это происхождения персидского". В персидском как самое слово тадж, венец, - таждар, имеющий венец, таждвер, венценосец, без сомнения очень стары, так как мы знаем по Дегинью, что в китайских летописях, под 122 г. до Р. Х., по отзыву полководцу Тан-Киао, говорится о царстве Тяджи, дальнейшие же частые упоминания о них китайскими летописцами, не позволяют сомневаться, что тут дело действительно идет о таджиках. Кроме того, тадж очень давно усвоено армянами в форме тагх, из него они сделали таговур, венценосец. В Индустане оно по Fordtsy употребляется народом в форме Thath. Греческое слово Ταϊος встречающееся уже у Есхила, обыкновенно производит от глагола Tassia, но я (Ханыков) не уверен, чтобы оно не имело соотношения с таждем персиян. Как бы то не было, слово это очень древнее и со всеми своими производными было в употреблении за несколько веков до Р. Х. Если же это так, мы непременно должны найти упоминание о таджиках и у древних греческих писателей. Действительно, в 111 кн. & 91 истории Геродота мы читаем, что саттагиды, гандарийцы, дадики и апахиты все вместе платили 170 талантов подати в год, внося ее в Сузе, и составили 7-ю сатрапию. А так как Суза, о которой здесь идет речь, очевидно, не Сузиана западная, т. е. теперешний Шуштер, а Суза Арийская, где, по Арриану, Александр Македонский, на походе из Гиляна и Мазандарана в Бактрию, назначил Сатиборзана сатрапом арийцев, то весьма вероятно, что дадики галикарнасского историка - хорасаиские таджики, тем более, что в кн. VII, & 66 Геродот сравнивает

их, по вооружению, с бактрийцами. Хаммер того же мнения об этих дадиках. Далее, Риттер (Землевладение Азии, т. VII, стр. 714) заметил уже, что Дионисий Перигетский, современник Нерона и Трояна (54-93 г. по Р. Х.), упоминает о них под именем "Таспай".

В течение всего периода династии Сасанидов китайцы находились с ними в самых тесных сношениях, и последние остатки царского рода нашли в Китае приют от преследования арабов и не теряли надежды возвратить себе престол, с помощью пекинского двора, до 771 г. по Р. Х., где об них в последний раз поминается в китайских летописях. По мере того, как китайцы знакомились с более западными областями персидской монархии, они стали употреблять и слово Посе, для означения персиян, не оставляя однако же и прежнего означения их именем Тюджи, так что нет ни малейшего сомнения, что слово это нисколько не считалось зазорным при Сасанидах. Как же объяснить теперь, что термин этот совершенно пропадает с подчинением Персии арабам и с принятием персиянами мусульманской веры?

Я (Ханыков) нарочно искал его у арабских географов первых столетий хиджры, его нет даже в персидском переводе истории Табари, сделанном в Бухаре. Более того, не только Якут, последний арабский географ до монгольской эпохи, но даже Ибн Батута, первый арабский путешественник, после завоевания Персии монголами, не упоминает о них.

Вообще, повторяем, до эпохи Тимура, слово это как бы пропадает из языка. Даже после Тимура, например в записках Бабура, оно попадает всего два раза, а именно, он говорит: "В кабульском государстве есть много различных племен. Долины и равнины его заселены тюрками, аймаками и арабами. В городах и в большей части деревень, живут, главным образом, таджики. Многие другие селения и округа занимают: пашаи, парачи, таджики, береки и афганцы. В горной части области, к западу, живут хазаре и нукдери. Между хезаре и нукдери (нукодоре Марко Поло), есть еще племена, говорящие по монгольски".

Исчезновение этого слова из языка письменного, действительно поразительно. Благодаря богатству рукописей британского музея и обязанности хранителя их Г. Рие, Ханыков пересмотрел множество старых персидских словарей, но нигде не нашел ни малейшего упоминания о таджиках. Они начинают попадаться в лексиконах со второй половины XVII ст., следовательно, к той же эпохе должно отнести вторичное возвращение этого слова письменному языку.

Таким образом, очевидно, что в слове этом было что-то противное арабам, и если бы оно просто означало "народ говорящий по персидски", то наверное, арабы не выключили бы его, но так как оно значило "тиарник", т. е. носящий внешний знак исповедывания религии Зороастра, то не только ревностные мусульмане - завоеватели, но и обусурманившиеся завоеванные, рады были отказаться от него. Затем, чтобы не смешивать их с теми частями иранского населения, которые несмотря на притеснения, остались верны учению Зороастра, арабы назвали последних кафырами, т. е. незаконными, из сего впоследствии выработались: гяур и гебр.

Впрочем, Вамбери говорит, что название таджик существовало в Средней Азии уже в весьма раннюю эпоху - это всего лучше доказывает уйгурский манускрипт "Кутадгу балиг" (счастливое знание). Этот манускрипт помечен 465 годом хиджры и в нем слово таджик весьма часто упоминается в противоположность слову турок¹⁸.

Таким образом, кажется несомненным, что слово таджик, означавшее, с глубокой древности и до покорения Персии арабами, приверженцев учения Зороастра, вышло из употребления, вследствие причин религиозных, и вновь появилось в письменном языке уже после того, как монголы, потоками крови, разбавили несколько семитический фанатизм, привитый арабами иранцам, в такую эпоху, когда исламизм уже довольно окреп, чтобы не бояться старых воспоминаний, - и появилось, действительно, в смысле термина этнографического "персоязычников". Теперь таджиков не мусульман нет; но замечательно, что между ними более, чем между другими иранцами, сохранилось много поверий, носящих печать того первобытного уважения огня, которое должны были ощущать первые люди, понявшие возможность применить эту природную силу к надобностям человека, так резко отличающую теперь людской род от всего царство животных.

В настоящее время таджики равнин, как истые горожане здешнего края, зовут себя именами обитаемых ими городов: тошканди, ходжанди, самарканди и т. п.; напротив, таджики гор известны в долинах, по большей части, под одним названием "гальча", хотя в пределах территорий своей, т. е. в горах, тоже носят имена обитаемых ими рек, напр., матча, или общим, как напр., каратегин, или, наконец, ущелий и деревень.

Гальча в переводе значит провозитель хлеба* (галля - хлеб и ча - род занятий или мастерство). Название это дает понятие о горных таджиках в том смысле, что они, вследствие недостатка в местных земледельческих продуктах, живут и могут существовать чужим хлебом, привозимых ими из ближайших городов. Поэтому таджики равнин объясняют слова "гальча" в смысле "бедняки, жалкие".

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАДЖИКОВ

Древнейшими источниками сведений о Туркестане служат индийская и иранская религиозно-этические предания. На них основывается, между прочим, гипотеза, что Памирская высь, ограничивающая Туркестан с юго-востока, была колыбелью арийского племени, которое разошлось, отсюда в разные стороны.

Одна из ветвей арийцев, состоявшая из последователей Зороастра, заняла Согдиану (страну между реками Аму и Сыр), Маргиану (Мерв), Бактриану (Афганский Туркестан), Ариану (Иран) и все Иранское плоскогорие, весь Иран, а также Ховарезм (Хиву).

Арийцы, сохранившиеся в Туркестанском крае до настоящего времени под именем таджиков, составляют коренное оседлое население бассейнов Аму и Сыр-Дарьи, также как и Тарима в Восточном Туркестане.

Кочевое население края, известное в древности под именем скифов, массагетов, саков и проч., было, по свидетельству греческих писателей, родственно оседлому, и, следовательно, также арийского происхождения.

Цивилизация арийцев в Западном Туркестане одна из самых древнейших. Древние историки описывая поход царя ассирийского Нина в Бактрию за 1200 лет до Р. Х., свидетельствуют о крайне ранней людности, политическом развитии и цветущем состоянии этой страны, и хотя, по восстановлении Ассирийской монархии, на основании клинописной литературы, личности Нина и Семирамиды оказываются легендарными, но сущность представления о Бактрии, как о могущественном государстве в древние времена, сохраняет свое значение.

Древний Хоросан, простиравшийся до Китайской Татари, был основан и заселен арийскими колониями, как об этом свидетельствует топографическая номенклатура.

В древности в Ховарезме процветала также высокая культура и, насколько вглубь веков хватают наши сведения, государство это имело вполне развившуюся гражданственность. Что древнее население Хивинского ханства принадлежало к арийской семье, в этом согласны все новейшие исследователи древней истории Хивы. Не особенно давно¹⁹ обнаружены были извлечения из сочинения знаменитого математика и астронома Аль-Бируни (жившего в конце X и начале XI в.) "Асар-ул-бакийе", сочинения известного до того лишь по названию. В нем Аль-Бируни говорит, что солнечный календарь хорезмский есть лучший из всех ему известных, что он вернее греческого и арабского; а ему, как знатоку своего дела, мы не верить не можем. Тут-же находим названия 12 месяцев, 30 дней каждого месяца, знаков зодиака и т. д.

Вся та номенклатура служит образчиком того языка, которым говорили в Хорезме; все эти названия большею частью Zendская и притом в форме, более чистой той, какая сохранилась в Персии. На основании приведенных нескольких слов древнего языка Хорезма, видно, что язык этот близко подходил к Zendскому, древнопарсскому и пехливийскому, значит, древнее население Хорезма принадлежало к парсскому отделу, арийской семьи народов.

Начало развития гражданственности в Хивинском оазисе теряется в глубокой древности. Аль-Бируни, по имеющимся у него сведениям, сообщает, что эра, от которой велось здесь летоисчисление древнее селевкидской 980-ю годами; начиналась она, следовательно, за 1292 год до Р. X. Селевкидская эра началась с 1-го октября 312 г. до Р. X., со дня вступления Селевка в Вавилоне.

Если мы при настоящих сведениях и не можем решить, насколько указание это заслуживает вероятия, тем не менее имеем полное право заключить, что культура древней Хивы была и родственна и одновременна с культурою Бактрии; в крайнем-же случае развилась из древно-бактрийской.

Исторические сведения нам показывают, что уже в глубокой древности оседлые жители этих мест подвергались нашествию соседних народов, но удержались на своих местах и сохранили свой родовой тип. Может быть, этому способствовало то, что нападающие кочевые народы были родственны оседлому населению.

Ближайшие к государствам Средней Азии кочевники, теснимые более отдаленными кочевыми народами, вторгались обыкновенно в земли оседлого населения. Напоры их были сильны и заставляли оседлых подчиняться вторгшимся кочевникам.

Раньше других вторгся²⁰, по китайским источникам, в оседлую область народ сэ или сай, признанный всеми исследователями об этом народе тождественным с саками греческих писателей. Саки разрушили Греко-Бактрийское царство и заняли страну народа Дахя, т. е. Согдиану и Бактриану.

Причина этого вторжения была та, что саки, жившие в Джунгарии, сами подвергались напору другого кочевого народа - юечжей и усуней, которые, в свою очередь, были теснимы хуннами, жившими от Гоби и Хуан-хе до Илийского края и области внутренне-азиатских озер, и это напирание дальних кочевников вызвало движение в передних. Вслед за саками обрушились на Междуречье юечжи. Вот как описывает это событие Чжан-Цян (китайский посол "в Западный край" в конце II в.

до Р. Х.): "Дом Юечжи занимал страну между Дунь-Хуан и хребтом Цилян-Шань (нынешний Тангут); когда-же" Веселовский П. У. с. С. 2 и след. хунны поразили его, то удалился оттуда, ударил на Дахя и покорил сие владение, вследствие чего и утвердил свое местопребывание на северной стороне реки Гуй-Шуй (т. е. Аму-Дарьи)". Описывая землю, занятую юечжийцами, Чжан-Цян говорит, что она лежит "почти в 3000 м. от Давана (Ферганы) на запад, от реки Гуй-Шуй на север. От него на юг лежит Дахя (Бактриана и Согдиана), на запад Аньси (Парфия), на север Кангюй (нынешние киргизские степи)". Отсюда ясно, что юечжи поселились по правому побережью Аму-Дарьи в Хорезм. Эти юечжи, по удалению из пределов Китая на запад, стали называться у китайских писателей да-юечжи, или по другому правописанию (может быть, более правильному) да-юети, т. е. великие (большие) юечжи или великие юети.

- Что-же это за народ да-юети? - спрашивает П. Веселовский. - Ни у греческих писателей, ни у римских, продолжает он, такого названия мы не встречаем, между тем народ этот не мог им быть неизвестен. Действительно, греческие и римские писатели знали юетийцев, но знали под другим именем. Ключом к разъяснению этого предположения служит китайское прилагательное да - "великий", которому в парсских наречиях соответствует прилагательное маз, мае. Этим словом и начинается у древних писателей имя кочевого народа массагетов, "великих гетов". Следовательно, греки и римляне знали название юечжийцев (юетийцев), но только в переводе.

Далее, китайские известия подтверждают предположение о при-надлежности населения западной половины Средней Азии к арийской семье. "От Давана на западе до Аньси - передают они- хотя говорят различными языками, но в обыкновениях весьма сходствуют, а в разговорах понимают друг друга. Жители вообще имеют впалые глаза и густые бороды". Этот последний признак чрезвычайно важный; безбородым, с глазами на выкате, китайцам, конечно наружность населения бассейна Сыра и Аму должна была показаться странною и они отметили ее, как явление, выходящее из ряда вон. Для нас же эти характеристические черты наружности населения "западного края" служат неопровержимым доказательством в пользу того мнения, что население это принадлежало к арийской семье народов.

Юетийцы, осев в северной части Хорезма, по прежнему оставались кочевым народом: "жители со своим скотом переходят с места на места".

В V в. по Р. Х. является у византийских писателей народ, называемый то хуннами-эфталитами, то хуннамикидаритами или белыми хуннами. Вивьен Сен Мартен посвятил этому народу обширное исследование, в котором доказывал, что эфталиты суть прямые потомки юетийцев, завоевателей Трансоксании, и той именно отрасли их, которая у китайских писателей носит название "Еда".

По китайским известиям узнаем о них следующее. Владетельный дом Еда происходит от одного рода с Большим Юечжи; (другие сказывают, что Еда есть отрасль Гаогюйского племени). Городов не имеют, а живут в местах, привольных травой и водою, в войлочных кибитках. В том владении нет телег, а употребляют носилки; много лошадей и верблюдов. Народ жестокий и смелый, способный к сражениям.

Подробности об этих едасцах (эфталитах), сообщаемые византийскими писателями, значительно разнятся от сообщаемых китайскими. Главная разница состоит в том что, что Еда, по китайским источникам, владение кочевое, хотя

владелец их и живет в городе; по греческим, эфталиты, народ оседлый. Может, конечно, быть и то, что Еда, вначале несомненно, кочевой народ, поселившись в Хорезме, стране искони оседлой, не вдруг перешел к оседлости и продолжал кочевать в окружающих Хорезм степях и даже в самом Хорезме; но когда византийцы узнали об эфталитах, они не были кочевниками, а византийцы ошибаться в этом случае не могли. Китайцы-же по старой памяти продолжали считать их народом кочующим.

Вот как описывает их Прокопий: "Хотя эфталиты - народ хуннского племени, но они не смешаны с известными нам хуннами, не живут вместе с ними и не имеют смежной с ними области; они соседят с персами на севере там, где народ, называемый Горго у самой персидской окраины, где между ними и персами часто происходит война за границы. Они не кочевники, подобно хуннским племенам, но издревле населяют плодородную страну, и никогда не нападали на римские земли не иначе, как вместе с войсками мидийскими. Из всех хуннов они одни белы телом и небезобразны лицом. Состоят под управлением одного царя, составляют благоустроенное гражданство, наблюдая между собою и с другими справедливость не хуже римлян или кого другого.

Эти эфталиты или "белые хунны" известны у мусульманских историков Персии (Мирхонд) под именем гаятеля, у армянских писателей - теталы и т. д. От армянских писателей мы узнаем, что бактрийские арсакиды, постоянно тревожившие северо-восточные пределы Персии, были в конце IV в. по Р. Х. покорены тетапами; что эти теталы, в свою очередь, начали производить опустошительные набеги в Персию, чем отвлекали силы персидских Сасанидов, в их борьбе с римлянами. Из этого же источника можно видеть, что и эфталиты признавали иногда власть Сасанидов и должны были исполнять требования этих последних.

Эфталиты принимали деятельное участие в переворотах Персии, а иногда и заставляли Персию платить дань. Так, Фируз Палаш (488- 491) два года платил дань эфталитам. Брат Палаша, Кобад овладел престолом при помощи 30-ти тысячного эфталитского войска. Сын Кобада, Нуширван, покончив дела с греками миром, обратил свое оружие на Туркестан, Кабулистан и Саганиан; покорил землю эфталитов. Но не долго персы господствовали над эфталитами. В VI ст. эфталиты были покорены новым среднеазиатским народом - турками, по китайской транскрипции ту-кюе.

Но вернемся назад. После выхода юечжи, усунь остались на Или и достигли там большой силы и могущества²¹. Князь их назывался Кюн-ми или Юон-мо, а резиденция его, по китайским источникам, Чи-гун-чи, т. е. город красной долины

Она лежала к в. от Ян-Хая или Же-Хая, т. е. озере Иссык-куля. Китайские летописцы полагают тогдашнее число усуней в 120 000 семейств и 630 000 человек, а войско их, состоявшее под начальством двух полководцев, называемых Талу и Дару, в 180 000. Здесь на Или, Балхаше и Иссык-куле усунь занимали страну, принадлежавшую прежде народу сай и сэ. Страна их, еще очень далеко распространявшаяся к западу (до Хан-Кэу), как говорят китайцы, была просторная долина, изобиловавшая отличными пастбищами и стадами, составлявшими главное богатство усуней. Она была однако-же холодна и дождлива, а горы ее поросли пихтовым и лиственным лесом. Народ жил подобно хуннам (т. е. кочевой жизнью). Главное занятие его было коневодство; богатые имели до 4000 и 5000 лошадей. Китайцы называют усуней грубыми, невежественными, вероломными и хищниками.

Более могущественные хунны часто нападали на них, причем даже погиб один усунский князь. Предание гласит, что сын этого князя был чудесно вскормлен волчицею и что какая то птица снабжала его пищею. Шаньюй хуннов, сведавший о чуде, признал этого ребенка божественным, воспитал его, возвратил ему царство отца его, с титулом Кюн-ми, и сделал его правителем своих западных областей.

Это обстоятельство усилило могущества усуней, хотя хунны сохранили над ними верховное владычество. Китайцы искали их союза. Для упрочения этого союза одна китайская принцесса была отдана в замужество у су не кому Кюн-ми, как Кюн-ди (т. е. королева), в 107 г. до Р. Х.; тогда был выстроен первый китайский дворец для несчастной принцессы, которой жалобные песни сохранил китайский летописец Мадуанлинь. Приводим их, как содержащие бытовые черты: "Родные выдали меня замуж и принудили жить в далекой стране. Дворцом служит мне бедная юрта, стены которой обиты войлоком.; сырое мясо служит мне пищею, а кислое молоко напитком". Могущество усуней возросло; несколько раз нападали они, вместе с китайцами, на своих победителей и не мало содействовали их ослаблению на западе. Но в царствование внука упомянутой принцессы, именем У-цзы-ты (Уцзю-ту), произошло разделение усуней на большой и малый Кюн-ми, вследствие чего и могущество их ослабело. Малые Кюн-ми удалились в горы на север, в нынешний Заилийский или, по крайней мере, Джунгарский Алатау и, таким образом, покинули столицу Чи-гу-чин, которая находилась на южном берегу Иссык-купя, на нынешней Кызыл-су (красная река), после чего часть их была оттеснена беспрестанными нападениями усилившихся на востоке сяньби, северных родов хуннов, принявших уже это народное название, так как сами находились в подчинении у тунгусского или даже корейского, как полагают некоторые, племени сяньби. Сяньби вытеснили часть усуней из кочевий и заставили их удалиться на запад, по следам юечжи, где они и заняли вместе с юечжи мало по малу, к половине I века до Р. Х., все земли Бактрийского царства, даже за Гиндукуш ом. Около 555 г. усунские земли и их население были покорены Ту-кюе (турками) и византийский посол Зимарх нашел в 568 г. не только Западный Тянь-Шань, но и Трансоксиану во власти чурок.

Эти усунь (хэу-сунь на древнем и усунь на новейшем китайском наречии), по свидетельству Аб. Ремюза, приобретают высокий интерес для этнографии Азии тем, что они принадлежат к ряду народов Центральной Азии, очень различных, судя по китайским описаниям, от остальных, к расе голубоглазых и русоволосых блондинов.

Юечжи и усунь, а также турки были первыми народами в исторические времена, явившимися в наши земли с Востока и вносящими черты изменения в расовом типе коренных жителей этих стран.

В VII в. по Р. Х. завоевателями явились арабы.

Владычество арабов в Средней Азии не было ни прочно, ни продолжительно. Халифы не имели настолько силы, чтобы распорядиться судьбою завоеванных там провинций по своему произволу. Правители в них, ими поставленные, держали себя так самостоятельно, что стали передавать власть свою наследственно детям. Халифам оставалось только одно право инвеституры с тем, впрочем, что своего выбора сделать они не могли. Еще менее, следовательно, было у них возможности сменить не нравившихся им правителей.

Таким образом, скоро стали возникать в Средней Азии независимые династии, признававшие халифа не более, как главу религии. И воть началось отложение провинций. Ранее других отложились Тахириды в Хоросане (в самом начале III в. хиджры), за ними Сафарины в Седжистане (в конце III в.), Саманиды в Мавераннагре (в конце III в.) и т. д. Все они покровительствовали персидскому языку и персидской литературе, которая обязана им своим возрождением.

Но независимыми династии оставались не долго. Уже к эпохе Саманидов относится возвышение влияния турок во внутреннем управлении. Некоторые военачальники из турок пользовались большим влиянием. Некоторые орды огузов (туркмен), с согласия правительства, заняли часть земель в Мавераннагре. Наконец, при карлыкском илеке Насре в 999 году навсегда был положен конец господству туземного арийского элемента...

Язык таджиков. Таджики говорят на персидском языке. Они принадлежат к ветви иранцев, захватывающей народы, которые когда-то говорили по зендски, на языке Авесты или древнеперсидской святой книги, равно как на языке клинообразных надписей первого разряда персидских великих царей, или же состояли в ближайшем родстве с ними. Из зенда выработался, смешавшись с элементами семитическими пехлеви, а из последнего новоперсидский²². К этой зендской группе примыкают кардуши древних, курды современных географов, расположенные в окрайных горах Ирана по направлению к Мессопотамии и на высотах Армении; иранцы или осетины Кавказа, белуджи - в Белуджистане и, наконец, афганцы в Афганистане, называющие себя паштуны, а язык свой - пашто. Все таджики говорят различными персидскими наречиями, начиная с бухарского таджика, хвастающегося живостью и чистотою своего персидского наречия и кончая сарикольцами и ваханцами, усвоившими себе непонятный образ выражений. Жители Ходжента, деревень Гулякандаз и Кистакуз (близ Ходжента) имеют язык и по выговору и по грамматическим формам чище языка всех других таджиков²³. Это особенно заметно в Ходженте, где говорят языком, в котором сохранилось много форм вроде тех, какие употреблял древний персидский поэт Рудаки, родом бухарец.

Жители долин называют своих собратий, горных таджиков гальяча, хотя сами горцы, именуют себя просто таджиками, или по имени тех местностей, которые населяют. Кроме местного наречия, на котором горные жители объясняются почти исключительно только между собою, когда не желают, чтобы их понимали посторонние люди, они говорят преимущественно на персидском языке. Говор их мягкий, звучный, мелодичный, особенно у жителей кишлаков, расположенных на Пяндже и в нижних частях долин Шах-Дарьи и Гунта, где почти совершенно не слышны киргизские слова, довольно часто употребляемые в разговорах жителями верхних частей названных рек, соседних с Памиром. Горные таджики говорят немного нараспев, сопровождая свою речь жестами и придавая ей несколько странную, для европейского уха, интонацию²⁴.

К гальяча относят сарыкольцев, ваханцев и шугнанцев, народ Мунджана, верхней части долины Лудхо и вудитсаев (народ Санглиха и Ишкашима). Народы Гиссара, Дарваза и Каратегина, к северу от Оксуса и Бадахшана, в близком родстве с этою группою, хотя они в настоящее время говорят по-персидски или тюркски и в некоторых местах получили значительную примесь узбекской крови²⁵. Процесс исчезновения языка, вероятно, происходит таким образом, что племя сначала

говорит на двух языках, как это имеет место ныне в Сарыколе, Шугнани и Вахане, где почти всякий, кроме своего языка, говорит по-персидски, и в долинах Сват, Кунер и Пенжора, где многие дардские племена (общим именем Дардистана называют все долины, лежащих между Западным Пенджабом и Гиндукушем), кроме своих наречий, говорят на пушту. С течением времени сношения с соседями побуждают отдавать предпочтение наиболее распространенному из двух языков, который в конце и вытесняет вполне туземный. Это процесс ускоряется при отсутствии письменности.

Языки, на которых говорят племена гальча, повидимому, происходит от древне-персидского (зендского). Язык идгах, на котором говорят в долине Лидко, есть только наречие мунджанского; по строению он сходен с языками гальча, грамматика которых опубликована Шау. Подобно им, идгах отличается от других дардских языков частным употреблением буквы и тем, что в нем имеется лишь одно время для выражения настоящего и будущего.

Южнее их по Инду, в долинах Сват и Пенжора и долины Кунер, говорят языком более близким санскритскому.

Ховарский язык (или читральский) имеет сходство с языками только что упомянутыми и, вероятно, составляет промежуточное между ними звено.

Вообще признано, что Бадахшан и верхняя часть долины Оксуса были одним из первых мест пребывания арийской расы. Их движение к югу, вероятно, было постепенное и в начале происходило более вследствие естественного роста, нежели от жажды завоеваний. По мере занятий ими местностей более плодородных и с лучшим климатом, число их должно было увеличиваться еще быстрее. Военные предприятия более значительные сделались возможными и движение вперед пошло скорее. Гальча, вероятно, потомки тех, которые остались на своих местах, и в позднейшее время, были постепенно втиснуты в узкие долины, где они ныне находятся. В некоторых случаях, как например, двигаясь в долину Лудхо, они перешли большой хребет и осели на южной стороне его в сравнительно недавнее время.

Жители селений, расположенных по Ягноб-Дарья, кроме таджикского языка, говорят еще на особом местном наречии, совершенно непонятном для жителей долин рек Сыр-Дарья и Аму-Дарья, а также для всех горцев, обитающих в верховьях р. Зеравшана²⁶. Сами ягнобцы уверяют, что язык их - не письменный; книг, сказок, пословиц и песен на нем не имеется; не знают они, когда и по какой причине переселились сюда, но сохранилось смутное предание, что родина их - Кашмир. Не сиягпуши, т. е. не кафиры ли они? (Ш. Акимбетов). Никто из племен, населяющих горы Зеравшана, не объясняется на этом наречии. Из ближайшего изучения замечено, что язык ягнобский вымирает и с каждым днем все более и более теряет свою самостоятельную физиологию. Окружающая его со всех сторон таджикская речь горных жителей вытесняет его. К этому выводу приводят следующие данные: в разговоре у ягнобцев часто встречается таджикские слова, тогда как для тех же понятий они имеют в родном языке свои слова; в их говоре попадаются не только одни таджикские слова с окончанием ягнобским и наоборот - ягнобские слова с окончаниями таджикской грамматики, но и целые таджикские фразы с присущими им грамматическими формами.

Говор у ягнобцев отличается большою беглостью и неясностью выговора. Большинство окончаний слов в их речи сливается в одно с последующим словом.

Произношение самых таджикских слов у ягнобцев при разговоре является в сильно искаженном виде.

Собранные образцы ягнобской речи п Искандером-тюря признаны специалистами принадлежащими к иранским наречиям; в ней сохранилось много черт древнего иранского языка, которые в других современных наречиях Туркестанского края являются лишь разрозненными.

В настоящее время на языке этом объясняются обитатели следующих ягнобских кишлаков: Дикалян 25 дворов, Кирионти 35, Кян-си 38, Дибальянд 12, Гарамайн 18, Сакин 12, Пекан 25, Кхун 30, Птин 20, Тагичинар 10, Каши 7, Пальдарауг 10, Чукат 3, Хсакидарау 12, Думзай 15, Шахсара 3, Вангинзай 5 и Мартугмайн 4, всего 284 двора. Считая по 5 человек на двор, получится говорящих на этом языке 1420 человек. Есть и в остальных 8 кишлаков несколько человек, понимающих ягнобский язык, но таких мало.

ЧИСЛЕННОСТЬ ТАДЖИКОВ

Точную цифру таджикского населения в настоящее время невозможно определить. Материалы, собранные всеобщей переписью

1897 г., до настоящего времени не разработаны. Это лишает нас возможности судить о числе таджиков в русских владениях. Еще больше трудно судить о числе таджиков в сопредельных с Туркестанским краем странах. Поэтому, на приводимые ниже сведения о количественном составе таджикского населения, нужно смотреть лишь как на приблизительные.

По отдельным областям Туркестанского края имеются следующие данные:

В Самаркандской области, согласно данным всеобщей переписи 1897 года, таджиков считается 217 000²⁷.

В Ферганской области таджиков считается 172 200²⁸

В Сыр-Дарьинской области таджиков считается 130 000²⁹.

Таким образом, в пределах русских владений Средней Азии таджиков считается 519 200 человек.

В Бухаре с Гиссарским краем считается 240 000 таджиков, в Каратегиие 50 000, Дарвазе - 35 000, Рошане - 5000, Шугнание - 5448 и Вахане - 3000³⁰.

На основании вышеприведенных данных нужно считать в Бухаре и ее владениях 358 000 таджиков.

В Афганистане (Балх, Хульм, Кундуз, Бадахшан и Кафиристане) считают до 1 миллиона таджикского населения.

Наконец в Кашгарии (считая в том числе Шихну, Пахну и Чипан) определяется таджикское население в 13 100 человек.

Общая цифра таджиков, таким образом, определяется в 1 890 000 человек.

С наступлением успокоения в последнее время в горных владениях Бухары и Афганистана, а также уничтожения невольничества, особенно также в в горных владениях, нужно думать, что явились более благоприятные условия для естественного увеличения таджикского населения. Общее успокоение дало возможность увеличению материального благосостояния населения; горные таджики беспрепятственно и без боязни имеют теперь возможность спускаться с гор в долины и равнины для заработков.

Улучшение материального благосостояния также служит причиной естественного увеличения населения. Все это дает право считать таджикское население в настоящее время достигающим до 2 миллионов душ.

Стилистические и лексические особенности текст автора приведены без изменений в соответствии с нормами литературного языка того времени.

2 Риттер К. Иран. О просождении таджиков, краткая характеристика таджиков. Обиталище и язык доисторических арийцев, Пер. Ханькова. СПб., 1874 г. С. 31-32.

3 Туркестан. Т. I. СПб. 1886 г. С. 42.

4 Franz v.Scharz. Schvarz. Sundfluth und Volktnwanderung. Verla von Enke. Реферат "Турк. Вед." 1895 г. №7.

5 Вест, и Библиотека самообраз. 1905 г. №49. С. 1566.

6 Риттер К. Иран. Пер. Ханькова СПб. 1874 г. С. 40-48.

7 Реклю. Человек и земля. 1906 г. Т. 1. С. 404

8 Рекаю. Человек и земля. Т. 1. С. 404-416.

9 Риттер К. Иран. Пер. Ханькова. 1874. Прилож. II проф. Спигеля. С. 192-193.

10 Александр Македонский в Туркестане. Перевод 18-ой главы труда Шварца "Alexander des.Grossen Xeldzuge t.Turkestan. "Турк. Вед." 1894 г. № 56.4-15

11 Бартольд. С. 182 и след.

12 Бартольд В.В. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии." Турк. Вед." 18 г. №43.

13 Бартольд. С. 186.

14 Аристов. С. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб. 1897 г.С.147 и 159.

15 Наливкин. История Коканд. ханства. С. 16-19.

16 Ханьков И В. Прилож. VI. Примечание к объяснению 2-му главы ПРиттерова подлинник: Жители восточного рубежа Ирана - аборигены и переселенцы. Иран Реттера. Перев. Ханькова, СПб. 1874 г. С. 509 и след.

17 Вамбери говорит, что слово таджик встречается в Западной Азии, а именно: армяне называют таджиками тюрков и арабов, т.е. вообще магометан, но только между собою, по секрету, и мне кажется, что это не более как насмешливое название, даваемое притесненными своим тиранам, так как название это я (Вамбери) встречал, решительно у всех армян Малой Азии, то мне кажется, что этим именем называют не только магометан, но вообще, всех последователей иных религий, и что это слова, но всей вероятности, древнее и в последствии уже с древних обывателей Персии, с которыми при Сасанвах армяне находились в сношениях, перешло на арабов. А.Вам- бери. Очерки Средней Азии. С. 320 и 321.

18 Вамбери А. Очерки Средней Азии. С. 321.

19 Веселковский П. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб. 1877. С. 2 и 3.

20 Веселковский П.У.с.С.2 и след.

21 Риттер К. Землевладение Азии. Китайская империя, независимая Татария, Персия и Сибирь. СПб. 1859 г. С. 128 и след.

22 Оскар Пешель. Народоведение. Петербург. 1890 г. С. 532 и 533.

23 Вамбери. Путешествие па Средней Азии. СПб. 1865. С. 189.

- 24 Серебренников. Памир. Ежегодник Ферг. обл. Т. I. Вып. 1902 г. С. 153.
- 25 Майор Бидеяф. Народы населяющие Гинду-Куша. Асхабад. 1886. С.21 и след.
- 26 Вамбери. Путешествие па Средней Азии. СПБ. 1865. С. 189.
- 27 Серебренников. Памир. Ежегодник Ферг. обл. Т. I. Вып. 1902 г. С. 153.
- 28 Майор Бидеяф. Народы населяющие Гинду-Куша. Асхабад. 1886. С.21 и след.
- 29 Искандер-тюрк. Сведения об ягнаубском народе. Тур. Вел. 1881 г. №4. Реклю. Т. VI. С. 346; Акимбетев Ш. Очерки Когистана. Тур. Вел. 1881 г. № 3
- 30 Турк. Вел". 1906 г. № 45.
- 31 Ежегодник Ферг. области т. I, вып. 1902 г.
- 32 Смирнов Е. Сыр-Дарьинская область. СПБ. 1887 г.
- 33 Словарь Брокгауза; Рекогносцировка капитана Кузнецова 1902 г.

МАСАЛЬСКИЙ В.И. * ТАДЖИКИ:¹

Таджики, состоящие около 7% жители русских областей Туркестана, являются потомками древнего арийского населения страны, вышедшего из Ирана и занявшего южную часть Средней Азии во времена исторического наследия пережив это в течений длинной вереницы веков рад нашествий кровавых смут в особенности таджики отразившихся на нею при господстве тюрк монголов, частью смешалось с завоевателями частью же, под напором последних, было оттеснено.² В гористую часть Туркестана и там сохранило, в большей или меньшей чистоте, свои племенные черты. В настоящее время таджики населяют главным образом южную горную часть страны; по данным переписи 1897 г. Их насчитывалось: в Ферганской области – 114.081 душа обоего пола (7,25% всего населения области), в Самаркандской области – 230 .384 (26, 74%) и в Сыр – дарьинской области – 5. 557 душ (около 0,40%). В Ферганской области таджики живут главным образом в Скобелинском (Маргеланском) Коканском и Наманганском уездах, в Самаркандской – Самаркандском, Худженской и Катта – курганском уездах, а в Сырдаринской – в Тошкентском уезде. В Закаспийской области таджиков вовсе нет, а в Семиреченской их зарегистрировано всего 264 человек, таким образом, общей численности таджиков в русских областях уже составляла, по данным переписи, 350.286 человек т. е. 6,63% всего населения. В Хивинском Ханстве таджиков вовсе нет, в Бухаре же составляют главную массу населения горных частей ханства Каратегина, Дарваза, Рошана, Шугнана, Вахана и других областей верхнего течения Аму-дарьи, а также отчасти бекств – Кулябского и Балджуанского. Точных сведений о численности таджиков в Бухаре не имеется; по одним данным они составляют около 30% всего населения, по другим, повидимому более достоверным, таджиков в ханстве имеется не боле 350 – 400 тысяч; если принят последнюю сферу, то численности таджиков во всей Средней Азии составляла кроме переписи около 750.000 т. е. около 9% всего ей населения.

Под именем таджиков (от персидского «тадж» – корона) объединяется обыкновенно все оседлое населения города Туркменистана, не принадлежащее к тюркской народности и говорящее на разных местных наречиях персидского языка: происхождение этого населения и его этнический состав далеко, однако, неоднородны. К таджикам отнесены, прежде всего, потомки древних иранских аборигенов страны, которые в наиболее чистом виде сохранились лишь в труднодоступных горных областях Бухары (Каратегин, Дарваз и друг.) и в верховьях Заравшана . Эти горные таджики, известно в Туркменистане под названием гальча, т. е. горчев (от древне бактрийского гар – гора по физическому типу, обычаям и языку заметно отличаются от остальных своих собратьев,

* Масальский В.И. известный учёный ориенталист.

1.Россия полное географическое описание нашего отечества. Туркистанский край. Том 19. Санкт-Петербург, 1874.стр.404-409

2. Стилистические и лексические особенности текст автора приведены без изменений в соответствии с нормами литературного языка того времени,

населяющих межгорные долины предгорья и заключающих более или менее значительную примесь тюркских и иных элементов.

К теперешним таджикам относятся также потомки позднейших персидских переселенцев и в особенности рабов, которые в большом количестве, в разное время, водворялись завоевателями в Туркестан. Элемент этот сильно смешался с тюркскими народностями и значительно уклонился от первоначального типа. Отуречение таджиков, происходившее в течении ряда веков, продолжается и в настоящее время, проявляясь с особенной силой в городах или же там где остатки таджиков разбросаны островками среди тюркского населения. В особенности заметно это явление в ташкентском уезде, где во многих селениях таджики подвергались сильной сартизации, полузабыли свой язык и в близком будущем совершенно сольются с сартами. Сарты довольны таким превращением, радуясь, что «раб не знавший прежде человеческого (сартовского) языка, теперь становится тюрком». Что же касается таджиков, то они относятся к своей сартизации довольно равнодушно и даже, пожалуй идут ей навстречу, так, как, стат в сартами, они избавляются позорной клички раба, (хум), данной им тюрками.

Таджики выше среднего или высокого роста (167-170 сант), телосложения плотного, мускулистого, но стройного, с продолговатым или овальным лицом; волосы чёрные или тёмно-русые иногда русые или даже белокурые; глаза выразительные карие или чёрные иногда серые или голубые; растительность на лице обильная. У многих из них выделяются влеченой и толщиной уши нос и губы, что указывает на примесь тюркской крови, встречается также тип, напоминающий семитов с большими чёрными миндалевидными глазами, орлиным носом и длинной черной, как смоль, бородой, вьющейся по краям.

Огромное большинство таджиков – брахицефалы, а горные таджики (гальча) – крайние брахицефалы. Таким образом, физический тип таджиков, как видно из изложенного, представляет довольно большим разнообразием, в зависимости от местности, происхождения и примесь различных других элементов, главным образом тюркского. Выдающейся особенностью таджиков, в этом отношении, представляет присутствие среди них сравнительно значительного числа лиц с светлыми волосами и глазами, что, по мнению некоторых исследователей, указывает на смешение предков их в отдаленные времена с какой-то белокурой народностью. Примесь белокурого элемента более заметна среди таджиков, равнин и предгорий, чем среди горных таджиков, которые должны быть признаны наиболее чистыми представителями древнего иранского населения Средней Азии.

Отличительными чертами характера таджиков являются добродушие, миролюбие, граничащие иногда с трусостью, и гостеприимство; они отличаются также трудолюбием и выносливостью, но скрытны, лживы и скупы. Таджики превосходные земледельцы, хорошие ремесленники и по своим торговым способностям едва ли уступают сартам, являясь, таким образом, одной из наиболее интеллигентных народностей в крае. Предки их имели огромное значение для культурного развития Туркестана и были строителями как большинство ирригационных систем, дающих жизнь населенным оазисам, так и тех памятников, которые украшают города Туркестана. Покоренные варварами, какими были в своё время кочевники монголы и тюрки, таджики оказали огромное цивилизующее влияние на своих повелителей, которые приняли от них религию, научились у них ремеслам и усвоили зачатки оседлой культуры. Крупное значение имели таджики

и в области мусульманской религии и философии; многие известнейшие ишаны и среднеазиатские светила ислама принадлежали и принадлежат к таджикской народности. Городские и долинские таджики, по своим обычаям, образу жизни и чертам характера во многом сходны с сартами, между тем как таджики-горцы, живущие нередко среди едва доступных горных дебрей и вынужденные всю жизнь, вести борьбу с суровой природой, сохранили много особенностей. Отличаясь суровым выражением лица и сравнительной грубостью нравов, горцы значительно храбрее своих равнинных собратьев; они превосходные ходоки по горным тропинкам, ловкие охотники и отважные пловцы, переплывшие бурные реки с гупсарами (баранья шкура, надутая воздухом) в руках.

По религии таджики, живущие в городах, на равнине и на предгорьях, принадлежат к магометанам-суннитам, при чём в отношении религиозности и фанатичности едва ли не превосходят всех других туземцев. Обилие чтимых таджиками святых и мазаров (гробницы святых) вызывает насмешки даже со стороны. Что же касается таджиков, живущих в дебрях гор, в верховьях Заравшана и Аму-дари, и то они частью сунниты, частью же шииты и последователи секты исмаиля; горцы Вахана, Горана, Шугнана и Рошана все принадлежат к этой секте. Кроме того, у горцев в их верованиях, быте и мирозерцании сохранилось много отголосков далекого прошлого, выражающихся в обрядах, суевериях, миомах, и в особенности в вере во всевозможных духов (дэв), чистых и нечистых, которыми, по их убеждению, наполнен весь мир. Духи окружают горца всегда и всюду, вмещиваясь во все проявления его жизни. Горцы знают их местопребывание, характер, вкусы и повадки; ему знакомы как внешний вид каждого духа, так и все его хитрости и превращения. Лучшим средством для борьбы с злыми духами считается ношение ладонков и амулетов (хайкал) помогающих, также от болезней, порчи и иного глаза. Древнее поклонение огню сказывается в некоторых, соединившихся до сих пор обычаях и обрядах как равнинных, так и горных таджиков. В верховьях Пянджа (Шугнан и др.) развит почитание священных камней (остун). Таджики говорят на разных наречиях персидского языка, более или менее значительно отличающихся от последнего. Местами, как, например, в долине реки Ягноб (притока Фан-дари, впадающей слева в Заравшан), населении говорят, кроме того, на особом языке, непонятном для соседей и пока ещё не вполне исследованном. Равнинные таджики свободно владеют также и сартовским языком, между тем как среди таджиков-горцев лица, знающие по сартовски, встречаются редко.

Главнейшими знаниями таджиков являются земледелие и садоводство, а в высокогорных районах, изобилующих хорошими пастбищами, и скотоводство, при чём шерсть служит материалом для домашнего производства некоторых шерстяных изделий (чулки, ткани, и. т. п.). В земледельческой культуре и орошении таджики достигли большого совершенства пахотные поля и сады их, разбросанные нередко в виде небольших клочков по крутым склонам гор, отлично возделаны, и там, где климат не слишком суров, дают прекрасные сборы. Тем не менее, вследствие недостатка удобной для культуры земли, разработка которой в горах требует огромного труда, таджики-горцы не могут похвалиться своим благосостоянием; во многих местностях в верховьях Пянджа хлеба не хватает на весь год и горцу временами приходится жить впроголодь. В качестве суррогата хлеба большим распространением пользуется здесь мука из тутовых ягод (тут-талкан), из которой делают лепёшки; этой скудной и мало питательной пищей кормится зимой значительная часть населения. В летнее время, до созревания плодов,

главной пищей горца служит нередко лишь отвар из листьев горчицы и других трав с примесью щепотки муки, а иногда молоко и масло; мясо едят только при исключительных обстоятельствах, по случаю какого либо праздника или важного семейного события. Жизнь горца, затерянного года глубоким снегом и отрезанных от остального мира, мало привлекательна. Всю длинную зиму он проводит в тесных, сложенных из камня, холодных хижинах, при скудном питании и почти полном отсутствии топлива, в постоянной борьбе с суровой природой и только поздней весной и летом, когда является возможность уйти со скотом на пастбища, для него наступают лучшие дни.

По обычаям, нравам и складу жизни городские и долинские таджики мало чем отличаются от сартов, но женщина у них пользуется относительно большей свободой и нередко ходит с открытым лицом. У горцев, в огромном большинстве случаев, многоженство совершенно не развито и женщины повсюду не закрываются. В верховьях Пянджа девочки часто выходят замуж семи лет, а мальчиков иногда женят в десять лет; супружеская жизнь в таких случаях начинается лишь по достижении мужем и женой зрелости, которая, по мнению горцев, наступает для девочек между 10-15 годами, а для мальчика между 15-17 годами. В Дарвазе, Каратегине и в верховьях Заравшана браки совершаются в не только более позднем возрасте. Семейные события, как свадьба, рождение сына и другие, сопровождаются пирушками с пением, пляской и игрой на музыкальных инструментах. Некоторое оживление в однообразную жизнь горца вносят также общественные торжества, устраиваемые по случаю нового года, начала земледельческих работ, наступление различных времён года, и. т. п. Интересен обычай у таджиков-горцев красить яйца в красный или жёлтый цвет к большим праздникам. В самый праздник взрослые, здороваясь друг с другом, обмениваются крашеными яйцами, а дети, как и у нас на Пасхе, занимаются весь день их катанием.

КУЗНЕЦОВ П.* О ТАДЖИКАХ ТАШКЕНТСКОГО УЕЗДА¹

В заседании Правления Туркестанского Отдела Императорского Русского Географического Общества 13 января 1900 года, при обсуждении сметы на указанный год, правитель дел Николай Гуревич Моллицкий предложил до 150 рублей на этнографическое исследование таджикских поселений Ташкентского уезда, мотивируя предложение так что поселения таджиков к северу от Куракийских гор, расположенные в глухих горных местностях, в стороне от больших дорог, заслуживают глубокого внимания, как форпост иранского племени на северо-востоке.

По личным наблюдениям Н. Г. Маллицкого, в настоящее время таджики, живущие в предгорьях Ташкентского уезда быстро сортируются, и в то время, как более консервативные элементы населения, женщины и старики, еще сохраняют таджикский язык, молодежь большею частью по тюркски. «Быть может, высказался Н. Г. Миллицкий, «изучение таджикских поселений Ташкентского уезда будет способствовать разрешению вопроса о происхождении сартовской народности, особенно если при этом производит также антропометрические измерения. Во всяком случае это экспедиция доставки материала для составляемой Николаем Бендерским этнографической карты Туркестанского края тем более по профессору В. В. Бартольда в письме его на имя правителя дел от 7 июня минувшего года, таджикские поселения Ташкентского уезда в литературе современного неизвестны и не значатся на существующих доселе этнографических картах. Необходимо только послать в район таджикских поселений Ташкентского уезда специалиста хорошо знакомого с таджикским наречием».

Выполнить это дельное местное поручение отдел поручил мне, 6 июня прошлого года я получил необходимую инструкцию, составленную Н. Г. Миллицким и утвержденную правлением. Отдели, запасший подробною картою Ташкентского уезда и в середине июня выехал.

Антропометрические измерения произведены быть не могли за неполучением вовремя из Петербурга необходимых инструментов и пособия по антропометрии.

В ташкентском уезде таджики живут долго, в восточной части в горах к северу от границы ферганской области, самым северным пунктом области распространения таджиков в нашем уезде является кишлак Бискен, южным – Шаугаз и восточным – Баксук. Число таджикских поселений в этой области 10 из них. - Наудак и Обинаршак не показаны на карте Затем имеются два кишлака со смешанным населением таджикским и сартовским, это – Аблык и Баксук.

*П. Кузнецов учёный ориенталист.

1. Известия Туркестанского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Т.2, вып. 2, 1900 г

Стилистические и лексические особенности текст автора приведены без изменений в соответствии с нормами литературного языка того времени.

Во всех названных кишлаках таджики насчитывается приблизительно, 1800 дворов, с населением около 8 ½ тысяч человек общего пола, считая тут же и детей:

Богустан	160 дворов	1000 человек
Нанай	194	800
Бискен	49	200
Юкари-Нанай	36	150
Бтич-муллан	500	1500
Заркант	177	2000
Невич	170	750
Наудак	163	700
Шаугаз	10	103
Об-наршак	18	70
Аблык	200	700
Баксук	63	200

За верность собранных много цифровых данных не могу поручиться. Думаю, что они значительно уменьшены. Дело в том, что все туземцы вообще подозрительно относятся к собиранию русскими разного рода статистических сведений в особенности же, сведений о численности населения: русские намерено брали их в страшную для них корную службу, ссылали в Сибирь, или выдворяли из Туркестана в другие места империи. Поэтому туземцы при представлении сведений о числе населения, показывают его в большинстве случаев по крайней мере вдвое меньше, чем следует. Так например, если у отца есть двое уже семейных сыновей то при под счете о них умалчивают показывают только одного отца. Что же касается различных сборов с населения, то они уплачиваются совместно, т.е. отец и сыновья раскладывают уплату их между собою: возможно я и ошибаюсь но к справедливости этого мнение меня упреждают сами же туземцы: сколько административных лиц из них спрашивали меня что лично деяние представляет ли начальству при увеличения сведенных или уменьшения.

О происхождения большинства своих кишлаков таджики почти ничего не знают, но все таки считают их древними. Более или менее определённые сведения им удалось собрать о Богустане, Юкоры-Панак, Брыч-муллк и Обнаршак.

Богустан расположен на скале горы, в версте с неполным от реки Бискена, в старину находился на самом берегу реки, но лет слишком тому назад был снесен ею. Юкоры панай основан недавно. Лет 50 назад выходцами в числе 3-4 семейств из Наная. Теперь в Юкоры-панат 36 дворов с населением в 150 человек. Брыч – муллинцы считают себя на переселенцами из Чуста, Ферганской области, из нахалы брыч- мулла времени своего выселения не поднят Об – поршак примыкавший к Дукаю, Бенован в самого последнего время поселенцами яблоко.

Наиболее распространенный таджикский тип следующий: вид европейский, овал лица с правильными чертами, при чем у многих несколько выделяются величиною уши, нос и губы; средней величины темные, карие или черные глаза и обильная темная растительность на лице. Другие просекшийся в глаза, сильно непонятность европейский та же тонкая кожа на лице большие черные миндалевидные, глаза, орлиный нос и наконец длинная черная как смол, борода, вьющаяся по краям. Третий тип очень редкий, это тип таджиков со светлою окраской волос и глаз. У

таких таджиков волосы рыжеватые или русые, а глаза серые или серо-голубые. Белокурого таджика с голубыми газами видел только одного. Затем встретил одного альбиноса в Заркенте. По своему телосложению, таджик-народ крупный, мускулистый- вращаясь целый месяца среди них, я встретил только одного таджика низкого роста: это Невический имам и да-яулла старик 65 лет. За то этот старик –крепкий коренастый субъект, с прекрасно сохранившимися умственными способностями и физической силой. Средний рост виденных мною таджиков 2 арш 6 вершков но попадаютя буквально геркулесы.

За исключением смешанных кишлаков, Аблика и Баксуса. Расположенных в долине Ангрента, все таджикские поселения ютятся в глубине гор. Особенно замечательно местоположение кишлака Югоры- Нанай: он находится в котловине со всех сторон окружен горами и представляет из себя чудную природную крепость с двумя проходами на разделениях ущелья Канчигай.

Природы горных местностей, занимаемых таджиками, почти везде одинакова, несколько богаче она к северу от Чингана. Так из горных деревьев и других растений обращают на себя внимание орех вишня фисташки, миндаль, урюк, яблони, барбарис, боярышник, виноград, тут, джигда, тал, карагач, иргай шиповник, крыжовник и ежевика. Горные деревья растут разбросано по одному по два, то группами одной какой-либо породы, то наконец смешанными рощами. Рощи обыкновенно растут в ущельях, по которым протекают чудные родники. Множество разных птичек, не исключая и солдовья оглашают чащи своим нишием. Случается видеть так в горах, на стравиной высоте у себя над головою, резвящихся кииков (диких коз); а в глубине гор, далеко от людей, где-нибудь в густой роще, можно повстречать и медведя, кабаны же составляют здесь не редкость.

Постройки у таджиков точно такие же, как у сартов, разве только теснее и беднее. Средняя постройка обходится горному таджику рублей в 50-60. При странных ливнях в горах таджикская постройка редко выдерживает более 10-15 лет.

Главное занятие таджиков земледелие, при чем все продукты земледелия идут на себя. Рис сеют из таджиков только жители Аблыки, хотя посеы его и видел гораздо выше в Кара – мазаре. Например огородничеством таджики так же занимаются для себя и получают со своих бахчей (огородов) дыни, арбузы, огурцы, тыквы, лук и морковь. Они со своих фруктовых садов таджики пользуются орехами, яблоками, виноградом вишней, сливами грушами гранатами тутом, персиками, миндалем урюком черешней, и др., часть этих фруктов съедется самими таджиками, а часть продается разным покупателю главным образом городским. Особенно скупается у таджиков орехи, гранаты, миндаль и фисташки. Говорят, что вырученными от продажи орехов деньгами горные таджики уплачивают подати. За неимением летовок скотоводством занимаются лишь очень немногие таджики. В Брыч-мулле, Богустане, Нанае Бискене и Юкоры-Нанае существует пчеловодство в малых размерах. Впрочем, прошлую зимою от холоду много пчел вымерло в этих кишлаках. Попадаютя между таджиками и охотники, преимущество из кииков. В Юкор- Нанае встретил я даже одного охотника на медведей.

Таджики не могут похвалиться своим благосостоянием. Главное богатство их заключается в урожае, но посеы зависе от дождя. Между тем в горах часто бывает, то слишком мало атмосферных осадков, то слишком много. И то и другое, конечно, вредит полям. Хотя посев производится таджиками раз в году, но и тот иногда не соберется по причине ранней и холодной осени в горах. Жестокие зимы с глубоким

снегом также влияют на урожай хлеба в горах. В прошлом в 1890-1900 году, например, в горах выпало так много снега, что местами глубина его доходила до 12 аршин. Без чанбараков нельзя было ходить на снегу (Чанбараками называются приспособление, до некоторой степени заменяющее таджикам наши лыжи, они не дают человеку проваливаться в снег, делаются из дерева, состоит из круглого обода с прекрасными планками в середине и оставляют след, от лапы громадного животного). Прошлогодний обильный снег залежался в некоторых местах, сделал их слишком сырыми и таким образом причиною плохого урожая в этом году. Если у таджика есть лошадь, корова, две-три козы, он уже считается зажиточным. Богаче других жители Брыч – муллы, Богустана, и Аблыка.

Пища таджиков почти ничем отличается от сартовской, только мясо, имеющееся не везде, во многих местах заготавливается вяленое и соленое. Из кушаний, которых мне не приходилось видеть у сартов – я встретил у таджиков да и то лишь в северных кишлаках, именно в Богустане, Нанае, Бискене, Юкоры-Нанае и Брич – муллы, только одну называемое таджиками «оллы». Приготавливается оно из гуки клубной горного растения того же названия, с примесью из которого количество воды, молока и масло, или без него. Получается род нашего киселя белого цвета. Кушанье настолько вкусно, легко и приятно на вид, что могло бы сделать честь русскому столу.

Как все горцы-таджики народ добродушный и гостеприимный, особенно те, которые указаны от больших населённых центров. Насколько горный таджик добродушен своего соседа, сарта, видно уже из того, что не каждый сарт, поселянин, станет охотно разговаривать с русским, даже ели последний хорошо раздают сартовских языков, между тем всякий таджик радуются как ребенок когда услышит от русского несколько хотя бы плохих таджикских фраз и сейчас же восклицает по адресу тонкого русского «Да ты таджик!»

По грамотности и развитию таджики ташкентского уезда ниже сартов. Ни в каждом таджикском силене имеется школа и учитель. В большинстве веденых мною кишлаков по три-четыре грамотных в каждом, да и те читают чуть не по складам а писать редкий умеет.

Разъезжая по таджикским и сартовским кишлакам замечаешь еще, что таджики, сравнительно с сартами менее щепетильные и по части забот о своей внешности сартовском кишлак вы не применено увидите несколько человек в сил (чалмы), таджики же надевают саллы только во врем намазов, а в остальное время ходят обыкновенно-просто в тюбетейках, в дороге же носят круглую войлочную шляпу китайского типа.

Своею религиозностью преимущественно внешнею, таджики чуть ли не превосходят сартов. Видя на мне часы, они везде изводили вопросами, сколько времени осталось до такого-то намаза. Обилие святых и мазаров у таджиков взывает насмешки даже со стороны сартов. Наиболее чтимые мазары находятся следующих таджикских кишлаках в Богустан- назар Шейх-Унар-вали, в Безен-Ходжа Абдулайм-Ансори, Юкары – Нанае- Кабутар кумуш-ота, между Богустаноми Юкары-Нанаем, на левом берегу Бискиена,- Бабил – Гирот или Буна-Булгар-ота, (булгар-булгарин) и в заркента – Бобой – Мурод-Бахш и Бобой – Мардак или Тош-от¹ в некоторых мазарах, например в Богустанском и Заркенском,

могилы святых есть, и в некоторых, как Бабил-Гарат, нет. Своих святых таджики считают арабами, большею частью, выходцами из Мекки или Медины и при том почти всех современниками друг другу.

По обличьям и нравам ташкентские таджики ничем существенно не отличаются от сартов. Мне показалось только, что таджики, в особенности же их женщины, более старательно носят траур по умершим, у них даже дети во время траура лишаются своих игр и развлечения. Кроме того, бросаются в глаза таджикский обычай по которому, когда в каком-нибудь доме случится покойник, родственники умершего стремительно бегут приветствовать посетители объята. У сартов так не делается.

Отношения таджиков к употреблению в виду больных животных и угашены мясо их гостей такое же, как у прочих наших туземцев. По словам одного русского ему пришлось однажды присутствовать в гостях в доме богатого киргиза где ели сосанную лошадь, мне же пришлось быть у одного таджикского старшины, который назвал гостей и приказал зарезать для них барана с громадной язвой на курдюке только потому, что этот баран не подавал надежды на выздоровление. Точно также таджик подобно другим туземцам, спокойно поставит перед гостем чашку козьего молока в которую при доении случайно упал шарик козьего кала, оправдываясь тем, что ведь пленка у шарика не прорвалась, значит молоко «халёл» (чистое), если бы пленка прорвалась тогда молоко было бы «харом» (поганое).

Таджикская женщина в описываемых мною местах пользуется такой же относительной свободой, как и вообще туземная женщина в большинстве кишлаков, по крайней мере, они ходят с открытым лицом. Красавиц и не встречал между таджиками но и безобразных не видел, стройные и рослые женщины попадаются очень часто.

Свобода кишпачной жизни и много жестов показывает влияние на нравственность таджиков. В одном месте ревнивый муж поймал однажды будто бы трех воров: на самом же деле это были любовник его жены и два товарища с ним. В другом месте и мне, передавали, что младшая жена такого-то аксакала пошатывается про дочку другого аксакала говорили что она находится в интимных отношениях с русским лесообъезчиком, есть которого будто бы туземки вообще не бегают. Даже один эшпан-таджик разошёлся с одною из своих жен, потому что та, в ответ на его замечания, заявила где хочу, там и хожу, когда хочу, тогда и прихожу домой! Привожу здесь мысли старика – таджика из Боксука о женщинах он уверил меня, что Бог создал человека для того, чтобы любить женщин- в этом счастье, и что хорошая женщина-рай, а плохая ад.

В настоящее время главным отличием таджиков ташкентского уезда от сартов является их наречие персидского языка. Но и сартовским (таджикским) языком таджики владеют также свободно, как и родным. Тоже самое нужно сказать и о таджиках Самарканда, Ходжента, Ура-Тюбе Чуста и др. мест Туркестанского края По моим наблюдениям ташкентские таджики пользуются сартовским языком в жизни больше чем своим родным. Это обстоятельство служит лучшим признаком сартизации между ними, которая страшно сильна и идет гигантскими шагами вперед. Можно с уверенностью сказать, что в близком будущем таджики забудут родной язык и окончательно сольются с сартами. Примеры превращения таджиков в сартов мы видим в кишлаках Кара-Мазар, Наркент, Чанги, Хиссарак, Сукак, Сангинак и Искент. Теперь население этих кишлаков, простирающихся

до 220 дворов и 1200 человек обоего пола, сартовские, а в недалеком прошлом оно было таджикским. В Чанги, Хиссараке, Сукаке, и Сангинаке не осталось никаких следов таджиков: только помнит, что в старину эти населении были таджикскими, но в Наркенте у многих еще в памяти, как некоторые старики махала Учак (учак хочалир) говорили между собою на таджикском. Да и теперь еще наберется 5-10 коренных паркентцев не забывших родного языка; с одним из них мне пришлось беседовать. В Некенте, основанном, по словам туземцев бухарским эмиром, Абдулла-ханом, более 300 лет назад первыми жителями были таджики. Абдула-хану же приписывают и устройство работы (станции) на родник Карнар. В настоящее время в махале Дехиболо Некента живет несколько семейств, которые помнят свое таджикское происхождение и понимают по таджикски, но говорить почти не могут. В Кара-мазаре хотя не осталось таджиков, но есть один квартал с мечетью, который так и называют таджикским. Как быстро идет сартизации между таджиками, можно судить по кишлакам Шаугазу и Албыку. Во первых в 40-а дворах с населением более 150 человек, все шаугазцы считают себя настоящими таджиками и понимают таджикское наречие, но свободно говорить на нем может только не более $\frac{1}{4}$ их. В Аблике смешанное население, сартовское и таджикское причем численно перевести на стороне таджиков их общего числа, 288 дв. с. 1000 чел. Таджиков около 200 дв. с. 700 чел., из них около $\frac{1}{2}$ только понимает таджикский, но говорят плохо.

Следы тюркизации между таджиками ярко сказываются в языке их. Самые обыденные слова, как названия родственников, многих частей тела, болезней и пр. перешли в таджикское наречие из тюркского языка. Особенно много у таджиков существительных, произведенных от тюркских глаголов. Вообще язык таджиков ташкентского уезда переполнен сартовскими словами. Если арабский и персидский слова составляют около $\frac{1}{2}$ сартовского лексикона, то сартовские слова в свою очередь окажутся на в меньшем количестве в таджикском наречий нашего уезда.

Влияние сартов на таджиков сказалось и в произведениях народных песен и сказок-у таджиков нет: песни и сказки у них сартовские или книжные персидские. Сколько я не старался услышать хоть одну чисто таджикскую сказку-этого мне не удалось. В Бискенте познакомили меня с первым сказочником кишлака и что же? Он оказался только способным передавать на таджикском наречии сартовские сказки. Так он рассказал мне по таджикски сартовскую сказку «Мошь», все время сбиваясь на тюркский язык, а самые характерные места сказки так и передавал по сартовски. В Заркенте другой сказочник на мою просьбу рассказать мне таджикскую сказку совершенно неожиданно для меня скороговоркой выпалил мне киргизскую сказку.

Из персидских книжных произведений таджики предпочитают стихотворения Бедила, Ходжа Хафиза, Шамси Табариза и др. Лучшего певца таджика, я слышал в Аблык он житель Ферганской области, кишлака Бува Дархан пел и много и сартовских и книжных персидских песен, хотя неграмотен. На мой вопрос каких песен он знает больше, сартовских или персидских, он не задумываясь осветил сартовских. Сартовскую песню с таджикским припевом пришла, пришла полностью и услышал от этого фарганского таджика.

Для обычаев, характеризующих сартизацию между таджиками, укажу на привившимся среди них чисто тюркский обычай 8888 в силу которого девушка еще до *** образы фактически становится женою.

Ассимиляция таджиков с тюрками сказывается и в наружности в Шаугазе у многих таджиков тюркские черты лица. Тоже и в Аблык настоящие таджикские типы там редки, вырождаются.

Какие же факторы играют главную в тюркизации таджиков, кроме общей с сартами религии? Прежде всего географическое положение-таджикские кишлаки являются, так сказать, ничтожными островками среди моря тюркского населения, они со всех сторон окружены массою сартов, киргиз, кара-киргиз и курамы. Сартовские кишлаки и поселения курамы в ташкентском уезде под известны. Здесь же я укажу тех киргиз и кара-киргиз, которые попадались мне на пути. По дороге из Ходжакента в Бискон и Юкоры- Накаи я встретил кочующих кара-киргиз родов Тугалк-баш. Хытои, Тунд-Тагар и Хира и киргиз родов Канал и Чегир. Между Кара-мазаром и Намданаком особенно много попадалось киргиз рода Кунграт они являются сюда с берегов Сыра и Келеса во время уборки хлеба в качестве жнецов и привозчиков. Кроме Кунграта по дороге из Кара-мазара в Намданак встречался киргизы родом Каапы, Кара-Минас, Джалаир, Тангалы и у озера ходжа -кучему-то названного на карте Джан-кул, аганой Юлук. Перед Кара -мазаром одни киргизы даже назвались мне (ходжа), потомками верных мусульманских халифов.

Вследствие постоянного общения с турками таджика с младенчества усваивает сартовский язык наравне со своим родным. Неудивительно поэтому, что тюркский язык является самым могущественным сродством сартизации таджиков, в особенности, если принять во внимание смешанные браки, практикующиеся между всеми нашими туземцами. Таджик роднятся не только с сартами, но даже с курамою, киргизами и кара-киргизами правда со времен последними соседями не так охотно как с сартами, и только в том случае, если они более или менее зажиточны. Впрочем киргизы кара-киргизами и курамасараи быстро сортируются, и превратившиеся в сартов они уже не подвергаются пренебрежению со стороны таджиков и с течением времени, путем смешанных браков, все таки значительно влияют на тюркизацию таджиков. При смешанном браке, возметлы таджик, положил, сартянку за себя, или таджичка выйдет за сарта, господствующим языком в семье делается конечно, сартовский. В таких случаях большинство детей даже не учатся таджикскому наречию. Этим главным образом и объясняется тот факт что в Шаугазе около $\frac{1}{4}$ таджикского населения, а в Аблык около $\frac{1}{2}$ плохо говорят на своем родном языке.

К насадителям сартовского языка между таджиками могут причислить себя и переводчики русских властей, особенно прежние состоянии почти исключительно на тюрков. До прихода русских официальным языком у туземцев в крае был персидский, на котором пишут таджики. Переводчики же русского правительства, не зная в большинстве случаев этого языка, требовали теперь мирзы-таджиков самым усердным образом писать по сартовски даже те документы, которые поступают в русскую канцелярию. Повторяю, что требование прежними переводчиками сартовского языка вместо персидского обуславливалось незнанием ими этого последнего. В таком же требовании нынешних переводчиков иногда проглядывает уже национализм. По крайней мере мне известен такой факт несколько лет тому назад бывшее самаркандские общество покровительства животным вздумало преподнести бухарскому эмиру диплом на звание своего почетного члена; прекрасно зная, что бухарцы говорят по таджикски и пишут по персидски, самаркандские переводчики все таки диплом перевели с русского

на сартовский язык и только пишущий это строки убедил русского чиновника, командированного поднести диплом эмиру, в неуместности тут сартовского языка, после чего из Самарканда был прислан новый диплом, уже на персидском языке.

Но последнее значение в сартизации таджиков имеет неустойчивость их в своем родном и податливость на все чужое. Характерным примером этого может служить кара-мазарский имам, чистокровный бухарский таджик из Куляба. Он прибыл в Карамазар молодым человеком не зная тюркского языка, женился на сартинке, и дети его уже не знают по таджикски: отец не учил их родному языку. Наблюдая за туземцами в их обществе вы видите, что если между 10 таджиками сидит хов один сарт или киргиз, разговор непременно ведется на сартовской языке.

К своему превращению в сартов таджики относятся совершенно равнодушно, мне сдается, даже охотно, потому что сделавшись сартами, они избавляются от позорной елички раба, *** (кул), данной им тюрками. Многие жители кишлаков Хиссарака, Сангинака и Искента ни за что не хотели сознаться мне в своем таджикском происхождении именно потому что, по их мнению, назвать себя потомками таджиков значит признать себя рабами. Впрочем, в Хиссараке часть населения к самом деле по происхождению сарты, потомки охотников, выходцев из Ташкента, поселявшихся в Хиссараке в числе 5-10 семейств лет 100 назад.

Выше и заметил что таджиков ташкентского уезда нельзя народом обозначаемым в экономическом отношении. Тем не мене они очень довольны своею судьбою по сравнению с хозяйским временами. Это объясняется двумя причинами. Во первых завоеванием края русскими или таджиков как для всех туземцев стали легче платят подати причем с бор податей производится туманным образом, тогда как в ханские времена бедные принуждались к уплате налогов палками. По словам, старых туземцев они платили в ханское время следующие налоги: ушр 1/10 с носков под дождь хумс 1/5 прошеных

Вторая причина, заставляющая теперь ташкентских таджиков благословлять свою участь, то что они избавлены от грабежей и разбоев со стороны кочевого населения, на прекращавшихся в крае до русских. В настоящее время долго таджики тянутся далеко за кишлаками, а раньше посеы производились им, часто только внутри курганов (крепостцы), за стены которого они не решались выходить, боясь киргиз, кара – киргиз и кипчаков. Все эти кочевники беспрестанно нападали на беззащитных таджиков так же как и на самим сартов. В некоторых горных кишлаках, как Наркент, Аблык и до сих пор сохранились курганы служившие туземцам защитою от кочевников, в других местах напр в Богустане остались лишь развалины курганов. Брыч – муллинцы наблюдали за своими врагами с вершины горы, Дорз как только в дали показывалось пыль или появлялись два-три всадника, тотчас же все скрывались в ущельях и рощах. Кочевники являлись, грабили кишлак и угоняли скот. Часто таджики, спасаясь от врагов, сами же разрушали свои мосты на реках. У стариков Бискена и теперь еще свеж в памяти последний набег кара- киргиз на их поселение в год взятия русскими Ташкента: под предлогом измены таджиков Худояр –хану кара –киргизы напали на них и снесли их кишлак, находившийся в то время на левом берегу р. Бискена, при чем совершенно было много убийств. Несчастные таджики снова выстраивались уже на правом берегу реки, на менее удобном месте. Поэтому бискенции до сих пор боятся кара – киргиз, которых насчитывают близ Бискена более 150 кибиток, разбросанных по ущельям. Таджики Бискена спрашивали меня нельзя ли русским властям ** кара –киргизам

прекратить их подозрительные сходбища в ущельях и поселиться всем вместе, образовав благоустроенный кишлак. С приходом русских в край все таджики вздохнули свободно и теперь благодарят Бога и Русского Царя за ниспосланный им мир и сравнительное благосостояние.

Прежде чем закончить настоящий очерк, скажу несколько слов о таджикском наречии ташкентского уезда сравнительно с тем, которым говорит неграмотное население в Бухаре и Самарканде. Образованные по своему таджики стараются говорить на чистом персидском языке: на письме же обязательно пользуются им, так как письменного таджикского языка или наречия не существует. С грамматической стороны ташкентское таджикское наречия редко отличается от бухарского – самаркандского способом передачи трех наших падежей: дательного, винительного – направлении и предложного – места. Как раз это же самая особенность имеется и в сартовском языке той же местности. Если к этому прибавить, что в наречии таджиков ташкентского уезда еще больше тюркской лексической примеси, чем в таджикском наречии Бухары и Самарканда, то этим исчеркивается вся существенная разница между интересующими нас диалектами персидского языка.

О таджикском же наречии вообще сравнительно с настоящим персидским языком замечу, что оно отличается от последнего с фонетической стороны: более открытым, мягким и глубоким характером гласных звуков, а с синтаксической – построением речи и тюркский лад. Владеющему сартовским и персидским языками нетрудно убедиться, что, при знании грамматических особенностей таджикского наречия, ему следует только совершать дословный перевод с сартовского персидскими словами, как соблюдением названных особенностей, и у него будет выходить совершенно по таджикски, так как, таджикское наречие и сартовский язык, по грамматической конструкции своих оборотов, представляют из себя как бы сколок друг с друга.

В заключение докладываю общему собранию, что в полном отчете у меня будет приведены, кроме главнейших диалектологических отличий таджикского наречий, от персидского языка, два-три таджикских рассказа русскими буквами, с русским переводом.

КУЗНЕЦОВ П.* О ТАДЖИКАХ НАМАНГАНСКОГО УЕЗДА. ЧИСЛО ПОСЕЛЕНИЙ, НАИМЕНОВАНИЕ ИХ И КОЛИЧЕСТВО НАСЕЛЕНИЯ.¹

Наиболее удаленными от Намангана таджикскими поселениями будут Мамай [в 48 верстах к северу от Намангана]. Чодак [в 85 верстах к западу от Намангана]. И Камышь-курбан [в 128 верстах к юго-западу от Намангана].

Всего таджикских кишлаков в Наманганском уезде насчитывается десятка четыре; в 32 из них мы побывали; 7.известные нами по имени. Остались не исследованными нами. За недостатком времени; тем не менее у нас имеются кое-какие сведения и о них. Добытые через других лиц.

Приводим здесь список 39 кишлаков. С указанием количества населения в каждом из них.

- 1 Куяк - мазарь [в 32 верстах от Намангана] муж.453, жен.290, дворов 210
- 2 Касан [30-33 вер.от Намангана]. . . муж. 8266, жен 7336, двор 2705
- 3 Юмалак шайх [34 вер.от Намангана] . . муж 148, жен 145, двор. 46
- 4 Хытой-сай [35вер. От Намангана]. . . муж 2200, жен 1924, двор 736
- 5 Боястон [40 вер. от Намангана] . . . муж 495, жен 507, двор 155
- 6 Кашкаллак [46 вер.от Намангана] . . муж.196, жен 186, двор 44
- 7 Хазрат-ы-бувы[41вер.от Намангана] . . муж 92 , жен 90, двор 16
- 8 Акь-курбан [40 вер.от Намангана] . . муж 395, жен 406, двор 107
- 9 Сапид-Булон [48 вер.от Намангана] . . муж 320, жен 376, двор 92
- 10 Подак[43вер.от Намангана] . . . муж. 60, жен. 72, двор.19
- 11 Мамай [48вер. от Намангана] . . . муж.475, жен.360, двор 120
- 12 Варзик [46вер. от Намангана] . . муж.3347, жен.3235, двор 830
- 13Кара-курбан [50 вер. от Намангана] . . муж.60,жен.60, двор.19
- 14 Варзигон [44 вер. от Намангана] . . муж.394, жен.368, двор.141
- 15 Чуст. муж.8705, жен.7519, двор.2790
- 16 Дува[39вер. от Намангана] . . . муж.158, жен.135, двор 56
- 17 Сарымсак-тепа[38вер. от Намангана] . . муж.223. жен.209, двор.83
- 18 Садача [37вер. от Намангана] . . . муж.61, жен,53,двор.25
- 19 Чодак [85 вер. от Намангана] . . . муж.2324, жен.1985, двор.884
- 20 Пунык [100вер. от Намангана] . . муж.800, жен.650, двор.350
- 21 Ак-джар[93вер. от Намангана] . . муж.100, жен.85, двор.60
- 22 Джар-булак, или Аштлик-гузар (96в. от П на) . . муж.88, жен.45, двор.30
- 23 Ашт (109 вер. от Намангана) . . муж.2370, жен.1960, двор.947
- 24 Пискокят (116 вер. от Намангана) . . муж.550, жен.460, двор.150

* Кузнецов П. учёный ориенталист

1. Известия Туркестанского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Т.11, вып. 2, 1915 г

Стилистические и лексические особенности текста автора приведены без изменений в соответствии с нормами литературного языка того времени

- 25 Гудос (126 вер. от Мамангана)муж.470, жен.365, двор.223
 26 Шайдон (126 вер. от Намангана)....муж.830, жен.732, двор.250
 27 Улуг-курук (129 вер. от Намангана)....муж. 174, жен.208, двор.60
 28 Бува-дархон (131 вер. от Намангана).....муж. 468, жен.365, двор.85
 29 Пангоз (128 вер. от Намангана).....муж.2250, жен.1992, двор.670
 30 Кул-Ходжа (156 вер. от Намангана)....муж.168, жен.148, двор.50
 31 Мулла-мир (160 вер. от Намангана)муж.320, жен.28, двор.97
 32 Камыш-курган (128 вер. от Намангана)....муж.1650, жен.1290, двор.325
 33 Кукумбай (16 вер. от Намангана)....муж.680, жен.605, двор.202
 34 Гальча-кишлак (5 вер. от Намангана)....муж.473, жен.451, двор.245
 35 Шамси-куль (13 вер. от Намангана)....муж.176, жен.158, двор.70
 36 Кызыль-тепа (34 вер. от Намангана)....муж.107, жен.95, двор.28
 37 Каирма (38 вер. от Намангана) ...муж.279, жен.268, двор.81
 38 Тепа-курган (37 вер. от Намангана)...муж.366, жен.341, двор.136
 39 Яр-кишлак (39 вер. от Намангана)....муж.368, жен.330, двор.129

(Цифровые данные о последних 7 кишлаках заимствуем из «Списка населенных мест Ферганской области», изд. Ферганского областного Статистического Комитета, г. Скобелев, 1909 г.).

Из виденных нами кишлаков в 7 население смешанное: в Аккурган – из 107 дворов 2/3 -таджики, 1/2-кара-киргизы; в Подак из 40 с чем-то дворов таджиков около половины, другая половина – кара-киргизы; в Мамаи из 120 дворов 1/3 – таджики, остальные – кара-киргизы; в Кара-кургане из 200 с чем-то дворов 1/10- таджики, прочие – кипчаки; в Варзигане из 141 двора 2/3-таджики, прочие – кипчаки; в Кул-ходжа из 50 дворов около половины – таджики, остальные – узбеки; наконец, в Камыш-курган из 325 дворов 2/3-таджики и 1/3-сарты.

Если исключить числа, приходящиеся на долю других народностей, то общий итог собственно таджикского населения в названных выше 39 кишлаках выразится примерно цифрами в 12700 дворов и 74000 человек.)¹

Если бы приведенные цифры были совершенно верны, то при первом взгляде на них мы заметили бы одно общее явление для туземцев: это -меньшее количество женщин сравнительно с мужчинами. Не объясняется ли это явление тяжелыми бытовыми условиями туземной женщины, вследствие которых она должна быть менее долговечна, чем мужчина?

Такие большие кишлаки, как Касан, Чодак, Ашт, Пангоз, делятся на два поселения – на верхнее и нижнее.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

КИШЛАКОВ.

Относительно происхождения кишлаков нам удалось узнать следующие: 8поселений-Касан, Сапид-булон, Подак, Варзик, Чодак, Пунък, Ашт и Пискокят-

1. За точность цифровых данных не ручаемся, т. к. они сообщались нам по переписям различных годов, начиная с 1906 и кончая 1914. В момент нашей поездки (в июнь и июль прошлого года) в уезде производилась перепись; результаты её, вероятно. Не замедлять появиться, и тогда возможно будет проверить наш приблизительный подсчёт по официальному. Впрочем, и на официальные статистические сведения вполне полагаться нельзя; в силу своей логики, туземцы искажают истину в случаях, когда дело касается статистики.

существуют давно, некоторые с незапамятных времен. О Касан, местности Сапид-Булон и Ашт имеются самый в своей «Истории Каканского ханства на стр.7, Второй-В среднеазиатском вестнике», за июнь 1896 года., в статье за июнь месяц 1896 года., в статье: «Несколько слов об Арийской культуре в Средней Азии» (стр.21-23), - мы склонны видеть в «в Мугах» былых иранских земельных аристократов, владельцев их подданных: в этом убеждают нас и значение слова «Муг» (Огнепоклонник, мать и оседлая жизнь мугских предводителей, и характер их жилищ, и, и наконец, наименование мугской одной подземной мечети в Бухаре)¹. Так как Фергана была окончательна, завоевана арабами гораздо позже, чем другие части средней Азии, то естественно, что воспоминания о «Мугах», огнепоклонниках, сохранились в мусульманских приданиях, приводимых Г. Наливкиным.

Побывали на развалинах крепости «Муг» и мы, осмотрели остатки стоянок (5 остатков), курганчи и следы урды. На боковой стороне одного холма урды виднеются знаки концентрических окружностей, В другом холме есть проходное отверстие такой величины, что мы влезли и вылезли из него. Волостной старшина говорит, что лет 20 тому назад он видел в крепости следы комнат. По среди обрыва крайнего холма заметны два больших камня, по виду грабовых., у одного из них 4 больших зубца, несомненно искусных. (тут же, на крайнем холме, мы нашли оригинальный - с геологической точки зрения – камень, величиной с кулак в два, - соединенные, по средствам цемента, из 4 галек). Далее виднеются следы как бы крепостного рва. Наконец, арк выходящих, словно из туннеля, из под такого же холма, туземцы считают делом рук мугов.

Вообще нельзя не согласиться с Г. Бартольдом в том, что обстоятельное исследование развалин крепости Муг было бы весьма желательно.

Мы должны сказать здесь, что при постройке дома Мингбаши в Касане найдено было несколько монет, в роде данных нам Нанайским участковым приставом В.И.Марковым.

Относящиеся к Касану кишлак Умалак-Шайх называется очевидно от присутствия в нем мазара святого целителя опухолей (Юмалак-круглый, шарообразный).

В Хитой-Касан течет арык, вырытый якобы китайцами или калмыками., от сюда название Хитой-Сай или Калмык-Сай. (не произошло да тут отождествление с Китайцами и Калмыками Кара-Китаев, завоевателей Мовароунахра в XII столетие?)

Именем Сапид-Булон (на 10 верстной карте «Сафит-Мулла») называются кишлак и святое место с двумя мазарами. В одном мазаре по середине куполообразной постройки (приписываемый Темуру), находится могила Шах-Фазыля, считающиеся внуком Османа, а в переднем левом углу-могила сына Темура Амир-Умар-Хана. На одном из намогильных камней-булыжников значится год 608, на другом – 710. С наружи находится могила муфтия Сахиб-уль Мухита (+505); вокруг самой могилы лежит 8 камней, из них 2 с датами – 591 и 596. Толщина стен постройки аршина два; купол покоится на многоугольниках – 6, 5 и 4 – угольниках. Внутренние украшения и надписи – в роде тех, какие имеются в Самаркандских мадрасах., есть и кувические письменна.

1. З.Бартольд. «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», ч.2, стр.160.

Другой мазар, на холме, - Ходжа-Алямдор (знаменосец начальник правоверных), с 2 могилами, заброшен, Внизу – кладбище., здесь попадаются большие каменные плиты, словно намогильные.

Название двух мечетей в Сапид-Булон-«Кыргын-Масджит» -мечеть – Бойня) и «каля масджит» - Также «Каля-хона» — мечеть, дом черепов) – подтверждают рассказ Джамоля Карши о гибели в этом месте отряда, посланного халифом Османом¹.) Не имея под рукой (Справочной книжки Самаркандской области на 1906 г.)²), Мы не можем сравнить приводимого в ней Г. Шербиной – Краморенко туземного придания с тем, что мы слышали. Рассказывают, что неверные муги, во главе со своим предводителем Караван боссом, напали на мусульман во время намаза. Сострадательная женщина, по имени Булон, омывала отсеченные головы мучеников., от такой работы с рук ее слезло мясо, они побелели, - отсюда название Сафид-Булон –(белый, - ая») Караванбас с дочерью Биби-Убайдой приняли в последствии мусульманство³.

Могила святой Сапид Булон помещается в (Кыргын Масджит) и не представляет ничего особенного.

О существовании Ашта в средние века упоминает Магдиси⁴. Что Ашт – кишлак старый, видно также по мазару (нашт саһоба – 8 апостолов. Не от Наһсп ли происходит и название кишлака?). Один из этих явился будто бы из святых мест Мекки и Медины другие 7 – ансарцы . Все они пришли, по словам туземцев, во II веке мусульманской эре.

В мазаре существуют «михроб» – (род айвона с нишей) не сомненно старинный, с куфическими и другими, может быть, уйгурскими письменами. Михроб от части поврежден, но куски его имеются на лицо; возможно, что нашлись бы дата и имя строителя.

При пристройке мазара и при земельных работах в других местах мастер Турсун-Мухаммад Мусыев нашел 7 монет, из них 1 серебряная, остальные медные, при чем 1 из последних меньше других.

Интересен и холм Афрасиаба, очевидно искусственный: на нем имеются, развалены какой-то крепости (одна стена с амбразурами). В самом холме имеются слои кирпича в пересмешку с глиной, осколки корчаги, пласты древесного угля и круглые отверстия вершка в 1 ½ в диаметре. Туземцы уверяют, что в корчагах попадаются ячмень, кунак и п.р.⁵).

Относительно Подака, Варзика, Чодака, Пуныка и Пискокята сведения и еще менее определены, чем известие о Касане, Сапид-Булоне и Аште: Туземцы говорят лишь, что это – старые кишлаки и что времени их основания они не помнят.

В частности о Подаке говорят, что Мугские предводители Караван Мулло-Джамол- уд –дин, 3). Хазрат- ы –Абдурахман-Ауф и 4) бобо-и-тоуба. Все 4 – выходцы из Мекки и Медины; Когда пришли в Пискокян – не известно. Мощей этих святых нет, над мазарами их есть только купола (гумбазы).

1. Наши попытки найти ее в Андижан не увенчались успехом.

2. В окрестностях Коканда существует таджикский кишлак, носящий имя дочери Карванбас Биби – Убайда.

3. Бартольд. «Туркестан...» и пр., стр. 164.

4. По берегу речки Ашт – сая, особенно между Аштом и Пискокятом, обращают на себя внимание колоссальные камни.

5. Звали его, должно быть, Баходур-хон а, может быть, как предполагает Н. Г. Малицкий, Бува-дархон (----- свободный от податей и повинностей); отсюда, вероятно, и «Бува-дархон».

Название 3 кишлаков – Шайдона, Бува-дархона и Пангоза имеют некоторую связь с событиями, происходившими в Сапид-Булоне.

Место первого селения было будто - бы полем сражения арабов с мугами и от названия павших за веру – Шахид-стала именоваться Шайдоном (мн.ч. от арара-Шахидон). Основаны здесь лет 300-350 тому назад выходцами из Пангоза кишлак стал называется так же.

На соседних холмах туземцы указывают остатки жилищ мугов; теперь это - просто груды камней-булыжников, лежавших на 4 угольных или круглых площадках.

Могилы «Шахидов» образуют в кишлаке кладбище превратившиеся в мазар Бобо-и-Шахидон.

Бува-Дархон основан лет 70-80 назад то же выходцами из Пангоза, в количестве 16 семейств. Подобно Шайдону, кишлак называется по имени местности, а эта последняя получила свое название от мазара Бува-Дархон. Святой мазара-современник угодников Сапид-Буллона и Шайдона, Только Тюрк по происхождению¹. Живших здесь мугов он истребил, говорят, хитростью: явившись сюда с войском, он выдал себя за торговца и предложил им приходить к нему за товарами по одному; всякого же входившего к нему муга он убивал и так уничтожил их всех.

Название Пангоза происходит от (понсад-гозы) 500 воинов за веру, победителей в борьбе все с теми же не верными мугами. Сам кишлак основан будто бы лет 500 тому назад выходцами из Самарканда, Брич-Муллы, Седжака и др. в селение Ташкентского уезда. Брич-Муллинцы населяют квартал (Куча-и-Мулло) в верхнем Пангозе; их узнают будто - бы и по манере произносить самый. Сам кишлак основан лет 50-60 назад выходцами из Каратегина 1).

Боястон основан, по словам жителей, более 100 лет тому назад Кара-Киргизам Боястоном от сюда и название; Кара-Киргизов сменили здесь таджики, пришедшие из Богистона и Наная, селение Ташкентского уезда.

Кашкалак, или Кашкалдак (не показано на карте) так же основан более 100 лет назад выходцами из Богистона, Наная, Заркянты и др. селений Ташкентского уезда; Раньше стоявших на горе, версте от нынешнего места, куда перенесен 38 лет.

Ак-Кургану насчитывают тоже лет 100; таджики его – выходцы из Касана.

История возникновения Мамая такая же, как у Боястона и тут название произошло от имени Кара-Киргиза, бия Мамая, явившегося сюда из Пскентского района (Ташкентского уезда), и Таджикские поселенцы пришли в Мамай из того же уезда, именно из Богистона, Наная и др. кишлаков².

О происхождении кишлака Кара-Кургана не можем сказать ничего положительного. Отметим лишь, что в нем есть старые деревья (тополя, карагачи)

1. Говорят еще основатели Куюк-мазара явились на Шарихана большого кишлака Скобелевского уезда; в Шарихан же имеются выходцы из Каратегина.

2. Переселяясь из родных мест в другие, люди нередко давали последним имена первых; вспомним хотя бы историю русских городов, носящих названия Переяславль, Владимир, Ростов и пр. Поэтому интересно знать, нет-ли какой-нибудь связи между таджикским кишлаком того же имени в Ташкентского уезде, Нанаям и сартовским кишлаком того же имени в Наманганском уезде, а также между ташкентским Заркянтом и наманганским Зархандом (на карте – Заркент). Говоря о кишлаках, основных лет 150 тому назад переселенцами из Туркестана и Чимкента, В. И. Наливкин упоминает между этими кишлаками и наманганский Нанай («История Кокандского ханства». Стр. 25-26). Не правильные ли считали основателями его выходцев из таджикского кишлака Наная. Ташкентского уезда.

и камни, пользующиеся почитанием. Из последних которые-любопытной формы, на пример в виде сапога, стула, наковальни, котла (глубина вершков 6) и пр. Тут же имеется громадная скала являющая мазаром бува-и-Пора-дуза, патрона сапожников. Могила самого святого, сделана из гальки, находится внизу. Упомянутые выше оригинальные камни считаются инструментами, мебелью и посудой Бува-и-Пора-дуза: камень в виде сапога служит ему будто - бы калоткой, седлообразный камень-сидением, котловидный-котлом и т. д. В прочем ката-Курганские святыни подробно описаны Г. Костанье («Известия Туркестанского отдела ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА т.Х,в.1,1914г: стр.146-152»), а потому мы о них не станем больше распространяться.

Хотя местный Минг Баши считает Таджиков Варзигана какими то особыми, мы судим однако по самому названию кишлака и думаем они просто-напросто выходцы из Варзика. Это все, что мы можем сказать о Варзигане¹.

Отчасти говорят, что первые поселенцы его были частью из Басука (Ташкентского уезда), частью из Каратегина, частью из Чодака. Связь между Чустом и Чолаком подтверждается двумя обстоятельствами во первых в Чусте имеется квартал называющийся квартал Чодакцев, - во вторых существует легенда, героем которой является Хазрат-ы-Мавлоно, уроженец Чодака. Рассказывают, что святой этот живший в X веке хичры, явился как то в Чуст именованный тогда Ахсыкянтон. Чустсы не обратили должного внимания на святого человека; он отправился в другое место, откуда разнеслась о нем подобающая слава. Чустсы спохватились бросились за святым, а тот уже был на пути к Намангану; догнали его, стали просить вернуться к ним. Он согласился, при чем сказал: «Вы скоро - Чуст) спохватились, иначе не увидели меня у себя».

При мазаре с могилой хазрат - ы - Мавлоно имеется мадраса его имени (всего в чусте 5 медресе). Здание медресе возобновлялась Махмудом Дастурхончи при Мадали-Хане (лет 70 тому назад и одним благотворителем по имени Ходжа-хонь-кори) - лет 20 тому назад.²)

Все говорит за то, что Чуст город сравнительно новый; но построен-то он, по видимому, на бывшем жилом месте: по словам одного мудариса, лет 20-30 тому назад в Чусте нашли 3-4 монеты, тождественными с медной монетой малых размеров, полученной нами в Аште. Кроме того, часть города, очевидна, построена на старом кладбище. Туземцы уверяют, что раньше, до прихода русских, всякий всадник, проезжая мимо мазара хазрат-ы-Мавлоно, должен был слезать с лошади и вести ее в поводу, иначе случалось несчастье либо с ним, либо с животным. На личном опыте мы убедились, что такие «чудеса» возможны и при русских: когда

1. Под именем Зарханда, вероятно, кроется то селение Заркан, о котором говорится у В. В. Бартольд («Туркестан в эпоху монгольского нашествия», ч. II, стр. 163-164.) Подтверждение нашей догадки можно найти у В. П. Наливкина («История Кокандского», стр. 25); он заявляет, что Зарханд существовал еще при арабах и был тогда населен таджиками. Что касается ташкентского Зарханда, то г. Бартольд говорит, что он, может быть, соответствует Зеранкету Макдеси, в Шап («Туркестан,...» и пр., стр. 176).

2. В Чусте нам представился случай проверить заявление жителей таджикского кишлака Брич-мулла, Ташкентского уезда будто их предки - выходцы из г. Чуста именно из квартала Брич - мулла (отсюда якобы и название ташкентского кишлака). Из опрошенных нами чустцев только один старик счел справедливым заявление ташкентских брич-мулшинцев (впрочем сначала он рассказал про то, что от них самих слышал будто их кишлак основан Нуширваном) большинство же других наших случайных собеседников в том числе престарелый казий настаивают на том что чустский квартал Брич-мулла (иначе Куш-ауз) основан выходцами ташкентского кишлака Брич-мулла. Достоверен лишь факт, что брич-мулшинцы обеих местностей поддерживают сношения между собой и особенно стараются родниться друг с другом.

пишущий эти строки ехал шажком по базару Камар-сай то совершенно неожиданно для него лошадь под ним грохнулась, и он полетел в право, а хурджин его в - лево.

Оказалось, что лошадь попала ногой в полое место и провалилась в скрывавшееся под ней глубокое отверстие. Дело было 26 июня, а неделей раньше совершенно тоже и на той же базарной лошади произошло с одним местным полицейским. На наши расспросы туземцы заявили, что падение лошади на базаре Камар-сай-обычное явление, так как он стоит на старом кладбище. В той части этого базара, где жили индусы, есть странная, чуть не бездонная, яма, слушая теперь помойной ямой; происхождение ее точно не известно. Наконец, по словам бывшего заведующего чувской русско-туземной школы Г.Шалутого провалившаяся в его время на школьном участке вода уходила словно сквозь землю. Должно быть, ям разного рода не мало под чувом: интересно было выяснить их происхождение.

В окрестностях Чуста отметим 3 кишлака. Если не ошибаемся один из них не показан даже на 10-верстной карте: это Садача (или Сада-чавор), основаны выходцами из чуста.

Два других – Дува (на карте Дуваба?) и Сарым саке – тепа населенные потомками каратегинцев, что видно, между прочим, из их наречия.

Население обоих кишлаков роднятся, как между собой, так и таджиками Куюк-мазора. Тоже потомками каратегинцев.

Сарым-Сакетепа насчитывают более 100 лет. Дува же, говорят не моложе Чуста.

Из таджикских кишлаков, расположенных на Сыр-дарье упомянем пока Лкед-жар и Джар-булак (или Аштлик гузар). Оба они находятся на одном и том же берегу-правом, но на карте показан один на одном, другой – на другом берегу.

Ак-дзар основан выходцами из Ашта и Ура-тюбе. Старую мечеть кишлака снесло рекой. На мазаре Бува-рох-бурд-сахоба есть очень старые деревья (чинары, шелковица и тал), Над могилой святого купол в киргизском духе (в окрестностях живут кипчаки).

Джар-булак основан после прихода русских выходцами из Ашта (отсюда и другое его название Аштлик-гузар).

Горный кишлак Гудас основан переселенцами не то из Бухарского Гузара, не то из Харасана. Тем не менее кишлак считается старым.

Улуг-Курук (на карте Коруг) основан лет 100 тому назад выходцами из Пангоза на месте, отличавшемся большою заскорузлостью (отсюда и название кишлака). Самый чтимый мазар в Улуг-куру Санги-калон – большой камень (с дом величиной).

Шамси-куль основан переселенцами из памятного всем кишлака Мынь-тепа, Скобелевского уезда. По словам Г. Сулаймон-Ходжаева Шамси-Кульцев имеют песни, сходные с каратегинскими. Из мазаров в Шамси-куле называют лишь один – Бобо-и-Камбар.

Кызыл-тепа основан переселенцами из чуста и касана лет 50 – тому назад.

Таджики Каирмы, по видимому забывают родной язык. – Тоже говорят и о населении Теппа Кургана и Яр кишлака. Теппа-Курганцы по обычаям напоминают чувцев; кишлаку их, полагают, лет 200.

Этим исчерпываются сведения, данные нам г. Сулаймоном-Ходжаевым.

Подводя итог сказанному о происхождении таджикских кишлаков Наманганского уезда, мы видим, что первое место в этом вопросе занимают с

десяток старых поселений (Касан, Хазрат-ы-бува, Сапид-булон, Подак, Варзик, Чедак, Ашт, Пискокот и др.) Второе – поселение, основанное выходцами из Ташкентского уезда (Боястон, Кашка-лак, Мамай, Камыш-курган, от части Пангоз, выходцы из которого основали, в свою очередь, Шайдон, улуг-Куруг, Бува-дархон, Кул-ходжа и Мулла-мир).

Что касается Каратегинских переселенцев, то оказывается, что на самом деле в основании таджикских кишлаков Наманганского уезда они сыграли сравнительно не значительную роль: целиком ими заселены лишь такие кишлаки, как Куюк-мазор, Дува и Сарым сак – тепа.

ХАРАКТЕР ТАДЖИКСКИХ МЕСТНОСТЕЙ. ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Характер местностей, занимаемых таджикскими кишлаками в Наманганском уезде, не везде одинаков: На севере от Касана и в горах к юго-западу от Чуста заметен недостаток воды и тепла. В этих местах хлопок, рис, белого сорта, виноград (за исключением сорта «чиляги», начинающего созревать летом), дыня и арбузы совсем не разводятся преобладающими посевами здесь являются пшеница, ячмень, проса и кунак; в садах же произрастают абрикосы, яблоки, вишня, шелковица. Таким образом условия существования горных Таджикив Наманганского уезда аналогичны с условиями жизни Таджикив Ташкентского уезда. В Мулла – мире, например, как и в горах Ташкентского уезда, зимой выпадает много снега; глубина его доходит по временам да 15 аршин.

Зато начиная от Камыш-Кургана на юге и кончая Косаном на севере, можно найти все посевы, фрукты и овощи, свойственные культурным районом Ферганы¹. В таких же местах, как Акджар и Джар-Булак соединяются все особенности юга и севера Таджикистана: по крайней мере ягоды, колочка, превосходные арбузы и дыни, провалившиеся могилы в Акджаре и Аштлык гузаре, расположенных на Сырдарье живо напоминали нам низовья той же реки у Казалинска.

Главное занятие таджиков наманганского уезда – земледелие и скотоводство. Население обездоленных кишлаков – Пискоkjята, Гудаса, Шаидона, Бува-дархона, Мулла-мира, Кулы-ходжа и от части Пангоза – кормится отхожими промыслами, отправляясь в Ташкентский Уезд (в качестве жнецов к Кураминцем), в Куканде, Намангане и других местах обыкновенные таджики уходят на заработки летом, но есть и такие, которые из за насущного хлеба, расстаются с родными местами и зимой: таковы например, Гудасцы. Дневной заработок на отхожих промыслах от 1 рубля, до 2 рублей 50 копеек на хозяйской пиши.

На долю Пангосцев выпадает не малый доход от торговли с Курамом ситцем и от продажи абрикосов,

1. В частности Касан обращает на себя внимание в климатическом отношении; горная речка Касан-сай, роскошная растительность, сравнительная прохлада летом могли бы соблазнить кое-кого из любителей дачных мест.

Существует туземное стихотворение (на персидском языке) посвященное Касану автор его Васфи советует читателю поселиться в Касан ради его воздуха «воды святынь». «У кого же есть деньги», продолжает поэт, тот пусть непременно выстроит себе в Касан дом и женившись на красавице с миндалевидными глазами и луноподобным лицом наслаждается жизнью. Ты же Васфи обращается поэт к самому себе «...как не обладающий золотом, утешай себя, подобно бессребреникам монахам, надеждой на царствие небесное!».

Доходной статей для Камыш-Курганцев, Шайдонцев и Таджикив Кулы-Ходжа служат добыванием и перевозкой самосадочной соли. Соль добывается в той части Ахсыкенского озера, которая у туземцев именуется Каракеном. Здесь стоят несколько жалких саклей, в которых живут человек 10 таджиков - солеродов. У жилищ, не вокруг не деревца не кустика. Вода привозится за 8 верст из Камыш-Кургана, и стоит 20 копеек кувшин. В прочем, иногда таджик-рабочий готов заплатить 20 копеек за чашку чая. Сами копи находятся у начала Ахсыкенского солёного озера. Почти вся поверхность озера покрыта белой блестящей солью. Добывается она следующим образом. Отгораживается бассейн той или другой величины с достаточными количеством воды и в течении месяца или 6 недель производится выпарка воды. Активное участие человека в этом процессе заключается главным образом, в созерцании действия солнечных лучей. Случается, что, прежде чем добраться до воды, нужно бывает снять 1-2 слоя черной земли. Когда вода испарится осевшую из нее и высохшую соль кетменями загребают в кучи, а затем кладут в мешки.

Соле промышленники таджики (большой части из Камыш-Кургана) жалуются на дороговизну рабочих рук (мардикор 1 руб. 25 коп. в день на хозяйской пиши) и уверяют что расходы не всегда оправдываются выручкой. Прежде верблюды соли продавался по 80-90 коп., в настоящее время-50-60 коп. Исноска. К тому же, очевидно предложение превышает спрос на станции (Посьетовка) просто на земле навалено кучи соли. В свою очередь, перевозчики плачутся на то, что железная дорога отбивает у них хлеб: раньше перевозили соль по всюду на ослах, верблюдов и арбах, теперь это делается только до станции железной дороги (Посьетовка). Наконец, рабочие жалуются на тяжелый труд, показывают изъязвленные руки и ноги и говорят, что после работы на соленых промыслах они уже не способны ни на какой другой труд. В самом деле, вид рабочих внушает чувство сострадания: худые, оборванные, с обмоточными тряпьем ногами, они являются правдивой иллюстрацией к своим словам. Посетитель на себе испытывает перспективы жизни на промыслах с момента приезда туда пропитанный солью воздух сушит его губы, и он начинает испытывать томительную жажду. Это чувство, несомненно, еще сильнее у работающих таджиков как уж тут было думать напоить наших лошадей, не пивших почти целый день! В первый раз мы не решились напоить своих лошадей.

В заключении необходимо добавить, будто эти воды являются для лечения не только ревматизма, маточных болезней, но и других болезней, в том числе люэса. По крайней мере так говорят про туземцев.

Между Чоркасаром и Чодаком встречается много мрамора, а между Пискокятом и Гудасом-не мало скал с заметным содержанием железа. Когда Туземцы научатся извлекать пользу из минеральных богатств края - не известно. В этом отношении и мы покорители края, мало чем превосходим их. Вот одно из доказательств тому. На левом берегу Сыр-дарьи, в том же Наманганском уезде, у Наукятской переправой красуется завод «Сыр-дарьинского горнопромышленного общества» по добыванию меди. Из акционеров общества нам называли некого Мажицкого и двух аристократов (кажется графов). Теперь завод этот бездействует. Оборудован он, видимо хорошо электрические двигатели выписаны из Магдебурга, и вообще затрачено на него будто-бы ни один миллион. Медь добывалась из глубины 42 сажен, превосходного качества; Обработка ее обходилась обществу 7 руб.

пуд. Продавалась же она на монетном дворе по 20 руб. за пуд. Что заставило общество приостановить работу при таких барышах - узнать нам не удалось. Во всяком случае, не недостаток меди: слой ее, говорят далеко залегает под рекой... Остановившийся завод охраняется 2 сторожами и целой сворой собак.

Называли нам еще 1 такой завод находящийся несколько выше, у Чил-Махрамской переправы; не можем сказать, работает он или так же бездействует.

МАТЕРИАЛЬНОЕ И МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Наибольшим благосостоянием среди Таджикив Наманганского уезда отличаются Касанцы и Камыш-Курганцы. В прочем последние слишком заражены «хлопковой горячкой» и потому страдают задолженностью скупщикам хлопка; задолженность эта в отдельных случаях простирается от 100 до 2000 тыс.руб. не удивительно, что население сравнительно беднее бедного Пангоза, живущие посевами хлебных злаков, отхожими промыслами, торговлей ситцами с курамом и продажи абрикосов, хвастается большими сбережениями чем Камыш-Курганцы,

Но кто подобно раку в известной прибаутке, действительно не горюет, а свистит в кулак, - так это гудасцы: за полным почти отсутствием воды, они живут лишь богарными посевами и зимними отхожими промыслами, и если в кишлаках у них пусто, зато имеются дорогие лошади, а при случае появляется и водочка. Вообще же, Гудасцы слынут за народ, с которым ухо надо держать востро: злые языки говорят, что они не чуждаются даже знакомством с рыцарями темной ночи. Но говорить все можно...

Однако как не бедны Таджики Наманганского уезда, но годы, когда Омы (горная клубневое растение) играла для них почти такую, же роль, как лебеда для России, - эти годы отошли в область предания. Наоборот, у некоторых туземцев, особенно, у лиц администрации, можно теперь видеть предмет роскоши, на пример граммофоны, щегольские коляски, европейскую мебель и п.р. Швейная же машина очевидно вошла в обиход у туземцев, так как вывеска фирмы Зингера встречается в каждом людном кишлаке. С проведением проектируемых железнодорожных веток на Чуст, Камыш-курган и Касан, благосостояние населения этих и соседних с ними пунктов возрастает еще более.

Духовная жизнь «в мусульманском смысле слова» проявляется лишь в таких таджикских пунктах как Чуст и Касан: в них имеются и низшие школы (мактабы) и высшие (мадраса), оба эти пункта поставляют не малое количество Мударисов (туземных профессоров) для Намангана, Куканда и некоторых других мест.¹ В кишлаках за редкими исключениями, встречаются только мактабы да и то вероятно, в ограниченном числе. Во всяком случае, грамотных среди таджиков мало. Любопытно, что не грамотными оказываются не редко и туземные должностные лица: таковы например старшина в Куюк-мазаре, Мингбаши в Чусте, в Варзики Аште и других местах.

Как и в Ташкентском уезде, в Наманганском есть Таджики, забывающие родной язык, например в кишлаке Мамае.

1.Таджику легче других туземцев добраться до мусульманских ученых степеней; одна из причин этого то, что около 1-3 книг, штудируемых в мактабах и мадраса, написаны на персидском языке, а родной язык таджиков лишь наречие этого последнего.

Песен и сказаний своих у Наманганских Таджикив так же нет. Говоря о Таджикив Ташкентского уезда, мы заметили, что если между 10 таджиками сидит, хоть 1 Сарт или киргиз разговор непременно ведется на сартовском языке. Со своей стороны, Чустский Мингбаши заявляет, что лет 40 тому назад в таджикском обществе нельзя было говорить по сартовски; Теперь, напротив, в этом обществе стараются говорить по сартовски.

Таким образом, главным фактором в тюркизации таджиков является не столько кровь, сколько язык, самые обыденные слова - название родных, различных частей тела, болезни и прочие - заимствованы таджиками из тюркского языка; Таджикские существительные, образованные из тюркских глаголов, многочисленны.... Если арабские и персидские слова составляют около 1/3 сартовского словаря, то тюркских и сартовских слов не менее в таджикском наречии. Даже грамматическая конструкция у сартовского и таджикского наречий тождественна.

Андижан, 1915 г.

П. Кузнецов

АНДРЕЕВ М. С.* ПО ЭТНОГРАФИИ ТАДЖИКОВ. НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ¹

Таджики являются народностью, входящей в состав обширной иранской группы, принадлежащей к арийской ветви семьи индо-европейских народов. Некоторыми этнографами они определяются, как восточная часть персидского народа - персиян, персов, самого многочисленного среди иранских народов, делящегося в географическом отношении на три основные группы. По определению Деникера, «если, придерживаясь приблизительно границ теперешней Персии, проведем линию луг Астрабада к Иезду, то, на восток от нее, найдем таджиков, на запад хаджеми (между Тегераном и Исфаганью²) и парсов или фарсов (между Исфаганью и Персидским заливом)»³.

Таким образом таджики, самые древние известные нам засельники Средней Азии, даже после нашествий ординоземных завоевателей, истребивших или ассимилировавших иранский элемент на значительном пространстве Средней Азии или оттеснивших его в горы, до сих пор еще занимают значительную площадь в Средней Азии. Самые крайние, наиболее выдвинувшиеся на север таджикские селения расположены по системе р. Чаткала (верховья р. Чирчика, Ташкентского уезда), из которых селение Бискан, лежащее под 42° с. ш., является самым крайним предельным пунктом выдвижения таджиков вообще на север в настоящее время. Приблизительно только на полградуса южнее этого, в предгорьях той же горной системы, сохранились самые северные таджикские селения в Фергане, лежащие, среди окрестных народностей, говорящих на тюркском языке, как и отдельные небольшие группы таджиков Ташкентского уезда. В восточном направлении самыми крайними аванпостами таджиков, тоже несколько выдвинувшимися вперед от главного ядра, являются одинокие селения, по-видимому, ваханцев, или сарикульцев, встречающиеся на северо-восточном склоне Гималаев, в той части, где этот могучий горный хребет подходит к своему соединению с восточным концом Гиндукуша. Что же касается границы южного распространения таджиков, то определить ее представляется труднее. Пространство, почти сплошь заселенное таджиками, простирается к югу от Туркестанского хребта и прилегающей части Алтайского, доходит до верховьев р. Аму-Дарьи (р. Пянджа) и на некоторое расстояние продолжается и по прилегающей афганской территории, главным образом по Восточному Бадахшану, занимая здесь северные склоны восточной части Гиндукуша и населяя его долины. В одном только Афганистане, по скромному подсчету английского газеттира, таджиков насчитывается около 900.000, занимающих первое после афганцев место по численности среди народностей входящих в состав этого государства⁴.

* Андреев М.С., известный русский учёный ориенталист.

1. Андреев М.С. По этнографии таджиков. Некоторые сведения. // Таджикистан. Ташкент. 1925. стр. 150-177

2. عجمی

3. Деникер, Человеческие расы, пер. с франц. Е. Ранцова, СГШ, 1982, стр. 502.

4. Официальный английский газеттир по Индии (Imperial Gazetteer of India, Calcutta, 1908) в описании Афганистана, базируясь на других работах по этой стране, исчисляет все население Афганистана

Между прочим, таджиков много также и в составе Гератской провинции Афганистана. К югу, или точнее, к юго-востоку от Гиндукуша таджики, снова начинающие идти вкрапинами среди других народностей, встречаются по мере приближения к индийской границе все реже и реже, хотя таджикский элемент, видимо, довольно значительно ощущается еще в кабульском округе. По достижении индийской границы, как можно предположить, таджики почти совершенно исчезают, хотя признаки их присутствия местами неподалеку от границы можно все же видеть в отметках, напр. на английской карте Восточного Нинграгара (под $34^{\circ} 5'$ с. ш. и $70^{\circ} 35'$ в. д.)¹⁾. В прилегающей дальше за пограничной чертой полосе Индии таджиков уже нет, но между юсуфзяями Пешеверского округа, напр., таджики, видимо, уже подвергшиеся ассимилированию с окружающим патанским населением, но сохранившие среди строго наблюдающих за родословной патанов и свое племенное название, хотя и изредка, но местами все же попадают.

Как мельком упомянуто выше, таджики являются древнейшими известными засельниками Средней Азии, где иранский элемент занимал когда то доминирующее положение. На громадном пространстве, покрываемом теперь Северным Афганистаном, Закаспийской областью (по последнему переопределению— Туркменистан), Хорезмом, Бухарскими владениями, Западным и даже Восточным, т. е. Китайским Туркестаном, далеко продвигаясь на восток по последнему,— пространстве, примыкавшем непосредственно и сливавшимся с теперешней Персией, жили различные иранские народности, уцелевшие остатки которых, в тех случаях, когда они продолжают говорить еще на иранских наречиях, известны в Средней Азии в настоящее время под общим именем таджики. Мировая культурная роль этих предков теперешних таджиков очень велика и определяется Лауфером следующим образом:²⁾... «Мы знаем, что иранские народы покрывали когда то необъятную территорию, простиравшуюся через весь Китайский Туркестан, переселялись в Китай, вступали в сношения с китайцами и оказывали глубокое влияние на народы другого происхождения, в особенности на тюрков и китайцев. Иранцы были великими посредниками между Западом и Востоком, передавая наследство эллинских идей в Центральную и Восточную Азию и препровождая ценные растения и произведения Китая в средиземноморскую арену. Их деятельность имеет мировое историческое значение, но без записей китайцев мы не могли бы вполне охватить положение»;

приблизительно между 41/т и 5 миллионами. Однако близко наблюдавший Афганистан Тэт (С. Р. Tate) в своей книге „The Kingdom of Afghanistan» Bombay 1911., основываясь на наблюдениях сеистанской комиссии в 1904 г., считает все население Афганистана в 12,000,000. Последнее до некоторой степени подтверждается еще тем, что хорошо знавший свою страну и в общем очень практичный Абдурахман-Хан мечтал о том, чтобы накопить в Афганистане оружие для одномиллионного афганского ополчения, которое он мечтал поднять в случае нашествия сильного внешнего неприятеля—план, могущий, конечно, быть построенным только при принятии для населения Афганистана значительно большей цифры, чем $4\frac{1}{2}$ 5 миллионов. Но если это так, то и приведенную цифру таджиков в Афганистане придется для соответствия с действительностью по крайней мере удвоить, т. е. следует считать в таком случае общее число таджиков в Афганистане не в 900\$00, а приблизительно около 2 миллионов.

1. The Second Afghan War 1878-80. Abridged official account. London 1908, p. 60 (карта № 3).

По сведениям индийского газеттира (Оксфорд, 1908, т. XVI, стр. 150) таджикское население имеется даже в округе Лаш-Джувеин, граничащем с Гамуном р. Гильменда, т. е. доходит на юг в этой части Афганистана до 30° с. ш. Здесь таджики проживают вместе с коленом shakzai афганского племени дур рани, составляющим преобладающее большинство.

По словам Bellew „таджики распространены по всему равнинному пространству Афганистана—от Герата до Хайбера и от Кандагара до Оксуса*» (The Races of Afghanistan, Calcutta, 1880, p. 110).

2. Berthold Laufer. Sino-iranica, Chicago 1919.

Последовавшие волны нашествий иноземных завоевателей, накатывавшиеся от времени до времени на Среднюю Азию, видимо, всегда являвшуюся перекрестком больших дорог, через который проходили переселения народов, крайне губительно отразились здесь на аборигенах-иранцах, уничтожая их, ассимилируя с завоевателями или загоняя их уцелевшие и спасающиеся остатки в труднодоступные для завоевателей горы, не манившие к тому же завоевателей отсутствием накопленных там богатств, в противоположность богатым большим пунктам равнинной оседлости.

Очень характерным в этом отношении указателем для определения характера захватных интересов завоевателей является к тому же то, что таджики живут, т. е. оставлены жить в настоящее время только там, где не имеется больших хороших пастбищ. Последними, естественно, стремились завладеть кочевники-завоеватели.

Но самым убедительным и красноречивым историком, сви-детельствующим перед внимательным взором об исторических превратностях таджикской судьбы, является карта расселения таджиков в настоящее время. Уже при первом взгляде, хотя бы на приложенный при этом набросок частей бывшей Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей, видно, как отдельными островками, оазисами, прижавшись к горам, сохранились таджики в окрестностях тех равнинных районов, где они существовали еще при монгольском нашествии, каковы, напр., долина р. Чирчика, носившего в старину за свое быстрое течение таджикское название «Парак»—«Летящий», р. Ангрена (тадж. «Ахангяран»—«Кузнець»), где монголы из одного только разрушенного города Бйнакета, находившегося при впадении р. Ангрена в Сыр-Дарью, увели, по свидетельству историка Джувейни¹), 50.000 таджиков на осадные работы против Ходжента, а также др. места, не исключая и теперешнего г. Ташкента и его окрестностей, где " старые названия каналов в ирригационной системе, имена различных пунктов и урочищ ясно говорят о бывшей таджикской культуре.

Самыми первыми пунктами, населенными таджиками на равнинах в сев.-восточном направлении, являются большое селение Хавас (акфло узловой станции того же имени, где сходятся ж. д. пути из Ташкента, Самарканда и Ферганы, —бывш. ст. Урсатьевская) и гор. Ходжент с его окрестностями. Еще живы старожилы, которые помнят, остатки таджиков, проживавших на их памяти в Бискенте (большое селение на прямом колесном пути из Ташкента в Ходжент), но в настоящее время таджиков там уже нет. За этими выдвинувшимися вперед аванпостами, главным образом к югу и к востоку от них, начинают попадаться в разных местах, окаймленные населением, говорящим в настоящее время на тюркских диалектах, таджикские селения Ура-Тюбинско-Ферганского района, встречаясь от времени до времени или в одиночку или группами— последние больше в предгорьях. Это сохранившиеся длинной) полосой, вытянутой здесь в востока на запад вдоль сплошного таджикского пространства, следующего далее на юг (к югу от Туркестанского хребта), сохранившиеся до наших дней разбросанные кусочки,, являются остатками того,, когда-то сплошного и здесь иранского населения, бывшего значительно более многочисленным именно здесь в равнинах—сплошного подобно тому, которое уцелело непрерывной полосой теперь только дальше в горах, способных прокормить только редкое население.

1. Любезно указано мне В. В. Бэргояьцом.

Глядя на это пространство, можно сказать, что была битва, длившаяся долгие столетия и не замершая окончательно и теперь (ассимилированные таджиков местным населением, говорящим наречиями тюркского языка, еще продолжается) и вот ее результаты:

Иранское протяжение на равнинах в смысле сохранения языка сметено с поразительной силой. В равнинах уцелели только наиболее сильные центры таджикской жизни в виде больших городов Самарканда и Бухары, а далее на юго-восток, возможно, подвергшись меньшему напору завоевателей, остались оазисами примыкающие географически к сплошному в настоящее время таджикскому пространству равнинные и предгорные пункты Ферганы—Ура-Тюбе. Последний существовавший этап прямой связи между иранским пространством Туркестана и Бухары, сводной стороны, и Хорасана и Персии, с другой, а именно, древнейший иранский оплот в Мерве был разрушен сравнительно недавно (в конце XVIII в. и в нач. XIX в) бухарским эмиром Маасумом, переселившим остатки его жителей в Бухару и Самарканд и, в силу этого, очистившим данную территорию для последовавшего занятия ее туркменами (сарыками в 1790—91 г. и те же в 1834¹) Таким образом связь между иранцами Туркестана и Бухары, с одной стороны, и Персии, другой, сильно ослабленная и до того, благодаря религиозной розни, была еще более уменьшена и географически.

Рассматривая и теперь еще широко раскинувшуюся общую массу таджиков, естественно приходится остановиться подробнее при этом над вопросом— что именно определяет собою слово «таджик» в этническом отношении? Не останавливаясь над различными и в общем, видимо, недостаточно убедительными объяснениями значения самого слова²), можно отметить некоторую неравномерность в толковании того, кто именно таджик и кто не таджик в различных местах Средней Азии.

Обычно население Бухары и Туркестана, говорящее на тюркских языках, называет в настоящее время таджиками коренное население Средней Азии, которое говорит иранскими языками (диалектами), безразлично—будет ли это диалект персидского языка или, напр., одно из неперсидских иранских наречий верховьев Пянджа. Житель Хорасана и пухтун-афганец, напр., одинаково будут исключены из этой рубрики—первый, как «ирани» или «персиян» (последн. уже заимствовано с русск.), второй, как «афган», хотя афганский таджик останется в их глазах все же таджиком. Что касается самих таджиков, то такой общности в определении у них не наблюдается.

Начать с того, что, как приходилось наблюдать в верховьях Пянджа, тамошнее население, говорящее неперсидскими наречиями, таджиками склонно называть (напр., в Шугнани, Рушани) только себя, считая, напр. соседей дарвазцев, как и прочих, говорящих диалектами персидского языка, как «порси-гуй» (فارسی گوی т. е. «говорящие по персидский³). В другом случае, а) именно с Ягнобом—небольшой

1. Данные, касающиеся этого периода, имеются в прекрасном исследовании покойного В. А. Жуковского „Развалины старого Мерва“, МАР № 16, СПб., 1894, а также у В. В. Бартольда в его статье „К истории Мерва“ ЗВО. т. XIX, 115—138 и 0218—0219 и в его капитальном вкладе в ирановедение—„Историко-географический обзор Ирана“, СПб., 1903.

2. Объяснения слову „таджик“ см., напр., в обширном „примечании“ Ханькова, приложенном к сделанному им на русский язык переводу Риттирова „Ирана“ (СПБ, 1874)—стр. 507—520, а также в их современном освещении, в помещаемом одновременно историческом очерке В. В. Бартольда.

3. Последнее определение также совпадает и с определением значительной части самих таджиков, говорящих на персидском языке: в Афганистане, по словам английских исследователей, таджики сами себя называют

горной страной, расположенной по одному из притоков р. Зерафшана, жители которой говорят особым языком, считающимся остатком древнего согдийского,— дело обстоит наоборот. Соседи ягнобцев, говорящие на диалекте персидского языка (фальгарцы, матчинцы), называют таджиками только себя, а ягнобцев называют гальч¹), наделяя их этим именем, обычно, заглазно, чтобы не оскорбить, т. к. это название считается обидным. Ягнобцы сами тоже признают своих соседей за таджиков, определяя себя как «ягноби», т. е. «ягнобцы» и, видимо, отделяя себя от таджиков.

Население Ходжентского района, лежащего на равнине, составляющей вход в Фергану, и говорящее на диалекте персидского языка, обычно себя называет тоже таджиками, но среди стариков, пишущему приходилось наткнуться на следы старого определения, сохранившегося в исчезающих воспоминаниях, что они сарты, а что касается их языка, то он таджикский. Настоящими же таджиками они были склонны считать горцев (напр., в Матче, Дарвазе).

В последнем случае мы находим любопытное подтверждение не раз отмечавшимся указаниям, что раньше, в старом употреблении, слово сарт обозначало население, говорившее на таджикском языке и, видимо, скорее таджиков горожан, равнинных таджиков²). Этим объясняется, почему «сарты», но существу иранцы, таджики, в тех случаях, когда потом; подверглись главным образом в отношении языка ассимилированной с завоевателям, приняли их тюркский язык (отступив и в нем от тюркской гармонии гласных и сохранив в значительной, степени свою иранскую фонетику³), сохранили свое племенное название. Так как численно масса таких; изменившихся в отношении языка равнинных сартов (таджиков в основе) была велика и в Хиве, и в Сыр-Дарвинской обл. и в Фергане—то, в конце концов, их наречие стало, пониматься, как тюркское, а сами они, как народ, говорящий на "данном тюркском наречий. С другой стороны, равнинные таджики, сохранившие таджикский язык,, вероятно сами себя почему то называвшие раньше часто сартами, как мы видели из случая с ходжентским районом, постепенно, перестали себя так называть, переходя на Применение в отношении себя термина таджики.

Таджики по районам своего пребывания, а отчасти и то тину могут быть разделены; на две категории: на равнинных и горных. В первых, естественно,

парсиванами فارسی بان

1. Слово „гальча“ обычно широко употребляемое ориенталистами и этнографами для общего обозначения горных таджиков, самими таджиками, видимо, применяется редко и только в очень ограниченных районах и вряд ли оправдывает в этом отношении его широкое применение европейцами. В довольно многих местах, и в горах (наприм., в странах по Пянджу) и на равнине таджикское население не употребляет и не знает этого слова. В Туркестане и Бухаре более всего, 'видимо, оно применяется самаркандцами'—для обозначения горцев верховьев Зерафшана.

2. Напр., Бабур, говоря о том же ходжентско-уратюбинском районе, а именно, о селении Дих-Кят, лежащем на северном склоне Туркестанского хребта, неподалеку от пер. Обурдан, говорит: „его население, хотя и сарты, живут в селении, но являются владельцами стад и пастухами, подобно тюркам“ (за не имением под рукой оригинального текста перевожу с англ. перевода А. Beveridge. I p.149). Бабур не мог не знать очень хорошо, что жители Дих-Кята были таджики, говорящие диалектом перс, яз., как они остались и до настоящего времени.

Подробные сведения о слове „сарт“ и его значении в различные эпохи приведены в помещаемой одновременно статье В. В. Бартольда.

Очень любопытным отзвуком старого обозначения слова „сарт“ является, возможно, также то обстоятельство, что население верховьев р. Пяндж, т.-е. шугнанцы, рушаниы, ваханиы и др.. до сих пор еще между собою, как любезно сообщил мне А. М. Дьяков, говоря о населении равнин Туркестана, обозначает словом сарт безразлично, как равнинных таджиков, так и „сарты“, т.-е. таджиков отуреченных. Живущих же рядом с ними узбеков верхне- пиянджцы отделяют и называют „юзбак“, т.-е. узбек.

3. Как выяснено Е. Д. Поливановым.

попадает, сравнительно большая примесь крови позднейших, завоевателей, а также, возможно, имеется заметная разница в типах, по сравнению с горными, имеются также свои особые типовые области и между различными равнинными районами, но точно установить это можно только после солидных специальных исследований, чего до сих пор в достаточной степени сделано не было. То же самое может быть сказано в значительной степени и относительно горных таджиков. Благодаря лучшему сохранению в них арийской крови горные таджики в общем, сравнительно, больше совпадают типами европейских народов, чем равнинные. В особенности в этом отношении часто поражают горцы верховьев Пянджа, среди которых нередко попадаются лица, которые в переодетом виде совершенно свободно могли бы сойти за европейцев и, скорее, за германцев и других европейцев севера. Встречаются типы, приближающиеся, на вид к народностям Кавказа (к осетинам и др.). Высокого роста, стройные, часто с рыжеватой или русой бородой, с карими глазами (следует все же отметить, что преобладают больше черные или темно-русые волосы и темно-карие черные глаза), с светлым цветом кожи, они в особенности выделяются своими физическими расовыми, особенностями при сравнении с окрестными кочевниками киргизами. В общем же следует отметить, что грани между различными племенами таджиков в Средней Азии в смысле разницы в типовом отношении не разработаны и точно не установлены¹⁾, но что такая разница местами существует, показывает то, что сами таджики иногда могут определять по типу принадлежность встречного таджика к той или другой племенной группе.

Равнинные таджики на севере и северо-западе от Таджикистана, могут быть разделены для удобства обозначения в главных чертах на «бухарцев», т. е. население Бухары и окрестностей Г в такой же форме «самаркандцев», «уратюбинцев», «ходжентцев» и, более расплывчиво, «ферганцев», т. е. на таджиков различных пунктов Ферганы. За отсутствием сколько-нибудь точных данных приходится воздержаться от высказывания мнения о разнице в типах между этими различными районами, хотя трудно отделаться от впечатления о существовании некоторой разницы на взгляд. В отношении же языка, о том же самом, можно говорить более уверенно.

При существующем общем положении, что все таджики принадлежат к иранской филологической семье, таджики Средней Азии, могут быть по своему языку разделены на две части: 1) говорящие наречиями персидского языка — «фарси», «парси» и 2) говорящие языками иранскими, но не персидскими. Последняя категория численно занимает по сравнению с первой значительно меньшее место и географически, видимо, может быть свободно разделена на тоже очень неравных в численном отношении района. Первая-г-группа языков или диалектов в верхней части бассейна Аму-Дарьи (Пянджа), при чем в очень небольшом числе и несколько разбросанно отдельные пункты этой группы простираются и дальше в восточном направлении, доходя, даже до восточных склонов северо-западного окончания Гималаев²⁾.

Вторая группа представляется случайно уцелевшим в виде реликта до наших дней остатком согдийского языка, выраженном в удивительно небольшой в численном

1. Имеется в этом отношении работа С. Д. Масловского „Гальча, первобытное население Туркестана“ (Русск. Антропологии. Журнал, 1901, № 2), но, к сожалению, пишущему познакомиться с ней не удалось за неудачей попыток достать ее в Ташкенте.

2. Характеристика этой группы в антропологическом отношении имеется в работе Т. А. Joyce — Notes on the Physical Anthropology of Chinese Turkestan and the Pamirs (journal of the Royal Anthropological institute, V. XIII, 1912).

отношении группе ягнобцев (всего около 1000—4500 душ), расположенной на маленьком протяжении, в глубь трудно доступных гор, по одному из притоков р. Зеравшана—Ягнобу и окруженный со всех сторон пространством таджиков, говорящих наречиями персидского языка¹).

За неимением точных материалов и систематических исследований трудно судить в настоящее время о мозаике иранских (таджикских) говоров и диалектов Туркестана и Бухары, но приходится отметить, что обычное деление горных персидских наречий на «кара-тегинское», «дарвазское», «матчинское» и др. наречия, т. е. деление по административным организациям или долинам, может не всегда соответствовать действительности. То же самое приходится сказать и относительно равнинных районов. Только подробное обследование систематический разбор, своего рода статистическая перепись, разных говоров с их отличительными признаками может дать более ясную и точную картину того, что представляют из себя иранские (таджикские) диалекты и говоры Средней Азии. Обычно, касаясь горных стран—напр. Матчи, Каратегина, Гиссарского края и даже маленького Ягноба, отнюдь нельзя говорить об одном «наречии» в каждой из этих стран. В разных местах такой страны, часто довольно прихотливо на первый взгляд, разбросаны различные говоры и даже наречия по отдельным группам селений, а иногда и по отдельным селениям. Настолько разные—возьмем для примера Матчу (верховье р. Зеравшана), что в Верхней и Нижней Матче они даже выходят из общего крута, в данном случае матчинских говоров, как групповое название являющихся в целом скорее географическим определением. В действительности, филологически, верхне-матчинские говоры в очень вытянутой в длину Матче приближаются к соседним каратегинским, а нижне-матчинские более разнятся от верхних по сравнению с этим, подходя в свою очередь ближе, напр., к соседним фальгарским (Фальгар расположен ниже по течению Зеравшана, являясь в физико-географическом отношении продолжением той же долины Матчи). Та же картина наблюдается и в соседнем с Матчей Каратегине, отделенном от Матчи массивным горным хребтом и вытянувшимся почти параллельно последней. Напр., нижне-каратегинские говоры с их чрезвычайно усиленным применением уменьшительной частицы «аяб» («будакакь», «наздшакь» и пр.), конечно, скорее входят в соседнюю гиссарскую группу говоров (район окрестностей Ромита), чем относятся к средне-каратегинским и, тем более, к верхне-каратегинским говорам.

Но что кажется довольно естественным в горных странах при имеющейся там трудности сообщения и сравнительной отрезанности отдельных групп селений или одиноких селений, значительно более поражает в равнинах. Здесь наблюдается во многих местах тоже значительная разница в говорах, иногда на очень небольшом даже расстоянии. Возьмем для примера Дальянскую волость Ура-Тюбинского уезда, где рассеяно довольно много таджикских кишлаков. Местные жители уверяют, что разница в отношении языка здесь между некоторыми отдельными

1. За самое последнее время выяснено еще существование небольшой группы ягнобцев, недавних (лет 50—60 тому назад) выселенцев из Ягноба, проживающих на южном склоне Гиссарского хребта, отделяющего Ягноб от Гисара. Как сообщил мне А. М. Дьяков, их всего четыре селения—Зуман (30—35 домов), Гяроб (10 дом.), Рог (20 дом.) и Кок-Тепе (15—20 дом.). Кроме того имеются еще два селения, населенных—наполовину ягнобцами: Лой-Об и Хоронгон. Последние лежат от Дю-Шамбе верстах в 10. Первая группа приблизительно верстах в 50—55. Все эти выходы между собою говорят по ягнобски некоторые даже сохранили за собой в Ягнобе участки земли. Считаюсь с этой группой ягнобцев число всех ягнобцев, повидимому, следует принять приблизительно в 1500—2000 душ.

селениями или группами селений настолько велика, что они по говору могут часто сразу определить, из какого населенного пункта в окрестностях происходит незнакомый им собеседник, часто даже по первым, его словам. Как говорят местные жители, на данном пространстве наблюдается совершенно ощутительная разница иногда часто даже между двумя соседними селениями. При наличии подобной разницы в говоре меж близлежащими селениями, расположенными к тому же в равнине, мы должны допустить, что исторический процесс переселений и, в связи с ним, прослойка населения в Средней Азии не прекращался еще в сравнительно очень близкое время, чем только и может быть объяснено существование такой резкой филологической разницы в соседних селениях на равнине¹.

Таким образом одновременно приходится отметить, что Средняя Азия, основная часть древнего Ирана, в отношении сохранившихся в ней до настоящего времени иранских языков и наречий видимо, представляет собою такую же пеструю картину, как и естественное ее продолжение в Персии, выяснению которого там так много способствовали труды покойного В. А. Жуковского, изданные Российской Академией Наук²).

Касаясь всей филологической картины, представляемой иранскими языками и диалектами Средней Азии, приведу следующее распределение их на основные группы, сообщением которого я обязан любезности А. А. Фреймана:

А. Ягнобский язык принадлежит к северной (скифской) ветви иранских языков вместе с осетинским и памирскими из живых—и согдийским, сакским и, вероятно, авестийским— из мертвых. Сравнение ягнобского языка с мертвым согдийским показывает их чрезвычайную близость; следует думать поэтому, что ягнобский язык является прямым потомком согдийского, или же языка, диалектически мало отличающегося от согдийского. В ягнобском языке можно заметить присутствие двух говоров: восточного и западного.

Б. Среди памирских диалектов следует отличать памирские диалекты в тесном смысле этого слова (шугнанская группа); недостаточная последовательность этих диалектов затрудняет более точную их классификацию. Мунджанский диалект по некоторым признакам может быть сближаем с авганским. Некоторые ученые (Рейхельт, Моргенстиерн) считают предком памирских диалектов сакский язык, памятники которого найдены в начале этого столетия в Хотане.

Ц. Все северно-иранские языки представляют тесную группу языков, несмотря на географическую отдаленность их носителей ныне: от гор Осетии—до Памира. Близость эта устанавливается как интимной стороной морфологии, так и лексикой.

Г. Таджикский язык представляет собою развитие персидского (южно-иранского яз.), занесенного на север Ирана благодаря культурно-политическому влиянию Персии—на почве местных диалектов с привнесением нефторых особенностей языков народов, позже осевших в данной местности (турецких).

1. Уже после того как были написаны вышеприведенные строки, вернувшийся из поездки в Ура-Тюбинский район и Ягноб д-р А. М. Дьяков очень любезно сообщил мне, что в Дальянской волости района Ура-Тюбе (т.е. как раз там, где я, проезжая, обратил внимание на резкую разницу в говорах между некоторыми селениями) имеются четыре селения, заселенных выходцами из долины Ягноб, но не ягнобцами, а говорившими и у себя в долине Ягноба наречием персидского языка. Они переселились в район Ура-Тюбе сравнительно недавно. Это как раз подтверждает высказанное предположение и объясняет встреченную разницу.

2. В. А. Жуковский. Материалы для изучения персидских наречий, ч. 1. - СПб, 1888, ч. I и II - Петрогр., 1922.

I Культура предков и великое историческое прошлое не могли не отразиться на характере таджика и его занятиях, даже по миновании ореола его политической славы. Типичнейший и усердный земледелец с незапамятных времен, носитель высокой старой земледельческой культуры, он и до сих пор на фоне прочих народов Средней Азии выдвигается ее утонченностью в местных условиях, а созданные им ирригационные системы, среди которых нельзя не упомянуть о замечательных каризных сооружениях¹⁾, удивляют видевших одинаково и в Афганистане, и Персии, и в Восточном Туркестане. Принимая во внимание размеры доступной таджику техники и древность первоначальных построек, они поражают своей продуманностью, гениальностью и упорным трудолюбием.

Теми же основами старой культуры объясняется любовь таджика к домашней чистоте, уюту, комфорту, к какой то особой приятной и практичной распланировке деревьев кругом своего жилища, в зажиточных семьях часто к разбивке цветника перед домом. Этим же импульсом созданы красивые поэтические, обычно глинобитные, площадки-возвышения, устраиваемые в тени деревьев, на берегу искусственного водоема— («хауз») — место для кейфа, летнего отдыха, приема гостей и обычного летнего пребывания обитателей дома в часы досуга, исключая самое жаркое время дня, когда прохлада сохраняется лучше в темных комнатах дома. «Ляб-1 хауз-у бог-ушамоль!»... («берег пруда, сад, ветерок») — идеал обстановки для летнего времяпрепровождения таджика.

Старой же культурой отчасти объясняется также склонность таджика к поэзии, создавшая на широком пространстве Ирана не мало поэтов, имена которых известны в мире, любовь к музыке, танцам, к общественной жизни. Таджик любит говорить и очень любит общественные собрания. Это красной нитью проходит на всем строе таджикской жизни, выражаясь ярче всего зимою, когда в распоряжении больше свободного времени, не занятого полевыми и садовыми работами и домашними хлопотами. В равнинах— в городах или больших селениях— среди мужчин на зиму подбираются особые клубные товарищества, своего рода артели -«джура», где участники сходятся в определенное время на устраиваемое в складчину угощение или, под предлогом такового, прямо посидеть, покоротать время в веселой компании, где сыпется шутки, раздаются взрывы характерного дружного хохота, кто-нибудь играет на тамбуре или другом музыкальном инструменте, поют, иногда выступают танцоры, обычно под звуки бубна и пения.. Этим же объясняется популярность чай-хан, тоже играющей в больших селениях и городах своего рода роль клубов. Даже горцы-таджики, уходя на заработки в равнины и проживая в больших городах и их окрестностях, раз в неделю, обычно по пятницам, собираются своими землячествами вместе и устраивают себе в складчину угощение. Но чаще всего, в более полной старой форме сохранились общественные

1. Каризы устраиваются в безводной или маловодной местности, где каждый кариз представляет из себя длинный ряд колодцев, идущих обыкновенно по прилегающей к равнине возвышенности, захватывая внутренние водоносные слои земли. Вся линия колодцев, дренирующих почву, соединяется по дну одним общим подземным каналом, выводящим драгоценную воду на поверхность равнины для орошения. На подобных каризных системах бывают расположены большие оазисы или существующие только одной каризной водой, как напр., Хэнду, Кара-Ходжа Кориз, Сынши, и др. в Восточном Туркестане— первоначальный труд древних иранцев, или имеющие каризные системы в дополнение к ограниченному притоку воды обычного типа, как большие каризные сооружения в Люкчуне, Турфане и др. местах. Головные колодцы, по словам Грум Гржимайло (Путешествие в Западн. Китай, т. I, СПб., 1896) в некоторых случаях доходят, как в Хандуйских каризах, до сорока сажен глубины. На одну версту кариза приходится в среднем от 100 до 120 колодцев.

собрания этих же горных таджиков у себя на родине, по своим селениям. В Дарвазе, Каратегине, Гиссаре, напр., т. е. в большей части теперешнего Таджикистана, в каждом селении при мечети имеется особое общественное помещение, называемое «алау-хона» — «дом огня», т. е. место, где разводят огонь, которое в определенное время сходятся ежедневно взрослые мужчины селения¹). Обычно они приходят или утром или вечером, приурочивая свои собрания к совершению соответствующих намазов (молитв). Во многих местах каждый приносит при этом пищу, которая и съедается при общей трапезе. В Дарвазе (в Ванче) напр., где такие собрания происходят главным образом по утрам, каждый, проснувшись, приносит с собой лепешки и, после утреннего намаза, устраивается общее чаепитие, после которого все расходится по своим делам. Зимой, по очереди, сюда же каждый доставляет дрова, топливо, необходимое для разведения общественного костра, вокруг которого сидят, коротая вечера за беседой и шутками, мужчины селения. Днем такое помещение иногда служит школой, где имам, находящейся рядом мечети, учит сельских ребят. Здесь же устраиваются часто общественные угощения или в складчину, или, чаще, присутствующие съедают «худои», т. е. угощение, устраиваемое по тем или иным соображениям с богоугодной целью, чаще всего, как умиловительная жертва для удаления или предотвращения несчастья, болезни.

В горных селениях до сих пор еще широко сохранился древний обычай общественного гостеприимства, и прохожий, останавливающийся на ночь в открытом для всех помещении при мечети, обыкновенно бесплатно снабжается пищей поселянами, приносящими ее из своих домов в «алау-хона» или в летнее время на площадку около мечети для того, чтобы съесть ее вместе с странником, заботливо угощая последнего, чтобы он наелся. Там, где нет общественных домов, прохожий может остановиться, если у него нет выбора, в любом доме селения, так как отказать в гостеприимстве, согласно обычаю, если только нет особых причин, считается неудобным. На этой почве в Матче, напр., местная молва создала жителям одного или двух селений недобрую славу, указывая, что они «продают пищу проезжим, в силу чего за ними установилось насмешливое прозвище «кульча-фрушо», т. е. «продавцы хлебов».

Таджики во многих случаях проявляют большую мягкость характера. В особенности это ярко сказывается в обращении с детьми, где ласкание взрослыми ребенка, в особенности начинающего понимать, подрастающего, поражает посторонних. Но и взрослых детей таджики наказывают мало по сравнению с другими народностями. Мягко также и отношение таджика к женщине, хотя в глуши горных селений при повышенной впечатлительности арийцев-таджиков крайне редко, но бывают случаи самоубийства и, именно, среди женщин, чаще всего на почве преследований мужа. Обычный способ в таких случаях — бросаться со скалы в кипящую внизу реку, закрыв лицо частью одежды. Мрачные черты сурового обращения когда-то со становящимися в тягость стариками при истощении припасов в семье, что случается нередко в годы голодовок в горных селениях, видимо, в настоящее время как и у других народов, отошли в область преданий.

Любовь к цветам, поэзии, пению, музыке, некоторая тщеславность, склонность к нарядам не мешают таджику оставаться человеком дела и очень твердо ходить

1. В Дарвазе, напр., только такие мечети называются „маснид“, т. е. „мечеть“, три которых имеются „алау-хона“. При наименовании последнего помещения мечеть называется „хонак о خانا “.

по земле в житейских вопросах. Обыкновенно он очень сообразителен, быстро и прекрасно ориентируется в обстоятельствах и, благодаря своей живости и практичности, скоро приспособляется к новому для него положению. В городах он настолько же прекрасный ремесленник, поскольку в поле земледелец. И в Афганистане, и в Туркестане и Бухаре, как показала жизнь, он успешно идет по ступеням административной иерархии и является часто здесь почти незаменимым человеком. [Торговля, в соответствующих местностях Афганистана и Туркестана, тоже оказывается совершенно подходящей для него сферой в тех случаях, когда он решает ею заниматься, и отрасли мелкой торговли в особенности процветают в руках таджиков. В более крупных торговых предприятиях ему выступают в виде конкуренции иногда представители других народностей, в Туркестане часто туземные евреи и др.

Сохраняя в тех местах, где они живут, более высокий уровень культуры по сравнению с окружающими их более молодыми расами—узбеками, киргизами, афганцами, хазарейцами¹⁾, таджики, естественно, менее воинственны и, по мнению описывающих их исследователей, представляют из себя обычно очень мирное население и обладают в меньшей степени воинственным задором, чем их перечисленные соседи. Однако, это не везде, видимо, одинаково и в разных местах возможны исключения. Так, напр., афганские таджики в Исталифе (расположен в 30 верстах к северу от Кабула) пользуются довольно неожиданно, по словам англичан, репутацией одного из самых буйных элементов в стране. Они славятся также, как лучшие солдаты-пехотинцы в Афганистане, и являются здоровым и красивым пародом, любящим спорт и войну²⁾.

Женщина среди таджиков занимает в действительности значительно менее приниженное положение, чем можно было бы ожидать³⁾. На равнине она, конечно, ходит, закрывая лицо от посторонних мужчин, но в горах, в особенности в глухих горных долинах, куда еще не так проникло мусульманское правоверие и где жизнь проще, она часто ходит с открытым лицом, в особенности при своих односельчанах.

Среди горных таджиков женщина является серьезной помощницей своему мужу. На ней лежит целиком домашнее хозяйство и, кроме того, она участвует в полевых работах: в некоторых горных местностях женщины рядом с мужчинами жнут, молотят (обычным средне-азиатским способом, гоня скот по сложенным на гумне снопам) и исполняют некоторые другие работы.

1. Привожу для характеристики афганских таджиков следующие интересные строки из книги С. Р. Tate — «The Kingdom of Afghanistan», Bombay 1911, p. 15:

Таджики выказывают и в настоящее время все те качества, которые отличают земледельческое население долины Оксуса, которое было известно китайцам, как Ta-hia. Они живут в домах и образуют дисциплинированные деревенские общины. Они оценивают блага образования и приятность цивилизованного существования и в своих домах поддерживают более высокий уровень комфорта по сравнению с тем, который преобладает среди афганцев и хазарейцев. Они повсюду считаются землеробами, потомками древней расы, которая владела землею. Несмотря на столетия дурного управления и угнетений в руках хищнических варваров, они упорно держатся за земледелие и занимаются также хорошо торговлей. Где бы только ни оказалась годная для обработки земля, там постоянно найдется потомок этой древней расы. Называемые различными именами в различных местностях, будут ли они известны, как дехвары или дехканы („жители селений“), таджики или парсиваны („говорящие по-персидски“, — персидский язык для них является материнским языком), они представляют собою один народ и, по всей вероятности, являются иранской или арийской расой, среди которой Зороастр проповедывал свое учение“.

2. Afghanistan and Nepal (Provincial Gazetteers of India). Calcutta, 1908.

3. Приводимыми сведениями о таджиках я обязан Е. М. Пешеревой.

Способность женщины к самостоятельной работе, может быть, несколько подчеркивается требованием женщин на летних пастбищах, когда они удаляются со скотом и детьми в горы, обычно в начале лета. Там они живут отдельными женскими колониями, часто при полном отсутствии мужчин. Последние, имея свою работу в селениях, только от времени до времени отправляются навестить семью в горах. В некоторых местностях (напр., в Рушане и в Ургуте) сохранились еще остатки древнего обычая, когда после отправления женщин в горы, никто из мужчин не имел права некоторое время их навещать. В долине Хуф (в Рушане), где этот обычай, называемый Яджвинь, исполняется до сих пор, запретный срок определяется в одну неделю. Для наблюдения за тем, чтобы никто из мужчин не нарушил обычая, в надлежащем месте ставится караул и устраивается застава. Если же кто из мужчин отправился, несмотря на предосторожности, хотя бы и к своей жене и об этом узнали в селении, то арбоб распоряжается, чтобы привели корову или быка и закололи, чтобы умиловить разгневанных духов. Животное берется из имущества виновного. Если ж такового не оказывается, то расходы на покупку жертвенного животного ложатся на селение, а виновный должен потом выплатить следуемую стоимость. Кроме того он подвергается еще наказанию. В седьмой день отправляются в Девлох (так называемая местность с летними пастбищами, означая буквально «местопребывание дивов» *ديولاح* — только мужья, имеющие там своих жен. На восьмой день идет весь народ. Там устраивается празднество, продолжающееся в течение трех дней, во время которого имеющие лошадей предаются игре в поло (polo), называемой «гуй-бози». на третий день все отправляются к находящемуся поблизости мазару, принося свои подношения. Общиной закалываются две коровы или два быка. Мужчины и женщины разделяются на две партии и каждая ест свареное мясо одного из животных. Только после этого все возвращаются к своим делам.

В семейной жизни таджичка пользуется значительной долей самостоятельности. Всеми зарабатываемыми лично ею деньгами распоряжается она сама¹). Обычным средством для заработков служит ей рукоделие, ремесла; в горах, например, на ней лежит занятие гончарным ремеслом, в равнинах — приготовление ниток для собственного употребления и для продажи, а также изготовление тюбетеек и других мелких принадлежностей к костюму. Заработанные ею деньги являются ее личной собственностью и часто добровольно даются ею на поддержку хозяйства своего мужа. Бывает, хотя и довольно редко, что особенно усердные и искусные работницы среди равнинных таджичек одеваются исключительно только на зарабатываемые ими деньги, получая от мужа только изредка подарки материей и других. Даже случается, что такие жены делают, в свою очередь, подарки мужьям.

В горах, при ведении молочного хозяйства, ввиду малого количества скота таджички объединяется в очень любопытные молочные товарищества, по-видимому, очень древнего происхождения²). Так как при малом количестве молока трудно скопить его в достаточном количестве для приготовления из него масла, то

1. В этом отношении таджичка часто занимает даже более благоприятное положение в семье, чем ее муж. Например, если Матриархальная таджикская семья состоит из нескольких братьев, не разделившихся и живущих общим хозяйством, как это часто бывает в горах, то весь заработок каждого из них передается старшему в семье и тратится на всех. Между тем собственный заработок их жен, получаемый последними вне исполнения их домашних обязанностей, также как и доходы от их имущества, является исключительно собственностью этих женщин и, в случае их смерти, переходит к их детям и ближайшим родственникам.
2. Видимо, можно провести параллель этого обычая о „ханулоба“ грузинских крестьянок.

несколько таджиков соединяются в подобного рода товарищество, число членов которого в разных местах бывает разное, колеблясь, в общем приблизительно от 3 до 15 участниц, видимо, в зависимости от имеющегося количества молока и некоторых других условий. Все члены артели сносят свои удои ежедневно по очереди и в установленном порядке той или другой из участниц, которая, получив сразу много молока, имеет возможность заготовить молочные продукты впрок. Окончательный расчет происходит осенью, причем оставшиеся долги переносятся на следующую весну и уплачиваются обязательно молоком.

Почти все таджики, живущие на территории бывшего Бухарского ханства, Русского Туркестана и Афганистана являются мусульманами-суннитами. Исключение составляет только население верховьев р. Пянджа, начиная с Бартанга и Рушана и заканчиваясь в восточном направлении Ваханом и Сарикюлем, сплошь исповедывающие исмаилизм¹⁾ — вероучение, возникшее на почве ислама, главным образом шиизма, и вылившееся в особую секту с довольно, видимо, эластично толкуемыми догматами и правилами, приспособляемыми к составу и мировоззрению адептов: «понимай слова веры согласно толкованию учителя», говорит одно из исмаилитских правил. Заимствовав учение о космической эманации у неоплатоников, исмаилиты верят в периодические проявления мирового интеллекта, последовательный ряд которых, начиная с Адама и продолжаясь в Ное, Иисусе и Мухаммеде заключается на седьмом шиитском имаме Исмаиле (откуда и ведет свое название секта), не признаваемым, как таковой, прочими мусульманами. В настоящее время преемственным главой исмаилизма, которого исмаилитская масса склонна рассматривать, как воплощение божества, является потомок вождей исмаилитов, эмигрировавших около столетия тому назад из Персии в Индию известный под именем Ага-Хана. Последнее наименование, бывшее первоначально собственным именем деда настоящего Ага-Хана, перешло теперь уже, по видимому, в титул для главы исмаилитов. Ага-Ханы производят себя от одной ветви династии фатимидов и в числе своих предков указывают на известного во время крестовых походов «старца горы», главу ассасинов, тоже являвшихся исмаилитами. Настоящий Ага-Хан, по их счету 48-й преемственный имам исмаилитов, человек довольно светский, получил европейское образование, до мировой войны пользовался влиянием среди индийских мусульман (был председателем всеиндийской мусульманской лиги), являясь сторонником английского владычества в Индии. Он, видимо, был склонен также к некоторому сглажению шероховатостей, отделяющих исмаилизм от остального мусульманства. От англичан он имеет титул «его высочества».

Таджики - исмаилиты внимательно прислушиваются в религиозных вопросах к указаниям из Бомбея—религиозная резиденция Ага-Хана-и отправляют последнему периодически «закят»-религиозный сбор с доходов и имущества членов своих общин, как это делают и прочие исмаилиты, разбросанные в разных странах²⁾.

1. Есть основание предположить, что имеется также некоторое, видимо небольшое, число исмаилитов около Куляба.

2. 27. Ага-хан во время процесса 1908 года на суде в Бомбее, отвечая на вопрос судьи, имеет ли он много последователей кроме „ходжа" (так называют обычно б ч. исмаилитов в Индии) и где они живут, произнес следующее определение:

„Большое число гуппи проживает в Индии и Африке. Имеется также большое число исмаилитов в Персии, Афганистане, русской Средней Азии, китайском Туркестане, Сирии, Египте и Северной Африке, буквально

Таджик, как мусульманин, не отличается большим фанатизмом, как и вообще население Средней -Азии, в особенности, напр., по сравнению с мусульманами Индии или Персии. Более фанатично и ортодоксально, пожалуй, население больших городов, как например, Бухары, Самарканда, гораздо дольше находившихся под постоянным влиянием ученого и духовного сословий (мулл, ишанов). Среди ученого сословия, центром которого являются муллы сосредоточения благочестия в «благородной» Бухаре, ислам сохранился в наиболее ортодоксальной суннитской его форме. Из Бухары муллы, съезжавшиеся отовсюду из Средней Азии на учење в ее мадрасах, разносили далеко ее систему духовного мировоззрения. Но чем дальше от этой сферы к простонародью, к широкой массе, раскинутой по кишлакам, тем слабее и поверхностное формы книжных верований ислама и тем чаще встречается, приклеившись к мусульманским обрядам или принявши для видимости мусульманскую форму, иногда только даже название, примесь старых верований из языческого прошлого страны! Не касаясь сути и форм ислама, как общеизвестного явления¹⁾, можно сказать вкратце несколько слов о том, что сохранилось до сих пор среди таджиков из их древних верований до-мусульманского периода, позволяющее нам определять характер их прежних религиозных мировоззрений.

у Средиземного моря. Мир может считать гуппи за индусов, я же считаю их за шиитов имам-исмаилитов. Ходжа встречаются в Индии и в Восточной Африке. В Персии они известны, как „ата-илляхи" („Богом дарованный народ"). В Средней Азии и в китайском Туркестане их знают, как мауляви, в Египте их называют исмаилитами, в Сирии-также друзьями. В Афганистане их зовут мауляви, а когда они приходят в Индию, то в разговоре их называют бадахшанцами. Все они приносят мне подношения. Обыкновенно они посылают представителей в Индию, когда я бываю там. Они приносят мне деньги и предметы из их стран. Они преклоняются предо мною и кладут предо мною деньги. Представители из Сирии приезжают и подносят приношения таким же образом. Народ из Персии и из Афганистана делает то же самое. Последователи (мои) в Северной Африке находятся в небольшом числе, и, когда я езжу в Европу, они приезжают в Марсель увидеть меня. Раньше до того они приезжали в Индию. Что же касается до моих последователей из Восточной Африки, то они платят мне, когда я езжу туда, или по моим приказаниям посылают деньги моим банкирам".

Можно думать, что в разных местах исмаилиты в вопросах основных религиозных книг несколько разнятся во взглядах друг от друга, и правило „понимай слова веры согласно разъяснению учителя" толкуется довольно широко. В бывшем Кулябском бекстве, напр., поклонники Ага-хана более склонны к суннитским религиозным книгам, чем в других местах. Пригинду-кушские горы с особым почтением относятся к „Умм-уль-Китаб" („Мать книг"), сочинение которой приписывается имаму Бакыру-пятому имаму исмаилитов. Книга почитается настолько священной и содержащей такие тайны веры, что читать ее рекомендуется только людям, отрешившимся от земной суеты. Несколько меньшим почтением среди таджиков-исмаилитов пользуются более доступные для чтения „Хафт-Баб", „Иршад-ус-Саликин" и некоторые другие книги. Главной книгой исмаилитов, живущих в Индии, является „Дасавтар" („Десять воплощений"), читаемая по большим праздникам, а также при смерти исмаилита. „Дасавтар" трактует о десяти „аватарах" или воплощениях божества. Первые девять-воплощения Вишну (одного из лиц индийской триады), а десятая— воплощение божества в Али. Уже из этого видно, насколько исмаилизм не гонится за формами верований своих адептов, среди которых, напр., гуппи, о которых упоминал Ага-хан в приведенной выше речи, сжигают тела своих покойников. Что с чисто мусульманской точки зрения, конечно, неодобрительно. Очень характерно также отношение исмаилитов к корану, который ими игнорируется, как это выяснилось на суде в Бомбее в 1908 г., и не считается за божественное откровение.

Несмотря на сравнительно небольшое число и поведывающих исмаилизм, его замкнутость и труднодоступность, эта религия давно привлекала некоторое внимание исследователей, и по исмаилизму уже создалась небольшая литература. На русском яз. можно отметить статью А. А. Бобринского: „Секта Исмаиля в русск. и бухарск. пределах" (Этнограф. Обзор., 1902, № 2) и ряд статей А. А. Семенова, из которых самая последняя— „Противоречия в учении о переселении душ у памирских исмаилитов и у Насыр-и-Хосрова"— появилась недавно (Бюллетень С.А.Г.У., № 9, 1925). Самой последней известной новинкой за границей является «Isma'ilitica» В. Иванова, вышедшая на англ. языке в Индии.

1. Для желающих ознакомиться с общими сведениями об исламе можно рекомендовать прекрасную книгу И. Гольдцигера—„Лекции об исламе". Имеется перевод на русск. яз. А. Н. Черновой. Изд. Брокгауза-Ефрона. 1912

Сколько-нибудь полную картину прежних верований, при очень малой разработанности таджикского фольклора, по разбросанным и во многом уже утерянным мелким фрагментам восстановить пока еще невозможно, тем более, что под понятием «до-мусульманского языческого периода» скрываются в сущности остатки верований целого ряда различных эпох культур, докатившиеся до наших дней в очень запутанных и перемешанных народных представлениях. В общем же вкратце можно отметить по более заметно сохранившимся следам, следующие черты.

Среди древнего пантеона выделяется божество грома, молнии, северный древне-европейский Тор, называемый таджиками «Тундур» (تندر), соотв. англ. Thunder. Как и в первобытных воззрениях многих других народов, это божество двойится: в верованиях одних таджикских народностей божество грома, подобно Тору, Юпитеру, Зевсу, представляется в виде старика, извергающего гром, как это представление встречается среди пухтунов (патанов) в Афганистане и по северо-западной индийской границе (гаргару-бобо)—«Дед Громовник»), среди таджиков в Каратегине, в некоторых местах Матчи и в других местностях среди иранского населения Средней Азии. В большинстве же случаев божество грома представлялось, видимо, в образе старухи: «Бабушки» («мама») «Бабки-Громовницы» («Гульдур-Мама»), или «Мама-Салды-рак» (последнее название у соседних тюркских племен), «Бабушки-Небо» (Мама hawo). В этой последней форме, очень распространенной в средне-азиатских воззрениях, очень ясно видно тоже представление древних персов, по словам Геродота, обожавших весь небесный свод, который они называли «Зевсом»¹). Гром в средне-азиатских представлениях обычно производится вытряхиванием божеством части своей одежды. Или божество грома трясет свою шубу—напр., в Яркенде Баба-Яга (Джалмауз-Кемпир) трясет свою нагольную шубу, производя сильный шум (гром). Демоны (джины), которым это надоедает, начинают бросать в нее раскаленными углями (молнии), отчего шуба тлеет. Желая потушить, Баба-Яга льет воду (дождь). В некоторых местах Матчи (сел. Сурхкят, напр.) при ударе грома говорят, что «потряс свою шубу праотец Адам»—«бобо-и Одам пустыньша афшундан». В Ягнобе и в некоторых других местах встретилось это верование в более чистой древней форме—это сам бог: «кудрат-и тааля пустыньша ат акунып» («сила всевышнего потрясла свою шубу»). У туркмен-иомудов гром происходит оттого, что старуха рвет свою шубу.

«Бабушка» во многих иранских странах производит гром также выколачиванием, вытряхиванием своих шаровар (в верховьях Пянджа, в верховьях Зеравшана и др. местах). В некоторых местностях, главным образом у соседних тюркских народов—туркмен, киргизов и др., гром происходит оттого, что «бабушка» трясет свой кожаный мех («санач»). В Матче и Ягнобе сохранились остатки старого верования, что от выбивания «Бабушкой» шаровар на землю летят вши, от которых и вырастает после весенних гроз много грибов. Отсюда крик ребятишек в Матче при раскате грома: «пур1, иур1, хорч», т.е. «пури, пури и грибы»²). В Ягнобе при ударе грома дети говорят: «катта харчак май, пулля харчак тау», т.е. «большой гриб мой, маленький—твой». Аналогичное верование в происхождение грибов от выколачиваемого старого меха

1. Но и основным значением слова „Зевс“, как и „Юпитер“, является как раз „сверкающее ясное дневное небо“ (О. Шрадер. Индо-европейцы. Пер. Павлова, СПб., 1913, стр. 177).

2. Словом „пури“ в Матче называется одно растение с очень толстым стеблем, которое вырастает только весной и потом засыхает. Пури съедается в сыром виде, очищенном от кожицы, при чем едят корень и стебель.

существует и у туркмен-текинцев. В Фальгаре при ударе грома дети иногда кричат— «кампир согу гилян кард», т. е. «старуха завертела сосуд для сбивания масла». Там же, однако, рядом имеется представление, что гром происходит оттого, что «Бабушка-Небо» ударяет в бубен—аналогично представлению, встреченному пишущим в Ташкентском уезде среди киргизов (казаков), что «Бабушка» гремит, ударяя в «даул»— охотничий или боевой барабан, подвешиваемый к седлу, т. е. отправляясь на охоту или в битву. В некоторых местах (напр., среди населения ташкентского района) есть следы представления, что «Бабушка» производит гром, катая по небу два больших камня. Аналогично имеется и другое—гром производят дивы, устраивая весеннюю борьбу на небе или (вариант) катая по небу большие жернова.

Древний арийский миф о тучах-коровах, доставляющих молоко-дождь жаждущей влаги земле, широко распространен в остатках верований на всем пространстве древнего Ирана.

В разных местах представление об этом, конечно, принимает несколько различные формы. В Ташкенте, например, пишущему пришлось слышать следующий народный образ: Тучи—это нечто вроде громадных мешков, покрытых шерстью¹). Ими заведывают семь ангелов, подчиненных архангелу Дар-даилу. По указанию последнего они то гонят тучи на водопой, заставляют их спускаться к реке, к озеру, к морю, где тучи втягивают в себя воду, то гонят их обратно по небу, по пути указанному архангелом. Он же назначает места, где нужно пролить дождь. Последний происходит оттого, что ангелы замахиваются бичами-молниями на тучи. Тучи в испуге вздрагивают, встряхиваются, и тогда с каждой шерстинки падает по капле и идет дождь. Среди ангелов есть один, Караил, обладающий очень громким голосом. Гром—это его крик,

Что дождь—это молоко от коров-туч древних верований ясно сквозит также в словах стихов, которые поют таджики в случае засухи, собираясь для общественного моления о дожде в определенном месте и принося при этом жертву. В Фергане, Ходженте, Самарканде, Бухаре народ поет при молитве, часто с плачем:

О, боже, пошли ради жизни животных, Пошли из груди облака молоко-дождь

ياران سبب حيات حيوان بفرست

از سينه شير باران بفرست

В другом записанном мною варианте, поющимися в школе детьми, тоже во время засухи, при чем пение совершается после намаза, говорится:

О Пошли из дома милосердия, боже, пошли ради жизни животных, различные блага, Ради жаждущих губ малюток-растений з груди облака пошли молоко-дождь.

يارب سبب حيات حيوان بفرست

از جانه كرم نهمت الوان بفرست

ار بعر لب تشنه طفلان نباتات

از سينه اير شير باران بفرست.

1. Как нетрудно угадать в этом месте рассказа влияние ислама, изгнавшего самое название коровы из древнего народного верования. Но „шерсть" здесь именно как раз и осталась от коровы и след совершенно ясен.

Радуга, лук Брамь в ИНДИИ, лук Иеговы у древних евреев, объясняется мусульманизированным народным воззрением, как «лук Хасана и Хусейна», сыновей Али, в некоторых местах (напр., в районе Канибадама), как «лук Али» и только там, где древние верования сохранились лучше, как напр., в верховьях Пянджа, попадает старое иранское название «Камон-1 Рустам» — «лук Рустама», национального эпического героя Ирана, до-мусульманского периода, воспетого Фирдауси. В некоторых местах, но сравнительно, видимо, очень редко, встречается древнее представление, аналогичное с древне-германским, что радуга — полотно, которое разостлало небесному своду для просушки после дождя «Бабушка».¹⁾ В связи с сохранившимися остатками верования в «Бабушку-Небо», можно упомянуть также о неясно дошедшем образе старухи Оджуз или Оджиз, видимо, отождествляемой с зимой, с холодным ветром²⁾. Почти повсюду среди таджиков короткий период из семи дней (в некоторых местах считающийся еще меньше), предшествующий наступлению Науруза древнего иранского Нового Года, соответствующего весеннему солнцестоянию, называется «дни старухи Оджизь. Это время считается очень ветряным и холодным. — «Ты, Токсан, не можешь сравниться (по холоду) даже с одним моим днем» говорит, по мнению равнинных таджиков, старуха Оджиз, обращаясь к Токсану, девятистодневному периоду зимних холодов³⁾. «Семь дней до Науруза жги до сорок полен» («пешь аз Науруз хафт руз чийл кунда суз»), говорит другая пословица, указывая на холода этого периода. О роли наступающей в феврале («хут») весны, прогоняющей старуху зиму, свидетельствует довольно распространенная среди таджиков поговорка: шли февраль начнет, делать свое дело, он посадит старуху в ящик» («агар хут хутти кунад, кампира дар кути кунад» — *حوت اگر حوتی کند کمپیر را در قوتی کوند*). В сохранившихся остатках народных верований холода этого периода в Ишкашине (верховья р. Пяндж), напр., объясняется тем, что «бабушка» («мама»), находящаяся на небе, выбросила из своего очага большое обгорелое полено и что результатом этого является подувший холодный ветер и невыпеченные хлебы у самой «бабушки». В Ягнобе, однако, причиной холодов считают то, что тело только что умершей старухи Холь-Джун остается непогребенным. Как только его закопают, наступает тепло. Как снег в германских представлениях происходит от Берты, выбивающей перину, так среди таджиков встречается выражение, указывающее на происхождение снега от выбиваемой «бабушкой» шубы. Весьма вероятно, что в древних верованиях к «бабушке» имел отношение также и дождь. В Шугнани, напр., если дождь или снег зарядил слишком надолго, дети делают из тряпок куклу («джин джич») и выставляют ее сквозь дымовое отверстие в крыше наружу припевая особую песенку. Это считается напоминанием «бабушке» что от такого обильного выделения атмосферных осадков замерзли на оз. Шива находящиеся там ее дети.

1. Должен оговориться, что последнее представление я встретил пока только у сартов (селение Карнак, Туркестанского уезда), но думаю, что райское происхождение этого верования здесь вряд ли оставляет сомнения
2. Склонен был бы предположить, что данное имя (Оджиз, Оджуо) является позднейшего происхождения (от арабск (*عاجز*)). и что более старой формой представляется название „Кямпири — и Хольджуи“ (*کمپیر خال جان*) под каким именем эта старуха известна до сих пор в Ягнобе.
3. Данное выражение существует только среди равнинных таджиков, произносится ими на тюркском яз (*سن توکسان کولیچه لوق سن*) (отсюда слово Токсан — и, видимо, сложилось при взаимодействии тюрко-таджикских элементов.

«Бабушка», распоряжающаяся холодным ветром, видимо, может насылать также бурю, вредящую посевам. Для прекращения ее губительного действия на урожай среди оседлого населения Туркестана устраиваются даже особые заклинательные женские процессии, несомненно, ведущие свое происхождение из глубокой древности.

Помимо описанного в общих чертах выше, видимо, наиболее древнего главного божества, имеется еще целый ряд других членов старого пантеона, до сих пор еще живущих в глазах простого деревенского таджика, окружая его. Эти древние образы, сами по себе еще различных формаций и образований, значительно видоизменены исламом или, может быть, еще бывшими до него религиями, в общем представляют из себя совершенно малоизученную, запутанную и совершенно не разрабатывавшуюся систематически область. Из имеющегося целого ряда особых духов, сверхъестественных существ таджикского мировоззрения, при их кратком рассмотрении можно упомянуть в первую очередь о дивах.

Приходится отметить большую неясность и неотчетливость в образе дива в таджикских верованиях, что вполне становится понятным, если мы примем во внимание древне-арийское значение этого слова, обозначавшее «божество», в какой-то форме оно и до сих пор сохранилось у арийцев, проникших в Индию. На пространстве Ирана при враждебном отношении последовавших религий, вероятнее всего маздеизма, к божествам прежней веры, последние, вместо представления о них, как о добрых, хороших божествах, носителях чистоты, добра, были превращены, как часто бывает на почве борьбы верований, в образы демонов, дьяволов. Эта прежняя роль таджикских дивов совершенно понятна. Но так как в прежних, первоначальных ступенях дивы, очевидно, были разных категорий, то их различные функции, атрибуты и ореолы не могли не отразиться сбивчиво на общем характере теперешнего дива, среди жандусиков, если понимать его, как часто склонны бывают европейские ориенталисты, да часто и сами таджики, за духа одной определенной категории.

Как мы видели из упоминания о литовках, старым «место-пребыванием дивов» «дехгох» (دیوگاخ) у таджика являются самые красивые, хорошие с его скотоводческой и хозяйственной точки зрения места в окружающих горах, покрытые зеленой травой и цветами.

Но див (возможно, первоначально дивы другого разряда, другой категории) может торчать также Ал каждым камешком кругом дома таджика, превращаться во что ему угодно в козла, кошку, теленка и пр. (как опасно поэтому брать под вечер, напр., встреченного вдали от жилья одинокого козленка, на вид заплутавшегося — это может быть див, который повредит потом при наступлении сумерек взявшему его человеку). Див может превращаться в камень, кочку и пр., невидимо сидеть, напр., на выброшенной куче золы (на ней вообще очень часто сидят джины, пари и пр. духи) и наказать тяжелой болезнью человека, который вышел, напр., ночью и нечаянно наступил на дива и т. п. Следует, однако, отметить, что образы персидских книжных представлений о дивах, как диких, грубых великанах, вооруженных вырванными ими с корнями деревьями, мало подходят к обычному характеру народных таджикских представлений.

Див может всячески вредить человеку. Во многих случаях поврежденный, одержимый дивом, теряет рассудок, сходит с ума и становится «демона», т. е.

«одержимый дивом». Средств для борьбы с дивом много—заклинания, заговоры, амулеты и пр. О них следует упомянуть особо.

Очень любопытно отношение к дивам в самых глухих, заброшенных уголках Таджикистана, где древние обычаи и верования могли сохраниться чаще всего. В Ягнобе, напр., как отражение видимо очень древних арийских верований, еще до-маздеистского периода, дивы, как можно предполагать, в некоторых местах не считаются нечистыми. По крайней мере «Белый Див», «Диви Сафид», упоминаемый в Шах-Наме уже, как демоническое существо, очень популярен в Ягнобе и рисуется в представлениях ягнобцев, как существо «чистое». («покиза»), хорошее. Про человека, у которого бывает удача, говорят: «Деви Сафет-таст: аркь даррау буд аву» («у тебя имеется Белый Див: быстро закончилось твое дело»). В основных арийских верованиях «Белый Див», как «Бел-Бог», и не мог быть дурным.

БАРТОЛЬД В.В.* ТАДЖИКИ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК¹

Коренное население современного Туркестана принадлежало к иранской группе народов. Не касаясь здесь сложных и спорных вопросов о родине иранского племени, о географических пределах его распространения в древности и о постоянном сокращении этих пределов в средние века, ограничиваемся установлением факта, что на протяжении более 2500 лет, от VI в. до н. э., в пределах современного Туркестана упоминаются два культурных народа иранского происхождения — согдийцы и хорезмийцы. Изображения согдийца и хорезмийца находятся среди сохранившихся на гробнице Дария (522—486), около развалин Персеполя, изображений народов, входивших в состав империи этого царя. Сколько-нибудь точные сведения о языках обоих народов мы имеем только для периода, близкого ко времени их исчезновения; эти сведения находятся в составленном в 1000 г. н. э., на арабском языке, сочинении хорезмийца Бируни о летосчислении различных народов. Говоря о календарях согдийском и хорезмийском, Бируни приводит местные названия месяцев, дней, религиозных праздников и т. п.; по этим названиям можно составить себе некоторое представление о диалектических особенностях обоих языков сравнительно, например, с персидским.

Из двух земледельческих и культурных иранских народов Средней Азии хорезмийцы в течение более долгого времени имели самостоятельную политическую жизнь. Хорезмийцам принадлежало политическое преобладание в Средней Азии до образования персидской империи династии Ахеменидов. Подчинившись на некоторое время персам, хорезмийцы потом освободились от этой зависимости; во время действий в Средней Азии Александра Македонского (330—327 гг.) в Хорезме был свой царь, тогда как страна согдийцев, центром которой был бассейн Зеравшана, оставалась персидской провинцией. Насколько известно, на Хорезм не распространялись завоевания ни Александра, ни греко-бактрийских царей, ни домусульманских кочевых народов Средней Азии. Мусульманское завоевание положило конец политической, впоследствии даже этнографической обособленности Хорезма; но и мусульманские владетели, до последних узбекских ханов Хивы включительно, принимали титул домусульманских владетелей Хорезма — хорезмшах. Из всех титулов домусульманских владетелей отдельных областей Туркестана только этот титул дожил до новейших времен. Область согдийцев вошла в состав империи Александра и потом греко-бактрийского государства; нашествиям кочевых народов она подвергалась много раз, по крайней мере со II в. до н. э., может быть и раньше; поэтому здесь не было, благоприятной почвы для создания, как в Хорезме, традиций политической самостоятельности. Только незадолго до мусульманского завоевания владетель Самарканда до некоторой степени сделался верховным властителем всего согдийского народа, с титулом «согдийского ихшида» (тот же титул ихшид носил владетель Ферганы); но власть ихшидов была крайне непрочной, быстро исчезла при исламе и не оставила никаких следов в дальнейшей жизни Туркестана. Зато согдийцы, повидимому, оказали больше влияния, чем хорезмийцы, на ход культурной истории

* Бартольд В.В., известный русский учёный ориенталист.

1. Бартольд В.В., ТАДЖИКИ. Исторический очерк. // Таджикистан. Сборник статей. Ташкент. 1925. Стр. 93. Также Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. Том II часть I. Стр. 451-468. М. 1963.

и были главными распространителями переднеазиатской культуры в областях от Туркестана к востоку. История этой деятельности согдийцев могла быть выяснена только благодаря археологическим находкам в Китайском Туркестане и в пограничных местностях собственного Китая. Согдийским был признан, на основании сличения с данными о согдийском языке у Бируни, язык деловых документов I в. н. э., найденных в одной башне китайской стены у пограничного пункта Дуньхуан¹. Алфавит этих документов принадлежит к разновидностям восточно-семитского или «арамейского» алфавита, проникшего в Среднюю Азию через Персию; такие же документы были найдены в районе Лоб-Нора. Гораздо западнее, в районе Турфана, были найдены памятники религиозной литературы — буддийской, мани хейской² и христианской, также на согдийском языке; эти памятники обыкновенно относят к VII и последующим векам; в общем мы находим в них тот же алфавит, но в значительно измененном виде. Разницы по языку между «раннесогдийскими» документами и буддийскими памятниками главный исследователь согдийского языка, покойный профессор Готьо, не видит, несмотря на значительный промежуток времени между ними. Манихейские и христианские памятники написаны на гораздо более поздних диалектах, причем между диалектом манихейских памятников и диалектом христианских также есть значительная разница; сверх того манихеи и христиане, кроме национально-согдийского алфавита, употребляли также алфавиты, принесенные в Среднюю Азию проповедниками обеих религий.

О культурном влиянии иранской Средней Азии на кочевников в эпоху Ахеменидов, Александра, его преемников и греко-бактрийских царей нет точных данных. Следы торговой и культурной деятельности согдийцев начинаются только со времени так называемой индо-скифской державы, основанной во II в. до н. э. тохарами, или кушанами, пришельцами с востока (по всей вероятности, это был также народ иранского происхождения), разрушившими греко-бактрийское царство. В том же II в. в Туркестан проникли китайцы, что также содействовало оживлению торговли. Есть мнение, что древнейший из известных нам турецких³ алфавитов, енисейско-орхонский (на обеих реках были найдены надписи; среди них особенное значение имеют датированные орхонские исторические надписи VIII в.), происходит от согдийского, притом более древней формы его, чем даже дошедший до нас алфавит I в. Более ясно согдийское происхождение второго по времени турецкого алфавита, уйгурского, принадлежавшего народу, около ста лет (744—840) господствовавшему в Монголии и потом владевшему в продолжение нескольких веков той частью Китайского Туркестана, где теперь находятся города Хами (Камул), Турфан, Гучэн и другие. Несмотря на связь принятия письменности и в Средней Азии, как везде, с религиозной пропагандой, влияние согдийского национального алфавита оказалось сильнее, чем влияние алфавитов, принесенных миссионерами — буддийскими (индийский алфавит), христианскими (сирийский) и манихейскими (арамейский курсив). Все более одерживает верх мнение, что уйгурский алфавит, от которого потом образовался монгольский (от монгольского — маньчжурский), происходит не от христианского сирийского, как думали прежде, но от национального согдийского, сохраненного преимущественно буддистами, но употреблявшегося также, наряду со своими религиозными алфавитами, христианами и

1. Как доказано В. Хенштагом, согдийские документы из Дуньхуана относятся не к I в., а к началу IV в. н. э.

2. Учение манихеев возникло в III в. н. э. и основано на сближении идей древне-персидской религии (зороастризма) с буддийской и христианской.

3. Слова «турки», «турецкий» употребляются здесь, как вообще в русской науке, в том же значении, как в Туркестане и Закавказье чуждые живой русской речи, искусственно придуманные учеными слова «тюрки» и «тюркский».

манихеями. Сходство между согдийскими и уйгурскими буквами, по замечанию Готью, так велико, что даже невозможно провести границу между этими двумя алфавитами. Надпись на согдийском языке, найденная в Монголии вместе с китайской надписью уйгурского хана IX в., где говорится о принятии уйгурами манихейства в 762 г., по форме букв совершенно похожа на уйгурскую. Согдийцам, таким образом, семитский алфавит был обязан своим распространением до Великого океана.

Временем высшего расцвета согдийской торговли был VII в., когда родина согдийцев подчинялась верховной власти то турецких ханов (политическое преобладание турок в современном Туркестане было установлено в VI в.), то китайских императоров. Политическое могущество тех и других содействовало успехам караванной торговли; согдийцы пользовались этим не только для путешествий с торговой целью, но и для основания торговых колоний в отдаленных странах. Об этом, помимо археологических находок, сохранились письменные известия как китайских современников, так и более поздних мусульманских авторов. В китайских источниках упоминается о согдийской колонии на Лоб-Норе, основанной в VII в. и еще сто лет спустя пользовавшейся некоторой автономией. Китайский путешественник Сюань Цзан, проезжавший через Туркестан в 630 г., объединяет под названием Сули (предполагают, что Сулик - буддийская и манихейская форма слова Согд, ввиду диалектического перехода д в л) всю страну от долины реки Чу до Шахрисябза включительно; везде был один литературный язык, одна письменность; писали (как впоследствии уйгуры) сверху вниз. Из слов Сюань Цзана видно также, что буддизма в стране согдийцев в то время не было; таким же образом при исламе среди согдийцев, кроме последователей национальной религии иранцев, зороастризма, оставались манихеи и христиане, но буддистов не было. Следовательно, памятники буддийской литературы на согдийском языке, если они действительно относятся к VII в., были написаны не на родине согдийцев, но в более отдаленных согдийских колониях. Других известий о сплошной согдийской территории до берегов Чу, кроме рассказа Сюань Цзана, нет, но о колонизаторской деятельности согдийцев до долины р. Чу говорит мусульманский автор XI в. Махмуд Кашгарский; он замечает о народе сугдак, что это «люди, поселившиеся в Баласагуне¹; они из того Согда, который между Бухарой и Самаркандом, только они приняли одежду турок». В другом месте того же сочинения сказано, что «жители Баласагуна говорят по-согдийски и по-турецки; таким же образом жители Тараза² и жители Белого города»³. По-видимому, жители Баласагуна и других мест переживали в XI в. последнюю стадию утраты своего языка под влиянием отуречения; были еще люди, говорившие по-согдийски, но уже не было людей, говоривших только по-согдийски. О согдийских колониях дальше к востоку Махмуд Кашгарский не упоминает, но анонимный персидский географ конца X в. говорит пяти согдийских деревнях в стране тугузгузов, или уйгуров, т. е. в той именно части Китайского Туркестана, где были найдены памятники согдийской религиозной литературы. Тот же автор прибавляет, что среди этих согдийцев были христиане, гебры (зороастрийцы) и «сабин»; последнее название употреблялось в то время для язычников вообще, в частности для буддистов; в Самарканде так называли и манихеев. Из этого видно, что согдийские колонии были основаны еще в домусульманский период. Даже память о согдийском происхождении турецкого алфавита сохранилась у автора начала XIII в. Фахр ад-дина Мубарекшаха.

1. Точное местоположение этого города остается спорным, но во всяком случае он находился в долине реки Чу.

2. Или Таласа ныне Аулие-Ата. Теперь город Джамбул

3. Вероятно этот город был к западу от Аулие-Ата

Южную границу Согда и владений домусульманских князей Самарканда мусульманские источники помещают там же, где Сюань Цзан, т. е. у «Железных Ворот», или прохода Бузгада. За этим проходом начиналась страна тохаров, Тохаристан, в состав которой входили области как к северу, так и к югу от верхнего течения Аму-Дарьи. При Сюань Цзэ в Тохаристане еще господствовал буддизм, вытесненный из страны согдийцев; был особый алфавит - писали, слева направо, из чего видно, что имеется в виду алфавит индийского происхождения. Была ли связь между этим алфавитом и другими индийскими алфавитами, употреблявшимися в Восточном Туркестане в Куче и Хотане, из слов Сюань Цзана не видно. Из мусульманских авторов о домусульманском алфавите Тохаристана говорит только „один, Сам'ани (XII в.): при описании города Ваштирда (ныне Файзабад бухарский) он упоминает о «буквах, бывших там в начале ислама, известных, записанных в книгах». Сам'ани, таким образом, говорит не об открытом им новом факте, но о факте, хорошо известном его современникам; но до нас дошло только это одно, известие; упоминаемые у Сам'ани «книги», по-видимому, бесследно исчезли.

2.

Арабское нашествие VII-VIII вв. изменило этнографический состав иранского населения Туркестана и создало для него новый термин. В домусульманской Персии, при династии Сасанидов (III-VII вв.), ближайшим географически к Персии бедуинским племенем было племя тай; им же был построен город Хира, к западу от Евфрата (близ Хиры при исламе, как известно, возникла Куфа) впоследствии столица арабского княжества, находившегося в вассальной зависимости от Персии. Уже в III в. н. э. один из сирийских авторов, писавший в Эдессе, употреблял слово «тай», наравне со словом «саракинь», для обозначения всех бедуинов вообще. От названия того же племени образовано среднеперсидское или пехлевийское (пехлевийским называется персидский литературный язык эпох парфянской и сасанидской) и армянское тачик в смысле 'араб'; в мусульманскую эпоху мы видим более поздние формы - тазик и тазил от первой образовано турецкое теджик. Чередование букв з дж указывает на звук ж; и действительно, мы находим у Махмуда Кашгарского форму тежикп. Махмуд Кашгарский, как и другой турецкий автор XI в., Юсуф Баласагунский, употребляет это слово уже в значении 'перс', но раньше турки называли таджиками арабов, на что указывает китайское даши 'араб'.

По понятиям того времени, принявший ислам тем самым становился арабом; когда -бухарские вельможи в 728 г. сообщили арабскому наместнику Ашрасу об успехах мусульманской пропаганды в Туркестане, он употребили выражение: «все люди сделались арабами». Вполне естественно, что для турок теджиками (по турецкому произношению) были не столько люди арабской национальности, сколько приходившие к ним в степь представители ислама и мусульманской культуры, среди которых численный перевес, несомненно, скоро перешел к западным иранцам, так как число арабов, переселившихся в Среднюю Азию, не было значительно. Оттого для турок «теджицким» языком сделался персидский; когда турки завоевали мусульманские области и ближе ознакомились с двумя главными мусульманскими народами, арабами и персами, они сохранили слово «таджик» только для персов и стали отличать «таджиков» от арабов, хотя первоначально персы и, по их примеру, турки именно арабов называли таджиками. Очень вероятно, что и для согдийцев таджиками были не только арабы, но и персы-мусульмане, но примеров такого употребления слова «таджик» местными иранцами мы не знаем.

Присоединение культурных областей Туркестана к халифату совершенно изменило характер местной жизни. При всех успехах согдийской торговли в VI и VII вв. общественный строй оставался и в этот период таким же, каким был при Александре Македонском. Период в тысячу лет с лишком, отделяющий эпоху Александра от эпохи мусульманских завоеваний, прошел для Туркестана в этом отношении почти бесследно; как «македонцы в IV в. до н. э., так и арабы в VII в. н. э. застали в Туркестане господство землевладельческой аристократии, жившей в укрепленных замках; городов было сравнительно немного, и размеры их были невелики. Все это изменилось уже в первые века ислама; размеры городов быстро увеличивались, преобладание все более переходило к торговому сословию. Носителями новых начал были, по-видимому, в значительной степени переселенцы из Персии, где ислам, уничтожив сасанидскую монархию, поддерживавшую освященный религией устарелый сословный строй, открыл более широкий простор экономическому и культурному прогрессу персидского народа. В то же время, однако, персы из патриотизма поддерживали традиции своей государственности, представителями которой были Сасаниды, и эти традиции вместе с персидским языком усваивались среднеазиатскими иранцами. Когда в мусульманской политической жизни Туркестана приняли участие представители местной аристократии, сначала в качестве наместников халифа, потом в качестве наследственных правителей, они стали производить свой род от Сасанидов; так поступали и представители самой могущественной из этих династий, Саманиды, правившие в X в. из Бухары Туркестаном и Хорасаном; так поступали еще в XII в. местные правители области Хутталь, современного Куляба. Население даже в Бухаре говорило в X в. еще по-согдийски, но языком официальных документов в государстве Саманидов был, наравне с арабским, только персидский, называвшийся «придворным» (дери). Один из поэтов самаркандского происхождения, Рудеки, даже принадлежал к числу классических поэтов мусульманско-персидской литературы. Постепенно согдийский язык был вытеснен и из речи народных масс; единственным остатком его считаются в настоящее время два наречия долины речки Ягноб, одного из источников Фан-Дарьи. Ягнобские наречия не являются прямыми потомками известных нам литературных согдийских языков, но ближе всего подходят к языку христианских памятников.

Очень вероятно, что еще в домусульманский период делалось различие между жителями равнин и горами. В эпоху ислама мы встречаем термины, судя по звуковому составу, очень древнего происхождения: гар «гора» гарча, или в современном произношении гальча, «горец», Гарч или Гарчистан - «Горная область». Специально называли Гарчистаном область верховьев Мургаба (мервского), составлявшую до начала XI в. особое княжество; кроме того, Сам'ани в XII в. говорит о «самаркандском Гарчистане», понимая под этим, очевидно, горную область верховьев Зеравшана. Примеров применения того же термина к жителям горных областей верховьев Аму-Дарьи в средневековой литературе, насколько известно, нет. С представлением о гарчах, или гальчах, у мусульманских писателей, по-видимому, не соединялось представление об особом, непонятном для других языке; о наречии мургабского Гарчистана говорится только, что оно, как и следовало ожидать по географическому положению этой области, представляло нечто среднее между наречиями Герата и Мерва. И в новейшее время слово гальча употреблялось в Средней Азии в смысле «горец», а не для обозначения особой лингвистической группы. Русский посол Мейендорф слышал в 1820 г. в Бухаре, что гальчами называли бедный и независимый народ, живший к востоку от Бухары и к северу от Гиссара, т. е. на верхнем Зеравшане, говоривший по-персидски и не знавший другого языка, но по наружности сильно отличавшийся от таджиков. Наиболее широкое

употребление термина гальча мы находим у английского исследователя Шоу (1876 г.), по словам которого под таким названием известны «у своих турецких соседей» жители Куляба, Матчи, Каратегина, Дарваза, Рошана, Шугнана, Вахана, Бадахшана, Зебака или Санглича, Минджана и др. В немецком своде данных по иранской филологии, в статье В. Гейгера, слово гальча рассматривается как общее название иранских жителей долин Памира, говорящих на особых наречиях; из этой области исключаются Дарваз, Куляб, Каратегин и Бадахшан, где говорят на том же таджикском языке, как в равнинах. Во всяком случае в слове гальча, по его этимологическому происхождению, нет ничего оскорбительного, но вследствие низкого уровня культуры горцев оно употребляется жителями равнин с оттенком презрения. В персидских словарях слову гарчеги (существительное, образованное от гарча) придается значение «глупость, невежество»; слову гальча — значение «бродяга». Вполне естественно, что горцы верхнего Зеравшана (в других местностях слово гальча самим горцам, по-видимому, неизвестно) не хотят, чтобы их так называли. Одному из русских исследователей, С. Д. Масловскому, говорили на Зеравшане, за Пенджикентом, по-видимому в Фальгаре: «мы не гальча; гальча — это на Ягнобе, это — в Матче, там — дурные таджики, а мы — не гальча» 17. По-видимому, со словом таджик у некоторых горцев связано представление об усвоении ислама или мусульманской культуры; тот же С. Д. Масловский слышал «в восточном Дарвазе, Шугнана, Рошана» выражение: «мы недавно сделались таджиками» (к сожалению, исследователь, по-видимому, не спросил своих собеседников, чем они были раньше).

В конце X в. политическое преобладание в Туркестане снова и окончательно перешло к туркам. Для обозначения покоренного иранского населения, кроме слова таджик, употреблялось также слово тат, не вполне ясное по своему происхождению. В этом случае имелись в виду не столько люди нетурецкого происхождения, сколько люди оседлой культуры; татами были не только иранцы, но и уйгуры. В таком смысле употребляют его и теперь туркмены, для которых татом является и узбек-хивинец; этнографическое значение слово тат имеет в Закавказье. В Туркестане местные иранцы никогда не называют себя татами, но, под влиянием своих турецких господ, стали называть себя таджиками. Примеров такого употребления слова таджик в эпоху Саманидов мы еще не встречаем; но в XI в. иранцы, говоря с турецкими владетелями, употребляли выражение «мы, таджики» Историк Бейхаки приписывает такое выражение одному знатному иранцу, говорившему в 1039 г. с султаном Мас'удом газневидским (известно, что к династии Газневидов, вышедшей из турецкой гвардии Саманидов, перешло наследие Саманидов в областях к югу от Аму-Дарьи).

С XI в. иранские области все больше переходили под власть турок, причем, конечно, дольше всего сохраняли свою самостоятельность области горные или защищенные горами. Из династий иранского происхождения притязания на великодержавие заявляла только одна — Гуриды (XII—XIII вв.), вышедшие из горной области Гур в западной части Афганистана и овладевшие обширной страной, в том числе некоторыми областями к северу от Аму-Дарьи, например, долиной Сурхана.

В борьбе за первенство в восточной части мусульманского мира гурские султаны потерпели поражение в начале XIII в. от турецких владетелей Хорезма, хорезмшахов. Хорезм в это время уже был турецкой страной не только в смысле политического господства турок, но и по языку большинства населения, хотя еще в XI в. не только говорили, но и писали по-хорезмийски. К сожалению, ни литературных памятников, ни документов на хорезмийском языке до нас не дошло.

Помимо борьбы между династиями, проявлялась также рознь между народами. В рассказе о борьбе хорезмшаха Джелаль ад-дина с монголами говорится о столкновениях

между турецкими и гурскими военачальниками хорезмшаха; предложенное турецким военачальником соглашение было отвергнуто гурдами со словами: «Мы гурцы, а вы турки; вместе жить мы не можем». Когда один из хорезмшахов заключил союз с владетелем Мазандерана, современники не верили в прочность этой дружбы, говорили: «Между турком и таджиком пути темны, трудно избежать гибели, дружба и родство всегда оканчивались неприязнью» (Мазандеран, действительно, был потом завоеван хорезмшахом). Когда один из хорезмийских царевичей потерпел поражение в борьбе за престол и был вынужден покинуть Хорезм, его предупредили, чтобы он не отправлялся в Мазандеран: «У таджика никогда не будет доверия к турку». Тем не менее турки не могли обходиться без таджиков; уже Махмуд Кашгарский приводит поговорку: «Нет турка без тата, нет шапки без головы». Положение таджиков под властью кочевников, конечно, было иногда очень тяжело. По словам историка Рашид аддина, прославляемый за свою справедливость монгольский властитель Персии Газан-хан (1295-1304) говорил своим монголам, что ограбить таджиков легко, но им же потом труднее будет достать пищу; они бьют жен и детей таджиков и не вспоминают, как им самим дороги их жены и дети, а между тем таджики — «тоже люди».

Таджики были нужны туркам как представители иранской промышленности, торговли и вообще культуры. Персидский язык оставался и при турецких властителях языком государственного делопроизводства и литературы; иранские торговцы все больше расширяли район своей коммерческой и колонизаторской деятельности. Турецкие авторы XI в. Махмуд Кашгарский и Юсуф Баласагунский в смысле «купец» употребляли слово сарт, слово, как теперь доказано, индийского происхождения; по всей вероятности, первыми торговцами, с которыми имели дело турки, были индийцы, и с успехами индийской торговли были связаны успехи буддийской религиозной пропаганды. Возможно, что и исчезновение буддизма было связано с переходом роли торговцев от индийцев к иранцам. Таджики в этом отношении настолько успешно продолжали деятельность своих предшественников, согдийцев, что термин сарт был перенесен монголами и, вероятно, еще раньше восточными турками на весь народ среднеазиатских иранцев, из которого выходили купцы, на их государственность и культуру. Монгольскими формами слова сарт были сартаул и сартакта; монгольским эпосом был создан образ богатыря Сартакта, строителя чудесных плотин и запруд, из чего видно, что иранцы были в степи не только торговцами, но и носителями материальной культуры, в особенности оросительной техники. С другой стороны, таджики-мусульмане не были, как прежде согдийцы, миссионерами своей религии; среди монгольских племен были христиане, но не было мусульман, хотя мусульмане были главными представителями торговли. Признак принадлежности к определенному культурному типу был в глазах кочевника важнее, чем признак национальности и языка; Чингиз-хан назвал сартактаем, т. е., по словам историка Рашид ад-дина, таджиком, первого из подчинившихся ему мусульманских владетелей - Арслан-хана карлукского (в северной части Семиречья), хотя карлуки были турецким народом и, конечно, говорили по-турецки. В надписи времен Чингиз-хана говорится о его возвращении из похода на страну сартаулов, т. е. государство хорезмшаха Мухаммеда и его сына Джелаль ад-дина. Тот же поход имеет в виду францисканец Плано Карпини, бывший в Монголии в 1246 г., когда он говорит о покорении монголами «сартов». В сочинении анонимного арабского филолога XIV в. о монгольском языке слово сартоул переводится словом 'мусульмане', но чаще слова сарт и сартаул употреблялись в государствах, образованных монголами в Средней Азии и Персии и в конце XIV в. объединенных под властью Тимура, как синоним слова таджик. При потомках Тимура говорится уже о языке и

литературе «сартов» в противоположность языку и литературе турок, т. е. под сартами понимаются вообще персы. Совершенно одиноко стоит свидетельство Бабур (начало XVI в.), отмеченное недавно А. Н. Самойловичем, где сарты отличаются от таджиков. При описании Кабульской области Бабур говорит, что там «на лугах и солончаках живут турки, аймаки (кочевники смешанного происхождения) и арабы, в городе и в некоторых деревнях сарты, в некоторых других деревнях таджики, афганцы» и еще представители трех других народностей. В чем Бабур видел разницу между таджиками и сартами, неизвестно; едва ли имеется в виду разница в языке, так как при перечислении языков, на которых говорили в Кабульской области, не упоминается ни сартовский язык, ни таджикский, а только персидский (фарси) — вероятно, общий язык таджиков и сартов. В других местах сочинения Бабур таджики не упоминаются; при описании, например, Ферганы туркам и их языку противопоставляются только сарты и их язык.

После завоевания Туркестана узбеками (в том же XVI в.) название сарт было присвоено покоренному оседлому населению, как сохранившему персидский язык, так и говорившему по-турецки. Особенно ясно и последовательно «узбекам» противопоставлялись «сарты» в Хорезме, как в труде автора XVII в. Абулгази, так и в новейшее время. Замечательно, что Абулгази употребляет слово сарт исключительно в тех случаях, когда речь идет о Хорезме; везде, где говорится об иранцах вообще и их языке, употребляется слово таджик; «таджиками» Абулгази называет и современное ему население Бухары. В XIX в. слово сарт употреблялось часто кокандскими историками, причем неоднократно упоминаются вместе «узбеки, таджики и сарты»; сарты, следовательно, отличались от таджиков, но понимали ли под словом сарт исключительно отуреченную часть местного оседлого населения (такое значение стремились присвоить слову сарт представители европейской и русской науки), из слов историков не видно. Часто и в Фергане в смысле «все население» употреблялось выражение «узбеки и сарты», т. е. сарты более определенно отличались от узбеков, чем от таджиков. Лучший знаток жизни Ферганы, покойный В. П. Наливкин говорит, что оседлое население Ферганы, носящее общее название сартов, состоит из узбеков и таджиков, но ввиду того что «в пределах Ферганы сарты-узбеки значительно преобладают над таджиками», Наливкин под «сартовским» языком понимал преимущественно «тюркский». Вообще по мере перехода узбеков к оседлости сартам стали противопоставлять уже не узбеков, как прежде, а казаков²⁵. В новейшее время слово сарт признано оскорбительным для туземцев и исключено из употребления, хотя в его первоначальном значении ничего оскорбительного не было; представление о его оскорбительности возникло только потому, что кочевник вносил в него оттенок презрения к земледельцу и горожанину. С таким же презрением турок иногда говорил о таджике, но это менее отразилось на языке, так как слово таджик остается и до сих пор более тесно связанным со своим первоначальным, лингвистическим значением.

3.

Из областей с иранским населением совершенно не был затронут монгольским нашествием Бадахшан. В прежние времена Бадахшан не оставался в стороне от завоевательных движений; турки проникли туда еще в домусульманский период. Турки-карлуки, живущие в Бадахшане и теперь, упоминаются уже в истории арабского завоевания; карлукский князь был тогда верховным владетелем Тохаристана в обширном смысле, в состав которого входил и Бадахшан. Несколько позже упоминается лицо с турецким титулом как владетель Бадахшана и Шугнана. Незадолго до появления монголов Бадахшаном владели Гуриды, тем не менее в монгольский период

существовало представление, будто Бадахшан не только при монголах, но и раньше не подчинялся никаким завоевателям и в течение 3000 лет (о хронологии, очевидно, не было ясного представления) управлялся потомками Александра Македонского.

Европейские ученые были склонны видеть в этом предании отголосок исторических фактов - действий Александра в горных областях Бактрианы и его женитьбы на местной княжне Роксане, но мы видели, что в домонгольский период местные иранские владетели в Средней Азии хотели быть потомками Сасанидов; предание о происхождении бадахшанских владетелей от «царя Александра и дочери царя Дария» впервые встречается в XIII в. у Марко Поло. Впоследствии потомками Александра называли себя владетели целого ряда областей как по верхнему течению Аму-Дарьи от Вахана до Дарваза и Каратегина включительно, так и по верхним притокам Инда (Читрал); мусульманские литературные свидетельства XV-XVI вв; говорят только о происхождении от Александра бадахшанских князей. Говорится, что советники Александра написали руководство для его потомков, оставленных им в Бадахшане, и что этим руководством была обеспечена независимость Бадахшана, которую, повидимому, связывали с его культурной обособленностью от соседей. Когда последний бадахшанский князь Султан-Мухаммед (в XV в.) стал увлекаться персидской литературой и сам писать стихи по-персидски, то в этом видели нарушение заветов, оставленных Александром; с тех пор Бадахшан перешел под власть потомков Тимура. Нашествие узбеков (в начале XVI в.) вызвало в Бадахшане национальное движение, памятником которого остается до сих пор крепость Кала-и Зафар на левом берегу Кокчи, возобновленная (под другим названием здесь крепость была и раньше) одним из предводителей восстания, Мубарек-шахом Музаффаром, принадлежавшим к числу вельмож бывших бадахшанских князей. Мубарек-шаху удалось оттеснить узбеков; но потом он погиб в - борьбе со своим соперником Зубейром Раги. Раздоры среди предводителей национального движения послужили на пользу Тимуридам; одному из них, Мирза-хану, удалось устранить Зубейра и потом одержать победу над движением исмаилитов, во главе которого стоял Шах Рази ад-дин.

Господство Тимуридов в Бадахшане продолжалось до 1584 г., когда бухарскому хану Абдулле удалось завоевать Бадахшан, с тех пор оставшийся под властью узбеков до завоевания всех узбекских владений к югу от Аму-Дарьи афганцами. После распада узбекского ханства в конце XVII в. в Бадахшане правила особая династия миров (эмиров), основателем которой был Ярбек, строитель нынешней столицы Бадахшана, Файзабада; эти узбекские князья также считали себя потомками Александра Македонского. Под верховной властью бадахшанцев находились Ишкашим и Вахан, вследствие чего этот период называется там «временем узбеков». Независимыми от узбеков оставались, повидимому, труднодоступные области Дарваз и Каратегин. Историк Махмуд ибн Вели говорит, что только в 1047/1637-38 г. узбекам в первый раз подчинилась крепость в области Хутталян, Кала-и Хум (Кала-и Хумб, главный город Дарваза); во главе узбеков был Бакы-аталык из рода ойратов; владетель Шах-Гариб был убит, и его голова была отправлена в Бухару; вместо него был назначен, очевидно, в качестве вассала узбеков, его брат Шах-Кыргыз, с малых лет живший при узбекском дворе (в Балхе). Отголоском этого события, может быть, является рассказ, слышанный в конце XIX в. С. Д. Масловским; ему говорили, что город Кала-и Хумб получил свое название «в XVI в. во время правления Дарвазом Кыргыз-хана, наместника эмира Абдулла-хана». Хронологическая неточность, конечно, вполне естественна, тем более что в Туркестане предание склонно относить все выдающиеся события ко времени Тимура или Абдулла-хана. О Каратегине в том же источнике говорится, что в раджабе 1045 г. (11 декабря 1635 г.— 9 января 1636

г., т. е. зимой, когда Каратегин вообще считается непроходимым) через Каратегин прибыли в Хисар 12000 семейств киргизов (кара-киргизов), считавшихся кафирами, под начальством 12 предводителей, которые все в начале следующего месяца были приняты узбекским ханом в Балхе. И в новейшее время иногда приводилось предание, по которому Каратегин принадлежал прежде кара-киргизам и только недавно был занят таджиками; это был бы один из редких примеров перехода власти, уже захваченной турками, вновь к иранцам. Несмотря на то что Каратегин, под названием «Рашт», был мусульманской областью еще в X в., еще в 1820 г. о нем говорили в Бухаре Мейендорфу, как об области кафиров, хотя и не злых; средоточием грозных (гесіоілабіез) кафиров был, по словам Мейендорфа, Кала-и Хум. В действительности религией населения и в Дарвазе, и в областях а юго-востоку от него давно уже был ислам.

Об истории таджикских княжеств в XIX в. мы находим довольно много известий у путешественников, западноевропейских и русских; как и следовало ожидать, в них много противоречий, особенно хронологических. Было бы необходимо собрать и критически рассмотреть этот материал, но эта сложная работа до сих пор еще не исполнена. Еще труднее, при почти полном отсутствии в областях по верховьям Аму-Дарьи письменности и «при малом числе людей, знакомых с прошлым своей страны, сопоставить рассказы путешественников с рассказами местных жителей. Исключение представляет очерк истории Шугнана, составленный в конце 1912 г. на персидском языке шугнанцем Сейид-Хайдар-Шо и переведенный на русский язык А. А. Семеновым; в примечаниях переводчика приводятся также известия из рассказов путешественников и в особенности из русских официальных документов. Кроме того, существует, также на персидском языке, «Путеводитель по Катагану и Бадахшану» Бурхан ад-дин-хаия Кушкеки¹, составленный в Афганистане за последние годы, уже при эмире Аманулле, по случаю путешествия военного, министра Мухаммед-Надир-хана; в состав этой книги, кроме географического описания, входят исторические очерки, именно общая краткая история (стр. 12—18), история Бадахшана (162—173), история Шугнана (336—348), история Дарваза (356—365). Очерки составлены очень поверхностно и часто сбивчиво. Знакомством с этим сочинением я обязан И. И. Зарубину.

Не останавливаясь на подробностях и не пытаясь разобраться в противоречивых показаниях об именах и датах, ограничусь сопоставлением главных фактов. Общее подчинение бадахшанским узбекам не спасло таджикские княжества ни от войн между собой, ни от войн с Дарвазом, не подчинившимся ни Бадахшану, ни правившему в 20-х и 30-х годах XIX в. кундузскому владельцу Мурад-беку, которому на некоторое время покорились Бадахшан и области к востоку от него, также Читрал на юге и Куляб на севере. Действия Мурад-бека в горных областях были неудачны; в Шугнанае он раз потерял около ста человек из-за снежного обвала, хотя поход имел место в летнее время. Дарвазский шах содержал, по словам путешественника Вуда (1837 - 1838 гг.), значительную армию, по крайней мере, по сравнению с войсками его более слабых соседей. О Каратегине Вуд говорит (только по слухам, из европейцев туда впервые проникли русские, притом только в 1878 г.), что он в вопросе о подчинении колеблется между Кокан-дом и Кундузом. Известно, что Каратегин был завоеван кокандским ханом Мадали (1822 - 1842); есть известие, что тогда же кокандский предводитель Мухаммед-Шериф-аталык завоевал и Дарваз; «хаким» Дарваза, Султан-Махмуд-хан, был увезен в Фергану, умер по дороге и был похоронен в Шахимардане. Во время смут в Кокандском ханстве после 1842 г. Дарваз и Каратегин, очевидно, вернули себе свою независимость, хотя от притязаний на Каратегин кокандские ханы не отказывались, но в 70-х годах

1. Катаган - название того узбекского рода, которому с начала 18 века принадлежал Кундуз

Дарваз и Каратегин были завоеваны бухарцами; по словам Семенова, последний правитель Дарваза из потомков Александра, Сирадж-хан, умер в плену в Бухаре; его брат Махмуд-хан был великим везиром у афганского эмира Абдуррахмана (1880—1901); так рассказывали Семенову в Дарвазе «местные туземцы и некоторые бухарские чиновники». По Бурхан ад-дину, «Шах-Махмуд» был владельцем Дарваза, имел сношения с Абдуррахманом еще в то время, когда тот был в Самарканде (1869—1879 гг.), до и после завоевания Дарваза бухарцами. Поэтому Абдуррахман после вступления на престол вызвал Шах-Махмуда и его брата Шах-Афзаля из Маргелана, где они жили после своего изгнания из Дарваза, в Кабул, где они через несколько лет умерли. Семенов видел в Кала-и Хуме «разбитый на части каменный трон» бывших владельцев Дарваза из потомков Александра. Масловский упоминает о «сохранившемся и до теперешнего времени, вытесанном из гранита, котле-работы, как говорят, сподвижников Александра Македонского; от этого котла будто бы, по словам туземцев, получили название Кала-и Хум, или Кала-и Хумб (буквально: «крепость котла»).

Судьба Каратегина могла представляться более спорной; он некоторое время принадлежал кокандцам, и потому русское правительство, предъявлявшее притязания на бывшие владения кокандских ханов на Памире и в Кашгарии, могло объявить своим владением и Каратегин; но этого не случилось. В августе 1876 г., после присоединения Ферганы к России, Скобелев заключил договор о пограничной линии с беком Каратегина, который был оставлен в зависимости от Бухары.

Более южные области по Аму-Дарье, таджицкие и узбекские, постепенно подчинились афганцам. Этот процесс, начавшийся еще в 1850-х годах, при афганском эмире Дост-Мухаммеде, закончился почти сорок лет спустя, в конце 80-х годов. Несколько раз местные владельцы подчинялись афганцам и при благоприятных условиях вновь восставали против них. Афганцами иногда принимались меры для укрепления своей власти под влиянием действий русских. Вследствие прибытия в Шугнан летом 1882 г. врача и ботаника Регеля эмир Абдуррахман отправил в Шугнан Гюльзар-хана, которому удалось уговорить местного владельца Юсуф-Али-хана (он упоминается еще в 1871 г.; его брат Шах-Амир-бек, лишенный наследства в Шугнани своим отцом Абд ар-Рахимом за склонность к исмаилитству, еще в 60-х годах некоторое время владел Ваханом) явиться в Бадахшан, где его и его сына Ку-бада, правителя Рошана (сам Юсуф-Али управлял Рошаном при своем отце), задержали и отправили в Кабул. При таких условиях едва ли верно замечание англичанина Йета в 1886 г., что Рошан в то время оставался под властью своего наследственного эмира. Последнее восстание произошло в 1888 г., когда афганские войска очистили Шугнан' вследствие восстания против эмира Абдуррахмана его двоюродного брата Исхака, наместника Афганского Туркестана (потом бежавшего в Россию); в Шугнан тогда прибыл из Гиссара Мухаммед-Акбар-хан, потомок бывших шугнанских владельцев. После поражения Исхака афганцы вернулись в Шугнан и другие области; по словам М. С. Андреева, между 1889 и 1891 гг. афганцам подчинились Зебак, Вахан и Ишкашим. Памирское разграничение 1895 г. довершило процесс уничтожения политической независимости таджиков и разделения их областей между Россией, Афганистаном и Бухарой. Экономически это разграничение было невыгодно для населения уже потому, что Бадахшан был отделен в политическом отношении от областей, с которыми он всегда был связан экономически: от Куляба на западе, от Шугнана на востоке.

Из трех узбекских ханств Туркестана таджицкий язык больше всего оставался языком государственного делопроизводства и культуры в Бухарском ханстве, меньше всего в Хивинском; Кокандское в том и другом отношении занимало середину. По сравнению

с Хивой таджицкий элемент был в Бухаре так силен, что хивинский историк называет даже бухарское войско таджицким, хотя и в Бухаре господствующим, особенно среди военного класса, элементом были узбеки. Таджицкий язык оставался государственным языком не только в Бухарском ханстве, но и в учрежденной в сентябре 1920 г. Бухарской республике.

По мере перехода узбеков к оседлости таджики и их язык все более оттеснялись к горам; создавалось существующее положение, которое привело Наливкина к неверному заключению, что «одной из характерных национальных черт таджиков является их тяготение к горам». Какое значение имел для всего Туркестана факт перехода узбеков к оседлости, отразилось, например, на судьбе слова кышлак (по-турецки 'зимовка'). В документе, написанном в январе 1598 г., т. е. накануне смерти Абдулла-хана бухарского, проводится различие между дехнишин, кышлак-нишин и сахранишин - между живущими в деревнях, живущими в кишлаках и живущими в степи; живущие в кишлаках, для которых зимовка постепенно становилась единственным жилищем, занимали, таким образом, среднее положение между вполне оседлым земледельцем и кочевником. Теперь, как известно, кышлак есть именно деревня вполне оседлого земледельца, и так называют свои деревни не только узбеки, но и таджики, даже горные.

Русское завоевание избавило таджицкие селения от грабительских набегов турецких кочевников. Селение Пискон (Пскем) в верховьях Чирчика в последний раз было разграблено кара-киргизами в эпоху взятия Ташкента русскими, т. е. около 1865 г. При господстве русских такие грабежи сделались невозможными; с другой стороны, под влиянием установления порядка и улучшения путей сообщения язык большинства, узбекский, все больше становился языком всего населения. В эпоху завоевания, как мне говорили, в горных селениях в верховьях Чирчика никто не понимал по-турецки; лично мне во время моих путешествий по Туркестану только один раз, в Бухаре, пришлось слышать слова: Турки немидонем ('по-турецки не знаю'). Академик Радлов в 1868 г. слышал на улицах Самарканда почти исключительно персидскую речь; при мне (например, в 1904 г.) там гораздо больше говорили по-турецки, чем по-персидски. На этом языке легче, чем на персидском, можно было объясняться с русскими властями, так как русские привели с собой переводчиков из татар и киргизов; по этой причине впавший в немилость бывший самаркандский кази-калян Кемаль ад-дин в 1871 г. написал оправдательную записку не на своем родном персидском языке, а по-турецки, чтобы ее содержание могло быть объяснено русским. Когда, около того же времени, было признано необходимым издавать при официальных «Туркестанских ведомостях» приложения на местных языках, к этим языкам первоначально был причислен и таджицкий, наряду с «чагатайским» и киргизским; потом вместо этого говорилось о «приложениях на тюркском (сартском) и киргизском наречиях»; на этих двух языках и выходили приложения с 18/1 г. 4 раза в месяц - 2 раза на сартском языке и 2 на киргизском; с 1883 г. вместо этого стала издаваться небольшая газета на одном «сартском» языке. Когда в 1920 г. была утверждена конституция Туркестанской республики, то «коренными национальностями» ее были признаны только киргизы, узбеки и туркмены; древнейшие жители края, таджики, были забыты. В какой мере будет способствовать возрождению таджицкой национальности "национальное размежевание 1924 г., покажет будущее.

БАРТОЛЬД В.В* ТАДЖИКИ (Из «Энциклопедии ислама»)¹

Таджик, более ранняя форма тазик или тажик (у Махмуда Кашгарского, I, 324: тежик) - название народа, первоначально в значении 'араб' (позже это значение сохранила только форма тази), позднее в значении. 'иранец' в противоположность 'тюрку'. Слово это образовано из названия арабского племени тай. Среди арабских племен тай были ближайшими соседями иранцев; поэтому имя этого племени было перенесено на весь арабский народ. Тай «уже в начале II века, наряду с саракенами, названы одним уроженцем Эдессы как представители всех бедуинов» (Sureton, 5 Spicilegium Syriacum, p. 16 sg.; Noldeke, ZDMG, Bd XLIX, S, 713). Слову таджик в значении 'араб' соответствует в пехлеви тйчйк, в армянском тачик (ср. Horn, Neupersische Schriftsprache, S. 187), в китайском даши. По-видимому, и в Средней Азии иранское население называло так завоевателей- мусульман; ввиду того что по воззрениям той эпохи всякий иранец, принявший ислам, становился арабом (ср. Табари, II, 1508,13), это слово пришло к тюркам в значении 'мусульманин, муж из области распространения мусульманской культуры'; а так как большинство известных тюркам мусульман были иранцы, то слово тежик получило в тюркском, как название народа, значение 'иранцы'. Махмуд Кашгарский (I, 324) объясняет слово тежик как 'перс' (ал-фарисй); также и в относящемся к тому же времени Кутадгу билик (изд. Радлова, особенно 8,1) «теджики» отличаются от арабов как персы (ср. Радлов, Словарь, III, 1096). Сами иранцы, противопоставляя себя тюркским правителям, в то время также уже именовали себя тазик; напр., Бейхаки, изд. Морл'ея, стр. 746, наверху. Особенно часто подчеркивается противоположность между тюрком и таджиком; так, утверждали, что как дружественные, так и родственные связи между тюрком и таджиком всегда оканчивались плохо и что таджик никогда не может полагаться на тюрка (Захир ад-дин Мара'ши, 248, 253 и сл.). Об отношении слова таджик к слову сарт см. Barthold, Sart; наст. изд., т. II, ч. 2. В употреблении обоих этих слов выступает на первый план значение иранцев как торгового народа. Слово сарт появляется в тюркском вначале как имя нарицательное со значением 'купец' и позднее становится именем народа - иранцев, рассматриваемых преимущественно как торговый народ; имя же народа таджик (те- зик), наоборот, позднее, по крайней мере у волжских татар, употреблялось как нарицательное со значением 'купец'. Согласно одному из первоисточников по истории завоевания Казани русскими в 1552 г. (отчет князя Курбского), цитадель Казани окружал «ров тезиков» («тезицкий», или «тешицкий» ров), причем слово тезик объясняется как 'купец' (ср. Карамзин, История государства Российского, т. VIII, стр. 110; Заринский, Очерки древней Казани, стр. 8).

В наше время таджиками иногда называют восточных иранцев в противоположность собственно персам; в качестве западной границы расселения

* Бартольд В.В., известный русский учёный ориенталист.

1. Бартольд В.В., ТАДЖИКИ. //Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. Том II часть I. М. 1963. Стр 469.

таджиков приводится линия между Астрабадом (см. Е.І.І и Йездом. В Туркестане, особенно в эпоху господства узбеков, таджики постепенно были вытеснены с равнины в горные области. Русские объединяют под именем «таджик» все иранские народности Туркестана - как собственно таджиков, т. е. население, говорящее на таджики (таджикском языке) (см. <Е1, IV, 648>, так и занимающие в языковом отношении особое положение горные народы по р. Пяндж (см. Barthold наст. изд., т. III) и в верхнем течении Зеравшана. Исходя из этого значения в 1924 г. была создана автономная республика Таджикистан со столицей Дюшамбе (в верхнем течении Кафирнигана). По переписи населения того же года, численность таджиков составляла 871 532 человека. Само население по-разному употребляет слово таджик. Жители некоторых горных областей, как, например, Шугнана и Рошана, сами себя именуют таджиками, зато своих соседей в Дарвазе, говорящих на таджики, называют «говорящие по-персидски» (парси гуй) в противоположность этому жители верхнего течения Зеравшана, говорящие на одном из персидских диалектов, сами называют себя таджиками, а жителей долины р. Ягноб, говорящих на своеобразном диалекте, называют «гальча»; упомянутое население, кажется, и само отличает свой ягноби от таджикского языка.

Ранее часто встречавшееся (см. ещё Justi Geschichte Irans, S. 402) утверждение о происхождении названия народа таджик от головного убора тадж следует безоговорочно отвергнуть как по лингвистическим, так и по историческим причинам.

ГУМИЛЕВ Л.Н. О ТАДЖИКАХ¹

Трилистник письменного стола. Путь через историю на рубеже китайской стены²

Согд, Согдиана - область в среднем течении Амударьи и на Зеравшане, периодически становившаяся самостоятельным, крепким, богатым торговым государством. Начальная фаза его существования - VII-V вв. до н.э. В описываемое время Согд представлял собой торговую и городскую как бы республику, имевшую наподобие Венеции в Италии номинального главу и многочисленные колонии-фактории, разбросанные по всему Великому шелковому пути от Крыма, Судак-Сугдея, это название Согда, до Китая. Центр области - Самарканд. Согдийцы - предки современных таджиков и в некоторой части оседлого древнеземледельческого населения нынешнего Узбекистана. (С.104)

Искренность и выгода³

Казалось бы, естественно, что на востоке союзником иудейской Хазарии было таджикское государство Саманидов, известное благодаря активной внешней торговле и блестящей культуре. Однако положение в этой державе было сложным. За 150 лет господства Аббасидов в Средней Азии и Иране потомки арабов, персов, согдийцев и части парфян сумели приспособиться к новым условиям и к X в. слились в монолитный таджикский этнос. Именно таджиков возглавила местная династия Саманидов, и созданная ими культура блистала, как алмаз, по сравнению с которой все прочие - оправа. (С.188)

Возвращенная свобода. Ханская политика в оценках современников.⁴

После этого почти исчезают упоминания об усунях, только под 436 г. сообщается, что под давлением жужаней усунь покинули родные кочевья и переселились в "Луковые горы" т.е. в западные отроги Тяньшаня. К этому времени они стали так малочисленны, что на них никто не обращал внимания. Остатки их, видимо, ассимилировались с таджиками. (С.190).

Восстание ань лушаня.

Согдиана умирала; победившие рабы камня на камне не оставили от ее неповторимой культуры, но на пепле пожарищ начал складываться таджикский народ, которому предстояло великое будущее. Западные степи склонились перед блеском кыпчакских и карлукских мечей, а на Волге потомки западнотюркских

1. Лев Николаевич Гумилёв. Советский и российский учёный, историк-этиолог, доктор исторических наук и доктор географических наук - поэт, переводчик с персидского языка. Основоположник пассионарной теории этногенеза.

2. Гумилёв Л.Н. Поиски вымышленного царства. Москва. Ди Дик. 1997

3. Гумилёв Л. Древняя Русь и Великая Степь. Москва. Рольф. 2001.

4. Гумилёв. Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Москва. Ди-Дик. 1998.

ханов создали могучее Хазарское царство. Храня кочевые традиции степной культуры, хазары и карлуки остановили натиск ислама.

ВСПЫШКИ ЭТНОГЕНЕЗОВ СОЦИАЛЬНАЯ И

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИИ.1

Когда же арабы заменились местными правителями с титулом султан (тоже арабское слово), то они уже были мусульманами. Итак, на базе страшных избиений, которые делались при завоевании (а убивали арабы по-джентльменски: только мужчин; женщин они продавали в гаремы, а в гаремах те становились полноправными женами), создалось смешанное население, названное тем же словом, что и их победители - арабы. У арабов своих терминов было мало, - и они заимствовали чужие слова, в частности персидские. По-персидски "корона" - "тадж", а коронные войска - это таджик. Так вот потомки арабов и согдийских женщин стали называться таджиками. Вот пример этногенеза в зоне контакта суперэтносов при росте пассионарности. Сложились они в VIII в. и до сих пор не потеряли ни своего этнического лица, ни своих блестящих способностей, ни своего стереотипа поведения, который они приобрели тогда в результате смешения арабов с тюрками.

ЗАГАДКИ ДЖУЧИ²

Можно выделить три основные версии смерти Джучи.

1. Официальная версия, приведенная в трудах придворных историков Чингизидов. Наиболее подробно она изложена в труде Рашид ад-Дина: "Чингизхан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны, как то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кипчак и другие области тех краев. Когда же он уклонился от участия в этом деле, то Чингизхан, крайне рассердившись, сказал: "Я его казню, не видать ему милости". Джучи же неожиданно заболел и поэтому, когда отец по возвращении из страны таджиков прибыл в свои ставки, не смог приехать к нему, но послал ему несколько харваров добытых на охоте лебедей и рассыпался в извинениях.

МУСУЛЬМАНСКИЙ СУПЕРЭТНОС. ПОЯВЛЕНИЕ АРАБОВ³

Омейядские халифы располагали силами значительно большими, чем любой из их противников. И пассионарный подъем облегчил им не только походы, но и инкорпорацию покоренных этносов, а тем самым было обеспечено пополнение регулярных войск, именовавшихся в то время таджиками. Но система диверсий при войне на четыре (включая Испанию) фронта не дала возможности реализовать перевес в силах. Проследившая синхронность выступлений греков, хазар, тюргешей, хуттальских горцев на востоке, франков - на западе, легко убедиться, что она не случайна, а тем самым установить наличие антимусульманского блока, поддержанного империей Тан. (С.49)

1. Гумилёв Л. Н. Конец и вновь начало. Москва. Ди Дик. 1997.

2. Древние тюрки /АН СССР. Ин-т народов Азии. - М.: Наука, 1967.

3. Древняя Русь и Великая Степь Москва. Рольф. 2001.

НА ЧУЖБИНЕ ПОСЛЕ КОНЦА: ЭТНИЧЕСКИЕ ОСКОЛКИ.¹

Саманиды были последними древними иранцами, но арабская пассионарность преобразила их в новый этнос - таджиков.(С288)

В конце X в. тюркские племена чигиль и ягма, только что принявшие ислам, двинулись на Самарканд и Бухару. Казалось бы, соотношение сил было в пользу Саманидов. У них было больше людей, городов, полей и пастбищ. У них была роскошная культура, базировавшаяся на древней иранской традиции, обновленной влиянием арабской культуры. Бухарским таджикам X в. были ведомы греческая философия и достижения индийской мысли. Одного у них не хватало, воли к свершениям, жажды славы и жертвенности ради далекого прогноза - идеала. Да и сам идеал стал слишком расплывчат и аморфен. С таким этнопсихологическим настроением легко жить и работать, но невозможно успешно воевать. Поэтому Саманиды стали вербовать в армию тюрок, доверили чужим людям защищать себя и свою страну. Что делать? Старики и больные поступают так всегда, не только люди, но и этносы.(С.289)

В решающие дни битв за Бухару между таджиками-саманидами и тюрками, династию которых условно принято называть "Караханиды", саманидский полководец, наместник крепости Газны Себук-тегин предал эмира Нуха II (976-997 гг.) и его преемников Мансура II (997-999 гг.) и Исмаила (999-1005 гг.), которые героически сражались против тюрок, но погибли, и не от сабель противников, не в боях, где смерть так естественна, а от рук своих подчиненных. Поистине, нельзя спасти народ, который не желает, чтобы его спасали. Себук-тегин был простым гулямом. Он овладел властью, опираясь не на членов своего этноса, а на своих боевых товарищей, т.е. на консорцию. Это был тип химеры, где ведущая часть была полностью оторвана от почвы, или, точнее, дезэтнизирована. По сути дела, Себук-тегин и его сын Махмуд Газневи (998-1030 гг.) создали и постоянную армию, т.е. уподобились римским солдатским императорам, с той лишь разницей, что не армия служила стране и народу, а народ - армии.(С.290)

Сделаем краткое резюме. Прогрессивное экономическое развитие стран Ближнего Востока в X-XI вв. отсутствовало. Рост производительных сил ограничивался постоянными войнами. Если и были то там, то здесь "тихие" десятилетия, вслед за ними шли годы кровопролития, смешавшие часть накопленных материальных и культурных благ. В лучшем случае сохранился уровень, достигнутый при Аббасидах, да и то за счет талантов и трудолюбия таджиков, персов, арабов и хорезмийцев.(С.291)

Теперь пора перейти к первому, предварительному обобщению. В начале XI в. всей оседлой, земледельческой, цивилизованной частью мусульманского суперэтноса овладели химеры. В Ираке и Западном Иране дейлемито-арабо-персидская - халифат; в Восточном Иране - тюрко-иранская - Газневидский султанат; в Мавераннахре и Кашгарии - тюрко-таджикская - государство Илекханов (Караханидов); в низовьях Амударьи - тюрко-хорезмийская. Моноэтнический принцип социальной организации был утрачен всюду, кроме Сибири, Месопотамии, где вожди бедуинских племен захватывали города и

1. Гумилёв.Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Москва. Ди Дик. 1998.

держали себя независимо, и самой Аравии, где в Бахрейне весь XI в. процветала Карматская республика. Как ни странно, именно эта антисистема сохранила этнический арабский облик, который был утрачен в столице - мировом городе Багдаде. Но распространение ее было ограничено. Хотя карматские эмиссары (да'и) проповедовали по всему Ирану, новообращенные неизменно терпели поражения от дейлемитов и тюркских гулямов. Следовательно, можно сказать, что карматская угроза стимулировала размножение этнических химер, а это влекло важные сдвиги в этногенезе. (С.292)

Вспомним, что чаще всего пассионарный генофонд передается по материнской линии, хотя растрачивается он драчливыми мужчинами. Когда огузы, оттесненные засухой X в. на юг, поселились на склонах Копет-дага, с которого стекали прозрачные ручьи", орошавшие заросли фисташковых деревьев и прилегающие луга, они продолжали делать набеги на соседей, ибо привыкли к мелким войнам на своей родине. В числе добычи были женщины из Хорасана и Гургана, носительницы пассионарности арабов и таджиков. Действительно, уже второе поколение этих метисов, воспитанное в традициях степной доблести и верности, одержало победу при Денданакане над газнийскими гулямами, а их детей и внуков донесли степные кони до лазурных вод Мраморного моря. (С.292)

НЕИЗБЕЖНОСТЬ РАСПЛАТЫ (ПРИБЛИЖЕНИЕ ТРЕТЬЕ - УРОВЕНЬ СУБЭТНОСА)¹

Как ни странно, в 80-х годах XIV в. в Азии воскресла политическая коллизия XIII в. Против Монгольского улуса почти одновременно выступили Китай, обновленный династией Мин, и идейный наследник Хорезмийского султаната - Тимур. Но противники их, Тоглук-Тэмур в Монголии и Тохтамыш в Сибири, были эпигонами Чингисхана и его соратников. Несмотря на личную храбрость обоих ханов, беков и нухуров, их этносы не обладали тем высоким пассионарным напряжением, которое позволило монголам XIII в. не только отстоять свою жизнь и свободу, но и одержать победы, удивившие мир. Лучшие потомки "людей длинной воли" погибли в междоусобной войне 1259- 1304 гг., а уцелевшие перестали быть степняками. Они предпочли древней традиции обаяние высокой мусульманской культуры и оплодотворили ее, пожертвовав собой в борьбе со своими собратьями, которые уже казались им "отсталыми" и "дикими". Именно это отчуждение позволило потомкам монголов объединиться с тюрками и таджиками, хотя создание такой химеры стоило всему Ближнему Востоку много крови. Тем не менее регенерация суперэтноса была осуществлена, и роскошная культура Тимуридов просуществовала в Средней Азии до XVI в., а в Индии - до XVIII в. (С.597)

НИКАКОЙ МИСТИКИ²

Ему хорошо, потому что он очень плохо знает историю. Например, слово «арабы» самим арабам не было известно до VII в. Они так себя стали называть

1. Древняя Русь и Великая Степь. Москва. Рольф. 2001

2. НИКАКОЙ МИСТИКИ // "Юность". 1990, № 2, с. 2-6.

только при халифе Омаре. И слово это римское. Римляне так называли восточных кочевников. А в Персии те же самые люди, которые назывались на западе «арабы», стали называться «таджики». От слова «тадж» - царский венец (персидское слово). Так называли коронные войска. То есть название ничего не показывает. Иногда оно дает возможность ориентироваться, а иногда не дает. Ведь надо было найти самый основной принцип: каким образом люди узнают друг друга. Когда я был на «великих стройках коммунизма» (я уже упоминал об этом печальном обстоятельстве), там люди не путались, потому что узнавали друг друга по стереотипу поведения.

1. О ПОЛЕЗНОСТИ ЭТНОГРАФИИ. НЕСХОДСТВО ЭТНОСОВ¹

На арабском языке говорит несколько разных народов, а для многих узбеков родной язык - таджикский, и т.д. Кроме того, есть сословные языки, например французский - в Англии XII-XIII вв., греческий - в Парфии II-I вв. до н.э., арабский - в Персии с VII-XI в. и т.д. Поскольку целостность народности не нарушалась, надо сделать вывод, что дело не в языке. (С 52).

В Средней Азии в VII в. жили согдийцы, а термин "таджик" еще в VIII в. значил "араб", т.е. воин халифа. Наср ибн Сейяр в 733 г., подавляя восстание согдийцев, был вынужден пополнять свои редевшие войска хорасанскими персами, уже принявшими ислам. Набрал он их много, и потому персидский язык стал господствовать в его арабской армии. После победы, когда мужчины-согдийцы были убиты, дети проданы в рабство, а красивые женщины и цветущие сады поделены между победителями, в Согдиане и Бухаре появилось персоязычное население, похожее на хорасанце. Но в 1510 г. судьбы Ирана и Средней Азии разошлись. Ираном овладел тюрк Измаил Сефевид, ревностный шиит, и обратил персов в шиизм. А Средняя Азия досталась узбекам-суннитам, и жившее там персоязычное население сохранило старое наименование "таджик", чему до падения бухарской династии Мангытов в 1918 г. никакого значения не придавалось. Когда же в бывшем Туркестанском крае были образованы Узбекская и Таджикская республики, то потомки хорасанских персов, завоевателей VIII в., жившие в Бухаре и Самарканде, при переписи записались узбеками, а потомки тюрков, завоевателей XI и XVI вв., жившие в Душанбе и Шахрисябзе, - таджиками. Оба языка они знали с детства, были мусульманами, и им было безразлично, как их запишут. За последние 40 лет положение изменилось: таджики и узбеки оформились в социалистические нации, но как рассматривать их до 20-х годов, когда религиозная принадлежность определяла этническую (мусульмане и кафиры), а родов у таджиков не было? И ведь оба этнических субстрата: тюрки и иранцы - были в Средней Азии "импортными" этносами тысячу лет назад - срок, достаточный для адаптации. Видимо, здесь действует определенная закономерность, которую надлежит вскрыть и описать. Но ясно, что общность происхождения не может быть индикатором для определения этноса, потому что это - миф, унаследованный нашим сознанием от примитивной науки первобытных времен. (С.59-60)

¹Этногенез и биосфера земли. Ленинград. 1990

ПЕРЕВЕРНУТАЯ ЗАДАЧА. ЭТНОС - ЯВЛЕНИЕ ПРИРОДЫ

Действительно, этногенез в Средней Азии шел столь медленно, что почти неуловим. Полосы пустынь с севера и юга-запада были легко проходимы вооруженными грабителями, но мало пригодны для жизни. Зато в предгорьях Копетдага, Тянь-Шаня и Гиссара сложились туркмены-сельджуки - в XI в., киргизы - в XV в., таджики - в VIII-IX вв. и узбеки - в XIV в., ограничив ареал потомков древних согдийцев горными районами Памира и Гиссара, где те сохранялись как изоляты. (С. 188)

РИТМЫ ЕВРАЗИИ

Постоянное смешение тюрков и хазар, создававшее значительное перемещение пассионарного генофонда от первых к последним, дало возможность хазарам отразить арабский натиск в VII веке. Пассионарность арабов была к тому времени исключительно высока вследствие пассионарного толчка V в. н. э. (около 500 года), поднявшего их. В VIII веке арабам удалось вытеснить тюрков из оазисов Средней Азии. Армия завоевателей, мобилизованная в основном из персов, убивала всех мужчин, а женщины давали от агрессоров потомство, легшее в основу современного этноса таджиков.

1. Этногенез и биосфера земли. Ленинград, 1990
2. Ритмы Евразии. // Наш современник, 1992, No 10.

КАДЫРБАЕВ А. "ТАДЖИКИ" КИТАЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹

Ираноязычные народы современного Китая – Китайской Народной Республики (КНР), именуемые в китайской официальной статистике «таджиками», представлены преимущественно памирскими народностями – сарыкольцами (сарькули), ваханцами, а также эйну (абдали), пахпу и собственно таджиками. Все перечисленные народы являются потомками древнейшего коренного населения региона современного Китая, где они ныне компактно проживают, а именно юго-запада Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР, прилегающего к горам Памира и Тянь-Шаня.

Уже во II-I тыс. до н. э. на землях, где сейчас СУАР КНР, как позволяет предполагать ретроспективный анализ историко-лингвистических данных, обитали древнейшие индоевропейские племена, давшие начало индоиранцам, затем разделившихся на индоариев и ариев – древних иранцев. Предположительно, племена этого круга к середине II тыс. до н. э. приносят к пределам Великой Китайской равнины изобретение древнего Ближнего Востока – боевую колесницу, а также бронзовые шлемы. Войска древнего китайского государства Шан не смогли противостоять натиску этих племен, которым колесницы давали преимущества в ратном деле. К тому же шаньцы не оставляли противникам другого выбора, кроме как – победить или умереть, поскольку брали в плен только для того, чтобы предать мучительной смерти во время жертвоприношений во славу того или иного божества.

К концу III в. до н.э. племена, известные в древнекитайских письменных источниках как «юэчжи» (по-древнегречески «ати», по-латински «асии», а также «аттакоры»), возможно, народы сако-скифского круга, вероятно говорившие на древних восточноиранских языках, были главной политической силой на востоке Центральной Азии и северной части Восточной Азии. Владения кочевой империи юэчжи простирались от территории Северо-Восточного Китая (западная часть более поздней Маньчжурии) до оазисов Центральной Азии, где ныне СУАР КНР: «Некогда юэчжи были могущественны и с презрением относились к сюнну» (т.е. к хунну или гуннам.-Авт.), – говорится в летописи у древнекитайского историка I в. н.э. Сыма Цяня, где локализация юэчжей определяется так: «Первоначально юэчжи обитали между Дуньхуаном и Цилян-шанем», причем в его книге «Ши-цзи» – «Исторические записки», в разделе «Юэчжи» дается пояснение: «Сначала юэчжи обитали от Дуньхуана на востоке, а от Цилян-шаня на западе...»². Дуньхуан – это нынешний Шачжоу, а Цилян-шань находится на юго-западе от Ганьчжоу. Это сообщение скомпилировано в «Цянь Хань-шу» – «Ранней истории Хань», согласно которому под юэчжи были земли вдоль основного узла хребта Рихтгофена на юге от Сучжоу и на юго-западе от Ганьчжоу. Документы эпохи поздней Хань помещают древних юэчжи между Чжанье и Цзюцзоань, т.е. в современных областях Ганьчжоу и Сучжоу и, кроме того, по Булангиру и Эдзин-голу. Согласно китайским известиям, юэчжи были самым сильным объединением у границ Китая в эпоху империи Цинь, из страны которых китайцы получали великолепных коней. У них было 100 тысяч боеспособного войска и большинство соседних кочевых племен, в том числе и сюнну, находилось в зависимости

1. Кадырбаев А. доктор исторических наук Институт востоковедения РАН

2. Сыма Цянь. "Ши-цзи" ("Исторические записки"), изд. Бона, Пекин, 1928. гл. 128

от них. Сюнну были восточными соседями юэчжей.¹ Лишь окончательно разбив в 177 г. до н. э. юэчжей и вытеснив их в Среднюю Азию, сюнну, чье происхождение также неясно, смогли создать могучую кочевую империю, которая до середины II в. н. э. представляла угрозу самому существованию древней китайской цивилизации.

В I тыс. н. э. ираноязычное население было наиболее многочисленной этнической группой на востоке Центральной Азии, где ныне СУАР КНР, и говорило на восточноиранских языках, один из которых условно называется хотано-сакским, поскольку письменные памятники этого языка найдены в Хотане и датируются VIII-X вв.² Вплоть до IX-X вв. население здесь было ираноязычным. Начало тюркизации было положено средневековыми уйгурами, переселившимися сюда после падения их каганата на Орхоне в Монголии в 840 г. Уйгуры ассимилировали местное, в значительной степени иранское по своему субстрату население, передали ему свой этноним и язык, но изменились сами, перейдя от кочевничества к оседлому образу жизни, восприняв новый способ производства и комплекс местной культурной традиции.³ При этом, даже на северо-востоке Восточного Туркестана – Турфанском оазисе во второй половине I тыс. н.э. в тюркоязычной среде бытовали литературно-религиозные тексты (манихейские, буддийские, христианские) на персидском и согдийском языках. Однако тюркизация не коснулась горных районов восточных Припамирья и Притяньшанья, где и сегодня живут упомянутые выше современные ираноязычные народы.

В результате разнообразных тюрко-иранских взаимодействий к концу I тыс. н.э. на территории, как Восточного Туркестана, так и Западного (т.е. Средней Азии), начинают складываться зоны тюрко-иранского двуязычия. Центрами этого нового, особого культурного тюрко-иранского пространства на рубеже I-II тысячелетий сначала были придворные круги первых мусульманских тюркских династий, создавших свои государства в Восточном Туркестане, северной части Ферганской долины и Семиречье, например, Караханидов с центром в Кашгаре. Именно к этому времени и к этой этнокультурной среде, где появлялось, развивалось и процветало тюрко-иранское двуязычие, относятся упоминания авторов XI в. – Махмуда Кашгарского, Юсуфа Баласагунского, Абулфазла Бейхаки о своеобразной общности, называвшейся «турк ва тазик», «тюрк-у-тачик» (т.е. «тюрк и таджик»). В Восточном Туркестане тогда происходило, видимо, тесное тюрко-иранское взаимодействие, что отразила пословица, приведенная Махмудом Кашгарским: «Нет тюрка без тата (иранца), нет шапки без головы».⁴

С V в. н. э. началась массовая эмиграция в Китай ираноязычных согдийцев (прямыми потомками которых по языку ныне являются ягнобцы – памирский народ в Таджикистане), чье царство Согд находилось в регионе Самарканда и прилегавших к нему оазисов. В политико-географическом смысле средневековый Согд – страна в долинах рек Зеравшана и Кашка-Дарьи. К VII-VIII вв. по языковому признаку согдийскими считались владения среднеазиатского междуречья: Бухарский оазис (Ань по-китайски), Уструшана (Цао по-китайски), Кеш (Ши по-китайски), Чач с Илеком (кит. Ши-ло), Маймург (кит. Ми) и Самаркандский Согд (кит. Кан). Общим обозначением согдийцев и вообще иранцев по-китайски было слово «ху». Согдийская торговая колонизация Евразии и застенного Китая началась в IV-III вв. до н.э. К

1. Сыма Цянь. "Ши-цзи" ("Исторические записки"), изд. Бона, Пекин. 1928. гл.123

2. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992

3. Сагути Тора. Монгорудзия сипай дэздайно Уйгуристуан. (Уйгуристан в эпоху монгольского владычества.- Авт.). Сигаку дзасси. 1943, т.54, № 8-9, на японском языке

4. Чвырь Л.А. Обряды и верования уйгуров в XIX-XX вв. очерки народного ислама в Туркестане.М.,2006. с.240

этому времени относятся первые согдийские заимствования в китайском языке. В древнейшем согдийском документе, датированном 197 г. н.э., дается яркая картина широкого торгового освоения Китая эпохи правления династии Хань согдийцами от Лояна и Чанъани до Цзюцюани на северо-западе страны, где ныне провинция Ганьсу. В округе Цзюцюань значительно было согдийское население, большую часть которого составляли выходцы из Ань - Бухары. Через одного из них, согдийца бухарского происхождения Нахбанда (Нопаньто по-китайски), доверенного лица первого тюркского правителя Бумына - основателя в 551 г. Тюркского каганата, затем включавшего в свой состав и земли нынешнего Восточного Туркестана, китайцы получили первые достоверные известия о тюрках (по-китайски «туцное», по-согдийски «тюркут»).

К III-VII вв. крупные согдийские колонии существовали по всему Великому Шелковому пути, в частности у южного берега озера Лобнор возникли сразу четыре города, среди них знаменитый «Путоа-чэн» («Виноградный город»), где в центре цвели виноградные лозы, хотя сведения о первых согдийцах в Китае относятся еще к концу II в., когда они появляются в Дуньхуане - на северо-западе этой страны. Уже в III в. колонии согдийцев прочно обосновались в оазисах Кашгарии, Лянчжоу и, по всей видимости, внутри Китая. Согдийские купцы, эти «финикияне Средней Азии» сосредоточили в своих руках караванную торговлю с Китаем, а к VI в. Согд достиг зенита славы торговой страны и согдийский язык стал общепризнанным языком международного общения от Мерва до Китая и Монголии.¹

Правители северокитайских государств «смутного» времени - III-VI вв., когда Китай не был един в политическом отношении, внимали проповедям персидских огнепоклонников, чья вера зороастризм являлась тогда государственной религией Персидской империи Сасанидов. Зороастрийская религия, в основе которой лежал культ огня и небесных светил, ранее других чужеземных религий появилась в Китае. В Китае зороастрийские культы обозначали специальным словом «Тянь», т.е. «божества Небес», или словосочетанием «варварские духи Неба». Первое упоминание о зороастрийских святилищах в Китае относится к 519 г., а к середине VI в. поклонение «варварским духам Неба» проникло даже в придворный церемониал двух царств тогдашнего северного Китая - Северного Ци и Северного Чжоу. Китайские императоры династии Суй, объединившие свою страну после более 300-летней смуты, не последовали примеру своих предшественников, но признали право персидской веры на существование. Зороастрийские жрецы, которых в Китае называли «сабао» или «сафу», получили статус государственных чиновников. Две должности сафу были учреждены в столице и по одной - в некоторых северных и северо-западных областях, где существовали зороастрийские храмы. Сменившие династию Суй правители династии Тан сохранили этот порядок, введя в Управление сабао (Сабаофу) целый штат должностей. Особенными сильными были позиции зороастризма в Лянчжоу на северо-западе Китая. Судя по тому, что танские власти не запрещали китайскому населению Лянчжоу поклоняться «варварским духам Неба», религия Заратуштры не была в северо-западном Китае достоянием только иранцев. Как свидетельствуют данные археологии, зороастризм и позднее исповедывали персы, служившие в Китае, а в Кайфыне еще в XII в. имелся зороастрийский храм, существовавший там с танского времени.

Представители иранских народов были в Китае первыми миссионерами христианства. В VI в. с запада в Китай пришло христианство несторианского

1. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. с. 103

толка, известное в танскую эпоху под именем «цзин-цзяо» – «Сиятельное учение» или «Мишиа-цзяо». Первый несторианский миссионер, чье имя сохранила история (по-китайски Алобэнь) в 635 г. прибыл в Чанъань и встретил при танском дворе радушный прием. «Персидский монах Алобэнь,- говорилось в эдикте 638 г. - издалека принес в нашу столицу Священные книги и изображения. Внимательно ознакомившись с ними, мы установили... смысл его учения... Надлежит исповедовать (это учение) в Поднебесной (т.е. в Китае.-Авт.), для чего соорудить в квартале Инин храм и посвятить в монахи 21 человека». В 745 г. несторианские церкви из «Персидских храмов» были переименованы в «храмы страны Да-Цинь», причем в эдикте упоминались «храмы в обеих столицах и те, что имеются в областях и округах Поднебесной».¹

Что касается согдийцев, их многочисленные общины были в столицах Чанъани и Лояне, в степях Монголии и на юге Маньчжурии. Согдийские колонии отмечены в Забайкалье, на Амуре и в Приморье. В Лояне в VI в. проживало 10 тыс. иностранцев, тогда как всего в городе насчитывалось 109 тыс. дворов. Подавляющее большинство иностранных купцов были согдийцами. Известно, что в 717 г. при перестройке города Инчжоу на северо-восточных границах империи Тан для торговых людей из Согда были отведены специальные кварталы. Деятельность и передвижение согдийцев, как и вообще иностранцев, контролировались китайскими властями, но эдиктом 628 г. им было разрешено брать в жены китайок, хотя увозить их из Китая запрещалось. В летописи Сыма Гуана под 787 г. сообщается, что все уроженцы «Сиюй» - «Западного края» (т.е. из стран западнее Китая-Авт.), к числу которых относились согдийцы и представители других иранских народов, долго жившие в Китае, имели китайских жен.² Северо-западная область империи Лянчжоу представляла собой «плавильный котел» этносов; в городе Увэе, например пять кварталов из семи были заселены иностранцами, среди которых были заметны согдийцы и персы, а на базарах расплачивались и драхмами - деньгами Персидской империи Сасанидов. Так что жители «страны Кан», как именовали Согд китайцы, отнюдь не были в Китае только временными гостями. Немалая численность и крепкие экономические позиции позволили согдийцам стать заметным фактором политической жизни Китая. Выходец из кокандского купеческого рода Кан Сюань или его соплеменник Хэ Шикай, всесильные временщики при дворах северокитайских правителей были характерной чертой своего времени.³ Немало согдийцев достигли высот власти в этой стране и оказали заметное влияние на историю и культуру Китая. Согдийцем был выдающийся буддийский мыслитель Фацзан. Из согдийцев было немало проповедников буддизма и переводчиков с санскрита - индийского языка буддийских канонов на китайский. Еще до 326 г. среди переводчиков известны три согдийца, наиболее известным из которых был Кан Сэньюань.⁴ Самым знаменитым согдийцем при Тан был Ань Лушань, согдиец по отцу и тюрк по матери - мятежный наместник на северо-западе империи, пренебрегший благосклонностью китайского императора и ласками любимой наложницы последнего Ян Гуйфэй, «китайской Клеопатры». Большую известность приобрели и другие военачальники согдийского происхождения, которые возглавили восстание против Тан после смерти Ань Лушаня, а именно его сын Ань Цинсюй, Ши Сымин и Ши Чаои. Восстание было

1. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII-XIII). М., 1984. с. 183; Ван Пу, Тан хуйяо (Важнейшие документы династии Тан). Пекин, 1955, (на кит.яз.) с.864

2. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII-XIII). М., 1984. с.40-43; Сыма Гуан. Цзычжи тунцзянь (Всепроникающее зеркало, управлению помогающее), 1957. с.74-93.

3. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. с.101.

4. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. с.444

поддержано частью согдийцев, живших в Китае.¹ Были они и по другую сторону баррикад, например, знатный согдиец Кан А-И Кюль-Таркан (Кан А-И Цюй-Даганань по-китайски), чья биография, помещенная в китайских источниках, представляет большой интерес, поскольку содержит важные сведения о согдийской миграции в Китай. В 742 г. Кан А-И Кюль-Таркан прибыл в Чанъань, бежав с домочадцами и приверженцами из Восточнотюркского каганата ввиду его распада, где он ранее занимал высокие посты, и получил высочайшую аудиенцию танского императора Сюаньцзуна, устроившего в честь его пир в императорском дворце и посвятившего ему свои стихи. Кан А-И Кюль-Таркан занял высокое положение при танском дворе. Двое его старших сыновей Мо-Е-Бо и Ин-Цзюнь отличились в боях с мятежниками Ань Лушаня, а младшие Цюй-Сюй-Ми-Ши и Ин-Чжэн находились в ставке танского правителя. Известно и о жене Кан А-И Кюль-Таркана знатной согдианке из фамилии Ши.² Известно, что эта фамилия указывает на то, что ее предки происходили из области нынешнего Ташкента. При дворе династии Поздняя Тан (923-936 гг.) в северном Китае находился согдиец бухарского происхождения Ань Цунцзинь.

И все же главным занятием согдийцев в Китае была торговля. В Чанъане и Лояне «хуские лавки» (в танское время традиционный термин «ху» - «северные варвары» нередко прилагался только к иранским народам.-Авт.) тянулись на целые кварталы. Торговали согдийцы большей частью предметами роскоши: драгоценностями, редкими металлами, дорогой посудой, конями. Нетрудно предположить, как выглядели согдийцы в глазах массы китайского населения. «Когда у жителей страны Кан рождается ребенок, - писал танский летописец, - ему обязательно кладут в рот сладкое, а руки мажут клеем, желая ему, чтобы он, став взрослым, говорил бы только лицеприятные речи, а деньги приставали бы к его рукам, словно приклеенные. Они искусны в торговле и бьются за ничтожную прибыль. Едва их юношам исполняется двадцать, как их посылают в чужие страны и они добираются до Китая. Где бы ни появилась выгода, всюду они послевают».³ Посольства из Согда преподносили китайскому двору разного рода экзотические предметы вроде миниатюрных лошадок, дрессированных зверей, карликов, или загадочных «золотых персиков размером с гусиное яйцо» - «золотых персиков Самарканда».⁴ Согдийцы слыли в Китае людьми чувственными, артистичными. Именно от них китайцы научились искусству виноделия. В танских городах согдийские харчевни, где исполнялась среднеазиатская музыка, привлекали множество посетителей, и прислуживавшие там девушки из Согда или Персии, певицы и танцовщицы, имели большой успех у знатной китайской молодежи. Не один первоклассный китайский поэт эпохи Тан воспел их чарующую экзотическую красоту. Громкую славу снискали согдиец художник Кан Сато и выходец из Хотана, также представитель ираноязычных народов Юйчи Исэн, жившие в первой половине VII в. Оба писали в жанре «западной экзотики», изображая полуфантастические для китайцев среднеазиатские и персидские пейзажи, божества, растения, зверей. Юйчи Исэну принадлежит заслуга популяризации в Китае иранской техники полихромной живописи, позволявшей добиться такого эффекта объемности изображения, что, по

1. Камалов А.К. Древние уйгуры. VIII-IX вв. А., 2001. с.89-100; Pulleblank E. G. The Background of the rebellion of An Lu-shan. London, 1955. с.50-60; Levy H. S. Biography of An Lu-shan. Berkeley-Los -Angeles, 1981. с.21-40; Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. с.78-98, 121-122).

2. Камалов А.К. Знатный согдиец на службе у тюрков и Танской империи.- Центральная Азия: диалог цивилизаций в XXI веке - Материалы международной конференции, А., 2003. с.41-54; Ван Пу, Тан хуйяо (Важнейшие документы династии Тан). Пекин, 1955. (на кит.яз.) с.17-74

3. Шефер Э.Х. Золотые персики Самарканда. М., 1981. с.15-25.

4. Шефер Э.Х. Золотые персики Самарканда. М., 1981. с.3-5

восторженному отзыву очевидца, фигуры на фресках Юйчи Исэна «словно сходили со стены».

Восторженный прием встретило в Китае искусство иранских народов, их мелодии, песни и музыкальные инструменты. Большой популярностью пользовался самаркандский танец, который китайцы танской эпохи называли "хусюань": нарядно одетая танцовщица, держа в руках платок, стремительно кружилась на мяче. Из ташкентского (Чач или Шаш) оазиса пришли танцы «хутэнью», в котором танцоры выделяли замысловатые коленца, и «чжэчжи», исполнявшийся девочками-подростками. Из Согда в Китай проникло целое праздничное представление, называвшееся «сумочжэ» – «просить холода» и «разбрызгивать холод». Проходило оно следующим образом: полуобнаженные юноши в масках зверей и божеств разбивались на две группы, нередко изображавшие воюющие армии, и обливали друг друга холодной водой. Игра сопровождалась особой музыкой и особой песней. Этот музыкальный карнавал, устраивавшийся в конце года и, имевший, несомненно, магический смысл, был весьма популярен в танских столицах в VII в. Вкус к чужеземной экзотике, ко всему экстравагантному и нетрадиционному добавляет свои яркие краски в палитру общественной и культурной жизни Китая танской эпохи. В начале IX в. поэт Юань Чжэнь, оценивая нравы танских столиц за предыдущие столетия, писал: «Женщины становились хускими женами и перенимали хуские моды. Музыканты изучали хуские ноты и упражнялись в хуской музыке». Жадный интерес к иностранному давал пищу для его романтизации. При Тан, особенно с IX в., получили широкое хождение новеллы, повествующие о чудесных подарках и талисманах, преподнесенных китайскому двору посольствами из Персии и Средней Азии, о хранящихся там волшебных реликвиях, о всемогущих хуских магах.¹ Огромная роль, сыгранная согдийцами в истории Китая эпохи Тан, неоспорима. Однако и в торговом, и в культурном отношении они выступали главным образом посредниками между Китаем и Персией, как тогда называли Иран, на территории которого до середины VII в. существовала сильная держава Сасанидов. С середины V в. двор китайского государства Северного Вэй принял более десяти сасанидских посольств. Официальные миссии посылали в Персию и китайские правители. Упорно отстаивая свою монополию на торговлю шелком в ближневосточном регионе, Сасаниды установили с VI в. тесные и дружественные связи с Китаем. Помимо шелка, составлявшего около 90% торгового оборота, из Китая в Персию вывозили меха, корицу, ремень. Торговцы из «страны Босы», как называли китайцы Персию, были знакомы им не хуже согдийцев. Именно к сфере иранской цивилизации, в которую входил и Согд, относилась наибольшая часть воспринятых в танском Китае «западных» новшеств. Как уже говорилось, из Персии в Китай проникли религиозные учения - зороастризм, несторианское христианство и манихейство, о котором будет сказано ниже. Позднее - ислам, полюбившаяся китайцам игра в поло, некоторые элементы костюма и кухни. Отсюда же пришло понятие семидневной недели, встречающейся на китайских календарях X в. из Дуньхуана. Иранское влияние особенно заметно в области декоративно-прикладного искусства. Танские ткачи украшали ткани так называемым сасанидским узором из повторяющихся фигур и композиций, часто заключенных в кружки и розетки. Большой популярностью пользовались персидские орнаменты в виде стилизованных цветов и листьев. Танские аристократы охотно носили персидские кольчуги, пользовались кувчинами в персидском стиле, покрывали

1. Ishida M. The Hu-chi, Mainly Iranian Girls.- Found in China during the Tang Period.- Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. 1961, № 20. с.11-16

стены своих гробниц религиозной символикой Ирана. Танские дамы подводили брови черной краской, стараясь походить на персидских красавиц. Высоко ценились в Китае расшитые золотыми и серебряными нитями тонкие шелковые ткани из Персии. О значительном размахе торговли между Персией Сасанидов и Китаем эпохи Тан свидетельствуют найденные на северо-западе Китая, в Чаньане и других местах клады серебряных сасанидских монет VI-VII вв. После завоевания Персии арабами и падения династии Сасанидов, последний ее представитель бежал в Чаньань, где его приняли с почетом.

Хотя сухопутная дорога через Кашгарию - одно из ответвлений Великого Шелкового пути действовала и в поздне-танское время, ведущую роль в развитии трансконтинентальных связей стала играть южная, морская трасса, протянувшаяся от южнокитайского порта Гуанчжоу до Персидского залива. Появляются на юге Китая крупные колонии персов, большинство из которых к IX-X вв. после арабского завоевания и исламизации Ирана становятся мусульманами. Например, в городах Гуанчжоу, Цюаньчжоу, Ханчжоу, Хунчжоу и Янчжоу выросли многолюдные «иностранные кварталы». Немало персов прочно оседало в Китае и смешивалось с местным населением и никакие запреты властей не могли этого остановить. Вместе с тем, правители Китая проявляли готовность пользоваться услугами чужеземцев в государственной администрации. Танский император Уцзун даже приказал составить сборник жизнеописаний 30 иноземцев, прославивших себя преданной службой правителям Китая разных династий, среди которых были весьма заметны представители иранских народов.

Ассортимент товаров, поступавших в Китай из Персии, мало изменился на протяжении веков. Значительную часть их составляли драгоценности и благовония. Персидские купцы, являвшиеся крупнейшими поставщиками камфоры, познакомили китайцев с некоторыми видами лекарственных растений. К другой категории товаров можно отнести продукты ткацкого производства - шерстяные ткани и ковры, асбестовую ткань, тонкие шелка, расшитые золотыми и шелковыми нитями. Серебряные монеты Сасанидов - драхмы служили тогда своего рода международной валютой Азии и в VI в. имели широкое хождение на северо-западе Китая в Ганьсу с согласия властей. Из Персии в Китай проникли такие культурные растения как жасмин, не позднее III в., и в VI в. - огурец.

После падения династии Тан центр морской международной торговли переместился в Цюаньчжоу, хотя и в упоминавшихся портах юга Китая по-прежнему процветали многолюдные колонии мусульман, имевших свои мечети, кладбища, базары. К этому времени большинство в них составляли арабы, но немало было и персов, которые благодаря своему экономическому влиянию приобрели немалый политический вес в Китае.

Большой успех в Китае при Тан имели проповедники манихейской религии, возникшей в III в. в Персии и названной так по имени ее пророка Мани. Манихейство представляло сочетание элементов зороастризма, иудаизма, христианства и буддизма. Спасаясь от репрессий правившей в Персии династии Сасанидов, многие манихеи бежали на восток в Китай. К концу VII в. относятся первые следы их миссионерской деятельности в Чаньани. Поскольку манихейство несло в себе значительный заряд социального протеста, танский двор никогда не проявлял к нему симпатий и даже подвергал гонениям, но после того как манихейство стало государственной религией Уйгурского каганата в Монголии, в это время имевшего определяющее влияние на политику китайских императоров, запреты на него были сняты и манихеи, сотнями

прибывающие в Китай, в течение 70 лет до падения в 840 г. Уйгурского каганата имели свободу проповеди своей веры. Манихейство лучше других пришлых религий смогло приспособиться к условиям «Срединной империи» (т.е. Китая.-Авт.). К заимствованиям из буддизма манихеи прибегали в таких размерах, что буддисты и даже императорские эдикты изображали их людьми, которые обманывали народ, прикрываясь именем Будды. Из даосизма - одной из традиционных китайских религий «сыновья Мани» переняли легенду о «превращении варваров», согласно которой основоположник даосизма Лаоцзы, уйдя на запад, положил начало манихейской вере. Часть манихейской литературы также вошла в даосский канон. Иранский дуализм неотразимо напоминал китайцам их космологическую теорию светлого (ян) и темного (инь) начал, так что в Китае манихеев даже официально звали «людьми инь-ян» - «инь-ян жэнь». Но все же манихейство не могло скрыть свое иностранное происхождение. Ученые китайцы с недоумением и враждебностью писали об аскетизме манихеев, их отвержении культа предков. В 843 г. после падения Уйгурского каганата китайский император Уцзун приказал разрушить манихейские храмы в Китае и конфисковать их имущество. Манихейские книги подлежали сожжению, а его последователям предписывалось носить китайскую одежду. В Чаньане было казнено 72 манихея. Однако, манихейство, смешавшись с китайскими верованиями, вошло в идеологию и обрядность некоторых народных сект и в таком качестве получило распространение на юго-востоке Китая в эпоху Сун. В X-XII вв. китайским властям не раз приходилось подтверждать запреты на манихейскую веру.¹

Вместе с тем, несмотря на все культурное влияние иранской цивилизации в Китае в эпоху Тан, пик ее расцвета в этой стране еще предстоял и связан был с эпохой монгольских завоеваний XIII в.

Интересна роль иранских народов в Китае в эпоху Юань – во время правления монгольских завоевателей (XIII-XIV вв.). В это время представители иранских народов – таджики и персы, исповедующие ислам, и асы – православные христиане, выходцы с Кавказа, возможно предки современных осетин, пришедшие в Китай с монголами, стали важным элементом в системе их владычества в этой стране в течение почти двух столетий – в экономической, политической, военной и культурной сферах. Достаточно сказать, что язык Ирана – фарси стал в Китае под властью монголов одним из государственных языков наряду с монгольским и китайским. Большинство мусульман, живших в Китае при Юань, пользовались фарси, поскольку среди них преобладали представители иранских народов - таджики и персы. Следы культурного влияния фарси являются некоторые слова, заимствованные китайцами в эпоху Юань, например: баг, бах - сад, дашимань, данишманд - мусульманский священнослужитель, делемиши, дезрвиши, дезрмиши - дервиш, отшельник, намасы - намаз, мусульманский обряд, молитва. Хотя некоторые эти термины пришли в фарси из арабского, но в китайский язык они проникли через фарси в юаньское время. Таким словом, например, является хачжи (хаджи) - паломник. В «Юань-ши» («Истории династии Юань»), китайском источнике XIV в., в разделе «Тянь-вэнь» («Астрономия») приборы по астрономии носят персидские названия. В подтверждение высокого статуса языка фарси как официального, необходимо обратить внимание на так называемые пайцзы - особые

1. Шефер Э.Х. Золотые персяки Самарканда. М., 1981. с.40; 33. Chau Ju-kua His Work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries Entitled Chu-fan-chi. Tr. and ann. by F. Hirth. S-Peterburg, 1911. с.17, Ван Пу, Тан хуйяо (Важнейшие документы династии Тан). Пекин, 1955. (на кит.яз.) с.864; Смолин Г.Я. Антифеодальные восстания в Китае второй половины первой X- четверти XII в., М., 1974. с.397. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII-XIII). М., 1984. с. 43-47, Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. с.100-103).

знаки отличия, символы государственной власти, которыми обладали юаньские должностные лица. Текст на этих пайцзах, удостоверяющих полномочия его обладателя, написан на трех языках, в том числе и на фарси.¹

С юаньских времен до наших дней сохранился составленный мусульманами труд «Хуэй-хуэй яофан» («Мусульманские лекарства») в 36 цзюанях (главах) на фарси и китайском языках, которые предположительно составляли Ифтихар-ал-Дин и Дин Хонянь, известные деятели юаньской и минской культуры, скорее всего представители иранских народов. Среди знатоков фарси в юаньском Китае, кроме Ифтихар-ал-Дина, известен его сын Убайдуллах, главный юаньский министр в 1282 г. Маджи-ад-Дин (Машудин по-китайски). Ифтихар-ал-Дин перевел с фарси на монгольский язык индийский литературный памятник «Панчатантра».² При юаньском дворе звучали и пользовались успехом мелодии и песни на фарси. Знаменитый путешественник XIV в. из Марокко Ибн-Баттута, побывавший в юаньском Китае, свидетельствует по этому поводу: «Куртай - главный эмир Сина (Китая)... Мы гостили у него три дня и затем он отправил своего сына с нами на канал... Его сопровождали музыканты и певцы, которые пели китайские, арабские и персидские песни. Певцы исполнили одну персидскую песню и по приказу сына эмира несколько раз повторили ее так, чтобы я запомнил ее слова. У песни удивительный ритм».³ Персидский ученый Мухаммад Казвини обнаружил, что приведенные Ибн-Баттутой слова этой «газели» персидского поэта Саади Ширази, умершего в 1291 г. В свою очередь китайские источники этого времени сообщают: «Около столетия прошло с той поры (т.е. со времени создания Монгольской империи, одной из наследниц которой была империя Юань.-Авт.) и сейчас многие из них (мусульман - представителей в основном иранских народов.-Авт.), расселившись в разных уголках нашей страны (Китая), изучают оды, историю, трудятся над составлением посланий...» К началу XIV в. «ученые Хотана, Аравии и Самарканда... устремляются к столице (Китая) и держат экзамены перед уполномоченными на это чиновниками...»⁴ Из знатных мусульманских семей, служивших монголам в Китае, хорошо знакомых с китайской культурой, знатоков учения древнего китайского мудреца Конфуция - духовной основы китайской цивилизации, обращает на себя внимание семья выходца из «Бухоро-и-Шериф» - «благородной Бухары» Сейид-Аджала, он же Сайдяньчжи по-китайски, и его сыновей Шамсутдина (Шаньсыдина) и Хусейна. С их именами связано строительство новых конфуцианских храмов, водохранилища на случай засухи, собирание книг по истории, мероприятия по развитию сельского хозяйства. С именем Сейид-Аджала связано переселение части мусульман - персов, таджиков, арабов на юго-запад Китая, в Юньнань. Как сообщает по этому поводу «Юань-ши»: «Много мусульман было в Юньнани. Все знают, что они были потомками людей, которые пришли с Сайдяньчжи...»⁵ С конца XIII в., кроме Юньнани, крупные мусульманские общины таджиков и персов появились на северо-западе Китая в городах Ганьчжоу и Сучжоу, на равнине Хуанхэ. Во главе каждой мусульманской общины стоял религиозный лидер -

1. . Huang Shijian. The persian language in China during the Yuan Dynasty. Paper on Far Eastern History, 34, September, Canberra, 1986. p.89 92-93
2. .ВладимирцовБ.Я.Панчатантра.Петроград,1924. с.1
3. Ибрагимов Н. Ибн-Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988. с.37
4. Ch^en Yuan. Western and Central Asians in China under the Mongols. Published by Monumenta Serica at the University of California. Los Angeles, 1966. с.292
5. Ch^en Yuan. Western and Central Asians in China under the Mongols. Published by Monumenta Serica at the University of California, Los Angeles, 1966. p.193, 292; «Юань-ши»("История династии Юань"), цзюань125, с.1452(2704), (в серии Соинь-бонабэнь, 24 династийные истории), Шанхай- Пекин, 1958. цз.125, с.1452(2704)

шейх-уль-ислам, он же «хуэй-хуэй тайши» по-китайски. Вплоть до 1328 г. в Ханбалыке был кади - религиозный судья, что подтверждает наличие в столице мусульманской общины, чьи представители Убайдулла, Темудер и Давлатшах с 1309 по 1328 гг. последовательно были главами юаньского правительства. О выходцах из Бухары, живших тогда в Китае, свидетельствует персидский летописец монгольской эпохи Рашид-ад-Дин Фазлаллах: «Некий ученый, по прозвищу Риза, из Бухары, находился при нем (Тимур-каане, императоре династии Юань, внуке и преемнике Хубилай-хана.- Авт.) и претендовал на знание алхимии, белой и черной магии».¹ В последние годы правления династии Юань на поприще китайской учености известны мусульмане, обладатели ученой степени цзиньши, братья Худубудин, Мула-ад-Дин и Хайрудин.² Но выходцы из Средней Азии и Ирана не только приобщались к китайской цивилизации. Они сами оказывали влияние на ее развитие. Известны градостроители юаньской столицы Ханбалыка или Дайду на месте современного Пекина, предположительно персы Якдар (Ехэйдар по-китайски) и его сын Мухаммадшах (Махэмашао). Якдару было поручено Хубилай-ханом возглавить строителей и ремесленников из числа персов, таджиков, арабов, которым поручалось сооружение специальных шатров и строительство дворцов для монгольских владык Китая. В 1267 г. Якдар и его люди приступили к строительству новой столицы. Под его руководством была построена внешняя крепостная стена города, чтобы защитить императорский город, резиденцию великого хана и его дворцы. Когда строительство было завершено, стены императорского города отделили Хубилай-хана и его окружение от воинов и чиновников, и от горожан, чьи кварталы располагались за внешней стеной.³ Ранее, ремесленники-мусульмане, три тысячи выходцев из Самарканда основали в 30-х гг. XIII в. город Сымали в северном Китае и прославили его большими садами, выращенными по типу самаркандских. Китайские источники упоминают о существовании этого города в 1331 г. через столетие после его основания.⁴

Среди мусульман - представителей иранских народов, достигших высот на поприще китайской учености, уже упоминавшийся Дин Хонянь - ученый-конфуцианец, проявлявший интерес к медицине, дыхательным упражнениям и рецептам даосов, олицетворявших одну из традиционных китайских религий и обещавших людям «эликсир бессмертия»; Као Кэгун и Садулла - писатели и художники, творившие на китайском языке; уроженец Алмалыка в Илийской долине, историк Омар, художник и каллиграф, красиво писавший китайские иероглифы, что в Китае почиталось за искусство; поэты Бегликшах (Белушао по-китайски), Али Яоцин и его сын Ли Сиын.⁵ Очень интересна здесь личность Дин Хоняня, чей прадед Аладин и дед Хуснутдин являлись выходцами из Средней Азии. Отец Дин Хоняня Джамалудин был чиновником на монгольской службе в Китае в городе Учане. Дин Хонянь, он же Юн Гэн и Хэ Шань, прославился и как поэт, он является автором стихов «Хай гоцзи» - «Дом у моря» и «Фан вайцзи» - «О странах вне Китая», воспевающих красоту земли, жизнь и судьбы людей. Он много путешествовал по Китаю, классическое конфуцианское образование получил благодаря помощи двоюродного брата Зияутдина, начальника

1. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952, т. 2. с. 195

2. «Юань-ши» ("История династии Юань"), цзюань 125, с. 1452 (2704), (в серии Соинь-бонабэнь, 24 династийные истории), Шанхай-Пекин, 1958. цз. 196.

3. Ту Цзи. "Мэнзур-шицзи" ("Исторические записки о монголах"), цзюань 155, с. 7а, (б.м.), 1934. цз. 155

4. Pelliot P. Une ville musulmane dans la Chine du Nord sous les Mongols. Journal Asiatique, Paris, 1927, № 211. с. 279-369

5. Ogel B. Sino-Turcica Cingiz han ve cindeki hanedaninin turk musavirleri. Taipei, 1964 с. 168-171, 192-194, 336-353

уезда Динхай провинции Чжэцзян. Китайские источники писали о Дин Хоняне, что «он был очень талантлив и высокообразован». Дин Хонянь сохранил свое положение и после падения монгольской династии Юань, когда воцарилась китайская династия Мин.¹ Не менее интересен Као Кэгун, дед которого мусульманский купец из Средней Азии в первой половине XIII в. приехал в Китай в Шэньси и женился на китайке. Отец Као Кэгун по имени Као Цзяфу находился в ближайшем окружении внука Чингиз-хана, первого императора династии Юань Хубилай-хана, всемогущий первый министр которого мусульманин Ахмед, уроженец Средней Азии из местности к юго-востоку от современного Ташкента, в знак уважения к Као Цзяфу отдал ему в жены свою дочь. Из пяти детей от этого брака старшим сыном и был Као Кэгун, он же Янь Цзин и Фан Шань. Когда ему исполнилось 27 лет, он успешно сдал экзамены и получил ученую степень цзиньши, а затем стал чиновником при отделе указов Либушаншу - Министерства по делам ритуалов и церемоний. Частые служебные поездки по стране помогли ему установить тесные связи с известными учеными, писателями и художниками, что сыграло немалую роль в его творчестве. Наиболее известно его поэтическое произведение «Фан шаньцзи» - «Дом в горах», а в «Избранные стихи династии Юань» включено более 20 стихов поэта.² Садулла, он же Тянь Си и Чжи Гай, был из военной семьи. Его отец Ялауч (Алчуци по-китайски) поселился в Китае в Ямыне (ныне уезд Дай в Шэньси) при Хубилай-хане. Садулла родился в 1308 г. Китайские источники говорят, что «талант его стихов беспределен, а почерк письма весьма искусен». В 1327 г. он сдал экзамены на ученую степень цзиньши и получил должность при юаньском дворе, а впоследствии стал известным придворным поэтом и художником.³

Однако наиболее весомый вклад мусульмане - таджики и персы внесли в развитие астрономии, медицины, географии, военных технологий, кораблестроения и мореплавания. Китайские источники свидетельствуют об использовании мусульманского календаря в Китае в это время, поскольку в «календаре Сиюй (т.е. в странах к западу от Китая.-Авт.) пять планет описаны тщательнее, чем в Китае, и поэтому был составлен календарь Мадаба. Мадаба - название мусульманского календаря». Основываясь на этом мусульманском календаре, в «котором периоды солнечных затмений и пути движения звезд отличались от китайских», Елюй Чуцай, видный ученый и государственный деятель Монгольской империи времени Чингиз-хана и его первых наследников, исправил ошибки, накопившиеся в китайских календарях «Дамин-ли» и «Ивэй-юань-ли».⁴ Известно также, что исправлением китайского календаря уже позднее, при дворе Хубилай-хана занимался персидский астроном Джамаль-ад-Дин. Его расчеты и таблицы использовались в системе исчисления времени в Китае с XIV в. Он предложил новый, более точный календарь, известный под китайским названием как «Ваньянь-ли» - «Календарь десяти тысячелетнего исчисления». Джамаль-ад-Дин прибыл в Китай в 1267 г. из монгольского государства ильханов Хулагуидов в Иране и на Ближнем Востоке по приглашению Хубилай-хана. По прибытии он преподнес в качестве даров юаньскому двору солнечные часы, макеты земного и небесного глобусов. Джамаль-ад-Дин составил трактат об астрономических

1. «Мин-ши» («История династии Мин»), (в серии Соинь -бонабэнь, 24 династийные истории), Шанхай-Пекин, 1958 цз.85

2. Шефер Э.Х. Золотые персики Самарканда. М., 1981. с.246

3. Се Цикуан. Ху Циван. Чжунго шаошу миньцзу лиши жэнь-у чжи (Сведения об исторических лицах из национальных меньшинств Китая). Пекин. 1985. с. 40-42

4. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952, т.2. с.88

приборах стран, лежащих к западу от Китая, «Сиюй-исян», о семи их разновидностях.¹ В уже упомянутом выше разделе «Тянь-вэнь» в «Юань-ши» указываются особенности и методика использования этих приборов.² Через четыре года, в 1271 г. Хубилай-хан учредил Институт мусульманской астрономии, где китайский астроном Го Шуцзин (1231-1316 гг. жизни) использовал расчеты, диаграммы и другие достижения среднеазиатских, персидских и арабских ученых, чтобы изобрести свои астрономические инструменты и создать свой календарь «Шоуши-ли» - «Календарь времен года или сельскохозяйственных сезонов». Около восточной крепостной стены юаньской столицы персидскими астрономами была построена обсерватория. В юаньском Китае, кроме Джамаль-ад-дина, было немало мусульманских астрономов, в основном персов, свидетельством деятельности которых является «Хуэй-хуэй синли» - «Мусульманский календарь», ставший достижением юаньской культуры. В 1260-1264 гг. монгольское правительство Китая учредило «Сиюй-синли» - «Ведомство по календарям стран Западного края». Сведения персов и арабов, по-видимому, были использованы китайцами и монголами при составлении в период Юань новых карт мира, на которых весьма точно изображались Азия и Европа. К известным юаньским ученым-географам относился таджик Шамсы, автор книги «Сиюй-туцзинь» по географии стран, лежащих к западу от Китая. Он также был одним из составителей энциклопедии юаньской эпохи «Цзинь-ши да-дянь». Его работы на китайском языке посвящены географии Средней Азии, Ирана и арабских стран.

Персидско-таджикское влияние сказалось и на цветовой гамме и орнаменте китайских фарфоровых изделий периода Юань. Свою лепту внесли мусульмане в развитие юаньской астрологии. Об этом сообщает Марко Поло: «Есть в Камбалу (Ханбалыке) между христианами, сарацинами (мусульманами) и китайцами около 500 астрологов и гадателей. Ежегодно упомянутые христиане, сарацины и китайские астрологи, каждые отдельно, рассматривают по этой астрологии ход и характер каждого года, сообразно положению каждой луны».³ В юаньское время в Китае получили распространение лекарственные препараты из Средней Азии, Ирана, арабских стран, часть из них с тех пор широко использовались в китайской медицине и уже упоминались. В летней столице императоров Юань - городе Кайпине или Шанду в северном Китае, были созданы медицинские учреждения, подчиненные ведомству «Куан-хуэй-сы» - «Императорские мусульманские госпитали» и первоначально укомплектованные только мусульманскими врачами и медиками. Хубилай-хан учредил «Тай-и юань» - «Императорскую академию медицины». Монгольские великие ханы относились с большим уважением к медицине как к достойной профессии. И для этого у них были основания. По свидетельству современника монгольской эпохи Ан-Насави: «Самаркандский глазной врач (каххал) когда-то вылечил глаза неверного (Чингиз-хана.-Авт.) от офтальмии...»⁴ Хубилай-хан, страдавший подагрой и другими болезнями, был особенно гостеприимен к врачам и находился под впечатлением лечений и лекарств, предоставляемых персидскими и среднеазиатскими врачами из его окружения. С 1268 г. при юаньском дворе было известно привозимое из Самарканда

1. Юань-чао-ши (История Юаньской династии) в 2-х томах, Нанкин, 1968, т.2. (на китайском языке). с.400-446

2. «Юань-ши» ("История династии Юань"), цзюань

125, с.1452(2704), (в серии Соинь-бонабэнь, 24 династийные истории), Шанхай-Пекин, 1958. цз.48, с.528

3. Книга Марко Поло. М., 1955. с.124-125; Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. , с.45

4. Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны, Баку, 1973. с.86

лекарство по персидским названием «шарбат» (по-китайски «шелипи»), которое использовалось для обезболивания и как слабительное. В 1292 г. в обеих юаньских столицах - Ханбальке (Дайду) и Кайпине (Шанду) были учреждены мусульманские медицинские заведения.¹

Персы в немалой степени способствовали обеспечению боеспособности монгольских войск. Они были изобретателями и создателями новейших для того времени образцов военной техники, прежде всего осадных орудий доогнестрельной артиллерии, использование которых монголами во многом предопределило их победу над китайской империей Сун. В течение трех лет, с 1267 г. воины Хубилай-хана безуспешно осаждали и штурмовали крепости Сяньян и Фаньчэн, ключевые пункты китайской обороны. Поэтому, в 1271-1272 гг. по просьбе Хубилай-хана, его союзник и родственник Чингизид, монгольский правитель Ирана ильхан Абага прислал к юаньскому двору специалистов, мастеров артиллеристов (пао-цзян), умевших изготавливать сверхмощные осадные орудия, персов Исмаила и Ала-ад-Дина. Они сконструировали большое орудие (да-пао) и испытали его перед императорским дворцом в присутствии Хубилай-хана.² В 1272 г. это орудие было доставлено к крепостным стенам Сяньяна, где Исмаил применил его мощь против осажденных. «Страшное смятение наступило в городе, многие прыгали со стен и сдавались в плен. Город пал», - сказано в «Юань-ши» в тексте биографии Исмаила, где приводится устройство этого осадного орудия.³ Это оружие оправдало себя не только в крепостной войне, но и в условиях борьбы за переправы при форсировании рек. Использовалось оно при разгроме китайского военного флота при Яйшань в 1279 г. и в двух военно-морских и десантных операциях монголов на Японские острова, а также при вторжении в страны Юго-Восточной Азии. В империи Юань в 1283 г. было создано специальное «Хуэй-хуэй пао-шоу цзинь-цзян вань-ху» - «Управление тумена артиллеристов и мастеров по изготовлению мусульманских камнеметов», во главе которого за всю историю этого ведомства стояли мусульмане Абу Бакр, Ибрагим, Хасан, Якуб.⁴

В военной сфере империи Юань - монгольского государства в Китае заметную роль сыграли и другие иранцы - асы, православные и выходцы с Кавказа. Все асы, служившие монголам в Китае, были в первую очередь военными деятелями, а также дипломатами и государственными чиновниками. В «Юань-ши» приводятся биографии высокопоставленных асов в окружении монгольских правителей Китая, большинство их являлись военачальниками императорской юаньской гвардии. Среди них Атачи с сыном Байдаром и внуками Оросом и Фудином, Георгий (Коуэрци по-китайски) с сыном Дмитрием (Дэמידром) и внуком Сяншанем, Беккебай (Бецзеба) с сыном Шари (Чэли) и внуком Соломоном (Шилемынем), Юруктама с сыном Шилабадуром и внуком Ногайчином, братья Батыр (Бадур), Анзорбука (Уцзоэрбухань), Матарша, сын Батыра Бецзелянь, Яньбадур с сыновьями Есударом и Юваши, внуком Икиратаем (Ицилитай) и правнуком Байчу, Николай (Нигэла) и Илья (Елия), Арслан с сыновьями Асаньчэнем и Николаем, внуком Хурдударом и правнуком Худутимуром. Даже исходя из приведенных имен асов, можно увидеть среди них христианские - Георгий, Соломон, Николай, Дмитрий, Илья, иранские - Хурдудар, Матарша, Анзорбука,

1. Юань-чао-ши (История Юаньской династии) в 2-х томах. Нанкин, 1968, т.2. (на китайском языке) с.446; Rossabi M. Khubilai Khan. His life and times. University of California press. Berkeley-Los-Angeles-London, 1988, p.125

2. Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия. М., 1980, с.210-212, 215, 222-224

3. «Юань-ши» ("История династии Юань"), цзюань 125, с.1452(2704), (в серии Соинь-бонабэнь, 24 династийные истории), Шанхай-Пекин, 1958, цз.203

4. Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия. М., 1980, с.215

Юваши, китайские - Сяншань, тюрко-монгольские - Батыр, Есудар, Байчу, Яньбадур, Ногайчин, что свидетельствует о тесных связях асов в Китае с другими народами и цивилизациями. Китайские источники сообщают, что на монгольской службе в Китае, в основном в императорской гвардии, находилось 10 тысяч асов. В 1286 г. была официально учреждена гвардия асов. Первые части гвардии были сформированы еще в 1272 г. и первоначально насчитывали три тысячи воинов. Кроме того, еще 700 асам была поручена охрана Хубилай-хана во время поездок, караульная служба в императорском запретном городе и дворцах. Асы сражались при Хубилай-хане против империи Сун в Китае и в междоусобных войнах Чингизидов. В 1335 г. гвардия асов сыграла главную роль в упрочении власти Тогонтимура, последнего императора династии Юань, когда разгромила противоборствующие с ним части юаньской гвардии, сформированные из тюрков-кыпчаков.¹ О роли асов при юаньском дворе свидетельствуют события, связанные с посольством, направленным в 1336 г. Тогонтимуром в Западную Европу, в Авиньон. Главным официальным лицом посольства был ас Тохай. Юаньское посольство передало римскому папе Бенедикту XII два письма: от Тогонтимура и знатных асов-христиан, служивших монголам в Китае. Асы стремились к установлению контактов с главою западного христианского мира, просили прислать к ним духовного наставника и советовали папе установить более тесные связи с Юаньской империей. Первым из подписавших письмо асов римскому папе стоит имя самого знатного аса при юаньском дворе - Фодима, главы военного ведомства империи. Тогонтимур в своем письме просил папу прислать свое благословение и упоминать его в своих молитвах, при этом сообщает, что поручил передать эту просьбу асам - «своим слугам и сыновьям Христа».²

Без учета роли и влияния иранских народов Средней Азии и Персидского залива будет неполным освещение культурных и торговых, на суше и на море, контактов монголов и китайцев с другими народами, поскольку посредниками на сухопутных трассах Великого Шелкового пути между цивилизациями Ближнего и Дальнего Востока были в XII-XIV вв. таджики, а на море персы и арабы. После распада единой империи монголов в 1260 г. и начала войн между Юаньской державой и Улусом Чагатаидов - государством монголов в Средней Азии, Великий Шелковый путь приходит в упадок и торговля смещается на морские пути, на перекрестках которых в городах южного Китая процветали колонии мусульман, в основном арабов и персов, в чьих руках с XII в. находилась заграничная торговля Китая, когда они на судах китайской конструкции, построенных в Китае, совершали дальние путешествия вплоть до Персидского залива, Красного моря и, возможно, до берегов восточной Африки. Следует отметить, когда арабские и персидские источники того времени говорят о «китайских купцах», «купцах из Китая» или «китайских кораблях», «судах из Китая», часто имели в виду не самих китайцев, а мусульман - персов и арабов, проживающих в Китае и бывших активными участниками международной торговли. Монголы во многом обязаны мусульманам своей победой над китайской империей Сун. Особенно заметную роль в этом сыграл переход на их сторону начальника китайской таможни в Цюаньчжоу, владельца сотен кораблей Пу Шоугэна, который был персом или арабом по происхождению. Из-за произвола, чинимого членами императорской семьи

1. «Юань-ши» ("История династии Юань"), цзюань 125, с. 1452(2704). (в серии Соинь-бонабэнь, 24 династийные истории), Шанхай-Пекин, 1958. (31, цз.132., с.27475(1523), (1526)27478, (1524)27476-27477(1525), цз.99, с.27188(1236), цз.135, с.275(1557),(1560)27512-27513(1561), цз.123, с.(1442)27394, цз.138, с.1586(27538)-27539(1587); Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII-XIV вв. А.-А., 1990. с.84-88

2. Rachewiltz Igor de. Papal envoys to the Great Khans. Stanfords, 1971. с.88-89

династии Сун в отношении иностранных купцов, проживающих в Цюаньчжоу, а также в связи с тем, что армия Сун решила реквизировать корабли и имущество самого Пу Шоугэна, он перешел на сторону монголов со своими кораблями и обеспечил победу последних над китайцами на море, способствуя падению империи Сун. Вплоть до 80-х гг. XIII в., теперь уже при монгольском владычестве, как и раньше в 40-х гг. при Сун, Пу Шоугэн ведал заморской торговлей империи Юань со странами бассейнов Тихого и Индийского океанов. Занимался он и кораблестроением, когда при подготовке монгольского вторжения в Японию, на верфях в Цюаньчжоу было построено 50 крупных боевых кораблей. Его зять Фолян (Бахрейн?), тоже перс или араб, судя по имени, был одним из богатейших купцов в Китае и владел 80 мореходными судами.¹

Говоря о культурном влиянии мусульманских иранских народов – таджиков и персов в Китае того времени, следует отметить, что свидетельством этого является исламизация северо-запада Китая, вследствие деятельности правящего там монгола Ананда – потомка Чингиз-хана, принявшего мусульманство, «который учил Коран и хорошо пишет по-тазикски»² (т.е. по-таджикски или среднеазиатском варианте фарси.-Авт.), обратившего с 1279 по 1307 гг. в ислам 150 тысяч подчиненных ему монгольских воинов и многие другие, обитавшие здесь народы – тангутов, китайцев, тюрков, при содействии обитавших здесь мусульманских общин, преимущественно иранских народов, и, как итог, формирование здесь нового мусульманского этноса – хуэй, говорящих по-китайски, но считающими себя и поныне отличным от китайцев народом, что признается официально современным китайским государством, предоставившем им национально-территориальную автономию в рамках КНР – Нинся-Хуэйский автономный район, известных в Центральной Азии как дунгане, в этногенезе которых есть иранская струя и первостепенная роль монгольского государства.³

Таким образом, мусульмане – представители иранских народов, выходцы из Средней Азии и Ирана и их потомки – следовали заветам пророка Мухаммада, который, как утверждают, говорил: «За знаниями не ленитесь даже идти в Китай, так как овладение знаниями обязательно для мусульман». «Будьте учеными, или же учащимися, или же слушателями, любящими ученость. Если не будете принадлежать к перечисленным, то погибнете». В этой связи язык фарси был важным передатчиком знаний и культурных ценностей, при посредничестве которого осуществлялись контакты, взаимопроникновение и взаимообогащение китайской, иранской и монгольской цивилизаций. Вместе с тем, иранская цивилизация в Китае в это время представлена не только мусульманскими народами Средней Азии и Ирана, но и асами – православными христианами, выходцами с Кавказа, оставившими свой след в истории и культуре Китая. Никогда еще, ни ранее, даже в эпоху Тан, ни в последующие времена истории Китая, иранские народы и их языки не играли такой заметной роли в государственной, экономической, научной и культурной жизни этой страны, как это было в эпоху Юань при власти монголов, что способствовало возникновению такого феномена, как симбиозная юаньская культура, неотъемлемой частью которой является иранский компонент.

К XIV в. в основном завершилась исламизация региона, известного ныне как Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики или Восточный Туркестан, что происходило под влиянием мусульманской иранской традиции, поскольку на востоке исламского мира, где располагался этот регион,

1. Вельгус В.А. Средневековый Китай. М., 1987 с.30-31

2. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952, т.2. с.206-209

3. Кычанов Е.И. Новые материалы об этногенезе дунган. Советская Этнография. М., 1978, №2. с.25

фарси был не только основным культурным, но и религиозным языком, преобладая над арабским. Здесь велика роль суфийского ордена накшбандие, основы которого были заложены крупнейшим представителем среднеазиатского суфизма XIV в. таджиком Баха ад-Дином Мухаммадом б. Бурхан-ад-Дином Мухаммадом ал-Бухари, уроженцем Бухары и оформились уже при его преемниках.¹ Среди представителей накшбандие известные персонажи среднеазиатской и иранской истории и культуры - выдающиеся поэты Джами, творивший на фарси, Алишер Навои, произведения которого на чагатайском (среднеазиатском тюрки) и фарси, ходжа Убайдуллах Ахрар, способствовавший свержению с трона империи Тимуридов Улугбека и 40 лет правивший в Средней Азии. Начиная с XV в. накшбандие постепенно превратилось в самое распространенное после ал-кадирийя суфийское духовное братство в исламском мире, функционировавшее на огромной территории от Каира и Балкан до Ганьсу на северо-западе Китая и острова Суматры в Юго-Восточной Азии и от Поволжья и Северного Кавказа до юга Индии и Аравийского полуострова.² Ходжи, главы накшбандие - ходжаган, в основном таджики из Бухары, к XVII в. распространили свою деятельность на Восточный Туркестан. Это религиозное движение тяготело к экстремизму и вело борьбу за власть сначала со светскими властями мусульманского государства Моголов в этом регионе, а затем, после победы над ними, между собой, расколовшись на две клики - «ак-таглык» и «кара-таглык» - «белогорцев» и «черногорцев». Они истощили свои силы в междоусобной борьбе и не смогли придти к единству даже перед лицом общего врага, когда в XVII в. они стали вассалами Джунгарского ханства - государства западных монголов - ойратов, а в середине XVIII в. Восточный Туркестан был завоеван маньчжурскими богдыханами - повелителями Китая.³ И впоследствии во всех мусульманских восстаниях народов Восточного Туркестана против власти маньчжуро-китайской империи Цин неизменно заметную часть повстанцев составляли таджики - выходцы из Бухары и Ферганской долины, во главе которых до начала XIX в. стояли потомки ходжей, а затем и другие представители иранских народов. Достаточно сказать, что известным правителем мусульманского государства Йетишаар (Семиградье) с центром в Кашгаре на территории Восточного Туркестана, павшим под натиском империи Цин во второй половине XIX в., был Якуб-бек, таджик из Коканда. В 40-х гг. XX в. на юго-западе Синыцзяна, в местах расселения ираноязычных народов, вспыхнуло Сарыкольское восстание как часть повстанческого движения, охватившего в это время регион и поддержанного СССР извне, хотя оно и не имело массовой поддержки местного населения, что обусловило его подавление без серьезных усилий со стороны китайских властей.

Что касается культурного влияния иранской цивилизации в Восточном Туркестане в XIV-XIX вв., помимо распространения ислама, то это отразилось, в частности, на языках тюркских народов Восточного Туркестана. Например, большая часть слов, заимствованных из других языков, в современном уйгурском языке, чьи носители самый многочисленный из не китайских народов СУАР, состоит из персидских заимствований. Заметно много слов, заимствованных из фарси и в языках других тюркских народов региона - казахском, кыргызском, татарском и особенно в узбекском, где они преобладают над арабизмами, не говоря уже о заимствованиях из китайского.

В XV-XVII вв. при преобладании среди населения Кашгара и Яркенда памятников на чагатайском письменном языке параллельно бытовали и довольно многочисленные

1. Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. с.50.

2. Там же. с. 186-188

3. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. с.106-113

сочинения на среднеазиатском фарси. Так, во второй половине XV – начале XVI в. на фарси писал свои многочисленные трактаты известный суфий, глава ходжей Кашгара Махдум-и Азам. На фарси была изложена история местных суфиев-увайси и легенда о мазаре Сатуха-Богра-хана его продолжателем, ходжой Мухаммедом Шарифом. Широко известная историческая хроника «Тарих-и-Рашиди» Мирзы Хайдара Дулати (Дуглата) в первой половине XVI в., созданная на основе устных преданий моголов и повествующая о могольских ханах Восточного Туркестана, первых ханах Узбекского улуса и Казахского ханства, о правителях и исламизации Кашмира, была, тем не менее, написана на среднеазиатском фарси, а потом уже переведена на тюркские языки. Наконец, созданная тюрком Шах-Махмудом во второй половине XVII в. историческая хроника местной могольской восточнотуркестанской династии тоже была написана им на упрощенном, почти разговорном таджикском. По замечанию историка первой половины XVII в. Махмуда ибн Вали, «кашгарцы говорят и по-тюркски и по-таджикски. На обоих языках говорят без ошибок».¹ Традиция тюрко-иранского двуязычия в Восточном Туркестане поддерживалась в XIX-XX вв. Шведский тюрколог Г. Ярринг, побывавший в Хотане в середине XX в., свидетельствовал, что в местных уйгурских школах продолжали учить читать сразу и на фарси, и на чагатайском языке. Студенты, продолжавшие учебу в медресе, по программе читали с наставником, так называемые «Семь книг», включающие избранные богословские тексты на тюркском, персидском и арабском языках, так что традиция тюрко-иранского двуязычия, хотя бы в образованных мусульманских кругах Восточного Туркестана, отчасти поддерживалась.²

Издrevле, одни представители ираноязычных народов составляли постоянный компонент населения в этом регионе северо-западного Китая, другие (большей частью купцы) проживали здесь более или менее долгое время, но фактически на протяжении XVIII-XX вв. являлись постоянной и важной прослойкой городского населения. В городах южной окраины региона давно возникли торговые колонии бадахшанцев, шугнанцев, патанов (пуштунов) и других «афганцев», говорящих на восточноиранских языках, а также выходцев из Бухары, среди которых преобладал фарси. Известно, что российский военный разведчик и первый казахский ученый Чокан Валиханов тайно проник в Кашгар в 1858 г. под видом бухарского купца.

Что касается коренных ираноязычных народов СУАР КНР, сарыкольцы – единственная памирская народность, живущая только на территории Китая. Они расселены по долинам реки Сарыкол (Ташкуртан) и его притоков, отделены от остального мира Сарыкольским, Кашгарским, Ташкуртанским хребтами. Сведения о них наука впервые получила в последней четверти XIX в. Сарыкольцы оседлы, их основные занятия – высокогорное земледелие и разведение скота – лошадей, коров, овец, яков, верблюдов, коз. Они исмаилиты, не строят мечетей, но почитают мазары. Предположительно их численность от 10 до 20 тысяч человек. Таджики также проживают в Сарыколе, их число в КНР где-то более 1 тысячи человек. В СУАР живет от 2 до 5 тысяч ваханцев на стыке границ КНР, Таджикистана и Афганистана. Они тоже исмаилиты. Они горные скотоводы, «овцеводы», но занимаются и земледелием. Небольшой ираноязычный народ пахпу был обнаружен в 70-х гг. XIX в. в горах юго-западной Кашгарии. Они близки по укладу хозяйства сарыкольцам и ваханцам. В начале XX в. их было 8 тысяч, но сейчас точные данные отсутствуют. Эйну (абдали)

1. Чвырь Л.А. Обряды и верования уйгуров в XIX-XX вв. очерки народного ислама в Туркестане. М., 2006. с.242-243

2. Там же. с.247-248

населяют южные склоны Тянь-Шаня и уезды Хотан, Яркенд, Лоп, Каракаш, Янгишар, Янгигисар. Уйгуры зовут их абдали. Данные об их общей численности отсутствуют. Известно, что их больше 1 тысячи человек. По мнению самих эйну их предки переселились когда-то из Ирана. Существует традиция, возводящая их к выходцам из иранского города Куфа, которые с войском, возглавляемым имамом Мехмедом Газали, внуком праведного халифа Али, столь почитаемого приверженцами шиитской ветви ислама, пришли в Восточный Туркестан. Эйну занимаются пашенным земледелием, садоводством, скотоводством и ремеслами. Славятся ковроткачеством. Считают себя потомками персидских шиитов, некогда принесшими ислам в этот регион.

По официальным данным властей КНР собирательным названием ираноязычных народов является этноним «таджики», хотя фактически под этим названием скрываются упомянутые выше ираноязычные народы, в основном памирцы. Общее число этих так называемых «таджиков» по переписи 1990 г. в КНР насчитывает более 33 с половиной тысяч человек. По последним сведениям их число в пределах 45-50 тысяч. В рамках КНР им предоставлена национальная автономия уездного уровня – Ташкурганский таджикский автономный уезд.¹

Таким образом, трудно переоценить значение иранских народов в истории и культуре Китая, прежде всего в танскую и особенно в юаньскую эпохи, тем более и сегодня страны иранского мира - Афганистан и Таджикистан - ближайшие соседи КНР с общей границей, а представители ираноязычных народов и даже целые народы, например, сарыкольцы, являются гражданами современного Китая.

1. Решетов А.М. Народность эйну в Китае: проблемы истории и языковой ситуации. Семнадцатая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы докладов. Ч. II, М., 1986. с.56-59

ТАДЖИКИ В АНТИЧНЫХ И КИТАЙСКИХ
ИСТОЧНИКАХ

О таджиках, их этническом названии, зоне расселения, стране государстве, обычаях и нравах написано достаточно много. Хотелось бы остановиться на античных и китайских источниках, которые по неизвестным причинам остались вне поля зрения исследователей XXв.

Важным источником является сочинение «отца истории» Геродота. Он в двух случаях упоминает о народе по имени «дадик». Ниже цитируем его: а) «саттагиды высказывание: а. саттагиды же вместе с гандариями, дадиками и апаритами платили 170 талантов. Это – седьмой округ»¹ б). «парфяне, хорасмии, согдийцы, гандарии и дадики шли в поход в таком же вооружении, как и бактрийцы. Начальниками их были: у парфян и хорасмиев – Артабаз, сын Франка; у согдийцев – Азан, сын Артея; у гандариев и дадиков – Артифий, сын Артабана»²

Кем же они были эти дадики? Какое отношение они могут иметь к таджикам? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к труду К. Риттера «Землевладение Азии», который был издан в Париже в 1866 году на французском языке, а в 1874 году переведена на русский язык Н. В. Ханьковым. В комментариях и дополнениях к изданию Н. В. Ханькова «Примечание к объяснению 2-ум главам 11-ого Риттерова подлинника: Жители восточного рубежа Ирана: аборигены и переселенцы – таджики» говорится: «Действительно в III книге §91 «Истории» Геродота мы читаем, что Саттагиды, Гандарийцы, Дадики и Апариты -все вместе платили 170 талантов подати в год, внося ее в Сузы, и составляли 7-ую сатрапию. А так как Суза, о которой идет речь, очевидно, не Сузиана западная, т. е. теперешний Шуштер, а Суза Арийская, где, по Арриану, Александр Македонский, в походе из Гилина и Мазандерана в Бактрию, назначал Сатиборзана сатрапом арийцев, то весьма вероятно, что Дадики галикарнасского историка, хорассанские таджики, тем более, что в кн. VII, § 66, Геродот сравнивает их, по вооружению, с бактрийцами. Хаммер того же мнения об этих Дадиках. (См. Wiegand Jahrbucher. T. III, стр. 25). Далее Риттер (Землевладение Азии. T. VII, стр. 714) отмечал, что Дионисий Перигетский, современник Нерона и Траяна (54-93 г. п. Р. X.), упоминает о них под именем Таслаи. Место это весьма замечательно, и мы приведем его в подлиннике из Firmin Didot, изд. Geogr. Gr. minor. T II стр. 168-170, стихи 1066 до 1070. Заметив, что Персия-страна обширная, окруженная горами и простирающаяся от Каспийских ворот до соименного ей моря и упомянув о Трифорийцах, Дионисий говорит: πρώτα Σαβαί, μετά τούσδε Πασαγύδαί, αὐχὲ δὲ Τασλαί т. е. первые Забы, после них Пасаргади, а потом Таски. Так как Дионисий, по-видимому, идет в этом перечне с Запада на Восток, то его Таски, или Таджики, приходятся самыми восточными. Это тем примечательнее, что в кн. VI, гл. 12 Согдианы, Птолемея, мы читаем, что Παολαί (Паолаи, стр. 119 ed. Ster. Lipsi, 1843 in 12?) жили под Океанскими горами (πρὸς τοῖς Ὠκείουσ ὄρεσι Παοχαί), так скорее всего эти Παοχαί произошли от описки переписчика, сделавшего Π из Τ, а Τασχαί есть, несомненно, самая правильная греческая транскрипция слова Таджики.

1. Геродот кн. III, § 91.

2. Геродот, кн. VII, § 61.

В своих комментариях и дополнениях Н. Ханьков пишет: «Кроме того тадж очень давно усвоено армянами в форме Тагх, из него они сделали таговур, слово персидское-венценосец»¹

Другим важным источником является сведение китайских исторических источников о таджиках и их стране обычаях и нравах.

Так, в «Исторических записках» (Шицзи, гл 123) написано, что князь Чжан Кянь во время правления Гянь-юань (140-135 гг. до н. э.), побывав в Даване (Фергане), Большом Юечжи, Дахи (Тахаристане) и Кангю (Хорезм) и отправил императору сообщение: «От Аньси на запад лежит Тяочжи, на север-Яньчай и Лигань. Тяочжи лежит за несколько тысяч ли от Аньси на запад, близ западного моря. Климат жаркий, почва влажная; занимаются земледелием; сеют рис. Много небольших владетелей, которые, хотя зависят от Аньси, но считаются иностранным владетелями»²

Когда описывается событие 121 г, говорится о том, что были направлены послы в Анси (Парфию), Янчай, Лиган (Рим), Тяочжи и Шеньду³.

В истории старшего Дома Хань (Цяньханьшу, гл. 95) написано: «Тяочжиская столица отстоит на сто дней пути и лежит близ западного моря. По теплоте климата и влажности почвы сеют сарацинское пшено. Много мелких владетелей Тяочжи в зависимости от Аньси, и владетель считается заграничным вассалом»⁴.

Вышеизложенное представляет интерес тем что, во первых, страна Тяочжи находилась к западу от Парфии и имела много мелких владетелей. Затем она была завоевана Парфией. Это совпадает со сведениями Бальями «История Табари», который писал «Начиная от р.Тигра и Исфахана и Ирака и Кухистана и Рая и Табаристана и Кермана и Хорасана до берегов Амударьи все являются землями племен со своими владетелями и старейшинами». Абурейхан Беруни в своем «Наследии минувших поколений» говорил что «Аршакиды были владетелями одной из областей, но другие племена им не подчинялись, и только за то, что они были иранского происхождения, их почитали»⁵.

Аршакиды правили примерно с 247 г. до н. э. до 226 н. э. Китайский путешественник Чжан Кянь, который посещал Парфию между 140-135 гг. до н. э. также описывал эти события. К 148-147 гг. до н. э. Парфия завоевала мелкие сопредельные владения, вплоть до Мидии. После это Митридат 1 получил звание Шаханшаха (царя царей).

В истории младшего Дома Хань (Хоуханьшу, гл 118) имеется такое сведение: «Тяочже, Аньси и другие государства до самого моря за 40 000 ли прислали с переводчиками дары Двору. В 9 лето, 97, Гань Ин, посланный от Бань Чао на запад, доходил до западного моря и возвратился»⁶.

В 56 г. до н. э. императором Китая был назначен правителем западных земель, Бань Юнь который писал «Тяочжиская резиденция стоит на горе, в окружности содержит около 40 ли; лежит близ западного моря, окружающего ее с трех сторон: с юга, севера и востока, и только с северо-запада лежит сухопутная дорога к ней. Климат жаркий, почва влажная. Водятся львы, носороги, зубры, павлины, страусы, яйца коих

1. Ханьков Н. В. Примечание к объяснению 2-ум главам 11-ого Риттерова подлинника: Жители восточного рубежа Ирана: аборигены и переселенцы – таджики. В кн. Риттер. «Иран», Санкт – Петербург, 1874, стр. 515. Также смотрите Ханьков Н. В. Записки по этнографии Персии. Москва 1977 стр.82-84. Её перевод Ханьков Н. В. Андешахой росъ ба тахкики мардуми Эрон. Душанбе, «Маориф», 1992, стр. 96.

2. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средний Азии в древние времена. Москва. 1958. Т. II. стр. 151-152.

3. Там же стр. 158.

4. Там же. стр. 182.

5. Бальями М. Таърихи Табари. Душанбе, 1992, стр. 392. Беруни А. Осор-ул-бокия. Душанбе, 1930, стр. 135.

6. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средний Азии в древние времена. Москва. 1958 стр. 217.

величиною с кружку. Отселе на север, а потом на восток еще через 60 дней конного пути лежит владение Аньси, которое впоследствии покорило Тяочжи и поставило главного военачальника для управления малыми городами»¹.

Первым китайцем, посетившем страну Тяочжи, был китайский посол в Дасине (Риме) Гань Инь (97 г до н. э.). Он добрался до большого моря, но так оно было беспокойным, вернулся обратно в Китай. В своих воспоминаниях о стране таджиков писал: «От Тяочжи на запад через 200 дней пути недалеко солнце заходит, что с настоящим повествованием не сходствует. Прежние китайские посланники доходили только до Угэ и возвращались; но до Тяочжи ни один не доходил»².

В истории Северной династии (Бейши, глава 97) о событиях VI-VII вв. приводится следующее «Босыский владетель имеет пребывание в городе Сули, от Ньюми на западе и это есть древнее государство Тяочжи; лежит от Дай в 24 228 ли... Босыскому владетелю прозвание Бо, имя Сы. Сидит на золотом престоле, представляющем брана; носит золотой венец; одевается в парчевый кафтан, вытканый в подобие епанчи, унизанный жемчугом и дорогими вещами. Мужчины стригут волосы, носят шляпу белой коже, рубашку, надеваемую с головы. Женщины носят длинные рубашки и большие епанчи на-распашку; волосы, у них наперед собраны в пучок и убраны золотыми и серебряными цветами; впрочем, спускают их на плечи в нитях из разноцветных шариков. Владетель, кроме главного дворца, имеет еще около десятка небольших дворцов в других местах, подобно загородным дворцам в срединном государстве. Ежегодно в четвертой луне он предпринимает путешествие по внешним дворцам, а в конце десятой луны возвращается. Владетель, по вступлении на престол, избирает из своих сыновей способного, в тайне записывает имя его и запечатывает, о чем ни сыновья его, ни вельможи не знают. По смерти его распечатывают письмо в общем собрании чинов, и тот, чье имя откроется в нем, вступает на престол, а его братья высылаются к должностям по границе и более никогда между собою не видятся.»³.

В Истории династии Суй (Суйшу, гл. 83) приводится: «Босыский Двор имеет пребывание на западной стране реки Дагэ в городе Сулинь. Это есть древняя тяочжийская земля. Владетель прозывается Кусахо... Владетель часто отправлял к китайскому Двору посольства с дарами. От столицы на запад до моря считается несколько сот ли, на восток до Му около 4 000, на северо-запад до Фолини 4 500, на восток до Гуа-чжеу 11 700 ли. Ян-ди [605 – 616] отправил в Босы посольство, с которым прибыло оттуда в Китай посольство с местными произведениями.»⁴.

Из вышеизложенного выясняется, что речь идет о событиях периода Сасанидов. Действительно в это время существовали две столицы. Одна из них называлась Ктесефон, и была переименована в Бех Ардашер, а другой была Истахр. Обычаи и традиции, приведенные в источнике, для изучения этнографии таджиков. Известно, что во времена Ардашира Бабакан, зороастрийская религия становится официальной религией, а мобади мобадан - вторым лицом в управлении государством.

Таким образом однозначно, что в китайских источниках страну Эраншахр до времени правления Сасанидов именовали как Тяочжи, т. е. таджиков. Во времена же правления Сасанидов ее называли как Босы, оговаривая, что это древняя страна таджиков, а Босы было воспринято от имени правителя-малика.

Анализируя литературу, посвященную возникновению слова таджик, Н. Ханьков подчеркивая, что «Таджик значит коронник, человек, носящий корону». Но, само

1. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Москва. Т. II. 1958 стр. 224

2. Там же стр. 227.

3. Там же. стр. 261-262

4. Там же стр. 288

собою разумеется, что здесь дело идет не о царском венце, а о том, который имеет такое важное и мистическое значение в Зороастром учении и коим, несомненно, прежде отличались последователи этой веры от неверных, подобно тому как христиане, доселе еще отличаются ношением креста, а мусульмане чалмою. Из всего этого, мне кажется, позволено заключить, что слово Таджик, как арабское слово салеби (крестник) или Бенусалиб (сын креста), как наше слово крестьянин, т. е. крестьящийся, носящий крест, крещеный, не было вначале именем этническим, т. е. именем какого ни будь отдельного племени, а просто означало всех последователей учения Зороастра. В течении веков вера эта была особенно усвоена Иранцами, поглотившими все чуждые национальности, исповедовавшие ее; это также несомненно, так как даже в классической древности в списке народов, населявших Персию, со времен Геродота и Дариевой надписи, мы беспрестанно видим эту внутреннюю племенную работу. Новые племена, то появляются, то исчезают, а общий этнический термин, Иран, постоянно и, во времена Сасанидов, входит уже в титул царей, повелевающих Ираном и противоположным ему, ан-Ираном. Самое географическое распространение этого имени ручается нам в справедливости этого объяснения. Всего более распространено это имя в колыбели Зороастра, или правильнее тем, где оно, впервые, сделалось государственною верою, в древней Бактрии и Согдиане. Действительно, в Бухаре и Авганистане. Таджик – всякий, считающий персидский язык родным. В Хорасане и Сеистане слово это уже теряет свое резкое, определительное значение»¹.

Из всего этого можно сделать вывод, что слово таджик является очень древним и восходит ко времени Зороастра. Это общее название арийских племен, которые были приверженцами зороастрийской религии. В период завоевания арабов, себя уже этим именем из-за страха не называли, а арабы именовали их словом Ачам(немой) и писали их под этим термином.

В конце XI века в исторической и художественной литературе стали заново использовать этноним «таджик» в качестве названия иранских народностей².

Миллер от имени автора «Нехзат-ул-Кулуб» Хайруллоха Мустафи (1340) приводит: в XIV веке население иранского происхождения Азербайджана назывались «таджиками», которые говорили на языке фарси и «озарском», пехлевийском, курдском, татском, тальшском говорах. По сведениям Хайруллоха Мустафи на западе Азербайджана в местечке Тасудж, на северном берегу озера Урмия, жили таджики. Также население Табриза в XIV веке, до принятия тюркского языка, были таджиками»³.

До XVI века, до времени прихода к власти Сефевидов в Иране, все народы иранского происхождения, говорящие на фарси, упоминаются преимущественно термином «таджик».

1. Ханьков Н. В. Записки по этнографии Персии. Москва, 1977. Её перевод Ханьков Н. В. Андешахи роъ ба таджики мардуми Эрон. Душанбе, «Маориф», 1992, стр. .

2. Более подробно смотрите Зехни Т. Калимаи «точик» дар осори гузаштагон.- в кн: Точик, тоҷдор. Душанбе, 1990 с. 637

3. Миллен Б. В. К вопросу о языке населения Азербайджана до отурчения этой области. Учёные записки. Т. 1. 1928, стр. 213.

СОДЕРЖАНИЕ

Таджики в сведениях зарубежных исследователей.....	3
Китайские источники о таджиках	7
Армянские источники о таджиках	12
Тибетские источники о таджиках	16
Юсуф Баласагунский. О таджиках	25
Вамбери Г. О таджиках	26
Карл Риттер. О таджиках	28
Риттер К. Таджики	30
Ханыков Н.В. О таджиках	34
Ханыков Н.В. Записки по этнографии Персии	42
Гребенкин А.Д. Таджики	65
Хорошхин А. Таджики	89
Соболев Л.Н. Таджики	93
Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи.....	95
Среднеазиатские народы	102
Миддендорф А.Ф. Очерки Ферганской долины	117
Кушелевский В.И. О таджиках	127
Ельницкий К. Таджики	129
Масловский С. Гальча	130
Семенов А.А. Горные таджики	141
Шишов А. Таджики	148
Масальский В.И. Таджики	194
Кузнецов П. О таджиках Ташкентского уезда	198
Кузнецов П. О таджиках Наманганского уезда	207
Андреев М.С. По этнографии таджиков	218
Бартольд В.В. Таджики. Исторический очерк	237
Бартольд В.В. Таджики. (Из «Энциклопедии ислама») ...	249
Гумилев Л.Н. О таджиках	251
Кадырбаев А. «Таджики» Китая: история и современность	257
Бобомуллоев С. Таджики в античных и китайских источниках	275

ТАДЖИКИ

(В ИСТОЧНИКАХ И ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ)

Составитель

Бобомуллоев Саидмурод.

Технический редактор

Фаридун Муродализод

Карректор

Воситова Надежда

Компьютерный набор

Маджлунова Комила

Верстка

Чонибек Махмудчинов

Сдано в печать 16.07.2013 г. Разрешено в печать 28.08.2013 г.

Формат 60x84 1/8. Гарнитура Литературная. Объем 35 п. л.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 500экз.

Заказ № 33/13.

Издательство «Истеъдод».

734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 36.

Тел.: 221-95-43. E-mail: istedod2010@mail.ru

ОТТЕСНЕНИЕ ТАДЖИКОВ В ГОРЫ с равнин Туркестана

Условные знаки:

- Отдельные изолированные группы таджик. оседл.
- ▨ Широкая заселенная таджикская полоса

